

Н.А.ИВАНОВ

ОСМАНСКОЕ
ЗАВОЕВАНИЕ
АРАБСКИХ
СТРАН

1516—1574

Российская академия наук
Институт востоковедения

Н. А. ИВАНОВ

ОСМАНСКОЕ
ЗАВОЕВАНИЕ
АРАБСКИХ
СТРАН

1516—1574

2-е издание, дополненное

Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
2001

УДК 94(100-87)

ББК 63.3(0)4

И20

Ответственный редактор
Л.Н.КОТЛОВ

Иванов Н.А.

И20

Османское завоевание арабских стран. 1516—1574.
Изд. 2-е, дополненное. — М.: Издательская фирма «Вос-
точная литература» РАН, 2001. — 287 с.

ISBN 5-02-018226-5

Второе издание книги Н.А.Иванова «Османское завоевание арабских стран. 1516—1574» (М., 1984) предпринято по ряду причин: оно посвящено 70-летию со дня рождения выдающегося ученого-востоковеда как дань уважения его памяти и является наиболее масштабным произведением ученого, не имеющим себе равных в российской и зарубежной османистике по широте охвата фактического материала, глубине и смелости научного анализа; написанная прекрасным литературным языком и легко читаемая книга уже давно стала раритетом, недоступным для широкого читателя.

В монографии освещается политическая история арабских стран в эпоху Возрождения, внешние и внутренние предпосылки османского завоевания, распространение туркофильства в арабском мире, а также роль османского государства в борьбе арабских народов против иностранного порабощения. На основе обширного фактического материала рассказывается о падении империи мамлюков и постальмохадских государств Северной Африки, их поэтапном включении в состав Османской империи.

Причину подобного развития событий автор видит в пресловутом мифе о крестьянской «правде», который проложил дорогу османскому оружию, а затем завоеванию арабских народов в политическом и социально-культурном отношении.

ББК 63.3(0)4

© Институт востоковедения РАН, 2001

© Издательская фирма

«Восточная литература» РАН,

оформление, карта, 2001

ISBN 5-02-018226-5

ОБ АВТОРЕ

Николай Алексеевич Иванов (1928—1994) — выдающийся русский востоковед, доктор исторических наук, профессор. Свыше 40 лет он являлся сотрудником Института востоковедения РАН. Николай Алексеевич оставил обширное научное наследие — более 100 работ*. Он был не только лучшим из современных русских историков-арабистов, но также крупнейшим специалистом по арабскому Магрибу и арабо-османскому обществу. Безупречная работа с источниками счастливо сочеталась в его трудах с прекрасным русским языком, который можно назвать исторической прозой.

Благодаря Н.А.Иванову в России возникло «тунисоведение» как специальная ветвь арабистики. Его монография «Кризис французского протектората в Тунисе» (1971 г.) — самый солидный в мировой литературе труд о Тунисе, являющийся образцом исторического исследования.

Опираясь на собственные изыскания в Тунисе, Франции и Германии, Н.А.Иванов разработал концепцию арабо-османского феодализма, предложил новое понимание специфики арабо-османской общины XVI—XVII вв.

«Арабо-османский» период в творчестве Н.А.Иванова завершился созданием великолепной работы «Османское завоевание арабских стран. 1516—1574» (1984 г.). Это монументальное исследование посвящено важнейшему периоду истории Турции, когда создавалась могущественная Османская империя.

Дальнейшие научные изыскания Н.А.Иванова были связаны с проблемами восточного деспотизма и традиционализма, модернизации арабских стран и изменения их социальной структуры, генезиса капитализма в арабском мире. Стремясь ответить на многие нерешенные вопросы отношений между Востоком и Западом, ученый работал над обновлением концепции нашей исторической науки.

* Полный список трудов Н.А.Иванова опубликован в книге «Московское востоковедение. Очерки, исследования, разработки. Памяти Н.А.Иванова» (М., 1997).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Включение арабских стран в состав Османской империи не было завоеванием в классическом смысле этого слова. Скорее это была смена власти, связанная со стремлением к социальному обновлению. В конце XV — начале XVI в. великие державы мусульманского средневековья находились в состоянии глубокого внутреннего разложения. Лишь тень прежнего величия сохраняли магрибинские преемники Альмохадов: Хафсиды, правившие в Тунисе, Беджайе (Бужи), Константине и Триполи, Насриды, кое-как державшиеся в Гренаде до 1492 г., и Абдальвадиды (Зайяниды), столица которых Тлемсен была лишь номинальным центром Среднего Магриба. Берберская держава Меринидов в Марокко окончательно распалась в 1465 г. Разоренные земли Ирака входили в состав грозного, но внутренне непрочного ирано-туркского государства Ак-Коюнлу. Только обширная империя мамлюкских султанов — Египет, Сирия, Палестина, Киликия, Барка (Киренаика), Нубия, Хабеш (прибрежная часть современного Судана, Эритрея и часть Сомали), а также вассально зависимые территории по Верхнему Евфрату, в Хиджазе, Йемене и других районах Южной Аравии — сохраняла видимость внешнего могущества. Мамлюкские султаны претендовали на ведущую роль в мусульманском мире и рассматривали свою столицу Каир как метрополию всего ислама, как центр истинного благочестия и науки, где соблюдаются заветы пророка Мухаммеда и великих мусульманских имамов. Они совершенно не замечали, что религиозный, политический и социальный иммобилизм порастил мамлюкское общество в не меньшей степени, чем другие арабо-мусульманские страны.

Между тем необратимые последствия хронического застоя во всех сферах материального производства, безжалостное расхищение природных ресурсов и массовые вторжения кочевников привели

ли к беспрецедентному упадку арабского мира, экологическому кризису, хозяйственному и демографическому регрессу и в конечном счете к падению производительных сил. Ничего, кроме руин, не осталось от сложных ирригационных систем Ирака, Сирии, Йемена, Египта и Ифрикии. Они были полностью разрушены, их секреты утрачены. Погибли цветущие города, селения и целые земледельческие области. В XI—XV вв. население арабских стран сократилось по крайней мере на три четверти. Материальные лишения, обрекавшие людей на животную борьбу за существование, постоянно нарушали социальное равновесие восточнофеодального общества. Они же порождали неутолимую жажду «правды», извечную мечту о всеобщей социальной гармонии, которая лежала в основе всех религиозно-политических движений в арабском мире.

В сознании масс эта мечта воплощалась в учении Мухаммеда, в небесно руководимом халифате, устроенном по истинному завету Божьему. Однако правящие круги арабских стран, по мнению народа, давно уже отступили от «пакта Аллаха». И действительно, они полностью утратили доверие масс и были совершенно неспособны вести их за собой. Новаторство, смелые решения давно уже уступили место интеллектуальному застою и косности. Призванные служить фундаментальным принципам ислама, правящие круги арабских стран были абсолютно равнодушны к официально исповедуемым ценностям. В глубине души они больше всего боялись обвинений в отступничестве и слепой преданностью традиции прикрывали отсутствие у себя каких-либо высоких идеалов. Инерция, а также глубоко укоренившаяся боязнь нового еще более сковывали инициативу правителей и обрекали наследников Салах ад-Дина и альмохадского Махди на мелочную и беспринципную борьбу за власть.

ЭКСПАНСИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ

Глубокий внутренний надлом ослабил мусульманское общество перед лицом внешнего врага. Религиозный антагонизм, прикрывавший различные пути развития Востока и Запада, в середине XV в. вновь резко обострился. Основным противником ислама по-прежнему выступало западное христианство. В эпоху Возрождения началась новая фаза в конфронтации двух противоборствующих систем средневековья. Католический мир, потрясенный падением Константинополя (1453 г.), переживал страх и ненависть, видя в исламе отрицание социальных и духовных ценностей Европы. Римская курия в ответ на клятву османского султана Мехмеда II, что он будет кормить овсом своего коня на престоле Св. Петра [21, с. 205], неустанно призывала к новому крестовому походу. И эти призывы находили достаточно широкий отклик в католических странах Европы, особенно среди дворянства (см. [118]).

В XV—XVI вв. основным очагом западноевропейской цивилизации, расцветшей между Эльбой и Тахо, были Италия и Испания, а также прилегавшие к ним земли Южной Германии, Прованс и Португалия. Именно они в эпоху Возрождения и Контрреформации олицетворяли тот «Запад», который вызывал особую ненависть мусульман и примыкавших к ним религиозно-политических движений. Соответственно на них легла основная тяжесть глобальной военной конфронтации. Одной из первых на призыв папы откликнулась Португалия. Опираясь на Сеуту, захваченную еще в 1415 г., Афонсу V Африканский предпринял крестовый поход против «мавров» Марокко. В 1458 г. ему удалось захватить Эль-Ксар эс-Сегир. Несмотря на тяжелое поражение под Танжером 12 января 1464 г., Афонсу V не отказался от своих планов. В 1468 г. португальский флот сжег и разрушил

Анфу (Касабланку) — самый цветущий город на Атлантическом побережье Марокко. В 1471 г. 30-тысячная армия крестоносцев захватила Арсилу и Танжер, присоединив к Португалии марокканскую провинцию Эль-Гарб («Заморская Алгарви»). Жуан II, затем Мануэл продолжали политику «священной войны». В 1505—1519 гг. португальцы взяли Санта Крус де Агер (Агадир), Сафи, Аземмур, Мазаган и Агуз, совершили нападение на Марракеш (1515 г.) — столицу Южного Марокко. В результате этих завоеваний они подчинили все западное побережье Марокко и установили протекторат над Дуккалой, Хаусой и другими равнинными районами приатлантической части страны, где правили вассальные канды из числа «мирных мавров».

На Средиземном море борьбу против ислама возглавила Испания. Мир, заключенный при капитуляции Гренады (1492 г.), оказался всего лишь кратковременным перемирием. Восстание испанских мусульман 1501 г., которое было поддержано из-за моря, привело к возобновлению «священной войны». Кардинал Хименес де Сиснерос — это «серое преосвященство» католических королей Фердинанда и Изабеллы, решил выйти за пределы Иберийского полуострова и нанести удар по морским базам мусульман в Северной Африке. Затеянный им крестовый поход начался 3 сентября 1505 г., когда испанская армада двинулась к берегам Алжира. 23 октября 1505 г. крестоносцы взяли Мерс-эль-Кебир. В 1506 г. под власть Испании перешла Мелилья, в 1508 г. — островная крепость Пеньон де Велес, закрывавшая вход в гавань г. Бадиса (Велеса), считавшегося морскими воротами Феса — столицы Северного Марокко. В 1509—1510 гг. испанский флот под командованием графа Педро де Наварро захватил Оран, Беджайю и Пеньон д'Архель — небольшой островок, запиравший выход из порта г. Алжир, который 15 января 1510 г. был вынужден признать сюзеренитет испанской короны. 25 июля 1510 г. после ожесточенного штурма крестоносцы взяли Триполи. При защите города, по данным Ибн Ийаса, погибло 40 тыс. муджахидов. Разгром испанцев на о-ве Джербе в 1510 г. временно отдалил завоевание Туниса, но не изменил положение в целом. В 1511 г. испанцам подчинились алжирские города Тенес, Делис, Шершель и Мостаганем. Наконец, в 1518 г., вмешавшись в борьбу претендентов, они навязали свой протекторат абдальвадидскому султану Тлемсена. Карл V, провозглашенный королем Испании,

затем императором Священной Римской империи, принял также титул «короля Алжира».

В восточной части Средиземного моря форпостом католицизма был о-в Родос — цитадель духовно-рыцарского ордена госпитальеров, или иоаннитов (орден Св. Иоанна Иерусалимского, основанный в 1113 г.). Флот ордена беспрестанно крейсировал в водах Леванта, захватывал и грабил мусульманские торговые суда, высаживал десанты на берегах Сирии и Египта. На рубеже XV—XVI вв. родосские рыцари значительно активизировали свои действия. В 1509 г. они совершили нападение на крупную приморскую крепость Эт-Тин (на Суэцком перешейке), а 21 августа 1510 г. у крепости Айас (в заливе Искендерун) разгромили мамлюкский флот, захватив 18 египетских кораблей.

Находясь под покровительством папы, иоанниты давали убежище христианским пиратам всех мастей и буквально терроризировали мусульман. Даже Венеция, имевшая на Востоке серьезные торгово-экономические интересы, была вынуждена поддерживать единый фронт католических держав и отказаться от военного сотрудничества с Египтом. В 1512 г. в инструкциях своему послу в Каире венецианский Совет десяти отмечал, что, «предоставляя султану материальную помощь, республика не добьется ничего, кроме утраты уважения в глазах христианства и самоизоляции» [83, с. 624].

Новая и совершенно неожиданная опасность для ислама возникла в 1498 г., когда, обогнув мыс Доброй Надежды, крестоносцы появились в южных морях. 20 мая 1498 г. корабли Васко да Гамы бросили якорь в Каликуте (Индия), обстреляв египетские суда, стоявшие на рейде. Португалия нанесла удар в самое сердце арабской торговли с Индией. Отсюда торговые артерии шли: одна — в Аден, Джидду, Суэц, Каир; другая — в Ормуз и далее через Басру в Халеб или Трапезунд. В не менее серьезном положении оказались также арабские города-фактории на восточном побережье Африки.

Португальцы появлялись внезапно, действовали беспощадно. Пытки, которым да Гама подвергал безоружных рыбаков, были лишь первым предвестием массового крестового террора. В 1500 г. Кабрал, еще один адмирал португальского короля, без всякого повода уничтожил в Каликуте 10 египетских судов. В 1502 г., захватив Килву (к югу от Занзибара), португальцы начали жесто-

кую необъявленную войну на берегах Аравии, Индии и Восточной Африки. В 1502—1507 гг. Васко да Гама, д'Альбукерке и другие прославленные адмиралы опустошали берега Индийского океана, захватывали и жгли торговые суда, в том числе с мусульманскими паломниками. Сотни людей погибли, тысячи были изуродованы. Португальцы без жалости отрезали носы у всех пленных женщин, носы и правую руку — у мужчин. В 1507 г. «франки» захватили о-в Сокотру и впервые появились на Красном море. В Омане крестоносцы взяли штурмом и сожгли города Кирьят, Маскат и Хорфакан, навязали дань Сухару и Ормузу.

В Каире царило беспокойство. Султан Кансух аль-Гури направил весь красноморский флот для борьбы с подданными короля Португалии, который получил от папы претенциозный титул «Повелитель мореплавания, завоевания и торговли Эфиопии, Аравии, Персии и Индии». В марте 1508 г. около Чаула (к югу от Бомбея) египетский флот под командованием Хусейна Мушриффа при поддержке кораблей Малика Айаза — правителя Диу, мамлюка русского происхождения, — нанес поражение португальской эскадре Лоренсо д'Альмейды. Однако 3 февраля 1509 г. в морском сражении у Диу египетский флот был полностью уничтожен. Португальцы стали хозяевами Аравийского моря и Персидского залива. В 1509 г. они разрушили Кальхат в Омане, опустошили берега Дофара. В 1515 г. правитель Ормуза был вынужден признать сюзеренитет Португалии и поддерживать ее экспансию в зоне Персидского залива. Бахрейн, Эль-Катиф и все побережье Эль-Хасы перешли в руки «франков». В 1527 г. они построили крепость в Маскате, закрепив свою власть над приморскими районами Омана.

В Красном море португальцев преследовали неудачи. В 1513 г. мамлюкам удалось отразить их нападение на Аден и Суакин. Ограничившись захватом о-ва Камаран, крестоносцы совершили всего лишь несколько пиратских рейдов. Для решительного удара по Египту у них явно не хватало сил. К тому же мамлюки восстановили красноморский флот и в 1515 г. поставили его под командование опытного османского адмирала Сальмана. Что касается бредовых идей д'Альбукерке отвести воды Нила и уничтожить Египет без войны, то они были чистойшей химерой. Едва ли большим реализмом отличались планы завоевания Хиджаза и святых мест ислама. «В Джидде и Мекке, — писал д'Альбу-

керке, — нет вооруженных людей, только отшельники; зато в стране пресвитера Иоанна полно людей и полно лошадей. Разве могут 3 тыс. мавров что-нибудь сделать с 500 конными португальцами? Если 500 не сделают, возьмите 1000. Мекку так легко уничтожить, что я думаю, что она уже уничтожена» (цит. по [126, с. 156]).

Из всех этих планов единственное, что чего-нибудь стоило, — это создание коалиции восточных государств, враждебных к мамлюкскому Египту. Союз со слабой христианской Эфиопией, этой таинственной страной пресвитера Иоанна, не решал проблемы. И в 1513 г. португальцы направили посольство к энергичному и безжалостному правителю Ирана Исмаил-шаху, бросившему вызов всему суннитскому исламу. Опираясь на кочевые тюркские племена Ближнего Востока, он поднял знамя шиитского экстремизма и встал во главе движения кызылбашей — воинствующей полусуфийской секты последователей знаменитого ардебильского шейха Сафи ад-Дина (1252—1334) — предка Исмаил-шаха и эпонима иранской династии Сефевидов. В 1502 г. Исмаил взял Тебриз, создав могущественную шиитскую державу, которая включала Иран, Азербайджан и Восточную Анатолию. В 1508 г. он захватил Багдад и присоединил к своим владениям Ирак, окончательно ликвидировав государство Ак-Коюнлу. В 1511 г. кызылбаша подняли восстание в Западной Анатолии, пытаясь «завоевать Османскую империю изнутри» [92, с. 195].

Массовый террор и бесчинства кызылбашей, особенно вождя анатолийского восстания Шах Кулу (царев раб), которого сунниты прозвали Шайтан Кулу (чертов раб), сеяли страх и ненависть в мусульманском суннитском мире. Приверженцы Исмаил-шаха разрушали мечети, жгли деревни, уничтожали дервишские обители и гробницы святых. К негодованию правоверных мусульман они изменили текст Корана, обвинили в святотатстве всех праведных халифов, кроме Али, и в довершение ко всему предали анафеме и объявили проституткой Аишу — любимую и самую почитаемую из жен пророка, с именем которой были связаны многие хадисы, положенные в основу суннитского шариата (см. [69, т. II, с. 176; 111, т. I, с. 122—123]).

Экстремизм кызылбашей вверх мусульманский Восток в кровавый водоворот религиозных войн и восстаний. С 1502 г. Египет находился на грани войны с Сефевидами. Разгром узбекских

войск Шейбани-хана при Мерве в 1510 г. вызвал в Каире панику. Ждали вторжения кызылбашских полчищ. В 1512 г. после вооруженных столкновений на Евфрате Сирия и Египет вновь замерли в ожидании войны с Исмаилом, который в доверительной беседе с португальским послом раскрыл свои планы захвата Мекки и вторжения в арабские земли, находившиеся под властью мамлюков (см. [121, с. 34]).

Султан Кансух аль-Гури, видимо, не знал о переговорах Исмаила с португальцами. Тем не менее мамлюки понимали, что угроза, шедшая с запада, юга и востока, все ближе подступает к Каиру. Из Гренады и Феса, из Туниса и Йемена, из Каликута, Камбея и других мусульманских центров Гуджарата, из Багдада и даже Грузии прибывали гонцы с просьбой о помощи и защите. Весь мир ислама находился в состоянии крайней тревоги. Ждали новых нападений «франков» и кызылбашей. В Сирии и Египте ловили иностранных лазутчиков и шпионов, перехватывали письма Исмаила на запад, как полагали, в Венецию. Египет лихорадочно вооружался. Формировались экспедиционные армии, строились крепости, восстанавливался флот. Повсюду искали оружейных мастеров, днем и ночью лили пушки. Сам султан присутствовал на артиллерийских учениях, лично инспектировал арсеналы и корабельные верфи.

Вооружаясь до зубов, Египет тем не менее не начинал войны. В течение почти ста лет мамлюки не встречались с серьезным противником. Создается впечатление, что они вообще отвыкли воевать. Мамлюкские воины отказывались нести службу в отдаленных крепостях, неохотно выступали в поход, бунтовали и бесчинствовали на улицах Каира, Дамаска и Халеба. Все это порождало чувство неуверенности. Мамлюки просто боялись начинать военные действия. В 1503 г. они уклонились от объявления войны Португалии, в 1509 г. — Сефевидам. Ничего, кроме заверений в солидарности, не получили мусульмане Испании и Северной Африки. Да и правители Гуджарата фактически были предоставлены самим себе.

Не решаясь воевать, мамлюки ничем не могли помочь жертвам европейской экспансии. Угрозы Каитбая и Кансуха аль-Гури разрушить церкви, закрыть святые места для западных паломников и репрессировать христиан не имели действия. Посольства на Запад Фра Мауро в 1504 и Тагрибирди в 1506—1507 гг. не дали ника-

ких результатов, если не считать выкупа пленных. Заключение в тюрьму в 1510 г. католических купцов и клириков (около 1 тыс. человек) и закрытие в январе 1511 г. храма Гроба Господня были всего лишь жестом бессильной ярости. К тому же через год с небольшим эти меры были отменены. В 1512 г., к изумлению правоверных мусульман, мамлюки приняли послов Исмаила.

УТРАТА ГЕГЕМОНИИ В МУСУЛЬМАНСКОМ МИРЕ

Неспособность мамлюков противостоять европейской экспансии окончательно подорвала престиж Египта как покровителя и защитника ислама. После громких побед Салах ад-Дина над крестоносцами, после отражения монгольского нашествия и войск Тимура правители Египта претендовали на главенствующее положение в мусульманском мире. Они носили титул «султан ислама и мусульман», а свое государство рассматривали как центр мусульманства, как Богом хранимую «землю халифата» («дар уль-хилафа»). Гегемонистские устремления мамлюков выражались также в их притязаниях на вселенский имамат в качестве истинных продолжателей дела Мухаммеда. При этом следует иметь в виду, что сама концепция халифата и верховной власти в исламе, как показали исследования В.В.Бартольда [4, с. 15–78] и Х.Гибба [77, с. 141–150], неоднократно изменялась на протяжении веков. По крайней мере со времен Айюбидов у суннитов вообще не было никакой общепризнанной доктрины халифата. «Предположение, что она существует, — говорит Х.Гибб, — не подкрепляется ни в сочинениях самих юристов, ни в психологии суннитского ислама» [77, с. 148].

В XIII–XVI вв. ашаритское учение о халифате, в частности концепция аль-Маверди (991–1058), утратило силу. В это время преобладали взгляды аль-Газали (1059–1111), Ибн Халдуна (1332–1406) и Джалаль ад-Дина Даввани (1427–1501), которые по-новому подошли к проблеме верховной власти в исламе. «Можно сказать, что начиная с этого времени, — пишет Х.Гибб, — общепризнанное учение о халифате считало, что халифат длился только в течение тридцати лет и что после этого был лишь имамат, к которому как бы из признательности прилагались халифские титулы» [77, с. 145].

Имамат, следовательно, рассматривался как осуществление верховной власти в исламе. Он принадлежал в соответствии со взглядами эпохи самому могущественному мусульманскому правителю (султану), который в качестве гази (борца за веру) мог защитить ислам от посягательств неверных. В качестве имама (религиозного главы) султан осуществлял функции светского и духовного руководителя общины. В случае благочестивого характера правления имамат мог восприниматься как халифат, т.е. как праведное мусульманское государство, где царит шариат, где правитель осуществляет, говоря словами В.В.Бартольда, правду Божью на земле [4, с. 43]. Понятие халифата, таким образом, приобретало не столько правовое, сколько моральное, оценочное содержание. Фактически оно сливалось с понятием праведного имамата и как бы оттеняло его благочестивый, истинно мусульманский характер.

В связи с этим сам термин «халиф» утратил значение носителя верховной власти. По существу, он стал своего рода почетным титулом или званием, которое присваивалось наиболее заслуженным правителям, пользовавшимся «известностью как защитники ислама и шариата, покровители наук и искусств» [4, с. 49]. Именно в этом смысле халифские титулы были приняты целым рядом суннитских правителей: Тимуром (1370—1405), его сыном Шахрухом (1405—1447), делийскими султанами Индии, узбекским ханом Шейбани (ум. в 1510 г.) и т.д. Османские гази и султаны, по крайней мере со времен Мурада I (1360—1389), также носили халифскую титулатуру [123, с. 21], что помимо хроник засвидетельствовано архивным и эпиграфическим материалом (см. [77, с. 146—147]).

Наличие сравнительно большого числа сильных, независимых и самостоятельных мусульманских правителей, величавших себя имамами и халифами, отнюдь не исключало в сознании мусульман единства уммы (мусульманской общины). Независимо от политических границ земля ислама всегда воспринималась как единое целое, где мусульманин «повсюду находился под сенью своей веры, встречал того же Бога, те же молитвы, аналогичные законы и схожие обычаи» [25, с. 14]. Эта единая земля ислама должна была иметь единого вождя и наставника. Им считался самый авторитетный и самый могущественный мусульманский правитель, власть которого признавалась в Мекке и Медине — священных городах ислама. Он должен был представлять и защищать интере-

сы всех мусульман, оказывать помощь паломникам и проявлять заботу о священных городах, где его имя чеканилось на монетах и читалось в пятничной хутбе. Глава мусульманского мира выявлялся путем пробы сил. Его главенствующее положение, как неоднократно подчеркивал В.В.Бартольд, «определялось исключительно степенью его могущества и характером его правления» [4, с. 43, 51, 77]. Никакие другие «права», включая происхождение из племени курейш, не принимались во внимание.

С конца XII в. главенствующее положение в мусульманском мире, как уже отмечалось, занимали правители Египта. Их титул «султан ислама», по словам В.В.Бартольда, сливался с понятием об «имаме» и «халифе» [4, с. 77]. Они руководили хаджем, покровительствовали священным городам и имели исключительное право отправлять махмаль (паланкин) со священным покрывалом для Каабы — символ первенства в средневековом исламе. Осуществление этих халифских прерогатив подчеркивалось у них особым титулом: «хадим аль-хурамейн», т.е. «служитель обоих священных городов». Впервые он был принят Салах ад-Дином во время конфликта с аббасидским халифом ан-Насиром [100, с. 899]. С самого начала этот титул противопоставлялся халифскому сану, по меньшей мере был равен ему и означал духовный приоритет «султана ислама».

Роль мамлюкских султанов как вселенских руководителей ислама подчеркивалась также наличием в Каире четырех верховных кадиев (или шейх уль-исламов) по числу признанных суннитских мазхабов, а также покровительством, которое они оказывали потомкам аббасидских халифов, нашедшим убежище в Египте. Вопреки существующему в литературе мнению аббасидские халифы никогда не были в противовес султанам духовными руководителями мусульманского мира, «тем же, чем был римский папа для католической Европы» [4, с. 35]*. Халифы никогда не возглавляли какой-либо особой духовной организации и вообще не имели никаких религиозных функций или полномочий. В лучшем случае они выступали в роли протокольного главы мусульманской общи-

* Эта точка зрения нашла отражение в трудах В.В.Бартольда, а также в работах Ван ден Берга и Жоржа Марсэ. Ее ошибочность вскоре показали Т.Арнольд, М.Годфруа-Демомбин и Прич, подчеркнувшие абсолютную неразделимость в исламе светского и духовного начал (см. об этом [125, с. 244–245]).

ны, олицетворяя истинное благолепие и чин. Они присутствовали на церемониях, приводили к присяге новых султанов и вместе с шейх уль-исламами ежемесячно поздравляли их. Тем самым Аббасиды как бы символизировали преемственность верховных начал в исламе, подчеркивали исключительность Египта как «земли халифата» и придавали блеск легитимности гегемонистским устремлениям мамлюков.

Султанов Египта совершенно не беспокоило то, что имелись другие халифы, в том числе курейшитского происхождения, и тем более принятие халифских титулов правителями дружественных мусульманских государств. Явно не без их ведома в пятничной мечети Медины на виду у паломников всего мира была сделана надпись в честь османского султана Баязида II (1481—1512), в которой он именуется «мауля-на амир аль-муминин ас-султан аль-малик аль-музаффар» («владыка наш, повелитель правоверных, султан, непобедимый король») [77, с. 146]. В противоположность этому мамлюки крайне ревниво оберегали свое исключительное право на титулы «султан ислама» и «хадим аль-хурамейн». Ради них они не останавливались даже перед угрозой вооруженного конфликта. «Суть дела в том, — писал, выражая их интересы, аз-Захири (1372—1468), — что поистине на титул султана имеет право только владетель Египта, да поможет ему Бог; он теперь стоит выше всех царей и самый благородный из них, вследствие достоинства главы первых и последних и вследствие того, что эмир правоверных почтил его вручением ему султанства на законном основании, согласно постановлению четырех имамов (т.е. главных представителей четырех правоверных мусульманских толков)...» (цит. по [4, с. 41]).

Претензии мамлюков на вселенский имамат были далеко не общепризнанны. Наиболее могущественные мусульманские правители XIV—XV вв. выступали против их главенства, включая право на покровительство священным городам. Это было причиной целого ряда конфликтов, связанных с отправлением священного покрывала для Каабы, а по сути дела, отражало борьбу за лидерство в мусульманском мире. Тимур — этот жестокий «мститель за преступления против религии» [4, с. 47], его сын Шахрух и целый ряд «нечестивых» султанов из туркменских династий Кара Коюнлу и Ак Коюнлу не признавали религиозного первенства Египта. Шахрух в 1429, 1435—1436 и 1443 гг., Узун Хасан

(правитель Ирана из династии Ак Коюнлу) в 1472 г. подвергли мамлюков резким нападкам и заявили о своих правах на покровительство священным городам. Каждое из этих притязаний грозило войной. «Однако, — пишет В.В.Бартольд, — исключительное положение египетских султанов, как покровителей священных городов, не было поколеблено на долгое время ни „халифатом“ Тимура, Шахруха и их преемников, ни туркменами Черного барана, ни сменившей их (во второй половине XV в.) династией туркмен Белого барана» [4, с. 52].

Положение изменилось в конце XV — начале XVI в. Со всей очевидностью выявилась неспособность мамлюков противостоять Западной Европе. «Султан ислама» оказался не в состоянии защитить жизнь, имущество и саму религию мусульман. Более того, как покровитель священных городов он не смог обеспечить безопасность хаджа. Сотни паломников, как уже отмечалось, попали в руки португальцев. Другие стали жертвой насилий бедуинов во время хиджазского восстания 1502—1508 гг. В 1503 г. Мекка подверглась разгрому, который современники сравнивали лишь с бесчинствами карматов. В 1506 г. впервые при мамлюкской власти хадж был временно остановлен. Мир ислама был потрясен. Со всей остротой вновь встал вопрос о том, кто может и должен считаться истинным имамом времени и главой мусульманского мира?

МОРАЛЬНЫЙ РАСПАД ОБЩЕСТВА

В течение трех веков мамлюки изображали свое государство как образцовую модель праведного мусульманского общества. Здесь, по утверждению мамлюкских улемов, соблюдались все принципы шариата и отвергались нечестивые новшества (бид'а), здесь царили благочестие и истинная вера, жили ученые, праведники и настоящие аббасидские халифы, которых «не перестает любить» народ. «И теперь, — писал ас-Суюти (1445—1505), — в разных странах есть цари, у которых больше силы и войска, чем у царей Египта, например в Персии, Ираке, Руме, Магрибе; но у них нет той веры, как в Египте, нет того соблюдения правил ислама, того распространения хадиса, сунны и науки; напротив, у них открыто действуют всякие новшества» (цит. по [4, с. 42]).

Действительность, однако, была очень далека от картины, нарисованной ас-Суюти. Большинство мусульман откровенно воспринимали Египет как страну беззакония. Абу-ль-Махасин ибн Тагрибирди (1411—1470) с горечью писал, что про Египет говорили, будто «его кадий — новоиспеченный мусульманин, его шейх — христианин, а его паломник — шпион» (цит. по [83, с. 570]). Иноземных гостей потрясала жадность египетской солдатчины, продажность чиновников и всеобщая погоня за легкой наживой. Неправый суд Египта был притчей во языцех. Верховные кадии и их многочисленные помощники имели прочную репутацию продажных дельцов. Суд рассматривался не иначе как состязание взяточдателей. Последние аббасидские халифы даже в записках Ибн Ийаса предстают как вздорные косноязычные интриганы, склонные к мелкому жульничеству и пресмыкательству перед властями. Все сверху донизу грабили казенные и вакфные имущества. Повсеместно злоупотребляли пивом, вином и гашишем. Сам султан Кансух аль-Гури однажды в сердцах обвинил помощников верховных кадиев в том, что они пьют вино, занима-

ются прелюбодеянием и расхищают имущества вакфов. В 1513 г. он приказал ловить на улицах пьяных факихов и подвергать их суровым наказаниям [51, т. 4, с. 343, 347].

Разложение зашло очень далеко и приняло необратимый характер. Зачарованные величием прошлого, правящие круги бездумно и слепо защищали идеалы, давно потерявшие для них привлекательность и жизненную силу. Они полностью утратили способность к творчеству, к смелому и новаторскому решению проблем. Вместе с созидательным началом они потеряли, говоря словами А.Тойнби, «магическую власть» [122, с. 5] над массами и соответственно социальный престиж, моральный авторитет и неформальное влияние в различных слоях общества.

Народ ненавидел правителей. Повсюду, как на Арабском Востоке, так и в Магрибе, простые люди считали, что шариат забыт, что на земле ислама нет больше правды и справедливости. В народных низах господствовало убеждение, что мусульмане остались без халифа. Что касается египетских Аббасидов, то это, по словам Кутб ад-Дина аль-Макки (1511—1582), был всего лишь пустой звук, «одно только имя (исм) без всякого смысла» (цит. по [4, с. 42]). Правители, по мнению масс, сбились с пути. «С тех пор как исчезли носители священного сана, — писал в 1526 г. Хасан аль-Ваззан аз-Зайяти (1489—1554)*, — государи приняли, как мы об этом уже говорили, тиранические меры. Им было мало узурпировать эти доходы целиком и тратить их по своему усмотрению. Они добавили к ним новые налоги, так что по всей Африке не найти, за редким исключением, крестьян, которые могли бы просто сберечь то, что им необходимо, чтобы одеваться и жить» [57, т. I, с. 239].

Праведные же мусульманские правители, говорил тот же Хасан аль-Ваззан, должны были заботиться о народе, взимать только дозволенные налоги и расходовать их для общего блага, в частности помогать бедным, больным, вдовам и вести войну с неверными [57, т. I, с. 238]. Забыв об этих заповедях, египетские и магрибинские султаны стали, по мнению благочестивых мусульман, узурпаторами и тиранами. «Среди всех государей Африки, — писал Хасан аль-Ваззан, — не найти ни одного, который стал бы

* Хасан аль-Ваззан аз-Зайяти (Лев Африканский) — испанский мусульманин по происхождению, длительное время жил в Северной Африке и Египте (см. о нем [62]).

царем или князем по выбору народа или был бы признан народом какой-либо провинции или города. Ни один земной владыка, кроме халифа, не может назвать себя законным по заветам Мухаммеда» [57, т. I, с. 235].

Во всех арабских странах царили нищета и голод. Даже в Великом Каире перебои с продовольствием были постоянным явлением. Этот огромный город, в три раза больше Парижа того времени, кишел нищими, калеками, наркоманами и проститутками. Среди всеобщего убожества особенно вызывающей была поистине восточная пышность мамлюкской знати. Правверных мусульман раздражала кричащая роскошь султанского двора. В Каире не без сарказма говорили, что даже пищу для бывших рабов готовят только в золотой посуде. Всеобщему осуждению подвергались певцы, рассказчики, поэты и музыканты, которые толпами стекались ко двору и благоденствовали за счет сирых и убогих [109, с. 190].

Благочестивые люди старались держаться подальше от правителей, которые уклонились от божьего пути. «Люди с добрым именем и хорошим положением в обществе, — сообщает Хасан аль-Ваззан, — стыдятся поступать на службу при дворе. Они даже не согласны, чтобы их дочери выходили замуж за людей двора» [57, т. I, с. 235]. Произошел беспрецедентный распад общества. Трудно представить себе большую глубину социального маразма, чем тот, который охватил арабский мир в конце XV в. Все слои общества отвернулись от правительства. Мусульмане Северной Африки не только утратили веру в своих официальных руководителей, но и стали рассматривать их как нечистоплотную клику узурпаторов. Осуществление власти воспринималось как позор, ее носители — как прокаженные, само общение с которыми было губительно для нравственно здоровых людей. «Из этого состояния вещей, — утверждал Хасан аль-Ваззан, — следует, что нет ни одного честного и образованного человека, который согласился бы поддерживать семейные отношения с мирскими владыками, есть с ними за одним столом и тем более принимать от них дары и подношения. И в самом деле считается, что имущества этих господ еще более нечисты, чем краденое» [57, т. I, с. 239]. Такие же настроения господствовали в Сирии и Египте. Абд аль-Ваххаб аш-Шаарани (1493—1565) — египетский суфий, в то время самый любимый и почитаемый в народе, писал, что,

«если человек получает пищу и питье от других, из вторых или третьих рук, он должен быть уверен в том, что и эти лица приобрели эту пищу или деньги, на которые она куплена, законным путем» [43, с. 170]. Поэтому он рекомендовал с особой осторожностью относиться к пище, предлагаемой «неверными, правительственными чиновниками и прочими порочными людьми» [43, с. 171].

Нечистоплотные правители, морально запятнавшие себя в глазах мусульманского общества, порождали ностальгически обостренные чувства тоски по истинному халифату, по тому царству «правды», где нет места произволу и беззаконию. В условиях всеобщей апатии это создавало почву для широкого распространения мистицизма, переходившего порою в самую грубую и наивную веру в чудеса, в неожиданных и неисповедимых спасителей.

ОСМАНОФИЛЬСТВО

Взоры исстрадавшихся мусульман все чаще обращались к растущей мощи «исламского халифата на Востоке» [44, с. 123], который, по их мнению, воплощался в божественно руководимой Османской державе. В XVI в. престиж османов был очень высок. Как на Востоке, так и на Западе было много поклонников турок, особенно среди угнетенной и эксплуатируемой части населения. На Балканах и в Венгрии, в Западной Европе и России «отыскивались, — говоря словами А.Е.Крымского, — большие группы людей, которые, каждая в силу далеко не одинаковых соображений и настроений, не только без ужаса помышляли о грозящей возможности турецкого нашествия и завоевания, но даже прямо желали этого» [22, с. 151].

В арабском мире наблюдалась аналогичная картина. В Магрибе крестьяне и жители городов воспринимали турок не иначе как покровителей и спасителей. Тунисский историк Ибн Абу Динар (XVII в.) с радостью отмечал каждую победу османского оружия [54, с. 164]. У арабского анонима XVI в., составителя «аль-Газават» — героического повествования о подвигах братьев Барбаросса, а также в кабилских народных песнях турки-османы предстают как защитники простых людей, как отважные и искусные воины, беззаветно сражавшиеся с врагами ислама. В кабилском фольклоре высшей мерой похвалы было сравнение с турком. На Востоке, в частности в Египте, преобладали такие же настроения. С течением времени они приобрели характер бездумной традиции, глубоко укоренившейся в сознании многих поколений. Даже такой египетский историк-аристократ, как Абд ар-Рахман аль-Джабарти (1754—1825), который от всей души ненавидел турок, отдавал дань этой традиции. «В начальную эпоху своего правления, — писал он, — они (османы. — *Н.И.*) были самыми лучшими из тех, кто стоял во главе уммы после халифов, ведомых правильным путем» [49, с. 21].

Туркофильство в арабском мире, как и в Европе, было основано на непомерной идеализации османских порядков. В грядущем приходе османов народ видел отрицание всех зол и пороков, присущих арабскому восточнофеодальному обществу. В противовес собственным правителям османы представляли как поборники правды и справедливости, как защитники шариата, которым Аллах дарует победу. Взятие Константинополя в 1453 г. и дальнейшие успехи турок объяснялись не иначе как божественным промыслом. Считалось, что сам Бог направляет оружие османов. «Турки, — писал Дм.Кантемир (1673—1723), — рассматривают божественное провидение как единственную причину побед и не придают никакого значения численности, искусству и доблести людей» [69, т. I, с. 270]. Многие, если не большинство, были убеждены, что турки находились под покровительством Всевышнего. Зачастую их просто рассматривали как орудие в руках провидения. Накануне османской оккупации в Каире часто говорили о вещих снах и видениях, предрекавших гибель мамлюкского султаната. О взятии Туниса в 1574 г., согласно народной молве, просил сам Сиди Махрез — святой покровитель города, который явился во сне Селиму II [59, с. 10], и т. п.

Как и в Европе, победы турок воспринимались как кара Божия, как возмездие неправым правителям. Даже Ибн Ийас (1448—1524), выходец из высшей мамлюкской аристократии, следующим образом заключил свое повествование о битве на Дабикском поле (Мердж-Дабик) в 1516 г.: «И было это в книге предначертаний. Никто: ни султан, ни его эмиры не проявляли беспристрастия и справедливости в делах мусульман. И воздалось им за их поступки и умыслы; и Бог всевышний предал их власти сына Османа, чтобы произошло с ними то, что случилось» [51, т. 5, с. 73].

Одним словом, считалось, что турки-османы осуществляли некую божественную миссию. В частности, они карали зло и несли справедливость. О народолюбии турок ходили самые фантастические легенды. В какой-то степени о них можно судить по туркофильской литературе Европы. «Турок» из одноименной драмы Г.Розенплюта (XV в.) защищал купцов и крестьян, «замученных до последней степени». Он неизменно выступал на стороне бедняков, которые кормили своим трудом господ, «получая взамен за это лишь новые тяготы» [22, с. 157]. Этот «турок» обещал

«реформировать и наказать аристократический мир» [12, с. 6]. В произведениях И. С. Пересветова, который наряду с Т. Кампанеллой (1568—1639) был одним из наиболее пылких туркофилов Европы, Мехмед II «с любовью обрисован, — по словам А. Е. Крымского, — как тип царя, который жестоко расправлялся с неправедными вельможами, но зато своей жестокостью к ним вводит в свою землю всеобщую справедливость» [22, с. 160]. И. С. Пересветов с восторгом рассказывает, как Мехмед II велел неправых судей «живых одирати», а на их кожах написать: «Без такие грозы не мочно в царство правды ввести» [30, с. 153].

Миф о народолюбии турок, беспощадно борющихся против князей, дворян и других угнетателей, сопровождался безудержной идеализацией османского общества и государства. Как подчеркивает Д. Н. Егоров, идеализировалось все: быт, нравы, обычаи, законы, весь политический строй [12, с. 9]. Держава Османов рисовалась как некая «справедливая и счастливая страна» [22, с. 157], где, «по всеобщему убеждению, нет социальной розни» [12, с. 10]. Недаром Т. Кампанелла — этот философ-утопист и социальный мечтатель — советовал подражать мусульманам и «ввести ряд реформ на турецкий манер» [12]. Стремление к переустройству общества по османскому образцу прослеживается также в проектах Ф. Альбергати, Л. Цукколо и других итальянских утопистов XVI — начала XVII в. (см. о них [40, с. 27 и др.; 41, с. 35—36]).

Народные массы едва ли не большинства феодальных государств Европы, особенно крестьянство, жаждали прихода турок и связывали с ними свои надежды на избавление от власти феодалов. «Многие требуют, — писал М. Лютер (1483—1546), — прихода турок и их управления». «Слышу я, — отмечал он в другом месте, — что есть в немецких землях люди, желающие прихода и владычества турок, которые хотят лучше быть под турком, чем под императором и князьями» (цит. по [12, с. 6]). Желание «быть под турком» было распространено также среди православного населения Речи Посполитой, особенно на Украине (см. [22, с. 155—156]), да и в целом ряде стран Средиземноморья.

В свете европейской туркофильской литературы XVI в. можно составить более конкретное представление о том, что имел в виду Ибн Ийас, когда говорил, что по Египту «ходили слухи о большой справедливости людей сына Османа» [51, т. 5, с. 162]. В этой же связи становится понятно, почему крестьяне Халебской

земли и других районов Сирии хотели установления турецкой власти, питая «склонность к сыну Османа за его справедливое отношение к райе» [51, т. 4, с. 463]. То, что дошло до берегов Рейна и Москвы, не могло не быть неизвестно в арабском мире. И не случайно в Мекке и Каире распространялись памфлеты и подметные листы, в которых прославлялись османы. В них говорилось, что мамлюкский султан — не мусульманин и что в его сердце нет ни малейшего чувства веры [51, т. 4, с. 282].

Не менее важным элементом туркофильской мифологии XVI в. была легенда об османской веротерпимости. На самом деле это была всего лишь попытка использовать в своих интересах антифеодальные и антикатолические движения Европы. В отличие от мамлюков османы активно вмешивались в европейские дела, пытаясь привлечь на свою сторону самые различные антиправительственные силы.

В православном мире, особенно на Украине и южнославянских землях, несмотря на страстную отповедь Максима Грека (1475—1556), широкое распространение получил миф о «блаженстве для христианской веры» в Турции*. В еврейских общинах XVI—XVII вв. наблюдался настоящий приступ османофильской эйфории. Евреи Европы рассматривали Османскую империю чуть ли не как рай на земле (см. [21, с. 213]). После пятого Латеранского собора (1512—1517) турки-османы выступили в роли активных покровителей Реформации. Они всецело «поддерживали протестантское дело и руководство, где это только было возможно» [95, с. 241]. В своих посланиях (намэ-и хумаюн) к «лютеранским беям Фландрии и других испанских вилайетов» османские султаны осуждали католицизм, «отвергаемый как исламом, так и лютеранством», и призывали вождей нидерландских гёзов координировать свои действия с морисками Испании и со всеми теми, кто борется против «папы и его мазхаба» [84, с. 19—20]. Варфоломеевская ночь 1572 г. и начавшиеся преследования во Франции гугенотов, турецких протезе, вызвали в Стамбуле серьезное недовольство и положили конец франко-османскому военному союзу.

На Ближнем Востоке турки-османы пользовались поддержкой еврейской общины и восточного христианства, в частности армяно-

* Подробнее см. работу А.Крымского «О „туркофильстве“ Европы и Московской Руси XVI в.», где, в частности, даются ссылки на «Палинодию» Захарии Копыстенского, «Пересторог» и другие памятники украинской литературы, а также на московскую «Книгу о вере» 1648 г. [22, с. 154—156].

григорианской и православной церкви. Христиане Сирии и Египта считали, что мамлюки во главе со своим «беззаконным» царем «Гавриилом» [18, с. 70] только и думали, как погубить церковь.

Даже в конце XVI в. среди православного населения сохранилось убеждение, что мамлюки были «злее нынешних турков» [18, с. 60]. И это не случайно. Османам действительно удалось привлечь на свою сторону христианские общины Востока. Мамлюки, и надо сказать не без оснований, обвиняли Селима I в том, что под «фальшивым знаменем ислама» он вел на мусульманские земли свои несметные полчища, среди которых «много христиан-армян и других». Известно также, что «языком большей части турецкой армии был славянский» [4, с. 60, 61]. При этом спахии (всадники) нередко сохраняли свою православную веру.

Многочисленные легенды о веротерпимости и народолюбии турок были распространены повсеместно и привлекали к ним сердца угнетенных и обездоленных. Однако наиболее важным элементом пресловутой «махметовой прелести», как ее называли на Руси [10, с. 42], был миф о крестьянской «правде». Османские сановники, в большинстве своем сами выходцы из крестьян, везде и всюду заявляли о себе как о защитниках интересов простых тружеников земли. При этом они не скупились на самые эффектные жесты. Сулейман Великолепный (1520—1566), например, требовал от своих пашей «обращаться с нашими подданными так, чтобы крестьяне соседних княжеств завидовали их судьбе» [13, с. 144]. Селим I (1512—1520), вступив в Египет, раздавал мясо народу, освободил феллахов и городскую бедноту от трудовой повинности в пользу армии, возложив ее на айянов и зажиточную часть населения [51, т. 5, с. 191, 205 и др.]. Свои стихи, высеченные у кирского ниломера, он смиренно подписал: «Хадим аль-фукара Селим» («Служитель бедняков Селим») [111, т. I, с. 382].

Османь нарочито жестоко преследовали любые проявления неуважительного отношения к крестьянскому труду. Бартоломео Георгиевич во время персидского похода 1533 г. «видел спахия, обезглавленного вместе со своим конем и слугой, потому что конь, оставшись без привязи, забрел на чье-то поле» (цит. по [104, с. 109]). Не менее жестоко турки расправлялись с кочевниками. «Турецкий фактор, — отмечает современный тунисский историк Т.Башруш, — вклинился таким образом в давний структурный антагонизм между этими образами жизни» [59, с. 10]. Ненависть

к бедуинам не могла не усиливать проосманские настроения арабского крестьянства. Его тюркофильство, говоря словами Т. Башруша, «было равно лишь его бедуинофобии» [59, с. 10].

Ставка на союз и поддержку крестьянских масс была одной из наиболее четких констант османской политики XVI в. Выступая против войны 1578 г. с Сефевидами, великий везир Мехмед-паша Соколу (Соколович) в качестве решающего аргумента выдвинул настроения крестьянства.

На заседании имперского дивана Мехмед-паша, по словам османского историка Ибрахима Печеви (1574—1650), заявил: «Крестьяне будут страдать от поборов и набегов армии, и даже если Персия будет завоевана, ее крестьянство не согласится подчиняться нашей власти» [95, с. 45].

В арабских странах крестьянство было на стороне османов. Во всяком случае, можно смело утверждать, что его подавляющая часть хотела «быть под турком». Иначе невозможно объяснить, почему крестьяне Сирии и Палестины еще до начала военных действий «подчинились» османам и прославляли их в пятничных молитвах [51, т. 4, с. 463], почему они перед битвой на Дабикском поле помогали туркам тащить пушки, боеприпасы и пр. Иначе трудно понять, почему феллахи Египта в конце 1516 г. отказались платить налоги [51, т. 5, с. 133] и при вступлении османских войск в страну благословляли Селима I [51, т. 5, с. 141], почему в Тунисе крестьяне рыли траншеи и переносили грузы османской армии, почему в Алжире они пополняли отряды османских военачальников, составляя их основные контингенты.

Недоверие и даже враждебное отношение к туркам помимо правящих кругов питали только бедуины и представители имущих классов. Они, собственно, и были единственными, кто оказывал сопротивление османам. Они ненавидели смрадное османское мужичье. Для высших слоев мамлюкского общества, привыкших к роскоши и утонченной культуре, Селим I был варваром. Он не понимал ни тонкого обращения, ни истинного достоинства людей. Захватив Египет, он, по словам Ибн Ийаса, не пошел по стопам прежних султанов. «Ему, — писал Ибн Ийас, — был неведом чин (низам), ни ему самому, ни его везирам, ни его эмирам, ни его солдатам. Все они были хамским сбродом, не отличающим слугу от хозяина» [51, т. 5, с. 162].

Несмотря на это, всеобщее пристрастие к османам самым роковым образом отразилось на настроениях и чувствах правящего

класса. В его среде не было единства. Многие из них считали, что турки-османы действительно защищали ислам, что они на самом деле были поборниками правды и истинного шариата. Все это создавало в верхах атмосферу неуверенности и колебаний. Правители сами утратили веру в правоту своего дела, и это не могло не сказаться на исходе их борьбы с османами.

ИСТОКИ ОСМАНО-МАМЛЮКСКОГО КОНФЛИКТА

В исторической ретроспективе мамлюкское и османское государства во многом походили друг на друга. В обоих господствовали отношения, характерные для восточного феодализма (см. [16, с. 54—66; 2, с. 40—47; 11, с. 4—8 и др.]). Оба представляли собой военные теократии*, выступавшие под флагом правоверного суннитского ислама. В течение длительного времени между ними не было никаких политико-идеологических разногласий, тем более торговых или других экономических противоречий. До падения Константинополя в 1453 г. османские правители признавали религиозно-политический приоритет мамлюков как вселенских руководителей ислама и отводили себе скромную роль «фронтowych беев» («уч бейлери»), защищавших общие границы всех мусульман. Мамлюки, со своей стороны, рассматривали их действия как часть общемусульманского дела. Взятие Константинополя было отмечено в Каире как победа всего мусульманства.

* Термин «теократия» ни в коем случае нельзя сводить к весьма условному и упрощенному толкованию, к сожалению получившему распространение, а именно как формы правления, при которой власть принадлежит жречеству, церкви или какой-либо иной религиозной корпорации. В исламе нет такой корпорации, и тем не менее исламское государство, как никакое другое, наиболее полно и адекватно отражает прямой смысл и значение этого термина: «власть Бога», ибо, согласно исламу, единственно законной может быть только власть, основанная на кораническом послании и заветах Мухаммеда — посланника Божьего, т.е. исходящая непосредственно от Бога. Согласно шариату, Бог — единственный источник верховной власти, которому она призвана служить. К тому же надо иметь в виду, что при нераздельности в исламе светского и духовного начал всякое осуществление власти мусульманским правителем на основе шариата неизбежно приобретает религиозный характер, а сам глава государства — функции верховного религиозного руководителя.

Положение в корне изменилось после 1453 г. Обмен посольствами и торжества по случаю взятия Константинополя оказались последними проявлениями осmano-мамлюкского согласия. Правители Каира с тревогой заметили, что на их границах выросла мощная и динамичная мусульманская держава, идущая собственным путем. Их беспокойство стало усиливаться, когда в Стамбуле (Константинополе) — новой столице Османской империи возобладало стремление изменить всю систему отношений, сложившихся в исламе, и даже занять в нем руководящее положение. Ранее «фронтальные беи», как отмечают мамлюкские авторы, никогда не носили титулов «царь» («малик») или «султан» (см. [51, т. 5, с. 365]). Они ограничивались званием «гази» («борец за веру»). В переписке мамлюкские султаны величали их «эмир» («князь») или «хундакяр»*. Теперь же Мехмед II первым из рода Османа, подчеркивает Ибн Ийас, принял титул «султан» [51, т. 5, с. 364] и стал претендовать по крайней мере на равное положение с правителями Египта.

Принятие султанской титулатуры символизировало переход Османов к великодержавной политике. Оно должно было подчеркнуть новую мировую роль османского государства. Апологеты великодержавия изображали Мехмеда II как самого великого мусульманского правителя со времен четырех праведных халифов. Сам он считал себя наследником Рима. Один из его греческих панегиристов, некто Георгий Трапезунтис, назвал его «императором римлян». Мехмед II, по словам современного турецкого историка Х.Иналджика, стремился объединить в своем лице мусульманскую, турецкую и римскую традиции вселенского суверенитета, а Стамбул сделать центром новой мировой империи [92, с. 56, 57].

Великодержавная политика Мехмеда II привела к резкому ухудшению осmano-мамлюкских отношений. Борьба за гегемонию, прежде всего за первенство в мусульманском мире, стала основной и главной причиной осmano-мамлюкского конфликта. Отношения еще более осложнились из-за слухов об арабском происхождении династии Османов (из некоего хиджазского племени вади-ль-сафра) [51, т. 5, с. 364] и постепенного распространения османофильства, грозившего опрокинуть все здание мамлюкского общест-

* Происхождение и точное значение термина «хундакяр» или «хункяр» не выяснено в современной историографии. Одно из толкований см. [4, с. 61].

ва. Объективно османы дали альтернативу моральному и социальному кризису, охватившему арабский мир в XV в. Более того, добываясь симпатий крестьянства, они восстановили против себя привилегированные слои общества и придали всему конфликту черты классового антагонизма.

При отсутствии фундаментальных разногласий национального, расового или религиозно-догматического характера непомерно большое значение как символы противоборствующих сторон приобрели различного рода второстепенные вопросы, в том числе обычаи, привычки и вкусы населения. Почти все мамлюкские авторы обвиняли «царей Рума» в излишне терпимом отношении к различного рода еретическим новшествам (бид'а). Османы действительно покровительствовали дервишам и суфийским подвижникам. Фактически они интегрировали дервишский культ в общую систему религиозной жизни. Мамлюки сами снисходительно относились к суфизму. Под напором снизу они были вынуждены допускать дервишские радения, строить завии и оказывать почести руководителям религиозных братств. Однако в одном случае они оставались непреклонны. До самого конца они держали под запретом произведения Мухи ад-Дина Ибн аль-Араби (1164—1240) — великого андалусского теософа, оказавшего большое влияние на становление и развитие османской общественной мысли. Если в Каире его сочинения сжигались или смывались водой, то в Стамбуле и Конье благоговейно хранились и переписывались [43, с. 20—21].

Первым открытым проявлением осmano-мамлюкских противоречий был дипломатический скандал, разразившийся в 1463 г., когда османский посол отказался пасть ниц перед повелителем Египта. В 1464 г. борьба претендентов в Конье и вопрос о караманском наследстве привели к первому крупному политическому столкновению. Взятие Конье и присоединение Карамана в 1468 г. к османским владениям положили начало широкой конфронтации. Основной ареной борьбы стали буферные мусульманские государства Рамазанидов, правивших в Киликии (Малая Армения), и Зулькадиридов, правивших в Альбистане (Каппадокия). Каждая из держав поддерживала своих ставленников и протезе, снабжая их деньгами, оружием, а иногда и войсками.

Каир и Стамбул стали местами политического убежища для опальных сановников противоположной стороны. Многие из них

получали помощь для борьбы со своими правительствами. Контролируя жизненно важные для мамлюков торговые пути и источники стратегического сырья (как, например, корабельный лес), турки всеми средствами старались подорвать военный потенциал Египта. В частности, они чинили помехи для приобретения и доставки юных мамлюков, закупавшихся, как правило, на черноморских рынках. Дм. Кантемир считал это одной из главных причин османской активности в Крыму и на Кавказе, в том числе похода турок в 1484 г. в Черкесию, в ходе которого были разгромлены все основные центры пополнения мамлюкских дружин [69, т. II, с. 95].

Вооруженные столкновения 1483—1485 гг. с Ала ад-Дауле — зулькадиридским правителем Альбистана, призвавшим на помощь турецкие войска, привели к первой османо-мамлюкской войне 1486—1491 гг. Мамлюки трижды разгромили турок, но не добились решающего успеха. В 1491 г. при посредничестве Туниса был заключен мир. Турки отказались от притязаний на Альбистан и Киликию, которые было решено считать находящимися под покровительством священных городов Мекки и Медины, т.е. фактически под протекторатом мамлюков.

Мир 1491 г. был крайне непрочен. Под покровом мирных и внешне лояльных отношений продолжалось непрерывное соперничество двух держав. Распространение османофильства, усиление военной мощи Богохранимого государства, как официально именовалась Османская империя, и рост ее престижа как защитника всех мусульман чрезвычайно беспокоили мамлюков. Османские посольства с реляциями о победах рассматривались в Каире не иначе как демонстрация растущего могущества Порты. В отличие от мамлюков турки вели активную политику в Европе и все чаще вмешивались в европейские дела. В 1480 г. они на время заняли Отранто, затем оказывали содействие Неаполю и Милану в их борьбе против Франции и Венеции, являвшейся, кстати сказать, единственным европейским союзником Египта. В конце XV в. османы создали мощный флот. В войне 1499—1502 гг. с Венецией он показал неплохие боевые качества и способность противостоять лучшим европейским флотам. Мусульманские общины одна за другой ходатайствовали о помощи и покровительстве турок. В 1485 г. в Стамбул прибыло посольство из Гренады. Испанские мавры просили Баязида II «прийти им на помощь в качестве главы мусуль-

манской веры» [69, т. II, с. 96]. Порта решила не отказываться и летом 1486 г. отправила в Западное Средиземноморье османский флот. Турецкие рейсы под командованием Кемаль Али-паши (знаменитого Кемаль Рейса) опустошали берега Испании, Италии и Мальты. С этого времени османские эскадры и отдельные каперы непрерывно вели войну с морскими силами христианских государств.

Каждый новый успех турок оборачивался тяжелым поражением мамлюков, прежде всего умалением их престижа как «султанов ислама». Вследствие этого, как это ни парадоксально, наличие общего врага отнюдь не сглаживало противоречий между «братскими» суннитскими державами. Каждая из них действовала самостоятельно. Мамлюки не оказывали, да и не могли оказать, никакой помощи Османам в Европе и на Средиземном море. Турки отвечали им тем же. Лишь в 1511 г., т.е. два года спустя после злосчастного сражения у Диу, Баязид II передал в дар Каиру крупные партии оружия и военного снаряжения (300 мушкетов, порох, стрелы, 2 тыс. весел, канаты, якоря и пр.) для восстановления египетского красноморского (!) флота.

Еще более странный характер приобрели отношения двух держав на Ближнем Востоке. Начиная с 1502 г. мамлюки неизменно отказывались от всякого сотрудничества с турками в борьбе против Сефевидов — их общего врага. Османы были в более трудном положении, чем мамлюки, и последние могли бы оказать им более действенную помощь. Но именно здесь они решили прочить правителей Стамбула. Как глава суннитского ислама, Кансух аль-Гури был обязан не только «мечтать» [83, с. 631], но и предпринять поход против кызылбашей. Однако он предпочел занять позицию стороннего наблюдателя и оставил Богохранимое государство один на один с Сефевидами.

Не обращая внимания на растущую агрессивность Исмаила и его связи с португальцами, мамлюки, видимо, хотели спровоцировать конфликт между Ираном и Турцией. При этом они рассчитывали уничтожить одного врага руками другого, а затем выступить в роли спасителей суннитского ислама, а возможно, и наследников Османской империи. Во всяком случае, как явствует из записок Ибн Ийаса, они не сомневались в собственной военной мощи и в том, что турки не сумеют одолеть Сефевидов. В результате проблема борьбы с шиитским экстремизмом, как это ни

странно, стала камнем преткновения в отношениях двух суннитских держав. Она оказалась той последней каплей, которая переполнила чашу осmano-мамлюкских противоречий.

Мамлюкская политика третьего радующегося воспринималась в Стамбуле как неприкрытое проявление враждебности. Объективно она ослабляла позиции сторонников соглашения с Египтом и усиливала антима́млюкские настроения в османских правящих кругах. Они все более склонялись к тому, чтобы рассматривать мамлюков как своего самого главного и опасного противника. Именно эти круги, прежде всего янычарский очаг, привели к власти Селима I Явуза (Грозного), который 24 апреля 1512 г. занял трон Османской империи.

ПОХОД СЕЛИМА I. ПРИСОЕДИНЕНИЕ СИРИИ И ПАЛЕСТИНЫ

Со всей решительностью поставив вопрос о том, кто может и должен считаться истинным халифом и главой мусульманского мира, Селим I начал непосредственную подготовку к войне. В кратчайший срок он осуществил военную реформу, подавил выступления кызылбашей внутри страны и снарядил огромную армию. В мае 1514 г. она выступила в поход против Сефевидов. Одновременно в Каир прибыло османское посольство, еще раз предложив союз для борьбы с Исмаилом. Мамлюки отклонили это предложение и, верные своей политике, заняли выжидательную позицию. 10 июня 1514 г. военный совет в Каире решил направить в Халеб наблюдательную армию, которая нервировала обе воюющие стороны, но не сыграла никакой роли в развитии событий.

Двусмысленный нейтралитет Египта и провал европейского крестового похода, сорванного крестьянским восстанием 1514 г. в Венгрии, создали максимально благоприятную обстановку для осуществления планов Селима I. В сочетании с бесспорным превосходством турок в организации и техническом оснащении войск это предрешило исход кампании. 23 августа 1514 г. в сражении на Чалдыранском поле армия Сефевидов потерпела сокрушительное поражение. 5 сентября Селим I вступил в Тебриз — столицу шиитского Ирана.

Разгром кызылбашей, оставивших на Чалдыранском поле, по словам Ибн Ийаса, около 50 тыс. человек [51, т. 5, с. 361], был полной неожиданностью для мамлюков. Поражение Сефевидов потрясло Каир. Правители Египта не смогли скрыть своего разочарования и, к изумлению всего мусульманского мира, не праздновали победу над кызылбашами.

Чалдыранское сражение имело роковые последствия для мамлюков. Весной 1515 г. в Каир пришли первые известия о военных

приготовлениях османов. Армия и флот снаряжались для похода на Египет. В Стамбуле воцарилась атмосфера настоящего джихада. Война против мамлюков изображалась как непреложная обязанность каждого мусульманина. Турецкие улемы вынесли три фетвы, обосновывавшие религиозный и освободительный характер войны. В одной из них мамлюки изобличались как предатели ислама, оказывавшие помощь неверным (имелись в виду Сефевиды). «Кто помогает безбожникам, тот сам безбожник», — заявил великий муфтий Стамбула [4, с. 60]. Целью похода было объявлено освобождение угнетенных, а также защита мусульман от внешнего врага.

Османские войска были хорошо вооружены и оснащены. По крайней мере с середины XV в. они применяли тактические приемы, отработанные во время гуситских войн великим чешским полководцем Яном Жижкой (1378—1424). Подобно таборитам, они укрепляли свои позиции передвижными «крепостями» из связанных между собой телег. В борьбе с мамлюками особенно большое значение приобрели такие средства противоконной обороны, как шипы и железные крюки на веревках. С их помощью османские воины стаскивали на землю тяжеловооруженных всадников и подтягивали их к себе. Наконец, турки имели лучшую в мире артиллерию. В войсках Селима были новейшие медные пушки, которые ставились на телеги, запряженные парой волов.

Несмотря на то что османская армия состояла из представителей разных народностей и даже вероисповеданий, она была очень дисциплинирована и морально сплочена. Наряду с мусульманами в войсках было много христиан, в частности с Балканского полуострова. Славянская речь, по словам П. Джовио, звучала в большей части османской армии (см. [4, с. 61]). Были также армяне и греки. Однако всех их объединяло одно: их крестьянское происхождение. Все эти мужики в равной степени ненавидели мамлюков — праздных бездельников, которые, как говорил Селим I, давно уже не слышали звуков боевой трубы и предавались роскошной жизни в городах [121, с. 45].

В феврале 1515 г. турки напали на Альбистан. К маю они разгромили войска зулькадиридского правителя страны Ала ад-Дауле, находившегося под протекторатом мамлюков, а его голову доставили в Каир (июль 1515 г.). Это был дерзкий вызов, фактически объявление войны. Однако мамлюки не приняли его и сделали все

возможное, чтобы урегулировать конфликт путем переговоров. Любопытно, что мамлюкский совет, собиравшийся при каждом новом известии об агрессивных акциях Селима I, так и не принял в эти дни ни одного согласованного решения.

Разлад среди мамлюкского руководства отражал тяжелое морально-политическое состояние армии и страны. В апреле 1515 г. Кансух аль-Гури начал подготовку к войне, 3 октября объявил мобилизацию. Как и турки, мамлюки попытались придать войне религиозный характер. Они клеймили «царя Рума» за то, что он отстывает от веры и старины, в частности бреет бороду и вместо традиционной мусульманской одежды носит кафтан и большую чалму.

При широком распространении османфильства подобного рода обвинения не могли возбудить религиозного фанатизма. Армия и народ не видели оснований для конфликта и не хотели воевать. Более того, крестьяне саботировали мобилизационные мероприятия властей и делали все возможное, чтобы помочь османам. Измена таилась в каждой деревне и в каждом городе. В Египте весной 1516 г. феллахи бросали на полях необработанный урожай и разбегались целыми деревнями. В Каире портные и оружейники закрыли мастерские. На улицах раздавались угрозы и брань по адресу султана (см. [51, т. 5, с. 28, 31]). Еще хуже было положение в Сирии. Крестьяне не только саботировали мобилизационные мероприятия, но и переходили к прямым антиправительственным выступлениям. Многие деревни и целые районы не повиновались властям. 7 августа 1515 г., т.е. вскоре после событий в Альбистане, эмиры сообщили Кансух аль-Гури, что в Сирии разгорается крестьянское восстание. «Владыка наш, победоносный султан, — говорили они, — Халевская земля выскользнула из наших рук и перешла в руки сына Османа. Его имя читается там в хутбе; монета там чеканится с его именем». Из-за насилий и деспотизма набов, поясняет Ибн Ийас, большая часть райи Халеба и других земель встала на сторону сына Османа [51, т. 4, с. 463].

Вслед за населением антиправительственные настроения захватили армию. Во всех частях наблюдалось резкое падение дисциплины. Солдаты требовали денег, наград и мясных рационов. Они бунтовали и бесчинствовали на улицах. В декабре 1515 г. мятежные мамлюки кричали в лицо султану: «Почему ты не идешь по пути прежних царей и не покончишь с этой несправедливостью?» [51, т. 4, с. 485]. Большинство солдат явно не хотело воевать.

Около 1 тыс. магрибинцев — ядро мамлюкской артиллерии — вообще отказались от участия в боях. «Мы будем сражаться только с франками, — заявили они, — и не будем воевать с мусульманами» [51, т. 5, с. 137].

Настроения армии и страны усиливали разброд в правящих кругах. Целый ряд мамлюкских эмиров был казнен по обвинению в измене. Многие военачальники, в том числе Хайр-бек — наместник Халеба, сочувствовали османам и, возможно, поддерживали с ними негласные отношения. Даже среди личных советников султана, в том числе среди его наиболее доверенных лиц, как выяснилось впоследствии, были сторонники Селима I, которые информировали его о положении дел в Египте [51, т. 5, с. 76].

В сложившейся ситуации Кансух аль-Гури всячески оттягивал открытие военных действий. Даже выступив в поход в мае 1516 г., он не утратил надежды на мирный исход. Османская дипломатия всячески подогревала эти надежды и тем самым дезориентировала противника. Своей игрой она сохраняла инициативу за Селимом I, который до последнего момента имел возможность определить место и время для нанесения решающего удара. В июле 1516 г., т.е. в самый канун турецкого наступления, Кансух аль-Гури принимал очередное османское посольство, предлагавшее ему возобновить торговлю, в частности закупить большую партию египетского сахара. На радостях султан приказал шафиитскому шейху-исламу выступить с проповедью о благодеяниях мира [51, т. 5, с. 62].

5 августа 1516 г. османские войска перешли границу. Оставив торговлю сахаром, Кансух аль-Гури во главе 60-тысячной армии (в том числе 12—15 тыс. мамлюков) занял позиции к северу от Халеба, в одном дне пути от города [121, с. 46]. Здесь, на Дабикском поле (Мердж-Дабик), 24 августа 1516 г. началось одно из крупнейших сражений в мировой истории. Селим I больше всего боялся мамлюкской кавалерии. Свои войска и артиллерию он разместил таким образом, чтобы они в любой момент могли укрыться за цепями из связанных телег и древесными завалами и оттуда поражать противника. В начале сражения мамлюки без труда отбили атаки спahiйской конницы турок, уничтожив около 10 тыс. человек [51, т. 5, с. 69]. Но преодолеть древесные завалы и цепи телег не смогли. Более того, оказавшись под огнем янычар, они смешали свои ряды и начали отходить.

Узнав, что личные мамлюки султана находятся в резерве и не принимают участия в сражении, войска возмутились. Часть солдат отказались сражаться; правый фланг покинул позиции. Вслед за ним Хайр-бек, командовавший левым крылом, отвел свои войска. Турки бросились в атаку. К полудню, оказавшись под угрозой окружения, мамлюки дрогнули и обратились в беспорядочное бегство. Султан Кансух аль-Гури покончил с собой. «Говорят, что, убедившись в поражении, — пишет Ибн Ийас, — он принял яд из перстня, который всегда был при нем и, когда яд проник внутрь, он потерял сознание, упал с лошади и умер в одночасье» [51, т. 5, с. 70].

Известие о разгроме мамлюков послужило сигналом к восстанию в Халебе. Горожане уничтожили мамлюкский гарнизон и закрыли ворота города. Их примеру последовали Айнтаб и другие северные города. Ряд эмиров, высших сановников, халиф Мутеваккиль и три египетских шейх уль-ислама, находившиеся при армии, сдались на милость победителей. Четвертый — ханифитский шейх уль-ислам пытался бежать и по дороге был обобран бедуинами. Мамлюков охватила паника. Часть из них во главе с Хайр-беком в сентябре 1516 г. перешли на сторону османов. Остальные бежали. Многие загнали коней и побросали оружие. Оборванные, в чужой одежде, иногда совершенно голые, кто пешком, кто на ослах и верблюдах, мамлюки предстали перед жителями Дамаска [51, т. 5, с. 73]. Здесь их ждало новое разочарование. В городе царило безвластие. Предоставленные самим себе, они небольшими группами и в одиночку стали пробираться в Египет. Мамлюкская армия прекратила свое существование.

28 августа 1516 г. под приветственные крики горожан в Халеб вступил Селим I. На следующий день в пятничной хутбе он был провозглашен «Служителем обоих священных городов» («Хадим аль-хурамейн») [4, с. 68]. Тем самым он принял титул, который со времен Салах ад-Дина носили правители Египта, и утвердил себя в качестве духовного и светского главы мусульманского мира. По примеру мамлюков он стал именовать себя «султан ислама», или «падишах-и ислам». Таким образом, в течение одной недели Селим I решил все основные задачи войны: разгром мамлюков и установление османской гегемонии.

Осуществление Османами верховной власти в исламе практически сразу же было признано как в мусульманском, так и в хри-

стианском мире [4, с. 69, 71, 72]. Самое главное, оно было признано в Мекке и Медине. Уже в сентябре 1516 г. Селим I как покровитель хаджа давал указания о начале паломничества. В 1517 г. впервые в истории мусульманского мира махмаль со священным покрывалом для Каабы прибыл от имени Османов.

Присвоив права и прерогативы мамлюкских султанов как все-ленских руководителей ислама, Селим I в полной мере сохранил свою халифскую титулатуру. Более того, он придал ей новое звучание и вместе с тем новый смысл и значение. В своих посланиях к главам других мусульманских государств он именовал себя не иначе как «халиф Бога на его земле» [51, т. 5, с. 125; 111, т. I, с. 127; 4, с. 59]. На этом основании он требовал от них знаков внимания и признания своих сюзеренных прав, как это практиковалось во времена Багдадского халифата.

Селим I считал, что в мусульманском мире может быть только один глава и один истинный халиф. Существование «ручного» халифа в лице Мутеваккиля, видимо, не создавало никакой серьезной проблемы. Этот потомок Аббасидов горячо приветствовал вступление Селима I в Халеб и сразу же нашел в нем нового покровителя. В знак признательности он преподнес ему священные реликвии аббасидского дома: плащ и несколько волос из бороды пророка, а также меч халифа Омара*. Селим I был очень доволен. Он осыпал Мутеваккиля своими милостями, разрешил ему сесть рядом с собой, одарил деньгами и одеждой со своего плеча. В заключение он даже обещал ему вернуть Багдад [51, т. 5, с. 74].

Хотя встреча двух халифов протекала более чем гладко, само существование еще одного носителя халифского достоинства явно не соответствовало замыслам Селима I. «По-видимому, — говорит в связи с этим В.В.Бартольд, — было решено замолчать существование такого лица» [4, с. 63]. Во всяком случае, широкой публике о нем ничего не было известно. Он сопровождал Селима I в походе на Египет, находился с ним в Каире, но ничем не проявил себя как религиозный деятель. В отличие от мамлюков Османы не

* Впрочем, относительно времени передачи этих реликвий, которые до первой мировой войны хранились в мечети Эйюба в Стамбуле, существует несколько версий, в равной мере не подкрепленных источниками. Следует, однако, иметь в виду, что свидание в Халебе было единственной «протокольной» встречей Селима I и Мутеваккиля, зарегистрированной современниками.

нуждались в его «имени» и не стали возлагать на него никаких официальных обязанностей*.

Победа на Дабикском поле сделала нового повелителя правверных хозяином всей Сирии. Если исключить спорадические атаки бедуинов, то никто не оказывал сопротивления. Более того, население Сирии рассматривало его как избавителя от мамлюкского гнета и всячески содействовало османским войскам. Страна была охвачена восстанием. Триполи, Сафед и другие города Южной Сирии, Ливана и Палестины уничтожали мамлюкские гарнизоны, захватывали крепости и ниспровергали прежние власти. В сельской местности шла настоящая охота за мамлюками. Причем сирийцы проявляли больше рвения и жестокости, чем сами турки [121, с. 51]. При подходе османских войск они открывали им ворота крепостей и городов. 20 сентября 1516 г. Селим I вступил в Хаму, 22 сентября — в Хомс. В Дамаске произошло восстание. Городские ополченцы (зуар) захватили власть, разграбили дома франков, самаритян, а также видных улемов и богачей. Айяны Дамаска вместе с женами и детьми вслед за мамлюками покинули город [51, т. 5, с. 84, 106].

9 октября 1516 г. по устанным шелками улицам в Дамаск торжественно вступил Селим I. Здесь он принимал делегации из Триполи, Бейрута, Сайды и других сирийских городов, которые спешили засвидетельствовать ему свою лояльность. Сюда же прибыли друзские эмиры Ливана, перешедшие на сторону турок. В обмен на номинальное признание вассальной зависимости они сохранили свою внутреннюю автономию. 30 ноября 1516 г. турки подошли к Газе, завершив таким образом оккупацию Сирии и Палестины.

Через несколько дней после вступления в Дамаск Селим I созвал съезд представителей различных городов и местностей. Он происходил прямо под стенами города. Селим I внимательно выслушивал делегатов, разбирал конфликты и жалобы. Затем он произвел назначения на важнейшие государственные должности, сохранив в основном прежнюю структуру управления [121, с. 50]. В соответствии с пожеланиями сирийцев он уточнил и пересмотрел кануны (регламенты) Каитбая. Часть из них легла в основу османской административной и налоговой практики, часть упразднена. Селим I снизил налоги и торговые пошлины (с 20 до 5%), а

* О дальнейшей судьбе последнего из Аббасидов, халифат которых, по словам В.В.Бартольда, «прекратился сам собой», см. [4, с. 64—67].

главное, произвел коренное перераспределение земли. Были созданы комиссии, которые приступили к составлению новых канунов, к разделу и регистрации земель в соответствии с принципами османского землепользования. В большинстве случаев они завершили свою работу в течение двух-трех лет. Дефтер муфассаль (Подробный регистр) Халеба был готов в 1518 г., Триполи и некоторых других районов — в 1519 г. (см. [99, с. 149—155]). Одновременно с этим Селим I снял наиболее одиозные ограничения с местных христиан, евреев и венецианских купцов, разрешил им свободное отправление религиозного культа [121, с. 51].

Большое внимание Селим I уделял почитаемым в народе угодникам, мощам и местам поклонения. Сохранились легенды о том, как грозный завоеватель смиренно стоял в мечети Омейядов перед оборванным дервишем, не решаясь заговорить первым [111, т. I, с. 312]. По настоянию своих советников он совершил трехдневное паломничество в Иерусалим. Однако самую большую огласку получило посещение им могилы Ибн аль-Араби под Дамаском, где он распорядился построить великолепный мавзолей.

Селим I никогда не забывал о своей роли поборника шариата и справедливости. Он раздавал милостыню и всячески демонстрировал свою заботу о бедных, вдовах и сиротах. Запретив грабежи и насилия, он окончательно расположил к себе сирийского обывателя. Все источники практически единодушны в том, что Селим I встретил в Сирии исключительно доброжелательный прием, особенно со стороны земледельческого и торгово-ремесленного населения. Единственными, кто выступал против новых властей, были бедуины, мамлюки и городские айяны.

ПЕРЕХОД ЕГИПТА ПОД СЮЗЕРЕНИТЕТ ОСМАНОВ. ХИДЖАЗ

Селим I находился в Дамаске до середины декабря 1516 г. Исход войны был фактически предрешен. Оставалось как-то урегулировать отношения с мамлюками. Селим I не прочь был заключить с ними мир при условии, что они признают его в качестве халифа и служителя обоих священных городов. 16 декабря 1516 г. в Каир прибыло османское посольство, которое предложило мамлюкам признать себя вассалами османского султана. В случае согласия им предлагалось управлять Египтом от имени Селима I, чеканить его имя на египетских монетах, произносить в пятничной хутбе и платить дань как «во времена аббасидских халифов» [51, т. 5, с. 125].

Мамлюки, однако, никак не могли примириться с мыслью о поражении. Главное же, они считали для себя позором преклонить колени и стать вассалами какого-то хамского сброда, каким были в их глазах османские правители. 11 октября 1516 г. они избрали своим султаном Туманбая — 38-летнего племянника Кансух аль-Гури. Это был энергичный и отважный воин, воплощавший в себе лучшие качества мамлюкского рыцаря. Он думал только о победе и, естественно, отклонил предложения о мире. Османские послы, которые, по мнению мамлюков, вели себя слишком вызывающе, были убиты.

Продолжение войны стало неизбежно. Туманбай в короткий срок собрал и экипировал мамлюкские дружины, заручился поддержкой бедуинских шейхов и сформировал отряды наемников. Он постарался перенять все технические новшества османов, включая пушки, поставленные на телеги. В декабре 1516 г. было начато их производство [51, т. 5, с. 134]. Туманбай делал ставку на длительную и упорную войну. До весны он, видимо, намере-

вался изматывать противника в мелких боях. Для начала он решил прервать его коммуникации с Малой Азией [121, с. 52–53]. С этой целью в Палестину был отправлен 10-тысячный отряд мамлюков под командованием Джанберди аль-Газали — бывшего наместника Дамаска, участвовавшего в сражении на Дабикском поле. Однако 25 декабря 1516 г. в битве при Бейсане (Палестина) османские войска, которыми командовал один из лучших полководцев Селима I, Синан Юсеф-паша, наголову разбили мамлюков. Бросая веревки с крюками, османские воины стаскивали с коней мамлюкских рыцарей и добивали их топорами и ятаганами.

Основные силы османской армии выступили из Дамаска 16 декабря 1516 г. В течение 10 дней они пересекли Синайскую пустыню и в середине января 1517 г. появились в дельте Нила. В Бильбейсе Селим I обнародовал воззвание к крестьянству и народу Египта. Он обещал им амнистию, гарантировал неприкосновенность личности и имущества и заявил, что пришел воевать только с мамлюками [51, т. 5, с. 141; 92, с. 34]. Феллахи и городские низы с радостью приветствовали турок. Они повсеместно отказывались платить налоги, благословляли Селима I [51, т. 5, с. 133, 141], а затем помогали его воинам вылавливать скрывавшихся мамлюков. На стороне Туманбая были только бедуины, которым он за каждого убитого турка платил золотом, а также айяны, до конца сохранившие лояльность мамлюкам.

В создавшейся ситуации Туманбай предпочел отвести свои войска к Каиру. Около Риданийи (северное предместье мамлюкской столицы) были сделаны траншеи и палисады с гнездами для 100 артиллерийских орудий. Траншеи были усеяны противоконными шипами; батареи защищены телегами. Часть пушек и фальконетов была замаскирована песком. Одним словом, все как у турок на Дабикском поле. Не хватало лишь опытных военачальников и солдат. Туманбай зачислил в армию около 6 тыс. черных рабов, выпустил из тюрем уголовных преступников и роздал оружие богатым горожанам, из которых были сформированы отряды ополченцев (зуар). Всего было выставлено около 40 тыс. войск [69, т. II, с. 200], в том числе 20 тыс. мамлюкских и бедуинских всадников [51, т. 5, с. 144].

Боевой дух разношерстной армии Туманбая был невысок. Магрибинские артиллеристы и некоторые горожане вообще отказались идти на позиции. Да и среди мамлюков были скрытые сторонники

турок. Накануне боя Джанберди аль-Газали передал Селиму I исчерпывающие данные о диспозиции египетской армии и, что особенно важно, о расположении артиллерии.

Сражение при Риданийи произошло 22 января 1517 г. Войска построились в боевые порядки от Матарийи до Джебель-Ахмар; завязалась артиллерийская дуэль. Турки без труда подавили мамлюкские батареи, уничтожив большую часть египетских пушек. Полагаясь на информацию аль-Газали и пользуясь численным превосходством, Селим I совершил обходный маневр в направлении аль-Мокаттам и окружил армию Туманбая. Атаки мамлюкской кавалерии и бедуинов оказались безрезультатны. Со всех сторон, как «бесчисленная саранча» [51, т. 5, с. 145], османские солдаты двигались на позиции египтян. Туманбай со своими мамлюками проявлял чудеса храбрости, врезаясь в самую гущу врагов. Говорили даже, что в этот день он собственной рукой зарубил свыше 1 тыс. человек, в том числе великого везира Синан Юсефпашу [73, т. 1, с. 50]. Однако одолеть турок он не сумел. Оставив на поле боя около 25 тыс. трупов [82, т. IV, с. 306], египетская армия беспорядочно отступила и разбежалась. Османские войска заняли столицу мамлюкского султаната.

В ночь на 29 января 1517 г. Туманбай с группой мамлюков неожиданно ворвался в спящий Каир и поднял восстание. Завязалось уличное сражение. В течение трех дней происходили схватки на улицах и крышах Каира. Даже женщины и дети бросали камни и черепицу. Османские солдаты стреляли по окнам; пушками выбивали тяжелые двери каирских домов. Многие здания были подожжены. Погибло около 50 тыс. горожан [82, т. IV, с. 308]. К концу уличного сражения по призыву Селима I, объявившего аман, городская чернь выловила свыше 800 мамлюкских рыцарей, которые были публично казнены.

После подчинения Каира Александрия и другие города Нижнего Египта стали изгонять мамлюкские гарнизоны. Жители направляли к Селиму I депутации с выражением лояльности. Туманбай метался по Среднему Египту. Опираясь на бедуинские племена хаввара и мамлюков, прибывавших из отдаленных провинций Верхнего Египта, он продолжал оказывать сопротивление. Однако силы были неравны. К тому же бедуины, лихо грабившие феллахов, разбегались при первых залпах османской артиллерии. Между ними и мамлюками возникали трения. Бедуинские шейхи

считали дальнейшую борьбу бесполезной и стремились к соглашению. В марте 1517 г. в одном из сражений в районе Пирамид возникла ссора между бедуинами и мамлюками. В разгар боя бедуины попытались перейти на сторону противника, но были сметены огнем османских пушек [82, т. IV, с. 315].

Покинутый бедуинами, Туманбай прорвался на север, в Бухейру. 2 апреля 1517 г. около местечка Уардан (в 50 км к северу от Каира) он дал последний и самый безнадежный бой. Потерпев поражение, он нашел убежище в деревне Бута у своего личного друга Хасана ибн Мури — шейха одного из подразделений хаввара. Вопреки всем правилам пресловутого бедуинского гостеприимства Хасан ибн Мури нарушил клятву на Коране и выдал османам своего царственного друга. Через несколько дней шейхи бану бакр, властвовавшие в Шаркии, выдали туркам Шадибека — последнего мамлюкского эмира, который отказывался сдать оружие янычарам.

Война была закончена. 9 апреля 1517 г. в Каире поступила в обращение монета с именем Селима I — нового сюзерена Египта. Могущественная империя мамлюкских рыцарей прекратила существование. 13 апреля под аркой каирских ворот Баб Зуэйла как уголовный преступник был повешен последний мамлюкский султан Туманбай. «Это зрелище объяло ужасом египтян, — пишет Дм.Кантемир, — но для них это было предметом тайной радости; было видно, как этот народ, который длительное время скрывал ненависть к тираническому господству черкесов, толпами бежал к Селиму и обещал ему, как и всему роду Османов, вечную верность» [69, т. II, с. 205].

В мае 1517 г. Селим I созвал в Каире нечто вроде всенародного съезда. Наряду с османскими военачальниками на нем присутствовали египетские кадии, представители купцов, ремесленников и других слоев населения, в том числе еврейской общины [51, т. 5, с. 178]. Селим I изложил принципы новой политики и объявил о назначении на государственные посты. Структура управления не подверглась сколько-нибудь существенным изменениям. В Верхнем Египте власть была оставлена в руках бедуинских шейхов, в Нижнем и Среднем Египте — мамлюкских кяшифов, которые перешли на сторону Селима I.

Главные изменения касались социальной жизни. Прежде всего было произведено коренное перераспределение земель. Османы

уничтожили все формы мамлюкского феодального землевладения. Вступив в Египет, они отказались уважать земельные и имущественные права мамлюков. Они не признали их документов на икта и ризк, а также самих этих институтов [51, т. 5, с. 162]. Все налоги, собранные в 1517 г., были поделены между феллахами и мубаширами (управляющими), которых Ибн Ийас обвиняет в том, что они наложили руки на законные доходы мамлюков, их жен и сыновей (авляд ан-нас) [51, т. 5, с. 189, 194]. Летом 1517 г. при проведении первого османского кадастра в Нижнем Египте все мамлюкские икта и ризки отошли к казне [51, т. 5, с. 189, 194, 247, 292 и др.]. Более того, мубаширь и «разные негодяи», если использовать фразеологию Ибн Ийаса, посягнули на неприкосновенность вакфов и стали взимать налоги с вакфных имуществ мамлюков. В 1518 г. в результате «проверки» документов большинство вакфов и ризк аль-ахбасийя, принадлежавших мамлюкам и авляд ан-нас, официально перешли в руки государства. В июне 1522 г. аналогичные меры были проведены в Верхнем Египте [51, т. 5, с. 465]. Учреждение новых вакфов мамлюкам категорически запрещалось. Законными были признаны только те вакфы и ризки, доходы с которых полностью шли на религиозные цели [73, т. 2, с. 269]. Таким образом, все земли Египта, за исключением «законных» вакфов, были обобществлены и перешли в ведение казны. Отменялись также все налоговые льготы и иммунитеты, существовавшие в мамлюкскую эпоху [73, т. 2, с. 241].

В июне 1517 г. Селим I обобществил жилой фонд и городскую недвижимость Египта. Прежде всего были конфискованы дома и другое недвижимое имущество мамлюков [51, т. 5, с. 188—189], в том числе «то, которым они владели под ложным наименованием вакфов» [73, т. 2, с. 273]. Владельцам остальных домов предлагалось предъявить документы на правильность владения или учреждения вакфа. Если документы оказывались в порядке, то владельцам выдавались ифрадж — указы о праве пользования при уплате государственных сборов. В противном случае дома переходили в государственный жилой фонд и сдавались внаем «порядочным квартироръемщикам» [73, т. 2, с. 274].

Главным объектом внимания и забот новой власти были объявлены крестьяне, райя. Резкому осуждению подвергались любые проявления варварства и тирании, «губившие» феллахов. В августе 1517 г. перед отъездом из Каира Селим I опубликовал воззвание,

в котором заявил, что отныне никому не дозволяется притеснять феллаха или человека из простого народа (аль-авам) (см. [51, т. 5, с. 205]). Кадиям и наместникам предписывалось уделять их нуждам и чаяниям первоочередное внимание. Первым вопросом на каждом заседании египетского дивана, заявлялось в Канун-наме Миср (текст [60, с. 355—387]; перевод [73, т. 2, с. 195—278]), должен быть вопрос о положении райи [60, с. 378; 73, т. 2, с. 247]. Любое покушение на имущество феллаха, даже простое стремление поживиться за счет крестьянства, рассматривалось в Канун-наме Миср как тяжкое преступление и в большинстве случаев каралось смертной казнью. Кадиям поручалось внимательно рассматривать жалобы крестьян, особенно связанные с их материальными интересами. Оттяжка в рассмотрении жалоб или безосновательные решения в пользу власть имущих грозили кадию тюремным заключением [73, т. 2, с. 262].

Селим I отменил «незаконные» налоги и поборы (аль-магарим) с населения [49, с. 20], ограничил денежные штрафы с крестьян и упразднил практику «подарков» (деньгами и натурой) в пользу князей и других должностных лиц, которые проезжали через деревню [60, с. 361, 373—374; 73, т. 2, с. 199, 233—234]. В июле 1519 г., к радости толпы, как пишет Ибн Ийас, были установлены твердые цены на товары [51, т. 5, с. 304]. В декабре 1521 г. было введено новое соотношение между серебряной и золотой монетой. В результате налоги и долговые обязательства сразу же уменьшились ровно в два раза. Прежнее соотношение было восстановлено лишь в сентябре 1523 г.

Много внимания новые власти уделяли заселению покинутых деревень и защите крестьян от бедуинов. В Канун-наме Миср устанавливалось, что каждый, кто принесет голову бедуина-налетчика, имеет право на его коня, оружие и одежду [73, т. 2, с. 202]. Ибн Ийас приводит многочисленные примеры преследования бедуинов. За нарушение османской законности у них отбирали верблюдов, коней, рабов, а также оружие, ткани и драгоценности. Их жен продавали в рабство. Самых бедуинов подвергали зверским пыткам и казням. 31 января 1520 г. по улицам Каира пронесли 12 отрубленных голов и 6 чучел бедуинских шейхов из племени савалим. В назидание другим с них содрали кожу, набили соломой и одели по-бедуински [51, т. 5, с. 325].

Не менее крутые меры принимались по укреплению мусульманской морали. В 1519 г. по всему Египту были закрыты кабаки,

винные лавки и курильни гашиша, разогнаны публичные дома; их содержательницы зашиты в мешки и брошены в Нил [51, т. 5, с. 305]. Категорически запрещались бесстыдные танцы, которыми так любовался Ибн Халдун, и различного рода предосудительные обычаи. В Канун-наме Миср, например, предусматривались крупные штрафы за «непристойное самолюбование невесты». Оно заключалось в том, что во время свадебных торжеств невеста по старинному обычаю семь раз выходила к гостям с открытым лицом в семи различных «сладострастных нарядах» [73, т. 2, с. 251].

«Где былая пышность? Куда ушли прекрасные дни?» — восклицает Ибн Ийас. Уцелевшие мамлюки и айяны ненавидели Селима I, который, по словам Ибн Ийаса, убил героев Египта, осиротил его детей, поработил его мужчин. Ничего подобного, по его мнению, не было со времен Навуходоносора. Египет — «самое прекрасное из всех государств мира» [51, т. 5, с. 206] — утратил независимость, был разорен и ограблен. «Говорят, что, покидая Египет, — пишет Ибн Ийас, — сын Османа увез с собой тысячу верблюдов, груженных золотом и серебром, и это не считая добычи, состоявшей из оружия, фарфора, бронзы, коней, мулов, верблюдов и прочего, не говоря уже о великолепном мраморе. Из всего этого он взял самое лучшее, то, чем никогда не имели удовольствия пользоваться его отцы и прадеды» [51, т. 5, с. 207].

Мамлюки обнищали и бедствовали. У них, говорит Ибн Ийас, не было ни коней, ни приличной одежды, ни оружия, ни даже угла, где бы они могли приклонить голову; у них не было ни слуг, ни рабов. Османы разъезжали на конях, а они пешком ходили по рынкам. Правда, вскоре Селим I «простил» мамлюков. Из них стали формировать особые части османской армии — «корпус черкесов» («джамаат аль-джеракис»). Им вернули оружие и стали выдавать небольшое денежное довольствие. Но при этом мамлюкам пришлось расстаться с элегантной рыцарской формой и надеть турецкий кафтан, шапку и сапоги. Из всего прежнего великолепия им оставили только бороды. Этим они стали отличаться от османских спахиев, которые тщательно брили свои подбородки.

Как правопреемник мамлюкских султанов, Селим I принял все их права и обязательства в области внешних сношений. В частности, он унаследовал сюзеренитет над вассальными территориями в Африке и Аравии. Мелкие правители этих стран один за другим отправляли гонцов к Селиму I с выражением лояльности и готов-

ности возобновить отношения, существовавшие у них с мамлюкскими султанами [121, с. 56].

Наибольшее значение имело пребывание в Каире послов хашимитского шерифа Мекки Мухаммеда Абу-ль-Бараката — светского правителя Хиджаза. Мекканские шерифы одними из первых признали Селима I в качестве нового главы ислама и покровителя священных городов. Они одними из первых поспешили приветствовать его с победой. 5 июля 1517 г. в Каир прибыло посольство Абу-ль-Бараката во главе с его сыном и наследником Абу Нумейей Мухаммедом [51, т. 5, с. 189]. Помимо поздравлений и даров оно передало Селиму I ключи от Каабы, подтвердив тем самым признание его прерогатив как султана ислама и халифа всех правоверных [111, т. III, с. 202—203].

Во внутренних делах Хиджаз сохранил полную самостоятельность. Селим I признал особое положение страны, а также наследственные права династии Хашимитов. Он утвердил Мухаммеда Абу-ль-Бараката в качестве эмира, прислал ему кафтан и берет (жалованную грамоту) об инвеституре. Начиная с 1517 г. специальные эмиссары султана ежегодно приезжали в Мекку, производили раздачу денег и подарков. Бедняков собирали отдельно, за городом, и по обычаю, заведенному Селимом I, одаривали золотыми монетами. Внутреннее устройство и управление Хиджазом не претерпели сколько-нибудь существенных изменений. Турки не вмешивались в прерогативы мекканских шерифов, которые продолжали руководствоваться стародавними обычаями и традициями. По существу, они ограничивались охраной побережья, защитой паломников и поставкой продовольствия для священных городов. Османским властям предписывалось внимательно следить за состоянием мекканских храмов, а главное, заботиться о поддержании дорог, зернохранилищ и резервуаров с водой. Контроль за положением в стране осуществлял наместник Египта; он же отвечал за оборону Хиджаза, который в военно-политическом отношении входил в сферу его юрисдикции [104, с. 258, 260]. Ему подчинялись османские гарнизоны, размещенные в стране, прежде всего гарнизон Джидды, ставшей крупнейшим бастионом османского владычества на Красном море. Здесь же находилась резиденция турецкого паши, командовавшего вооруженными силами Порты. Опираясь на них, он пользовался значительным влиянием в стране, нередко чувствовал себя хозяином положения и превратил

Джидду в подлинную военно-политическую и торговую метрополию Хиджаза. Мекка и вассальный эмират Хашимитов жили в тени османского могущества. Турки не вмешивались в их внутренние дела, в жизнь города и особенно в вопросы престолонаследия. Обычно они утверждали того из претендентов, который выходил победителем в междоусобной борьбе. Ему тотчас же отправлялся брат об инвеституре, очередные субсидии и дары [111, т. III, с. 278].

Перейдя на сторону турок, Абу-ль-Баракат и его преемники лояльно сотрудничали с Портой. Они поддерживали авторитет султана, гарантировали безопасность хаджа и обеспечивали повиновение бедуинских орд. В 1517 г. вместе с шерифом Мекки торжественную присягу на верность султану принесли вожди всех главных племен Хиджаза и Сирии. По данным Дм.Кантемира, «племена диких и бродячих арабов», населявшие пустыню между Меккой, Каиром и Дамаском, добровольно подчинились Селиму I, подписали документы о безграничной преданности и выдали заложников [69, т. II, с. 208].

УПРАЗДНЕНИЕ АВТОНОМИИ СИРИИ И ЕГИПТА

После разгрома мамлюков Сирия и Египет сохранили значительную долю внутренней автономии. На первых порах социальная «османизация» этих стран не сопровождалась их интеграцией в военно-административную систему империи. Обе эти части бывшего мамлюкского государства были переданы в пожизненное управление мамлюкским военачальникам, перешедшим на сторону Селима I: Сирия — Джанберди аль-Газали, Египет — Сайф ад-Дину Хайр-беку. Оккупировав стратегически важные города и крепости, османы предоставили этим правителям почти полную внутреннюю самостоятельность. Хайр-бек даже не платил дани Порте. Оба правителя располагали собственными войсками и административным аппаратом, который практически не подвергался сколько-нибудь серьезным изменениям. «Подданные Селима, — пишет В.В.Бартольд, — негодовали на своего султана за то, что он отнял у черкесов царство только для того, чтобы возвратить его им, без всякой выгоды для османцев» [4, с. 63].

Джанберди аль-Газали был назначен правителем Сирии 16 февраля 1518 г. В первое время он лояльно проводил османскую политику, беспощадно подавлял бедуинские мятежи и восстания. В частности, в 1519 г. он разгромил близ Баальбека бедуинского шейха Ибн аль-Ханаша, пыгавшегося удержать в своей власти долину Бекаа, и совершил два похода в Хауран. В стране воцарилась такая безопасность, что, по словам Ибн Ийаса, «волк и ягненок могли ходить вместе» [51, т. 5, с. 382]. Помимо османских войск аль-Газали создал собственную армию, состоявшую из бедуинов и мамлюков, в том числе корпус мушкетеров.

Однако группировавшиеся вокруг аль-Газали представители старых привилегированных кругов, перейдя на службу к Селиму I, отнюдь не были обольщены османскими идеалами справедливости

и «народолюбия». Они с трудом переносили османские порядки, тосковали по прошлому и были не прочь восстановить былую власть и привилегии. 22 сентября 1520 г. умер Селим I. Воспользовавшись этим, бедуины и мамлюкская знать Сирии подняли мятеж. Они отказались присягать новому османскому султану Сулейману Великолепному и попытались восстановить прежнее мамлюкское государство.

Мятеж возглавил сам Джанберди аль-Газали. Рассчитывая на неурядицы в центре империи и на помощь египетских мамлюков, он объявил об отделении Сирии от Османской империи. 31 октября 1520 г. он принял мамлюкский королевский титул «аль-малик аль-ашраф» [51, т. 5, с. 370], приказал читать свое имя в пятничной хутбе и чеканить на сирийской монете. Он уничтожил османский гарнизон Дамаска, изгнал турок из Бейрута, Триполи, Хамы и ряда других городов. Однако мятеж не получил широкой поддержки. Египетские мамлюки не оправдали возлагавшихся на них надежд. Крестьянство и горожане Сирии были безразличны или даже враждебны к аль-Газали. Мятеж оказался неожиданным для населения и, по словам Дм. Кантемира, «удивил всю страну» [69, т. II, с. 283]. К аль-Газали присоединились лишь друзья, бедуины Джебель-Наблуса и некоторые другие племена. Иоаннитские рыцари прислали с о-ва Родос пушки [4, с. 62].

Собрав 23 тыс. войск, Джанберди аль-Газали в начале ноября 1520 г. выступил в поход на Халеб, который отказался признать его власть. Несмотря на ожесточенный обстрел из пушек, город держался вплоть до прибытия османских войск из Анатолии. 22 декабря аль-Газали начал отступление. Его наместники в Триполи, Бейруте и других городах бежали при подходе османских авангардов. Наконец, 27 января 1521 г. в сражении при Мастабе близ Дамаска войска аль-Газали были полностью разгромлены [82, т. V, с. 13]. Сам он, переодевшись дервишем, пытался спастись бегством, но был схвачен и 6 февраля казнен. Турки вступили в Дамаск. Автономия Сирии была уничтожена. Страна была разделена на три эялета с центрами в Дамаске, Халебе и Триполи, которые отныне управлялись османскими пашами, непосредственно подчиненными Порте. Мамлюки были рассеяны и постепенно растворились в османском господствующем классе. В течение XVI в. их имена еще довольно часто мелькали в списках держателей сирийских тимаров [99, с. 149].

Сайф ад-Дин Хайр-бек, который правил Египтом с 10 сентября 1517 г., во время мятежа аль-Газали сохранил лояльность Порте и даже двинул против него свои войска. В отличие от других османских наместников он именовался «малик аль-умара» («король эмиров»). Этот титул был выше титула бейлербея (эмир аль-умара), но ниже султана. Очевидно, он должен был символизировать особое положение Египта как союзника и вассала Порты, выделять его среди обычных провинций империи. В качестве вассального короля Хайр-бек имел свой двор с типично мамлюкским протоколом, содержал собственную армию и был совершенно самостоятелен в своих внутренних делах. Он сохранил прежнюю религиозно-административную организацию страны и местные традиции государственной жизни. Даже янычары, расквартированные в Египте, в отличие от Стамбула и других османских городов получали жалованье ежемесячно как «мамлюки хундакяра» [51, т. 5, с. 367, 409].

Основной опорой Хайр-бека были египетские мамлюки и бедуинские шейхи. Он сумел привлечь их на свою сторону, назначал на военные и административные должности. В отличие от османских спахиев и янычар, которые стояли гарнизонами в важнейших городах Египта и периодически заменялись, мамлюки постоянно находились в стране и осуществляли власть на местах. В полном объеме функционировала традиционная система приобретения, обучения и выдвижения мамлюков. С 1519 г. они стали получать прежнее жалованье, мясной паек и фураж; в 1520 г. им вернули старую форму. Лишь земли и имущество были утрачены безвозвратно.

При Сулеймане Великолепном в Египте началась постепенная «османизация» управления. В мае 1522 г. по повелению султана была проведена судебная реформа. Вместо системы четырех верховных кадиев (шейх уль-исламов) учреждался пост единоличного главного кадия Каира (на первых порах им был кази-аскер), который стал выносить решения по всем четырем мазхабам [51, т. 5, с. 453]. Одновременно упразднялся громоздкий аппарат помощников и секретарей этих кадиев, насчитывавший несколько сот человек. Суд был приближен к низам. Появились сельские кадии. На османский манер было реорганизовано управление вакфами и казенными имуществами.

Следующим шагом на пути «османизации» Египта было упразднение вассального мамлюкского королевства. 5 октября 1522 г. умер

малик аль-умара Сайф ад-Дин Хайр-бек. 27 октября новым наместником Египта был назначен великий везир Мустафа-паша, который полностью реорганизовал управление страной. Сохранив прежнее политико-административное деление, он приспособил его к потребностям новой власти. Египет стал османским эялетом во главе с бейлербеем, которому подчинялись кяшифы, бедуинские шейхи и командиры местных гарнизонов. Мамлюкская гвардия и наемные войска короля (из магрибинцев, авляд ан-нас и т.п.) были распущены или вошли в состав семи корпусов (джемаат) османской армии Египта. Внутренний распорядок и оплата янычар были приведены в соответствие с общеосманскими нормами. В сельской местности поддержание порядка было возложено на бедуинских шейхов и мамлюков, сохранивших свою корпоративную организацию. В связи с этим система тимаров оказалась излишней и не была распространена на долину Нила. Египет стал платить ежегодную дань Порте в размере 100 тыс. динаров и направлять войска в распоряжение центрального правительства. Мамлюкским кяшифам и бедуинским шейхам предписывалось действовать наподобие османских санджак-беев. Соответствующие инструкции были записаны в Канун-наме Миср, опубликованном 18 июля 1523 г. [73, т. 2, с. 278]*. При его разработке Мустафа-паша широко использовал регламенты (кануны) мамлюкского султана Каитбая, которые отражали вековые традиции деревенской жизни и управления в Египте. По существу, эти кануны были лишь уточнены и пересмотрены в соответствии с практикой османской государственной и социальной жизни.

Ликвидация вассального мамлюкского королевства вызвала серьезное недовольство среди мамлюков и бедуинов. Они составили заговор, во главе которого находился Джаним ас-Сайфи — ярый приверженец Хайр-бека, кяшиф Файюма и Бехнесавии. Большую роль в событиях сыграл также Инал — кяшиф Гарбии. В 1523 г. оба кяшифа подняли восстание. Расправляясь с предателями «мамлюкского дела», они двинулись в Шаркию, где объединили свои войска и стали ожидать прибытия других заговорщиков. Мустафа-паша, наместник Египта, немедленно двинул против них османские части: около 5 тыс. янычар и тюфенкджи (конных мушкетеров). Оба кяшифа были разбиты. Джаним погиб в бою, Инал бежал.

* В публикации О.Л.Баркана [60] Канун-наме Миср датируется 1524 г. Возможно, это дата регистрации или утверждения канун-наме в Стамбуле.

Несмотря на провал мятежа, положение в Египте оставалось очень напряженным. 20 августа 1523 г. Мустафа-паша был отозван в Стамбул. Его преемником стал Касим-паша, который вскоре информировал Порту, что он не в состоянии контролировать положение [73, т. 1, с. 95]. Тогда бейлербеем Египта был назначен Ахмед-паша, грузин по происхождению, за которым в османской историографии закрепилось прозвище «Каин» («Хаин»). Этот победитель родосских рыцарей в 1523 г. рассчитывал на пост великого везира. Однако Сулейман Великолепный назначил везиром своего фаворита Ибрахим-пашу, а Ахмеду предложил Египет. Тот был уязвлен, но принял пост бейлербея и в декабре 1523 г. прибыл в Каир. Здесь он сразу же нашел общий язык с оппозиционно настроенными мамлюками и бедуинскими шейхами. Жажда мщения, обуревавшая Ахмед-пашу, видимо, не была тайной для султана. Во всяком случае, османские источники отмечают, что вслед за Ахмед-пашой в Египет отправился гонец с секретным хатти-шерифом, предписывающим начальнику каирских янычар Кара Мусе взять на себя обязанности бейлербея и казнить Ахмеда [73, т. 1, с. 69, 96]*.

Хатти-шериф был перехвачен Ахмед-пашой и послужил поводом для нового мятежа. Паша арестовал и казнил Кара Мусу и других видных янычарских командиров. Его действия были немедленно поддержаны частью мамлюков и бедуинами, которые играли в движении решающую роль. В январе 1524 г. в Каир вступили ополчения бедуинских эмиров Ахмеда ибн Бакра из Шаркии и Ибн Омара из Саида (Верхний Египет) [82, т. V, с. 52, примеч. I]. Опираясь на них, Ахмед-паша провозгласил себя султаном Египта, объявил об отложении от Порты и восстановлении мамлюкского государства.

В частности, был смещен османский кадий и восстановлена система четырех шейх уль-исламов. Даже интронизация нового султана до мельчайших деталей воспроизводила процедуру, принятую при старом мамлюкском дворе. Помимо четырех шейх уль-исламов в ней участвовал аббасидский халиф аль-Мутеваккиль, возвратившийся в Египет после смерти Селима I [4, с. 67; 73, т. 1, с. 97—99].

* П.М.Холт, без особых аргументов, считает сообщение «некоторых источников» об отправке тайного хатти-шерифа «маловероятным» [90, с. 49].

Захватив власть, Ахмед-паша сместил всех османских чиновников, казнил янычар и приступил к восстановлению мамлюкской армии. Имперские имения (эманеты) были вновь преобразованы в икта и начали раздаваться мамлюкам и бедуинам [120, с. 89]. В поисках внешних союзников Ахмед-паша пытался установить связи с римской курией, великим магистром иоаннитского ордена и сефевидским шахом Исмаилом. За это он, собственно, и получил у турок прозвище «Каин».

Свержение османской власти и выдвижение на первый план бедуинов вызвали широкое возмущение в стране. Крестьяне отказались платить налоги; в городах происходили волнения. Конфискации имущества, принудительные займы и казни айянов восстановили против Ахмед-паши патрицианскую буржуазию, купцов и иноверческие общины. Вследствие этого мятеж с самого начала приобрел черты верхушечного переворота, не имевшего серьезной поддержки в стране.

На подавление мятежа Сулейман Великолепный направил войска под командованием Аяс-паши. Едва двинувшись в поход, они получили приказ о возвращении. Мятеж провалился. 23 февраля 1524 г. горожане Каира подняли восстание и свергли «наглого тирана». Застигнутый врасплох, Ахмед-паша, который в момент восстания находился в бане, с трудом добрался до цитадели и на следующий день бежал из Каира [73, т. 1, с. 103—104]. В поисках убежища он метался по стране, был схвачен и казнен 6 марта 1524 г. [90, с. 50].

Для окончательного умиротворения страны Сулейман Великолепный направил в Египет своего фаворита великого везира Ибрахим-пашу. Он прибыл в Каир 24 марта 1525 г. За три месяца своего пребывания он восстановил османскую законность, казнил шейхов хаввара и бакр, принимавших активное участие в мятеже, и разогнал мамлюков, скомпрометировавших себя в событиях 1523—1524 гг. Одновременно Ибрахим-паша всячески подчеркивал намерение Порты править строго в соответствии с принципами шариата и справедливости. Всем пострадавшим от Ахмед-паши была выдана щедрая компенсация. Начались энергичные работы по восстановлению ирригационных систем и сооружений, заселению деревень, составлению сельских дефтеров и т.п. Из тюрем были выпущены бедняки, сидевшие там за долги. Давались распоряжения о взятии сирот на обеспечение государства, о восстанов-

лении мечетей, приютов и других мусульманских учреждений. По улицам ходили глашатаи, предлагая всем и каждому идти со своими жалобами прямо к великому везиру [82, т. V, с. 57—59; 120, с. 89—90].

Сочетая это типично османское «народолюбие», небезызвестный «истималет», с самыми жестокими репрессиями, Ибрахим-паша в короткий срок добился умиротворения страны и 14 июня 1525 г. отбыл в Стамбул. Начиная с этого времени и вплоть до 1587 г. в Египте не было серьезных политических неурядиц. Страна не доставляла никаких хлопот центральному правительству. На протяжении жизни двух поколений Египет пользовался тишиной и покоем. Разливы Нила, встречи и проводы пашей, отправление экспедиционных отрядов, прибытие караванов и паломников, землетрясения и пожары практически исчерпывали событийную сторону жизни послушной и благоденствующей крестьянской провинции, какой предстает Египет при первых османских бейлербегах.

ВКЛЮЧЕНИЕ ИРАКА И ВОСТОЧНОЙ АРАВИИ В СОСТАВ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Установление османской власти в Ираке явилось побочным результатом борьбы Османов с сефевидским Ираном и Португалией. Хотя в истории этого периода много неясного, можно смело утверждать, что христианское (в основном ассирийцы) и суннитское население видело в Порте единственного избавителя страны от иноземного порабощения. Завоевание Ирака шахом Исмаилом сопровождалось массовыми репрессиями против суннитов и христиан, подавлением всякого инакомыслия и разрушением суннитских святынь. До основания были снесены усыпальницы самого почитаемого иракского «святого» Абд аль-Кадера аль-Гайлани и великого суннитского имама Абу Ханифы — основателя ханифитского мазхаба, принятого в Османской империи. Прах имама был эксгумирован, сожжен и развеян по ветру. Многие суннитские мечети и дервишские обители были превращены в шиитские храмы. Погибли десятки тысяч христиан и суннитов. Были казнены видные улемы, суфии и поэты. Некоторым удалось бежать в Сирию и в пределы Османской империи. Всюду насаждался шиизм. Жители Ирака были вынуждены принимать новую веру. В Багдаде и других городах стали селиться персы; распространялся персидский язык. Богатые пожертвования получили шиитские святыни в Неджефе, Кербеле и Самарре. По личному распоряжению шаха Исмаила началось сооружение большого мавзолея на могиле седьмого шиитского имама Мусы аль-Казыма, считавшегося предком Сефевидов. Кызылбашские племена получили лучшие земли и пастбища, их ханы стали полновластными правителями страны.

Резня иракских суннитов потрясла мусульманский мир. Религиозные гонения, грабежи и бесчинства кызылбашей вызывали ненависть нешиитской части населения. Известие о победе Селима I

на Чалдыранском поле в 1514 г. было с величайшей радостью воспринято иноверческими общинами Нижней и Верхней Месопотамии, т.е. собственно Ирака и Джазиры*. Первыми восстали курды и в 1514 г. приняли подданство османского султана. Вместе с курдскими правителями Битлиса — старшими среди курдских князей Западного Курдистана — сюзеренитет Османов признали иракские курдские княжества Амадия и Джазират ибн Умр, а также курдские беки Ардалана. Перейдя под покровительство Порты, курдские княжества сохранили свое внутреннее устройство, свои законы и обычаи. Перемена власти свелась, по сути дела, лишь к «раздаче платьев и фирманов, — как говорит Ст. Лонгригг, — к принятию подарков и заверений в лояльности» [101, с. 20].

В 1515 г. произошло восстание в Джазире. Во главе его находились местные суннитские лидеры, в частности знатные курдские фамилии. Широкое участие в движении приняли ассирийцы, или «черные мидийцы», как их называет Дм. Кантемир. Повстанцы освободили от кызылбашей ряд местностей Джазиры и взяли ее столицу Амид (или Кара-Амид; позднее Диярбакыр) — один из главных религиозно-культурных центров ассирийского народа. Отсюда они направили депутацию в Стамбул с просьбой о помощи и покровительстве. Селим I не сразу откликнулся на предложение повстанцев и в течение года воздерживался от вмешательства в дела Верхней Месопотамии. Он, по словам Дм. Кантемира, не доверял этому народу и даже опасался принимать их предложение [69, т. II, с. 186]. К тому же он не хотел распылать свои войска, готовившиеся для нанесения решительного удара по мамлюкам.

В 1515—1516 гг. повстанцы один на один вели тяжелую борьбу с войсками сефевидского наместника Амида — Кара-хана, которому при поддержке устаджлу, одного из семи кызылбашских племен, удалось укрепиться в Мардине. Страна была разорена. Повсюду шли мелкие бои и стычки с кызылбашами, удерживавшими большинство городов и крепостей Верхней Месопотамии.

* Джазира (Верхняя Месопотамия) — историческая область Передней Азии, которая охватывает междуречье Тигра и Евфрата примерно от линии Тикрит — Ана на юге до цепей Армянского (или Восточного) Тавра на севере и в основном соответствует территории древней Ассирии. В настоящее время северная часть Джазиры входит в состав Турции, южная — Ирака и Сирии. Средневековый «Ирак Арабский» соответствовал территории древней Вавилонии.

В 1516 г. повстанцы отправили к Селиму I новое посольство. На этот раз турки согласились поддержать восстание. Селим I «под честное слово при взаимном договоре» [69, т. II, с. 186] принял повстанцев под свое покровительство и объявил о сюзеренитете Порты над Джазирой. В качестве своего представителя он направил в Амид одного из курдских князей Мехмед-бека Быйыклу, дав ему титул бейлербея и небольшую свиту. С согласия всех повстанческих группировок Мехмед-бек взял в свои руки управление страной и возглавил борьбу с кызылбашами. Организовав небольшую повстанческую армию, он выступил в поход против главных сил Кара-хана.

Генеральное сражение произошло близ местечка Коч-Хисар в 17 км к юго-западу от Мардина. Согласно турецкой легенде, ему предшествовала битва бабочек, две стаи которых сели между боевыми порядками Мехмед-бека Быйыклу и Кара-хана: белые со стороны повстанцев, красные — кызылбашей. Победа белых бабочек как хорошее предзнаменование воодушевила воинов Мехмед-бека, и они наголову разгромили шиитские войска. Сам Карахан попал в плен и был обезглавлен.

Повстанцы подошли к Мардину и начали осаду. Кызылбаши, во главе которых встал Сулейман-хан, брат убитого Кара-хана, оказывали упорное сопротивление. Осада затянулась. Лишь после прибытия значительного корпуса османских войск, отправленного Селимом I сразу же после победы на Дабикском поле 24 августа 1516 г., Мехмед-беку Быйыклу удалось овладеть Мардином. Затем в результате ожесточенного штурма он взял Мосул и утвердил свою власть во всем Северном Ираке.

Верхняя Месопотамия составила особый эйалет Османской империи. До 1534 г. Мосул, Ана и другие районы Северного Ирака входили в него в качестве санджаков. Здесь, на границах с владениями Сефевидов, были размещены сильные турецкие гарнизоны; по деревням поселено около 10 тыс. спахиев; введена система тимаров [104, с. 258]. На первых порах Османы проводили политику строгой веротерпимости и оказывали покровительство несторианской церкви. В качестве резиденции несторианского католикоса после некоторых колебаний был избран самый христианский город Джазиры — Мосул.

Переход Верхней Месопотамии под власть Османов несколько оживил хозяйственную жизнь этой богатой земледельческой об-

ласти. Заброшенные поля вновь осваивались ассирийскими земледельцами, которые, покинув малодоступные горные районы, стали широко расселяться на равнинах Сирии и Верхней Месопотамии [37, с. 231]. Повсюду вводились принципы османского землепользования; составлялись дефтеры. Турки отменили «несправедливые» налоги и поборы, взимавшиеся с крестьян при Ак Коюнлу и Сефевидах. В 1518 г. появились первые османские канун-наме Амида, Урфы, Мардина и других санджаков Месопотамии (см. [60, с. 145—171]). Через кануны Узун-Хасана, или падишаха Хасана, как его именовали османские чиновники, в них вошли многие нормы и положения местного обычного права.

Центральные и южные районы Ирака продолжали оставаться под властью Сефевидов. Сменявшие друг друга сефевидские наместники Багдада, которым шах, видимо, в насмешку над суннитскими правдоискателями дал титул «халиф халифов», проводили политику шиитского экстремизма. Преследования и казни на религиозной почве, поборы и бесчинства кызылбашей постоянно подогревали османофильские настроения. Турки всячески поддерживали их, подчеркивая свою непримиримость к Сефевидам. Широкую известность получило послание султана Сулеймана Великолепного, которое он в 1525 г. направил новому сефевидскому шаху Тахмаспу (1524—1576). Угрозы в нем перемежались с насмешками. В заключение Сулейман Великолепный предлагал юному правителю Ирана снять с головы корону и, подобно предкам, одеться в дервишское рубище [82, т. V, с. 63—65].

На юге, в Басре и Восточной Аравии, османофильство было еще сильнее. Турок здесь ждали как спасителей от грабежей и насилий «франков». Еще в 1515 г. крестоносцы прочно утвердились в Ормузе — центре португальского господства в Омане и Восточной Аравии. С этого времени каравеллы Христа с португальскими экипажами на борту беспрепятственно бороздили воды Персидского залива. В 1522 г. крестоносцы подавили всеобщее восстание, которое началось 30 ноября 1521 г. и охватило Ормуз, Сухар, Маскат и другие пункты на побережье Аравии от Бахрейна до Кальхата (см. [127, с. 123; 107, с. 156—160]). Португальцы усилили гарнизоны и увеличили дань с Омана, Эль-Катифа и Бахрейна. В 1526—1527 гг. они подавили новое восстание в Маскате и Кальхате, в 1529 г. — на Бахрейне. В том же, 1529 г. португальцы впервые появились в Басре. Они потребовали от

местного арабского правителя — вассала Сефевидов выдать им семь турецких торговых судов и запретить османским подданным приезжать сюда по торговым делам. Получив отказ, португальские корабли обстреляли город, поднялись вверх по Шатт-эль-Арабу и сожгли несколько иракских селений [127, с. 124].

Утверждая свою власть в Омане и Восточной Аравии, португальцы захватывали лишь торговые пункты на побережье. Они строили в них форты, господствовавшие над городом, устанавливали контроль над таможнями, взимали дани и тяжелые торговые пошлины. Иногда просто отбирали часть товаров. В открытом море они нападали на мусульманские торговые суда. Наиболее предприимчивые капитаны высаживали десанты, захватывали и пытали местных жителей, добываясь от них сведений о тайниках и сокровищах. Много невзгод выпало на долю ловцов жемчуга, весьма ценимого конкистадорами.

Подчиняя прибрежные княжества и города, португальцы не вмешивались в их внутреннюю жизнь. Как правило, они ограничивались интригами, подкупом и убийствами. На суше они вообще редко выходили за пределы выстрела из корабельной пушки. Их интересовало только одно: изъять как можно больше золота, драгоценностей, редких тканей и других ценных товаров (лекарства, пряности и т.п.).

После краха мамлюкского султаната Османы стали единственной надеждой мусульман Персидского залива. Сефевиды не препятствовали португальской колонизации. По соглашению 1515 г. в обмен на военный союз против турок д'Альбукерке добился от них признания прав португальской короны на Ормуз [127, с. 121]. Сефевиды уступили португальцам сбор таможенных пошлин в портах Восточной Аравии и дали согласие на их «деятельность» в Персидском заливе. Местные правители один за другим стали обращаться за поддержкой в Стамбул. В 1526 г. они отправили гонцов с письмами к Сулейману Великолепному с просьбой о помощи [46, с. 87]. Такие же письма поступали из Басры и Багдада.

В 1529 г. в Центральном Ираке произошло крупное антишиитское восстание. О нем мало что известно. Персидские источники сообщают, что во главе его находился один из представителей лурской кочевой знати — Зульфикар-бек [31, с. 257]. Где-то на горном перевале он разгромил войска сефевидского наместника, вступил в Багдад и с согласия жителей установил свою власть над

всем Центральным Ираком. Он заявил о полном разрыве с Сефевидами и послал ключи от Багдада Сулейману Великолепному [82, т. V, с. 204]. Во всех мечетях было приказано читать хутбу в честь османского султана и чеканить его имя на иракской монете. В Стамбул прибыло посольство с просьбой о помощи и принятии страны под высокое покровительство Порты [101, с. 20—21].

Однако Зульфикар-беку не удалось сохранить власть до прибытия османских войск. В 1530 г. армия сефевидского шаха Тахмаспа вторглась в Ирак, разбила повстанцев и осадила Багдад. Горожане отразили несколько приступов. Лишь после убийства Зульфикар-бека, предательски погибшего от руки братьев, персы сломали сопротивление защитников города и взяли Багдад. Наместником Ирака был назначен Мухаммед-хан — выходец из тюркского кызылбашского племени текелю, с помощью которого он восстановил в стране жестокую террористическую власть Сефевидов.

Все это время Османы были поглощены борьбой на Западе: в Венгрии и Германии, где, по мнению Порты, решались судьбы ислама. Лишь после заключения мира с Габсбургами летом 1533 г. они получили свободу действий на Востоке.

В сентябре 1533 г. Сулейман Великолепный начал свою первую персидскую кампанию. Он отправил против Сефевидов огромную армию, насчитывавшую, по некоторым данным, 140 тыс. человек [82, т. V, с. 533]. Войсками командовал великий везир Ибрахим-паша. До наступления зимы ему удалось вернуть Битлис и все земли между Эрзурумом и оз. Ван. Весной 1534 г. он перешел в генеральное наступление. Кызылбашки поспешно отступали. Теряя территорию, шах Тахмасп надеялся сохранить армию и государство. 13 июля 1534 г. османские войска вступили в Тебриз — столицу Сефевидов. Здесь в действующую армию прибыл сам султан Сулейман Великолепный. Соединив свои силы, турки двинулись на юг, в Хамадан. Так и не встретив противника, они решили уйти на зимние квартиры в Ирак.

Переход через горы Загроса оказался самым тяжелым испытанием за все время кампании. Почти непрерывно шли холодные проливные дожди. Скользя по горным кручам, османская армия терпела огромные лишения. Вздущиеся горные потоки уносили артиллерию и багаж. Были искалечены и брошены сотни вьючных животных. Чтобы облегчить движение войск, командование реши-

ло сжечь свыше 100 артиллерийских повозок. Пушки, чтобы не попали в руки противника, были закопаны глубоко в землю.

Преодолев неисчислимые препятствия, османская армия вышла на равнины Месопотамии. Население с радостью встречало Сулеймана Великолепного. Никто, кроме кызылбашей-текелю, не оказывал сопротивления. В Багдаде суннитское духовенство возглавило восстание горожан, которые перебили большую часть гарнизона и наиболее ненавистных шиитских проповедников. Сефевидский наместник Мухаммед-хан, обманув своих сородичей-текелю, решивших сражаться до конца, бежал из Багдада и окольными путями пробрался в Иран. Иракские города один за другим заявляли о переходе под власть Порты. Делегация Багдада вышла навстречу султану и преподнесла ему ключи от города. 2 декабря 1534 г. Сулейман Великолепный совершил торжественный въезд в Багдад. Здесь он принимал посланцев от всех главных бедуинских племен, а также городов Центрального Ирака, которые давали ему клятву верности [101, с. 23].

В течение четырех месяцев Сулейман Великолепный находился в Ираке, занимаясь организацией управления «на самых справедливых основах» [82, т. V, с. 220].

Прежде всего он восстановил религиозный мир в стране и вернул суннитам их прежнее руководящее положение. Были восстановлены суннитские святыни — мавзолеи Абд аль-Кадера аль-Гайлани и Абу Ханифы. Благоговейный трепет армии и населения вызвало «открытие» чудом спасенных останков великого имама. Неожиданно объявившийся хранитель гробницы Абу Ханифы под присягой заявил, что по повелению неба он спас мощи имама. «Послушный этому небесному предупреждению, — сообщают османские историки, — он подменил тело блаженного Абу Ханифы телом какого-то неверного, а того перенес в укромное место» (см. [82, т. V, с. 222]). Вскоре самые благочестивые улемы, затем великий везир и, наконец, сам султан смогли «удостовериться» в правдивости этого рассказа. При огромном стечении народа Сулейман Великолепный лично спустился под своды каких-то развалин и «обнаружил» тело «святого». «Вся армия, — пишет И.Хаммер, — совершила паломничество к могиле имама» [82, т. V, с. 223].

Следует подчеркнуть, что реставрация суннизма при Османах не сопровождалась религиозными гонениями. Турки оказывали внимание и покровительство местным шиитам, не говоря уже о

евреях и христианах. Даже езиды на первых порах пользовались расположением султана. В 1534 г. глава езидской общины Хусейн-бек ад-Дасини получил от султана инвеституру на управление санджаком Эрбиль [46, с. 43, 250]. Шииты сохранили полную свободу культа и внутреннее самоуправление. Сулейман Великолепный посетил могилу Мусы аль-Казыма и приказал завершить строительство мавзолея, начатое еще при шахе Исмаиле. Затем он совершил паломничество в Кербелу и Неджеф. Как суннитским, так и шиитским святыням были пожалованы крупные вакфные имущества [101, с. 23].

Полной реорганизации подвергся административно-управленческий аппарат. Были созданы эяалеты Багдад, Мосул, который в 1534 г. был отделен от Диярбакыра, затем (с 1554 г.) Шахризор. Автономные курдские и бедуинские княжества стали подчиняться им на правах наследственных санджаков. Установление нового правопорядка потребовало составления местных канун-наме (Мосула, Тикрита, Багдада и др.) [99, с. 149]. Они должны были пресечь тираническую практику и «еретические новшества», введенные во времена кызылбашей. Во всех канун-наме были провозглашены обычные для Османов принципы «народолюбия» и «справедливости» (адалят). В фирмане от 14 февраля 1537 г., утверждая канун-наме Багдада, Сулейман Великолепный заявил, что «отныне никому не дозволяется поступать с жителями городов и деревень вопреки кануну и шарияту». Багдадскому кадию и бейлербею было поручено довести об этом до сведения всех и каждого. С этой целью султан приказал зачитать канун-наме «от начала и до конца» во всех городах, селениях и местах скопления людей [93, с. 134]. Одновременно устанавливались принципы османского налогообложения и землепользования, проведен кадастр и составлены дефтеры с подробным указанием всех мукатаа и мульков [46, с. 35].

В апреле 1535 г. Сулейман Великолепный покинул Ирак. В стране было оставлено 32 тыс. османских войск, в том числе 1 тыс. мушкетеров-янычар. Вместе с ополчениями курдских и бедуинских князей это представляло довольно внушительную силу, превратив Ирак в крупнейший плацдарм османской военной мощи на Среднем Востоке.

Утверждение османской власти в Центральном Ираке избавило Басру и Восточную Аравию от призрачного сюзеренитета Сефе-

видов. Однако опасность со стороны Португалии, располагавшей в Персидском заливе крупными морскими силами, побуждала правителей этого региона не медлить с установлением прочных связей с Портой. Сразу же после взятия Багдада они выразили удовлетворение победами османского оружия, прислали подарки и поздравления. В покровительстве Османской империи они видели единственную гарантию от посягательств Португалии и один за другим решили признать сюзеренитет султана.

В 1538 г. в Стамбул прибыло посольство правителя (хакима) Басры Рашида ибн Мугамиса. Оно ходатайствовало о принятии в османское подданство. Делегация, в которую входили сын правителя Мания и его везир Амир Мухаммед, заявила о желании жителей Басры перейти под власть Порты, вручила султану подарки и ключи от города [46, с. 46, 284]. Сулейман Великолепный принял предложение Рашида ибн Мугамиса, осыпал его милостями и назначил пожизненным правителем бассорских земель.

О переходе под власть султана заявили также правители Лурестана, Хузестана, Бахрейна, Эль-Катифа и других княжеств Неджда и Нижнего Евфрата. Все они стали вассалами Порты, получили османские титулы и заверения в неизменной поддержке и покровительстве [101, с. 25–26].

На первых порах сюзеренитет Порты выражался главным образом в чтении хутбы на имя османского султана и чеканке монеты с его именем. В лучшем случае турки присылали оружие, строили форты и размещали небольшие гарнизоны. Однако с течением времени, исходя из общеимперских интересов, они стали вмешиваться во внутреннюю жизнь вассальных княжеств и регулировать отношения между ними. Много недоразумений вызывали также самостоятельные контакты местных правителей с португальцами и предоставление ими убежища различного рода лицам, бежавшим от султанского гнева и османского правосудия.

Одно из таких недоразумений переросло в серьезный конфликт между османскими властями и правителем Басры. Порта объявила Рашида ибн Мугамиса мятежником. Османские войска и речной флот под командованием Аяс-паши — наместника Багдада двинулись в поход. В нескольких боях они разбили недисциплинированные ополчения мятежников, сожгли их флот и 15 декабря 1546 г. вступили в Басру. Рашид ибн Мугамис и его ближайшее окружение бежали в Эль-Хасу.

Южный Ирак превратился в обычный эйалет Османской империи. Аяс-паша снизил налоги и упразднил «незаконные» поборы, взимавшиеся Рашидом ибн Мугамисом, ввел общеосманскую земельную и налоговую систему, обнародовал канун-наме Басры и, что особенно важно, бассорской таможни, приносящей немалые доходы от импорта индийских товаров. В 1551 г. было закончено составление первого османского дефтера с подробным перечислением всех хассов, мукатаа и тимаров бассорского эйалета [99, с. 150].

Басра стала второй (после Суэца) морской и военной базой Османской империи в южных морях. Опираясь на нее, турки попытались изгнать португальцев из Персидского залива и обеспечить безопасность своего эйалета Эль-Хаса. Он охватывал Неджд и все побережье залива от Кувейта до мыса Мусандам (арабийский берег Ормузского пролива)*. В настоящее время не представляется возможным ответить на вопрос, как и когда Порта распространила свою непосредственную власть на Восточную Аравию. Во всяком случае, с середины и до конца XVI в. эйалетом Эль-Хаса управляли османские бейлербеи (эмир аль-умара), власть которых была отнюдь не столь призрачной и номинальной, как это обычно принято считать. Остатки османских мечетей и крепостей свидетельствуют о широкой религиозной и военно-административной деятельности турок, которые проводили здесь примерно такую же политику, как и в соседних арабских эйалетах (см. [46, с. 284]).

Утвердившись во внутренних районах Эль-Хасы, османы с суши блокировали португальские крепости на побережье. Многие из них перешли в руки турок. В 1550 г. они взяли Эль-Катиф — важнейший опорный пункт Португалии в Персидском заливе. Восставшие горожане уничтожили португальский гарнизон, захватили цитадель и призвали на помощь османские войска. Не успели они войти в город, как перед Эль-Катифом появился португальский флот под командованием Антонио де Нороньи. Под огнем корабельных пушек турки вместе с повстанцами покинули город. Португальцы вернулись в Эль-Катиф. Но не имея ни сил, ни

* Впрочем, некоторые исследователи выражают сомнение, что реальная власть Порты когда-либо распространялась на районы, простиравшиеся к востоку от Себхи Мутта (естественная географическая граница между Недждом и Оманом).

возможностей удерживать город, они взорвали цитадель, сровняли с землей укрепления Эль-Катифа и ушли в открытое море.

Для турок стало совершенно очевидно, что без сильного флота они не смогут рассчитывать на прочный и длительный успех в Персидском заливе. Началась лихорадочная подготовка к войне на море. В Басре были построены арсеналы и судостроительные верфи. Главное же, турки решили собрать воедино свои силы в бассейне Индийского океана и поставить их под командование адмирала, или капудан-паши, Красного моря (капудан бахр аль-Кильмиз).

В 1547 г. красноморским капудан-пашой был назначен известный османский мореплаватель и картограф Пири Реис. В 1552 г. ему было поручено создать мощный морской заслон в Персидском заливе и не допустить повторения трагедии, подобной той, которая выпала на долю Эль-Катифа. Во главе крупной эскадры, состоявшей из 30 военных кораблей с 16 тыс. человек на борту, Пири Реис вышел из Суэца и двинулся к берегам Омана [107, с. 168]. Он разгромил несколько португальских факторий, после 18-дневной бомбардировки взял Маскат — главную португальскую крепость на подступах к Ормузу и вошел в Ормузский пролив. Вопреки формальным директивам Порты Пири Реис решил атаковать столицу португальских владений в Персидском заливе. Однако после месячной осады он убедился в неприступности укреплений Ормуза и с большими потерями отступил в Басру. Здесь его блокировал португальский флот. С тремя кораблями Пири Реису удалось прорваться в открытое море и вернуться в Суэц. Отсюда он был вызван в Стамбул и казнен за самовольное нападение на Ормуз, вследствие чего погиб флот и пострадал военный престиж Богохранимого государства (см. [46, с. 88; 1, с. 329]).

Командование флотом в Басре было возложено на Мурад-пашу — бывшего корсара и вали Эль-Катифа. В августе 1553 г. он покинул Басру, надеясь вывести корабли в Красное море. В Ормузском проливе его настигла португальская эскадра под командованием Диего де Норонья. В сражении у мыса Мусандам Мурад-паша потерпел полное поражение и с остатками флота был вынужден возвратиться в бассорский порт.

Турки в течение года сумели восстановить боеспособность флота. В июле 1554 г. он вновь вышел в море под командованием «знаменитого адмирала-писателя» [101, с. 32] Сиди Али (или

Кятиби Руми). В свое время он плавал под началом Хайрадина Барбароссы, и Порта возлагала на него большие надежды. Ему удалось взять Бахрейн и разместить там турецкий гарнизон. Однако в дальнейшем Сиди Али также постигла неудача. 25 августа 1554 г. в морском сражении недалеко от Маската португальцы наголову разгромили его эскадру. С несколькими кораблями ему удалось бежать к берегам Индии, откуда он после трех лет странствований возвратился в Стамбул [1, с. 330; 107, с. 173—177].

Туркам не удалось поколебать морское могущество Португалии. Практически они отказались от честолюбивых планов покончить с португальским флотом одним ударом. Свои основные операции они стали базировать на Суэц и другие красноморские порты. Что касается Персидского залива, то он стал базой малой морской войны, выражавшейся главным образом в нападениях на отдельные торговые суда и караваны противника.

На суше туркам удалось закрепить свои успехи. Во время второй (1548—1549) и третьей (1554—1555) персидских кампаний Сулеймана Великолепного они нанесли новые поражения Сефевидам. Исход борьбы решался далеко на севере — в Закавказье и Центральном Иране. Турки вторично взяли Тебриз, опустошили Армению и Азербайджан. Ирак практически не был вовлечен в военные действия. Здесь отмечались лишь локальные столкновения и действия агентуры, пытавшейся вызвать волнения в стане противника.

Наиболее серьезным выступлением было восстание болотных арабов под руководством Улайяна, охватившее в 1549 г. значительную часть Южного Ирака. Оно пользовалось поддержкой Сефевидов и было связано с бывшим правителем Басры Рашидом ибн Мугамисом, которому с помощью Португалии удалось поднять некоторые племена степных арабов. В случае прихода к власти Рашид ибн Мугамис обещал португальцам целый ряд привилегий, в том числе право на строительство португальской крепости в Басре [127, с. 125].

Однако восстание Улайяна потерпело поражение. Турки в короткий срок мобилизовали войска багдадского эялета, которые с помощью османского речного флота разгромили повстанцев. После трехдневного штурма османы взяли Мадину — штаб-квартиру Улайяна, находившуюся на Евфрате вверх по течению от Курны, рассеяли повстанческие силы и установили контроль над речной

сетью Южного Ирака. Когда в 1550 г. португальская эскадра Антонио де Норонья, разрушив Эль-Катиф, подошла к Басре, то не обнаружила здесь ни малейшего намека на беспорядки, не говоря уже об организованных повстанческих силах [101, с. 32].

Португальцы и Сефевиды не смогли подорвать османские позиции в Ираке и Восточной Аравии. Порта утвердилась здесь достаточно прочно и в конце концов вынудила кызылбашей отказаться от дальнейшего продолжения борьбы. По мирному договору в Амасии, заключенному 29 мая 1555 г., Сефевиды отказались от своих прав на Ирак и признали его частью Османской империи.

УСТАНОВЛЕНИЕ ОСМАНСКОЙ ВЛАСТИ В АЛЖИРЕ

Присоединение Алжира к владениям османского султана явилось результатом длительной и упорной борьбы, которую алжирское крестьянство при поддержке турок вело против иноземного и феодального порабощения. Впервые как серьезный военный и политический фактор турки появились в Магрибе в 1486 г., когда по приказу Баязида II эскадра Кемаль Реиса пришла на помощь мусульманам Испании. С тех пор османские корабли постоянно находились в водах Западного Средиземноморья. Они захватывали христианские торговые суда, доставляли оружие андалусцам (испанским мусульманам) и при случае защищали североафриканские порты от нападений европейских рейдеров. Часть османских моряков выступили непосредственно от имени Порты, часть находились на службе у хафсидского султана Туниса и других местных правителей. В большинстве случаев турецкие реисы (капитаны) действовали вполне автономно и нередко выступали как совершенно самостоятельные корсары, лишь прикрывавшиеся именем хафсидского или османского султанов.

Со времен Кемаль Реиса, отозванного в Стамбул в 1495 г., у турок установились прочные связи с мусульманами Испании, как с теми, кто остался под властью католических королей, так и с теми, кто нашел убежище в Северной Африке. Андалусцы были самыми верными и надежными союзниками османов на западе мусульманского мира. Не менее важную поддержку турки получали со стороны местного мусульманского населения, которое видело в них единственную защиту от произвола феодальных правителей и бедуинских племен. Наиболее удачливые реисы становились настоящими народными героями, окружались романтическим ореолом отважных борцов за истинный шариат и справедливость. Их

тепло принимали в приморских городах Магриба, где они имели обыкновение проводить зиму. Здесь они ремонтировали свои корабли, сбывали добычу и пополняли поредевшие экипажи.

Главными базами турецких корсаров были о-в Джерба у южного побережья Туниса, Ла-Гулетта и Порто-Фарина. До 1510 г. турки пользовались также Аннабой (Бон), Беджайей (Бужи), Шершелем и другими гаванями Алжира. Местным правителям рейсы обычно платили $\frac{1}{5}$ часть (хумс) добычи, иногда раздавали ее беднякам, марабутам и духовенству. Служители ислама благословляли корсаров, устраивали в их честь молебны и различного рода приветственные церемонии. Все это, говоря словами Э.Гесса, свидетельствовало о наличии «значительных связей между османами, народными религиозными лидерами Магриба и теми, кто вел священную войну» [85, с. 60].

После заключения мира с Венецией в 1502 г. в Западное Средиземноморье прибыла новая волна османских корсаров. Среди них были братья Орудж и Хызыр Барбаросса — сыновья Якуба, турецкого спахия, возможно отставного янычара, с о-ва Лесбос (Митилена), который на досуге торговал горшками и другими гончарными изделиями. Свое прозвище «Барбаросса» («Рыжебородые») братья получили за светло-русые бороды, унаследованные ими от отца — уроженца Енидже Вардара (Македония). Их мать Екатерина была вдовой православного священника. Сестры, по обычаям того времени, воспитывались и выросли как христианки. Братья считались мусульманами. Трое из них связали свою судьбу с морем, один стал плотником, другой учился в медресе. Одна из сестер была монахиней. Орудж и Хызыр вслед за своим братом Ильясом поступили в османский флот, плавали юнгами, затем матросами, участвуя в сражениях с иоаннитами. Отличаясь отвагой и умом, братья быстро выдвинулись и стали известными мореходами. Они приобрели большой опыт и недюжинные познания в самых различных областях. Помимо арабского и турецкого языков братья свободно говорили и даже читали по-итальянски. Хызыр, как писал впоследствии официальный историограф испанской короны, «считал также, что может говорить по-кастильски» [86, т. II, с. 98]. В течение многих лет братья предпочитали держаться подальше от Стамбула и, видимо, имели для этого достаточно веские основания. Известно, что Орудж был тесно связан с одним из сыновей Баязида II принцем Коркудом, который выку-

пил его из иоаннитского плена и, возможно, использовал в борьбе за власть, в частности с Селимом I. Во всяком случае, в 1509 г. Орудж вместе с Коркудом оказался в Египте. В 1510 г. с разрешения мамлюкского султана Кансуха аль-Гури Орудж, которому к этому времени исполнилось 37 лет, отправился к берегам Туниса, где вскоре встретился с Хызыром, также опасавшимся преследований со стороны османских властей. В Магрибе братья занялись пиратским промыслом, выплачивая хумс хафсидскому султану Туниса, который разрешил им заходить в Ла-Гулетту, и прочно обосновались на о-ве Джерба — прибежище вольных флибустьеров. Здесь к 1512 г. у них было уже 12 боевых галер и около 1 тыс. муджахидов [79, с. 18].

Алжир в это время являл собой печальную картину разоренной, порабожденной и раздробленной страны. На побережье хозяйничали испанцы, во внутренних районах — бедуины. Угасали последние очаги земледельческой цивилизации. Старинные города и местечки превратились в логово диких зверей и ворон. Постоянно обираемые, нищие и безрадостные, жители городов и селений были готовы на все, лишь бы избавиться себя от насилий кочевников. Правители страны ничего не предпринимали. Они сами были заложниками, а то и ставленниками бедуинов. Арабские кочевые племена являлись главной опорой всех мелких и крупных правителей Алжира, которые раздавали им икта и сахмы, разрешали пастись скот на самых плодородных землях и сквозь пальцы смотрели на их грабежи и бесчинства.

По существу, в Среднем Магрибе не было единой государственной власти. Страна распалась на множество самостоятельных феодальных владений, кочевых эмиратов и городских деспотий. На западе Алжира доминировали абдальвадидский султан Тлемсена Абу Абдаллах Мухаммед (1505—1516) и властитель Тенеса Мулай Абу Абдаллах, который контролировал долину Шелифа с городами Медеа и Милиана. Земли к востоку от Уэд-эль-Кебира (Уэд-Суммам) считались подвластными хафсидскому султану Туниса [57, т. II, с. 325]. Фактически здесь образовались самостоятельные эмираты с центрами в Беджайе (до 1510 г.) и Константине, во главе которых находились местные хафсидские принцы. Что касается кабийских «султанатов» Куко (Большая Кабилия) и Лабес, или Бану Аббас (Малая Кабилия), то они никому не подчинялись и в лучшем случае признавали лишь номинальный сюз-

ренитет Хафсидов. На юге страны Заб, Ходна и другие присахарские районы находились под властью бедуинских эмиров. Многие местности и города, особенно на побережье, вообще никому не принадлежали и управлялись марабутами и различного рода авантюристами, пришедшими к власти по воле случая. В Шершеле, например, в 1492 г. обосновались андалусцы, бежавшие из Гренады, которые образовали совершенно самостоятельную вольницу мухаджиров (беженцев). В г. Алжире в 1510 г. утвердился некий шейх Салем ат-Туми, опиравшийся на банды сородичей из племени саалиба (ветвь макиль), которые бесчинствовали на равнинах Митиджи.

В 1509—1510 гг. раздробленный и «бедуинизированный» Алжир стал легкой добычей кардинала Хименеса. Обладая неизмеримым военным превосходством, в частности огнестрельным оружием, которое было совершенно неизвестно бедуинам, испанцы легко подавили все основные очаги сопротивления. «Начало войны, — пишет Ш.-А.Жюльен, — было сплошным триумфом» [14, с. 299]. Испанские колонны с огнем и мечом прошли всю страну, достигнув на юге предгорий Джебель-Амура [79, с. 19]. Тысячи алжирцев погибли от рук крестоносцев. Были разграблены и сожжены десятки селений; опустошены многие города. В Оране кардинал Хименес лично «освятил» две самые крупные мечети, преобразовав их в католические соборы.

Центрами испанского господства стали Оран — на западе и Беджайя — на востоке Алжира. Не имея никакой опоры внутри страны, испанцы были вынуждены довольствоваться «системой ограниченной оккупации» [14, с. 300]. Она заключалась в установлении поверхностного контроля над территорией Среднего Магриба. В стратегически важных пунктах (Оран, Мерс-эль-Кебир, Мостаганем, Тенес, г. Алжир и др.) испанцы построили хорошо защищенные крепости (президиос), где разместили чисто испанские гарнизоны, запасы продовольствия и военного снаряжения. Доступ мусульманам в эти цитадели крестоносцев был строго запрещен. Ближайшие подступы к крепостям и линии коммуникаций контролировались при помощи «мирных мавров» — бедуинских племен, перешедших на службу к испанцам. Местные правители были свергнуты, как, например, в Беджайе, или были вынуждены признать себя вассалами Испании, обязавшись платить дань и поддерживать «дружественные отношения» с завоевателями.

При системе ограниченной оккупации, не предусматривавшей, видимо, прочного и длительного закрепления в стране, испанцы не стали создавать собственного административного аппарата. Власть на местах оставалась в руках вассальных правителей, которые откровенно почитали испанское золото и шпагу. Внутренняя жизнь страны и порядки в алжирском «королевстве» Фердинанда V не претерпели никаких существенных изменений. Местные властители заискивали перед иноземцами, предавались интригам и устраивали заговоры, свержая друг друга при содействии испанцев и бедуинов. Весь Алжир превратился в гнездо продажных претендентов, шпионов и низвергнутых правителей, которые, скитаясь по городам и весям, домогались власти, апеллируя к иностранцам: испанцам, тунисцам и даже турецким корсарам.

Простые мусульмане, прежде всего крестьянство и торговоремесленное население, не питали в отношении правителей никаких чувств, кроме презрения, ненависти и страха. Чаша народного терпения была наполнена до краев. Страна находилась на грани всеобщего восстания. Не хватало лишь вождя и объединяющего начала.

Общим идеалом, способным поднять и воодушевить массы, была, несомненно, пресловутая «махметова прелесть». В условиях всеобщей идеализации османских порядков, когда угнетенная беднота Южной Италии и других стран Западного Средиземноморья с надеждой ожидала появления турецких кораблей*, одна лишь принадлежность к миру османов внушала чувство глубокой симпатии. От них ждали избавления от тирании, бедности и нищеты. К ним слали гонцов с мольбой о помощи. В народе распространились слухи о вещих снах и пророчествах, предсказывавших скорое пришествие избавителя. Он должен был явиться с Востока и стать повелителем Алжира и соседних стран. В одном из пророчеств утверждалось, что он будет пришельцем из далекой страны с рыжими веснушками на лице [86, т. I, с. 144]. Святые марабуты и улемы всячески поддерживали эти слухи. Духовенство вообще играло в это время очень активную роль и «сумело, — по словам современного тунисского историка Т. Гиги, — показать

* Например, на берегах Неаполитанского королевства в XVI в. можно было наблюдать, как местные жители при появлении османских военных кораблей толпами поднимались на возвышенные участки местности, размахивали шапками и кричали приветствия (см. [97, с. 792—793]).

путь долга населению побережья» [81, с. 16]. Улемы и марабуты имели тесные связи с корсарами, информировали их о положении в стране и оказывали им всемерное содействие. Этим умело воспользовались братья Барбаросса, которые зимой 1510—1511 гг. установили доверительные отношения с мусульманским духовенством и в 1512 г. подняли восстание против испанского владычества в Магрибе.

В августе 1512 г. Орудж с небольшой группой корсаров высадился в районе Беджайи и атаковал испанский гарнизон. К нему тотчас же присоединилось около 3—4 тыс. крестьян из Малой Кабилии [79, с. 19]. Галеры доставили пушки, мушкеты и все необходимое снаряжение. На восьмой день, пробив брешь в крепостной стене, повстанцы пошли на приступ. В этот момент ядром Оруджу оторвало левую руку; среди повстанцев началось смятение. Они поспешно начали отступать и в панике разбежались.

Эта неудача не обескуражила братьев. Они еще более тщательно стали готовиться к возобновлению борьбы. Братья захватывали вражеские суда, собирали оружие, а главное, установили контакты с Портой, официально заручившись «благословением» османского султана. С этой целью в Стамбул отправился Пири Реис — племянник прославленного Кемаль Реиса, знаменитый османский картограф и будущий капудан-паша красноморского флота. Его миссия увенчалась успехом. Селим I простил «все прошлые заблуждения» братьев, одарил их кафтанами с почетным оружием и прислал две галеры с военным снаряжением [82, т. V, с. 237].

В 1515 г. Орудж и Хызыр Барбаросса, к которым вскоре присоединился их третий брат Ильяс, начали вторую осаду Беджайи. На помощь к ним пришли тысячи восставших крестьян, «все племена с соседних гор», — уточняет Хасан аль-Ваззан аз-Зайяти. Повстанцы ворвались в город, взяли старую крепость и приступили к осаде нового испанского замка — средоточия всей обороны Беджайи. Но тут случилось непредвиденное. В конце сентября прошли благодатные осенние дожди, и вся армия как один человек разошлась по домам пахать землю и засеять ожившие поля [57, т. II, с. 348, 349, 361].

Оставшись всего лишь с 40 самыми верными товарищами, Орудж был вынужден отступить в Жижель (Джиджели), население которого перешло на его сторону. Дождавшись здесь оконча-

ния полевых работ, Орудж вновь собрал свою крестьянскую армию и с ее помощью зимой 1515—1516 гг. захватил власть в Кабилии, ставшей таким образом основной базой османского «завоевания» Алжира.

Народные массы повсюду встречали Оруджа как избавителя страны от власти испанского «фараона» и местных узурпаторов. Везде, где он появлялся, он проводил политику классического османского «истималета». Как Орудж, так и Хызыр проявляли подчеркнутое внимание к нуждам бедняков и «святых людей». Известно, например, что Хызыр оказывал глубокое почтение одному уважаемому в народе марабуту, который жил в окрестностях г. Алжира, и никогда ни в чем ему не отказывал [86, т. I, с. 150]. Бедняки, простой народ, вообще все те, кто страдал от несправедливости и лишений, всегда могли рассчитывать на сочувствие братьев, а главное, на их материальную помощь. В магрибинской исторической традиции сложился почти хрестоматийный имидж братьев Барбаросса как благочестивых заступников за права угнетенных и обездоленных. «Его (Барбароссы. — Н.И.) глубокое благочестие, — пишет Т.Гига, — многие часы, которые он проводил во время долгих зим в молитвах и богословских беседах с улемами Туниса и Алжира, снискали ему уважение духовных лиц и любовь народа. Он был чувствителен к нищете униженных и оказывал помощь угнетенным» [81, с. 35]. Всякий раз, когда его галеры привозили зерно, соль и другие продукты, захваченные в открытом море, он распределял их среди простого народа. Причем «с тех, кто имел возможность платить, — уточнял арабский автор XVI в., — он спрашивал очень небольшую цену; беднякам же он раздавал зерно бесплатно» [86, т. I, с. 190]. После перехода каких-либо местностей под власть братьев Барбаросса они отменяли все налоги, взимавшиеся ранее правителями Среднего Магриба. Повсюду, где правили Орудж и Хызыр, с крестьян запрещалось взимать какие-либо поборы, кроме десятины с урожая зерновых и фруктов — вещь, которая, по словам Хасана аль-Ваззана, всегда считалась законной [57, т. II, с. 362].

В этом, видимо, надо искать основную причину успехов братьев Барбаросса. «Какова бы ни была их величина, — справедливо отмечает Т.Гига, — каков бы ни был их гений, османские „гази“ не были единственными творцами того национального и религиозного подъема в Магрибе, который обрел на неудачу столько хри-

стианских предприятий в самые мрачные часы нашей истории» [81, с. 167].

Повстанческая армия Оруджа и Хызыра не имела постоянного численного состава. Ее ядро составляли несколько сот турок и андалусцев, вооруженных огнестрельным оружием. К ним примыкали многочисленные крестьянские ополчения, достигавшие порой 85—90% всей численности войск. На подступах к г. Алжиру, например, весной 1516 г. находилось 800 йолдашей (турок и морисков) и около 5 тыс. кабийских крестьян [79, с. 22]. В походах к ним присоединялись сотни и тысячи добровольцев, в основном из тех местностей, по которым они проходили. В целом армия Барбароссы представляла собой довольно внушительную силу, пользовалась поддержкой населения, но была совершенно беспомощна в борьбе против сильного и хорошо обученного противника.

Первым крупным успехом Оруджа было взятие г. Алжира. После смерти Фердинанда V (23 января 1516 г.) жители города, изнывавшие под игом иноземцев, отказались присягать на верность новому королю Испании Карлу V и обратились за помощью к Оруджу. Тот немедленно откликнулся. Весной 1516 г. повстанческие войска заняли Митиджу, Шершель и вступили в г. Алжир, где Орудж встал во главе антииспанского движения. Однако, несмотря на огромные усилия, ему не удалось взять островную крепость города Пеньон д'Архель. Ее пушки непрерывно бомбардировали жилые кварталы, причиняли большие жертвы и разрушения.

Затянувшаяся борьба и бедствия, выпавшие на долю населения, вызвали разногласия в лагере повстанцев. Многие горожане, да и сам правитель г. Алжира шейх Салем ат-Туми, начали сожалеть о поспешном разрыве с испанцами и склоняться к возобновлению с ними прежних отношений. К тому же пришли известия, что на выручку гарнизону Пеньон д'Археля спешит большой испанский флот. Орудж не стал дожидаться дальнейшего развития событий. Он предательски убил шейха Салема ат-Туми и захватил всю полноту власти в городе. Повстанцы провозгласили его султаном, приказали читать его имя в пятничной хутбе и чеканить на местной монете [79, с. 22; 57, т. II, с. 349]. Во дворце Дженина Орудж созвал совещание, в котором приняли участие представители духовенства, городских ремесленников и купцов. На этом совещании он «просил их совета и поддержки», затем объявил о

назначении членом дивана (военно-политический совет) и должностных лиц правительства, которые с этого времени должны были управлять страной [76, с. 38—39].

Массовыми репрессиями и казнями Орудж утвердил свою власть в городе. Выступая в качестве непримиримого врага Испании, он принял меры по дальнейшему укреплению обороны и усилил блокаду Пеньон д'Археля. Даже воду испанский гарнизон был вынужден получать с Балеарских островов. Когда же в сентябре 1516 г. испанская эскадра под командованием дона Диего де Веры подошла к Алжиру, то никто, даже тайные друзья Испании, не рискнули присоединиться к ней. Испанцы потерпели жестокое поражение. 4 октября 1516 г. в сражении на речке Уэд-эль-Харраш близ г. Алжира Орудж наголову разгромил 3-тысячный испанский десант. Почти все испанцы погибли; многие попали в плен. Сам Диего де Вера лишь чудом спас свою жизнь.

Эта победа окрылила повстанцев и значительно укрепила авторитет Оруджа. Как признанный вождь джихада, он требовал безусловного повиновения и полного разрыва с испанцами. Когда владетель Тенеса Мулай Абу Абдаллах, вассал испанского короля, пытался противостоять ему, Орудж двинул против него свои отряды. Зимой 1516/17 г. он разгромил войска Абу Абдаллаха на Уэд-Джер (приблизительно в 25 км к западу от Блiddy), взял Медею, Милиану, Тенес и установил свою власть над всей Дахрой, Титтери и долиной Шелиффа.

В 1516 г. умер абдальвадидский султан Тлемсена Абу Абдаллах Мухаммед. С согласия маркиза де Комареса — губернатора Орана власть перешла к его сыну Абу Хамму III. Его пресмыкательство перед испанцами и тяжелые поборы вызывали ненависть населения. В начале 1517 г. оно обратилось к Оруджу с просьбой изгнать «узурпатора» и посадить на трон его дядю Абу Зайяна, томившегося в темнице. Орудж согласился, и весной 1517 г. повстанцы двинулись в поход на столицу Абдальвадидов. В сражении под Сиди-Бель-Аббесом Орудж разбил 9-тысячную армию Абу Хамму III и вступил в Тлемсен, жители которого открыли ему ворота. Абу Хамму III с трудом выбрался из города и бежал под защиту своих покровителей [76, с. 36; 79, с. 24].

Взяв Тлемсен, Орудж низложил династию Абдальвадидов. Абу Зайян, только что выпущенный из тюрьмы, его семь сыновей и 70 эмиров царствующей фамилии по обвинению в «измене»

были повешены на зубцах Мешвара (тлемсенского кремля). Вся власть перешла в руки повстанцев. Менее чем за два года они сумели создать обширное государство. В 1517 г., после взятия Тлемсена, оно охватывало всю территорию Центрального и Западного Алжира и по своим социальным и политическим основам явилось прообразом того «алжирского регентства», которое в течение 300 лет навело ужас на всю Западную Европу.

Успехи Оруджа не на шутку встревожили правительство Испании. «Для отвоевывания провинции», как пишет А.-Д. де Граммон, Карл V отправил подкрепления численностью около 10 тыс. человек. В декабре 1517 г. маркиз де Комарес перешел в наступление. При поддержке испанских мушкетеров бедуины Абу Хамму III перерезали коммуникации с г. Алжиром; сам маркиз осадил Тлемсен. В январе 1518 г. у Калаа Бени Рашид в бою с войсками Абу Хамму III погиб брат Оруджа Ильяс. Сам Орудж в течение шести месяцев отбивал атаки испанцев, осаждавших Тлемсен, сначала в самом городе, затем в Мешваре. В мае 1518 г., когда иссякли запасы, он с горстью йолдашей пробрался ночью через боевые порядки испанцев и направился по дороге на Айн-Темушент. Маркиз послал погоню. У завии Сиди-Муса на Рио-Саладо испанцы настигли отряд повстанцев. Завязался неравный бой, в котором Орудж и его товарищи погибли с оружием в руках. Голова повстанческого вождя была отправлена в Оран, затем в Испанию ко двору Карла V. Окровавленный кафтан Оруджа как драгоценный трофей в течение длительного времени хранился в одном из монастырей Кордовы [79, с. 41].

Новым султаном Алжира с согласия всех повстанческих вождей был провозглашен брат Оруджа Хызыр Барбаросса, более известный под своим почетным именем (лякаб) Хайрадин. Только что созданное государство переживало тревожные времена. У Хайрадина было всего лишь 300 йолдашей. Старые феодальные фамилии и племена занимали резко враждебную позицию. Хайрадин обвинил их в безбожии и двурушничестве, в готовности перейти на сторону неверных [86, т. I, с. 150]. Бедуины участвовали во всех заговорах и движениях, направленных против Оруджа и Хайрадина. Душой этих заговоров был хафсидский султан Туниса, который с 1515 г. — со времени взятия Беджайи и первых успехов крестьянского восстания — целиком пересмотрел свое отношение к братьям Барбаросса и начал против них непримири-

мую борьбу. Его поддерживали практически все феодальные владельцы Алжира. В городах он встречал сочувствие и поддержку айянов — зажиточных патрицианских семей, наследников и продолжателей рафинированной культуры магрибинского средневековья. Все они рассматривали османских газы как низких плебеев, покушавшихся на их семейные права и достоинство. Абдальвадидский султан Тлемсена Абу Хамму III, защищая «наследие отцов», именовал Хайрадина не иначе как «этот варвар, исчадие ада» [86, т. I, с. 216]. Знатные дамы Алжира, если верить романтическим легендам, предпочитали принять яд, чем матримониальные домогательства «грубых варваров» [86, т. II, с. 161–162].

Испанцы знали о враждебности знати к Хайрадину и старались использовать ее в своих интересах. Воодушевленные успехом маркиза де Комареса, они в 1518 г. вознамерились окончательно подавить крестьянское движение. Основной удар они решили нанести по г. Алжиру, главной цитадели антииспанского восстания. По приказу Карла V командование экспедиционным корпусом возглавил лично вице-король Сицилии Уго де Монкада. 17 августа 1518 г. испанский флот, состоявший из 38 военных кораблей и многочисленных транспортов, высадил в окрестностях г. Алжира 8-тысячный десант [57, т. II, с. 350]. Хайрадин Барбаросса отказался капитулировать. Собрал свыше 5 тыс. кабийских крестьян и андалусцев, он занял укрепленные позиции в городе и стал ждать дальнейшего развития событий. 25 августа в день св. Варфоломея неожиданно разразился сильный шторм. В бешеном реве разбушевавшейся стихии испанские корабли были сорваны с якорей, сталкивались друг с другом, а «затем, — пишет испанский историк XVI в. Сандоваль, — разлетались на куски, как если бы они были сделаны из хрупкого стекла» [86, т. II, с. 188]. Воспользовавшись бурей, лишившей испанцев поддержки флота, Хайрадин Барбаросса двинул на них своих йолдашей. Его победа была полной. Около 4 тыс. испанцев было убито или погибло в пучине моря; 3 тыс. взято в плен. Согласно преданию, Хайрадин Барбаросса не принял предложенные ему 120 тыс. дукатов в качестве выкупа за знатных испанских офицеров и предал их казни [76, с. 43].

Война, однако, не была закончена. Испания — одна из сильнейших военных держав того времени — отнюдь не собиралась отказываться от своих африканских владений. В самом Среднем

Магрибе положение было не менее серьезно. Абу Хамму III, вторично занявший трон Абдальвадидов, шел войной на Барбароссу. Хафсидский султан Туниса собирал войска и подстрекал феодальных владетелей, даже соратников Хайрадина, на открытое выступление против крестьянской власти.

В этой ситуации Хайрадин Барбаросса решил обратиться за помощью к Османской империи. Вскоре после разгрома Уго де Монкады он созвал в Дженине наиболее видных представителей мусульманского духовенства и населения, изложил им создавшееся положение, и предложил перейти под сюзеренитет Порты. Советование согласилось с мнением Хайрадина и одобрило текст письма на имя османского султана Селима I, в котором просило принять Алжир под свое покровительство [76, с. 43—46]. Один из соратников Хайрадина, Хаджи Хусейн, отправился с этим письмом в Стамбул. Хайрадин тем временем сложил с себя полномочия султана и приказал читать в пятничной молитве имя Селима I.

Порта благосклонно отнеслась к предложению повстанцев и объявила о своем сюзеренитете над Алжиром. По обычаю, Селим I назначил самого Хайрадина Барбароссу первым бейлербеем Джезаир-и Гарп (Западный Алжир), прислал ему соответствующий фирман и знаки достоинства: саблю, бунчук и барабан [82, т. V, с. 239]. Одновременно было разрешено чеканить монету с именем нового сюзерена Алжира* и упоминать его в пятничной хутбе. Кроме того, Хайрадину были отправлены пушки, мушкеты и другое оружие, а также фирман, разрешающий ему набор добровольцев для службы в Алжире. В качестве особой милости этим добровольцам даровались права и привилегии янычарского очага. Вскоре, возможно еще до смерти Селима I, в Алжир прибыли первые 4 тыс. муджахидов, положившие начало алжирскому очагу янычар [76, с. 46; 79, с. 30].

Страна, таким образом, превратилась в вассальное владение Порты, сохранив, однако, значительную долю внутренней автономии. Официальное покровительство султана укрепило авторитет Хайрадина, а главное, усилило его позиции в борьбе с Испанией. В 1518 г. ему удалось разбить войска испанского вассала Абу Хамму III, заставить его признать сюзеренитет Османской импе-

* Самые ранние из дошедших до нас османских монет Алжира датируются 927 г. хиджры (1520—1521) и имеют на легенде имя Сулеймана Великолепного (см. [85, с. 229, примеч. 76]).

рии и платить дань в 10 тыс. дукатов [82, т. V, с. 239]. Однако вторжение хафсидских войск, восстание феодалов, разгром ими армии Барбароссы, измена Кара Хусейна, правившего в Шершеле, и Ахмеда ибн аль-Кади, султана Куко (Большая Кабилия), перешедшего на сторону Хафсидов, резко ухудшили положение. В 1519 г. Хайрадину Барбароссе пришлось даже оставить г. Алжир, захваченный Ахмедом ибн аль-Кади. На время он нашел убежище в Жижели, затем вернулся на о-в Джербу. Фактически он утратил контроль над восточной частью страны, а затем и над западной, где Абу Хамму III, воспользовавшись ситуацией, прекратил уплату дани и расторг вассальные отношения с Портой.

Практически все надо было начинать сначала, и Хайрадин Барбаросса с присущей ему энергией принялся за дело. Два момента существенно облегчали его задачу. Во-первых, это внутренние беспорядки в Испании, которые на пять лет выключили ее как серьезный военно-политический фактор из жизни Магриба. Восстание комунерос 1520—1522 гг. и его последствия вплоть до 1526 г. не позволяли Карлу V предпринимать что-либо значительное в Северной Африке. Во-вторых, это недовольство масс, которые выступили против реставрации старых феодально-бедуинских порядков. Когда в 1521 г. Хайрадин Барбаросса со своими корсарами появился в Жижели, то «новые авантюристы, — пишет А.-Д. де Граммон, — толпами стекались под его знамена» [79, с. 33].

В течение нескольких лет Хайрадин Барбаросса полностью восстановил наследие Оруджа. Опираясь на Жижель, он в 1521 г. захватил Коло, в 1522 г. — Аннабу и Константину. Беднота с радостью приветствовала его. Повсюду снова османские агенты, вербовали сторонников и сколачивали тайные группы. Войска местных правителей были ненадежны и часто переходили на сторону Хайрадина. В 1525 г. Ахмед ибн аль-Кади, оказывавший упорное сопротивление, был убит собственными людьми. Большая Кабилия заявила о лояльности османам. Не встречая сопротивления, Хайрадин Барбаросса в том же, 1525 г. вступил в г. Алжир, где был с ликованием встречен своими приверженцами, открывшими ему ворота города. Столь же легко он овладел Тенесом и Шершелем. Изменник Кара Хусейн был выдан солдатами и предан мучительной казни. Абу Хамму III, пыгавшийся противостоять Барбароссе, потерпел поражение, признал сюзеренитет

Порты и обязался платить дань в размере 20 тыс. дукатов (1 млн. аспр), т.е. в два раза больше того, что полагалось по договору 1518 г. [76, с. 51].

Вторично обосновавшись в Дженине, Хайрадин Барбаросса восстановил диван, другие правительственные учреждения и очаг янычаров. В особо важных случаях созывались расширенные заседания так называемого «большого дивана». На них приглашались все видные представители мусульманского духовенства, знатные люди города, дервишские шейхи, имамы и другие служители религиозного культа, а также главные командиры янычарского очага [86, т. I, с. 183, 287]. Страна была разделена на провинции и округа во главе с беями и кайдами. Для сбора налогов назначались наиболее честные и добросовестные кадии [86, т. I, с. 202, 294]. Всякое неповиновение решительно пресекалось. Хайрадин Барбаросса проводил политику массового устрашения, применяя террор как основное средство подавления оппозиции. По одному только подозрению или даже просто при обострении ситуации производились массовые аресты. Всех, кого изобличали как «предателей» и «лакеев Испании», ожидала немедленная расправа. Их истязали и бросали в темницу, сажали на кол, отрубали им голову. Христианских рабов, обвиненных в диверсиях и саботаже, сжигали на костре [86, т. I, с. 227]. У репрессированных отнимали имущество, забирали жен и детей. Карались целые местности и округа. В 1526—1527 гг. суровым репрессиям подверглись Кабилия и Ходна, которые были преданы огню и мечу. Восстание 1527 г. в Константине было подавлено с такой жестокостью, что на следующий год «сады, окружавшие город, превратились в лес, населенный бандитами и дикими зверями» [79, с. 34]. Самые отдаленные районы спешили выразить свою покорность. В 1527 г. повители Туггурта и Уарглы (Северная Сахара) признали власть Порты и обязались регулярно вносить дань. Ближайшими сподвижниками Хайрадина были испанские мусульмане и европейские ренегаты, в большинстве своем также испанского происхождения. Многие йолдаши, в том числе турки по происхождению, даже с о-ва Лесбос (Митилены), частенько жаловались на то, что все важнейшие должности и посты, особенно в ближайшем окружении бейлербея, были заняты иностранцами [86, т. I, с. 294]. Кахьей Хайрадина, которому он в свое отсутствие поручал управление страной, был его раб Хасан-ага, уроженец о-ва Сардиния.

В начале 1529 г. вся территория Алжира, за исключением испанских президиос, оказалась под властью Хайраддина. Оставалось освободить ее от этих последних остатков испанского владычества. Особое недовольство Барбароссы вызывала островная крепость г. Алжира Пеньон д'Архель, расположенная всего лишь в 200 м от жилых кварталов столицы. К тому же она блокировала г. Алжир со стороны моря, преграждая судам доступ в городскую гавань.

Алжирцы давно хотели отделаться от этого неприятного соседства. В течение многих лет Хайраддин Барбаросса вынашивал планы уничтожения крепости, доставал и устанавливал тяжелые пушки, создавал запасы пороха. Наконец, 6 мая 1529 г. он начал бомбардировку. Пеньон д'Архель отвечал градом пуль и тяжелых ядер, одним ударом сносивших минареты алжирских мечетей. В городе начались пожары. Целые кварталы были превращены в груды развалин. Барбароссе, однако, удалось довольно быстро подавить большинство испанских батарей. Пушки мусульман разбили парапеты крепости, ее стены обрушились в нескольких местах. 27 мая алжирцы пошли на приступ. Барбаросса во главе 1,3 тыс. йолдашей под яростным огнем испанцев на небольших судах форсировал пролив и высадился на скалистых обрывах острова. Были подняты осадные лестницы, и атакующие сплошной массой ринулись на штурм. Через несколько часов Пеньон д'Архель был взят, его гарнизон полностью уничтожен. По приказу Хайраддина Барбароссы укрепления Пеньона были срыты и сровнены с землей; на их месте разбили сад. Проллив, отделявший город от бывшей испанской цитадели, был засыпан камнями и обломками укреплений [86, т. I, с. 221—225; т. II, с. 200—201]. Пленные испанцы восстановили город, а в 1532 г. вместо Пеньон д'Археля Барбаросса приказал соорудить целый комплекс оборонительных сооружений, которые были призваны прикрывать морской фасад города и превратили аль-Джазаир аль-Гази (Алжир Воин) в неприступную морскую цитадель — символ военного могущества империи на западе мусульманского мира.

Взятие Пеньон д'Археля имело огромное значение для судеб Алжира и всей Северной Африки. «Регентство, — пишет А.-Д. де Граммон, — было утверждено окончательно» [79, с. 36]. Сулейман Великолепный направил Хайраддину Барбароссе особый хатти-шериф, в котором поздравил его с блистательной победой и водружением османского знамени в самом центре арабского Маг-

риба. Некоторые историки полагают, что именно 1529 год следует считать датой турецкого завоевания Алжира [59, с. 7]. И действительно, со взятием Пеньон д'Археля в основном завершилось установление османской власти в стране. Образовалась новая и довольно устойчивая общность земель, которые составили обширный османский эйалет, в целом соответствующий территории современного Алжира. Оран, Мостаганем, Беджайя и более мелкие испанские президиос превратились в анклав, блокированные суши и нередко полностью изолированные от страны.

Не вполне ясным, однако, остается вопрос о том, когда и в какой форме Алжир перешел под прямое управление Порты. Как правило, в процессе османских завоеваний довольно четко выделяются два этапа: сначала установление косвенного контроля Порты, затем включение данной территории в общую систему османских провинций (подробнее см. [93]). Переход ко второму этапу, связанному с ликвидацией автономии и остатков прежней государственности, обычно сопровождался низложением местного вассального правителя и назначением турецкого наместника в качестве главы новой провинциальной администрации. В Алжире, который с 1518 г. находился под косвенным контролем Порты, этого не было. Хайрадин Барбаросса, по крайней мере номинально вплоть до своей смерти, продолжал считаться правителем Алжира. Что касается старой государственности, то она была уничтожена в ходе восстания и последовавшей затем гражданской войны. Вследствие этого трудно установить дату, отделяющую вассальное алжирское государство от обычного османского эйалета. Многие историки, особенно французской школы, просто не замечают этого рубежа и ограничиваются, как правило, констатацией самого факта завоевания. Что касается современной турецкой историографии, то она сводит все дело к «историческому визиту» Хайрадина Барбароссы в Стамбул (осень 1533 г.), который якобы имел своей «целью объявить о добровольном решении Алжира войти в состав Османской империи» [75, с. 48]. Как бы то ни было, события 1533 г. имели важное значение для судеб страны, ибо это как раз тот рубеж, когда Алжир, говоря словами американского историка Ст. Шоу, «был официально присоединен к Османской империи» [120, с. 97].

В «Газават» — анонимной арабской хронике XVI в. отмечается, что летом 1533 г. (в источнике дата отсутствует) Хайрадин

Барбаросса получил приглашение посетить Стамбул. Его вызывал султан Сулейман Великолепный, который, как пишет аноним, «предполагал лично отправиться на завоевание Испании» [86, т. I, с. 286]. Ему был нужен человек, хорошо знавший берега Иберийского полуострова и возможные места для высадки десанта. Выбор пал на Хайрадина Барбароссу. Посланец Порты, прибывший по этому поводу в Алжир, вручил ему фирман падишаха, о содержании которого автор «Газават» умалчивает. Он лишь отмечает, что Хайрадин Барбаросса принял фирман «с глубоким почтением, поцеловал его, приложил ко лбу, затем прочитал его со вниманием» [86, т. I, с. 287]. Спустя некоторое время Хайрадин Барбаросса созвал в Дженине расширенное заседание дивана. Он огласил на нем текст султанского фирмана, затем сказал, что не может более откладывать свой отъезд в Стамбул. В заключение Хайрадин заявил, что к этому все готово и даже назначен человек, который «достоин быть во главе их» [86, т. I, с. 287].

Алжирским улемам и военачальникам не оставалось ничего иного, как одобрить решение Хайрадина. В середине августа 1533 г. он отправился в путь и, судя по всему, был не очень уверен в том, что его ожидало на берегах Босфора. Во всяком случае, анонимный автор не раз подчеркивает, что он во многом рассчитывал на содействие великого везира Ибрахим-паши, который оказывал ему покровительство. По мнению большинства современников, в Стамбуле Хайрадин проявил себя как завзятый царедворец и сумел расположить к себе султана и его ближайшее окружение. Сулейман Великолепный осыпал его ласками и поручил ему «заботы об арсенале и строительстве кораблей» [86, т. I, с. 30]. Хайрадина это, видимо, мало устраивало, и в конце 1533 г. он отправился в Халеб, где в это время находился Ибрахим-паша. Вскоре туда же прибыл гонец с фирманом о назначении Хайрадина капудан-пашой османского флота и присвоении ему ранга трехбунчужного паши. Заняв, таким образом, пост в имперском диване, Хайрадин Барбаросса сумел, однако, сохранить за собой полномочия по управлению Алжиром, который ему удалось приписать к своему морскому ведомству. Повседневное же руководство страной перешло к его заместителю (халифе), осуществлявшему власть непосредственно на месте. Сам Хайрадин стал появляться в Алжире лишь наездами и в 1535 г. оконча-

тельно перебрался в Стамбул, забрав с собой «своих жен, детей и всю челядь, составлявшую его дом» [86, т. II, с. 16].

С этого времени началась османизация общественной и государственной жизни Алжира. В стране появились турецкие чиновники, которые перестроили ее управление на османский лад. За образец была взята, по мнению Э. Гесса, военно-административная организация османского Египта [85, с. 244, примеч. 4]. Армия и бюрократический аппарат стали получать жалованье из казны. Система тимаров соответственно не вводилась. В сельской местности поддержание порядка возлагалось на ополченцев из местного населения, большей частью кабилы, которые впоследствии образовали основной костяк махзенских племен.

Земля и другие источники доходов были объявлены собственностью казны; значительно уменьшилось налоговое бремя. Как и в других провинциях, османе провели перепись земель и составили дефтеры. При этом учитывались местные обычаи и традиции землепользования, а также формы уплаты налогов [85, с. 159—160]. Обычно это закреплялось в провинциальных канун-наме. Хотя алжирского канун-наме до сих пор не найдено, ничто не говорит о том, что оно принципиально не могло существовать. Напротив, регулярное проведение кадастров и составление дефтеров в соответствии с нормативами, принятыми в других частях Османской империи, о чем свидетельствуют материалы османских архивов в Стамбуле [85, с. 245, примеч. 12], заставляют полагать, что в Алжире была принята такая же система земельной и налоговой организации, какая существовала в других провинциях Порты. Османским властям в Алжире предписывалось заботиться о крестьянстве (райя), не угнетать его, проявлять справедливость, поддерживать в хорошем состоянии мосты, дороги, ирригационные сооружения, строить мечети, караван-сарай и пр. [85, с. 156].

Отношения с Портой приобрели принципиально новый характер. Эпизодические отчисления от десятины и подарки султану, посылавшиеся до 1533 г. [76, с. 53], заменила регулярная дань, которая во второй половине XVI в. составила 25 тыс. дукатов (1,25 млн. аспр). Значительная часть доходов поступала непосредственно в ведение капудан-паши и предназначалась на содержание османского флота. По мере необходимости Алжир должен был посылать войска в распоряжение центрального правительства, а главное, свои боевые корабли. Его флот пользовался значительной

самостоятельностью и составлял особое подразделение османских военно-морских сил — Морской дивизион Запада [79, с. 50].

Испания не признала аннексии Алжира. Вопрос о «возвращении» Пеньон д'Археля и «санджака Барбароссы» стал камнем преткновения на переговорах о мире, которые происходили в 1533 г. между Портой и католической империей Габсбургов. Турки отказались рассматривать этот вопрос, и делегация Габсбургов в конце концов была вынуждена снять его с повестки дня [82, т. V, с. 185—187].

Война в Магрибе фактически не прекращалась. Особенно упорный характер она имела на море. Алжирский флот непрерывно действовал на средиземноморских коммуникациях Испании, разорял вражеские берега, доставлял боеприпасы и оружие испанским мусульманам, в частности во время восстания морисков в Валенсии. Были вывезены десятки тысяч беженцев. Хайраддин лично совершил семь рейсов к берегам Испании. Его эскадра из 36 кораблей спасла, по данным автора «Газават», 70 тыс. испанских мусульман [86, т. I, с. 282]. С этого времени алжирский флот при приближении к побережью противника взял за правило принимать на борт как можно больше морисков. В большинстве своем они поселялись в Алжире, главным образом в Митидже, ставшей основной зоной андалусской колонизации. «Здесь, — отмечает Э.Гесс, — испано-мусульмане стали лояльной опорой османского режима, многие служили в армии и флоте, а другие сделали провинцию процветающей при посредстве земледелия» [85, с. 70].

Между Портой и мусульманами Испании в это время продолжали сохраняться самые тесные связи. Турки в литературе морисков, пишет испанский историк Хуан Пенелла, неизменно предстают как «их религиозно-политические союзники, готовые оказывать им свое покровительство и принимать их с распростертыми объятиями» [113, с. 196]. В Кастилии и Гренаде, в Валенсии и Арагоне среди морисков ходили самые невероятные слухи, пророчества, рассказы о видениях и даже хадисах, якобы предсказывавших «великий день Освобождения». Он должен был наступить с приходом «Великого Турка» и его славных воинов. Этот день, как считали мориски, будет «днем суда, мщенья и гнева» [70, с. 44]; и мусульмане Испании делали все возможное, чтобы приблизить его. Они помогали туркам, давали им советы, предостав-

ляли в их распоряжение информацию военного и политического характера. Они радовались каждому поражению католиков и считали его собственной победой. В самом Алжире мориски, по выражению профессора Алжирского университета Дениза Брахими, были «политическим инструментом турецкой оккупации». Они поставляли туркам многочисленные кадры администраторов и солдат, что дало основание тому же автору характеризовать их как своего рода «европеизированных колонизаторов» [65, с. 135]. Отвлекаясь от парадоксальности метафор, следует все же подчеркнуть, что вместе с ренегатами европейского происхождения испанские мусульмане составляли основной костяк османской администрации. Из них же комплектовалась значительная часть «турецких» войск в Алжире. Являясь «самыми неистовыми антихристианскими группами в Северной Африке» [84, с. 7], они играли ведущую роль в малой морской войне, в знаменитом средиземноморском пиратстве, которое в это время приобрело исключительно широкий размах. Андалусцы рассматривали его, говоря словами Х.Х.Абдул-Ваххаба, как «единственное средство, позволявшее им мстить христианским государствам» [55, с. 19] и продолжать борьбу за утраченную родину.

Испания по мере возможности наносила ответные удары. В частности, в 1529—1532 гг. испанский флот совершил несколько неудачных нападений на Шершель, Хунейн и другие базы алжирских корсаров. Однако самое крупное поражение испанцы потерпели в борьбе с главными силами османского флота. 27 сентября 1538 г. в сражении при Превезе (западное побережье Греции) Хайрадин Барбаросса уничтожил испано-венецианский флот. Эта блестящая победа резко изменила соотношение сил на море и привела к установлению турецкого господства в западной части средиземноморского бассейна.

Превосходство турок на море поставило Испанию в очень трудное положение. Оно оказало решающее влияние на Карла V, когда он в 1541 г. разрабатывал планы вторжения в Алжир. Стараясь избежать встречи с флотом Барбароссы, он пошел на сознательный риск, избрав осень в качестве времени для проведения операции. Дело в том, что в преддверии зимы из-за надвигавшихся осенних штормов все корабли воюющих сторон спешили укрыться в надежных портах. Выходить в море было небезопасно. Но именно в это время существовала наименьшая вероятность

столкновения с флотом противника, и Карл V, несмотря на предостережения своего адмирала Андреа Дориа, отдал приказ о выступлении.

Испанская армада состояла из 516 военных и транспортных кораблей [96, с. 41]. На борту находились 12 тыс. человек экипажа, много военного снаряжения и 24 тыс. войск, в том числе 7 тыс. испанцев, 6 тыс. немцев, 6 тыс. итальянцев, 3 тыс. крестоносцев других наций и 400 мальтийских рыцарей [82, т. V, с. 346]. Во главе их были сам император Карл V и его наиболее опытный военачальник герцог Альба. «Все дворянство Испании, Германии и Италии, — пишет А.-Д. де Граммон, — послало туда волонтеров» [79, с. 58]. Их сопровождало множество знатных дам, «как если бы надо было увенчивать победителей на турнире» [82, т. V, с. 346].

19 октября 1541 г. жители г. Алжира увидели паруса испанского флота. Они покрывали весь горизонт. Кораблей было так много, что их не могли пересчитать [86, т. II, с. 272]. Хасан-ага, управлявший страной вместо Хайрадина Барбароссы, знал о подготовке экспедиции и сделал необходимые приготовления. Были проверены все фортификации, произведена перепись людей, способных носить оружие, и приняты дополнительные меры безопасности. Въезд и выезд из города были запрещены, арестовано несколько подозрительных. В окрестностях столицы были вырублены все деревья, начиная с сада самого халифы. Шесть крупных бедуинских ополчений и бесчисленное множество кабийских крестьян были стянуты к ближайшим подступам к столице. Всего в распоряжении Хасана-аги было 800 турок, 5 тыс. морисков и примерно столько же вооруженных горожан. Бедуинов и крестьян никто не считал [86, т. II, с. 270—272; 79, с. 60].

При появлении испанского флота Хасан-ага созвал в Дженине представителей мусульманского духовенства и горожан. Он заявил им, что существуют только две «одинаково желанные возможности: победа или смерть» [86, т. II, с. 55]. Затем открыл ворота арсенала, роздал оружие и расставил бойцов по местам. Над «крепостными укреплениями, башнями, батареями и городскими стенами, на всем их протяжении», по свидетельству очевидцев, были подняты красные флаги, иногда трехцветное знамя Алжира [86, т. II, с. 272—274]. В мечетях начались молебны о ниспослании победы. Один «фанатичный марабут» предсказал даже «по-

мощь неба» [82, т. V, с. 347]. Это очень воодушевило защитников города, упавших было духом при виде флота императора.

23 октября 1541 г. войска Карла V высадились в районе мыса Матифу и налегке двинулись к г. Алжиру. Большую часть артиллерии, палатки и продовольствие было решено не выгружать до самого подхода к городу. Испанские гранды вообще были невысокого мнения о боевых качествах алжирских войск. Они считали, что без труда справятся с этой массой беглых холопов и стоявшей за ними горстью турок. Сначала все шло, как они и предполагали. Несколькими залпами из корабельных пушек испанцы разогнали бедуинов, пытавшихся помешать высадке десанта; затем также без труда отбили ночные вылазки горожан.

25 октября армия императора подошла к стенам города. Главная ставка была размещена на высоте, называвшейся «Кудият ас-Сабун» («Мыльный холм»), которая впоследствии в память о пребывании здесь Карла V получила название «Султан каласы» («Форт императора»). На следующий день предполагалось начать выгрузку артиллерии и осадной техники. Но тут произошло непредвиденное. Сбылось пророчество марабута, и Аллах всемогущий, как пишет анонимный автор «Газават», пришел на помощь своему народу [86, т. II, с. 63]. 25 октября после полудня появились облака, резко похолодало, и к вечеру разразилась страшная буря. «Со всех сторон, — пишет аноним, — поднялся неистовый ветер, сгустились тучи, в небе раздались удары грома, и на землю обрушились мощные потоки дождя, как при вселенском потопе». От силы ветра разверзлись пучины моря, подняв «волны, подобные горам» [86, т. II, с. 63]. Канаты лопались, как нитки, корабли были сорваны с якорей и потеряли управление. Около трети из них было выброшено на берег или разбилось о скалы. На галерах восстали гребцы-мусульмане и перебили христианские экипажи. Едва не погиб Эрнандо Кортес — знаменитый завоеватель Мексики, находившийся на одной из галер. На берегу арабы добивали обессиливших матросов, едва они выбирались на сушу. Когда буря кончилась, «весь берег от Шершеля до Деллиса был покрыт трупами и обломками» [79, с. 62].

Во время шторма погибла артиллерия. Войска, всю ночь находившиеся под проливным дождем, не имели ни палаток, ни плащей и были измучены до последней степени. Отсырел порох, мушкетеры были бесполезны. Воины в тяжелых доспехах по колено

увязали в грязь; сила ветра была такова, что закаленные в походах солдаты Альбы едва держались на ногах. Хасан-ага воспользовался этим и наутро предпринял несколько атак. Притворным бегством османские войска заманивали неприятеля под стены крепости. Если в поле обе стороны были вынуждены сражаться только врукопашную, то у стен города турки и андалусцы, укрытые от дождя, широко использовали огнестрельное оружие и хладнокровно расстреливали крестоносцев. Положение последних становилось все более безнадежным. Ни Альба, ни Карл V не видели никакого выхода из создавшейся ситуации. В порыве отчаяния они предприняли 27 октября штурм г. Алжира. Без артиллерии, без предварительной подготовки, под ураганным ветром и дождем, слепившим глаза, солдаты императора кинулись на стены крепости. Тысячи итальянцев, находившихся в передних линиях, погибли под огнем алжирских батарей, от стрел морисских арбалетов и сабель турецких спахив. Христиане дрогнули и обратились в бегство. Даже шпага императора не могла повернуть их лицом к противнику. Хасан-ага по пятам преследовал отступающие колонны и старался прижать их к Уэд-эль-Харраш — небольшой речке, которая от дождей превратилась в непроходимый бурный поток, уносивший людей, коней и пушки. Под прикрытием испанской гвардии и мальтийских рыцарей солдаты Карла V всю ночь строили мост из выброшенных морем обломков кораблей. 28 октября 1541 г. они начали наконец переправу и оторвались от войск Хасана-аги, также остановившихся перед бушующим Уэд-эль-Харрашем.

Шторм и ливневые дожди продолжались три дня. Единственным питанием армии была конина. Сухари иссыкли, и на продовольствие пошли кавалерийские лошади, кое-где черепахи и иссохшие остатки осенней травы. Когда наконец буря улеглась, войска, трое суток не смыкавшие глаз, были совершенно небоеспособны. Карл V дал приказ об отступлении. Многие солдаты бросали оружие и, как пишет А.-Д. де Граммон, становились легкой добычей алжирцев [79, с. 65].

Под стенами г. Алжира Карл V потерял около 150 кораблей и 12 тыс. солдат. Остатки армии в начале ноября погрузились на суда и, переждав в Беджайе новую бурю, через Балеарские острова вернулись в Картахену (1 декабря 1541 г.). Алжир праздновал победу. Гонец, принесший эту новость в Стамбул, был лично

представлен Хайраджином Барбароссой самому падишаху. Хасан-ага был возведен в ранг паши и назначен бейлербеєм Алжира [86, т. II, с. 68].

Экспедиция Карла V была последней серьезной попыткой вернуть «алжирское королевство». Военные действия, которые генерал-капитан Орана граф д'Алькодет вел в 1543—1546 гг. на западе страны, были всего лишь борьбой за выживание. Его походы на Тлемсен, Мазагран и Мостаганем почти ничего не изменили. К тому же 27—28 августа 1546 г. он потерпел крупное поражение под Мостаганемом и был вынужден отступить в Оран — единственный город, надежно удерживавшийся Испанией. Беджайя была прочно блокирована и фактически находилась в состоянии постоянной осады, получая сухари, порох и солонину с Балеарских островов.

Крупным козырем в руках Испании в течение ряда лет были абдальвадидские султаны Тлемсена. Враждующие между собой претенденты и их бедуинские союзники не раз обращались за помощью в Оран и даже в Фес, к саадийским султанам Марокко. Всякий раз туркам приходилось посылать войска на помощь своим ставленникам. Наконец, в 1551 г., очистив Тлемсен от марокканских ополчений, турки окончательно низложили династию Абдальвадидов и установили здесь систему прямого управления. В Сахаре власть османских бейлербеєв значительно окрепла после успешных походов Салах Реиса в Туггурт и Уарглу летом 1552 г. В это время вся Северная Сахара, Эль-Голеа, Туат и большинство районов Западной Сахары, вплоть до берегов Атлантического океана, входили в состав Османской империи или по крайней мере признавали верховный сюзеренитет Порты.

После провала экспедиции Карла V Испания фактически примирилась с потерей Алжира. Смерть Хайраджина Барбароссы, умершего в своем дворце на Босфоре 4 июля 1546 г., произошла в разгар испано-турецких переговоров, которые завершились подписанием в 1548 г. соглашения о перемирии сроком на пять лет. В следующем году алжирский диван известил Карла V, что он намерен серьезно придерживаться этого соглашения и прекращает военные действия [85, с. 75].

Огромная страна обрела наконец покой и внутреннее равновесие. После этих славных событий, писал анонимный автор «Газават», Алжир «подобно юной новобрачной, любующейся своими

прелестями и красотой, стал наслаждаться безмятежным счастьем под мудрым и благотельным правлением, обеспечивавшим ему довольствие и покой» [86, т. II, с. 69]. Почти полностью прекратились феодальные междоусобицы. Бедуины были вынуждены считаться с османским порядком и уважать неприкосновенность земледельческого населения. Отдельные акты разбоя и самовольных бесчинств жестоко карались. Жизнь в Алжире стала относительно сносной. По единодушному мнению современников, на которых ссылается А.-Д. де Граммон, турецкая «оккупация» была лучше, чем предшествовавшие ей анархические режимы. «Райя, — добавляет он, — получили от этого успокоения относительную безопасность» [79, с. 413].

ЗАВОЕВАНИЕ ЙЕМЕНА. ХАДРАМАУТ

После падения империи мамлюков большинство красноморских стран признало номинальный сюзеренитет Селима I. Турецкие агенты не без успеха распространяли иллюзии о могуществе и народолюбии нового османского халифата. К тому же португальская опасность, слабость и незащищенность местных правителей, наконец, кризис традиционных институтов создавали благоприятную обстановку для роста самого безудержного османофильства. Не только крестьяне, но даже многие местные властители рассчитывали на помощь и поддержку со стороны турок. Они связывали с ними свои надежды на обновление мусульманского общества, а главное, на отражение португальской агрессии.

Наиболее тревожное положение сложилось в приморских районах Йемена и Хадрамаута. Они больше всего страдали от нападений крестоносцев и утраты безопасности на морских путях. Во внутренних районах положение было немногим лучше. Религиозные распри, грабежи кочевников и отсутствие сильной государственной власти создавали атмосферу неуверенности и страха, порождали многочисленные конфликты и феодальные междоусобицы.

В начале XVI в. наиболее крупным государством Южной Аравии был суннитский султанат Тахиридов со столицей в г. Забиде — главном религиозном и культурном центре страны. Под его властью находились все наиболее развитые и процветающие города, а также земледельческие районы Йемена, в том числе Таизз, Сана, Аден и Моха. Основной опорой Тахиридов было суннитское духовенство, придерживавшееся шафиитской школы шариата, а также многочисленная армия абидов (черных мамлюков). Извечными врагами забидских султанов были соперничающие между собой шиитские секты зейдитов и исмаилитов. Они господствовали в горах Северного и Центрального Йемена. Наи-

большей воинственностью и обскурантизмом отличался зейдитский имамат, традиционной базой которого были северные районы Джебеля (Горный Йемен). Главным центром исмаилитов являлся Неджран (северо-восточная часть средневекового Йемена; ныне в составе Саудовской Аравии). Здесь они создали собственное государство, во главе которого находился религиозно-политический вождь исмаилитов, носивший титул «мукаррам» (мн. ч. макрама), т.е. высокочтимый. Ему подчинялись также Джебель-Хараз и некоторые другие горные районы. В Хадрамауте, на восток от тахиридских владений, выделялись два сравнительно крупных султана: Яманидов со столицей в Тариме и Касиридов с центром в Эш-Шихре — самом большом и богатом городе на побережье Южной Аравии. Как в Хадрамауте, так и в Йемене многие местные владетели, вожди бедуинских племен, видные факихи и мансабы (духовные сеньоры, аналогичные марабутам Северной Африки) чувствовали себя совершенно самостоятельными и зачастую не считались с властью Тахиридов, Касиридов или Яманидов. Наиболее влиятельными из них были шерифы Джизана, господствовавшие в Южном Асире, факих Абу Бекр ибн Макбуль, правивший в Эль-Лухайе, и мансабы из рода Амудийя, цитаделью которых был г. Бейда. В Махре и Дофаре власть принадлежала местным султанам, иногда ставленникам Касиридов или правителей Омана.

Все эти мелкие и крупные феодалы боролись за власть в Южной Аравии, заключали временные и крайне непрочные соглашения, направленные против враждебных группировок, и фактически ничего не предпринимали для совместной борьбы против португальцев. Более того, свои династические интересы они нередко ставили выше интересов борьбы с португальской экспансией.

Тахириды — эта ведущая и доминирующая сила в Южной Аравии — вообще уклонялись от активного участия в «священной войне». Когда в октябре 1515 г. мамлюкский флот под командованием Хусейна аль-Курди двинулся к берегам Индии, то тахиридский султан Амир II ибн Абд аль-Ваххаб (1489—1517) в нарушение своих вассальных и союзнических обязательств отказался предоставить ему базы, людей и продовольствие [82, т. VI, с. 356; 103, с. 14]. Измена тахиридского султана спутала карты мамлюков. Поход в Индию был отложен. В течение восьми месяцев мамлюкский флот стоял на якоре у о-ва Камаран, занимаясь

строительством оборонительных сооружений. Сюда, в лагерь мамлюков, стали прибывать посланцы и делегации от различных анти-тахиридских группировок. Все они, включая зейдитов, выражали негодование позицией Амира II и просили Хусейна аль-Курди «освободить Йемен от насилий Тахиридов» [48, с. 21].

Заручившись поддержкой имама зейдитов Яхьи Шараф ад-Дина, факиха Эль-Лухайи Абу Бекра и шерифа Джизана Изз ад-Дина ибн Ахмеда, 6-тысячная армия Хусейна аль-Курди выступила в поход против Амира II. Мамлюки имели неизмеримое военное превосходство. В частности, у них было огнестрельное оружие, которого совершенно не знала Южная Аравия. Мушкеты и пушки наводили ужас на йеменских воинов, и Хусейну аль-Курди не стоило особого труда разбить их в нескольких сражениях. 20 июня 1516 г. он вступил в Забид — столицу страны. Вся йеменская Тихама, города Моха и Таизз перешли в руки мамлюков и их союзника шерифа Изз ад-Дина ибн Ахмеда.

Остатки тахиридских войск укрылись в горных районах; часть бежала на юг, в Аден. Этот важный стратегический пункт стал главной целью похода, предпринятого в июле 1516 г. основными силами мамлюкской армии. 2 августа флот и наземные войска Хусейна аль-Курди подошли к городу. Несмотря на ожесточенную бомбардировку с суши и с моря, большие жертвы и разрушения, тахиридскому наместнику Адена Амиру ибн Дауду с помощью подоспевших войск Абд аль-Малика — брата султана удалось отстоять город. 10 августа 1516 г. мамлюки сняли осаду и отошли на исходные базы [103, с. 17].

В это время обстановка в Южной Аравии коренным образом изменилась. Мамлюки понесли тяжелое поражение под Халобом. Их султан Кансух аль-Гури погиб на Дабикском поле. Остатки мамлюкских войск стягивались к Каиру, и Хусейн аль-Курди эвакуировал Йемен. Оставив небольшой гарнизон в Забиде, он отвел свои войска в Джидду, поближе к Египту. Не успели они уйти, как в Аравийском море появились португальские корабли под командованием Лопу Суареша. В марте 1517 г. они подошли к Адену. Амир ибн Дауд не стал оказывать сопротивление. Передав ключи от города португальскому адмиралу, он объявил о признании сюзеренитета португальской короны [126, с. 182]. К счастью для него, Лопу Суареша постигли крупные неудачи. В Красном море он потерял значительную часть людей и флота и ни с

чем возвратился в Индию. Аден был предоставлен самому себе. Этим воспользовался Амир ибн Дауд, чтобы укрепить свою власть и создать на юге Йемена независимый тахиридский эмират, который просуществовал до 1538 г. и помимо Адена включал районы Лахджа и Абьяна.

В Забиде мамлюкам удалось отстоять свои позиции. Их наместник эмир Барсбай, пользовавшийся поддержкой местного населения, при содействии шерифа Изз ад-Дина ибн Ахмеда наладил управление страной и, несмотря на эвакуацию значительной части экспедиционного корпуса, успешно противостоял Тахиридам. Весной 1517 г. после оккупации Египта войсками Селима I из Джидды вернулось большинство мамлюков, ушедших с Хусейном аль-Курди и опасавшихся теперь преследований со стороны новой власти. С их помощью эмир Барсбай отразил наступление войск Амира II, а 15 мая 1517 г. в сражении близ Саны нанес ему сокрушительное поражение. При защите города погибли султан Амир II и его брат Абд аль-Малик. Султанат Тахиридов прекратил свое существование (см. [48, с. 22; 82, т. VI, с. 357; 103, с. 15]).

Завоевав Йемен, мамлюки оказались в парадоксальном положении. Их метрополия — Египет был потерян, их правительство свергнуто. Возвращаться было некуда, и им не оставалось ничего другого, как закрепиться в Йемене. Здесь они были у власти, чувствовали себя хозяевами положения и решили больше не испытывать судьбу. По существу, они основали в стране самостоятельное мамлюкское государство, которое в июле 1517 г. отказалось от политики конфронтации с турками и заявило о признании верховного сюзеренитета Порты [121, с. 28].

Селим I был далеко не в восторге от своих новых вассалов [48, с. 22–23]. Тем не менее он утвердил эмира Искандера — преемника Барсбая, погибшего вскоре после взятия Саны, в качестве наместника Йемена и взял мамлюков под свое покровительство. Объективно это положило начало военному и политическому присутствию Порты в Южной Аравии. Сам факт образования нового государства, находившегося под косвенным контролем Порты, а также поставки оружия и вмешательство во внутренние дела красноморских стран значительно усилили позиции турок. На службе у местных правителей начали появляться отдельные отряды и группы османских авантюристов.

Не менее важным последствием падения Тахиридов было возвышение зейдитского имамата. Амир II в ходе ожесточенной борьбы с шиитами совершил несколько походов в Джебель. В 1506 г. он овладел Саной и фактически ликвидировал власть зейдитских имамов. Под их непосредственным контролем оставались лишь Саада и несколько горных районов, главным образом на севере страны. Имам-мутеваккиль Яхья Шараф ад-Дин (1507—1558) сумел, однако, остановить развал зейдитского государства. Сначала в союзе с мамлюками он выступил против Тахиридов, а затем — после падения этой династии — обратился против своих союзников. В 1517 г. войска имама вернули Сану и вскоре установили контроль фактически над всеми зейдитскими районами Джебеля [48, с. 17; 20, с. 137].

Социальные и политические корни зейдитского возрождения практически не изучены в современной историографии. В частности, не подвергались анализу отношения между Яхьей Шараф ад-Дином и Сефевидами. Можно лишь предположить, что шах Исмаил и соответственно португальцы считали зейдитов своими союзниками. Во всяком случае, португальцы, по крайней мере с 1513 г., не относили их к числу своих противников. Появившись в Красном море, они с самого начала заняли благожелательную позицию по отношению к жителям о-ва Камаран, которых они рассматривали как подданных зейдитского имама и в отличие от других мусульман не подвергали грабежам и мучениям [126, с. 155—156].

Наконец, на протяжении всего XVI века зейдитский имамат был основным очагом непримиримой борьбы против ортодоксального суннизма в Южной Аравии. Причем наиболее активные выступления зейдитов против Амира ибн Дауда, мамлюкских эмиров Забида, а затем и османских бейлербеев приходились на период общего обострения суннитско-шиитских противоречий. Так, в середине 30-х годов зейдиты предприняли успешную кампанию против тахиридского эмирата на юге Йемена. В феврале 1535 г. они взяли Таизз, находившийся тогда под контролем аденского эмира Амира ибн Дауда, и установили свою власть над южной частью Джебеля. Одновременно они активизировали свою деятельность в Хадрамауте и сделали попытку захватить Тихаму. Зейдитские войска под командованием аль-Мутаххара и Шамс ад-Дина Али — сыновей имама Яхьи Шараф ад-Дина развернули наступ-

ление на столицу Йемена г. Забид. Однако в 1538 г. они потерпели поражение и были вынуждены отойти в горы [82, т. VI, с. 360].

Мамлюкский эмират в Тихаме продолжал оставаться основной базой суннитского ислама. Влияние Порты здесь стало заметно возрастать после подавления мятежа эмира Искандера. По примеру Джанберди аль-Газали он в конце 1520 г. поднял восстание [121, с. 88]. Провозгласив себя султаном, он объявил об отделении от Османской империи. Его имя стало упоминаться в хутбе и чеканиться на местной монете. При дворе был установлен чисто мамлюкский протокол; назначались давадары, хаджибы и эмиры [51, т. 5, с. 414]. Искандеру не удалось заручиться поддержкой местного населения, и османские контингенты, направленные из Джидды, без особого труда подавили мятеж, вошли в Забид и казнили предводителей восстания. В 1521 г. головы Искандера и его давадара были доставлены в Каир [51, т. 5, с. 414—415].

После провала мятежа в Забиде шла непрерывная борьба за власть. Ее оспаривали ставленники различных военных группировок, ориентировавшихся на Порту. В 1520—1529 гг. произошло по меньшей мере пять военных переворотов и сменилось не менее семи правителей. Местные лидеры, как правило, оставались на втором плане. На авансцене фигурировали в основном выходцы из-за моря: мамлюки, предводители османских кондотьеров и даже ренегаты европейского происхождения. Португальцы были немало удивлены, когда узнали, что в ближайшем окружении седьмого из этих правителей, Мустафы ибн Байрама, в 1529 г. бежавшего в Индию, находились итальянские ренегаты Сифр-ага, Кара Хусейн и другие, которые на далеком Востоке устраивали поэтические вечера с чтением Ариосто, Петрарки и Данте [126, с. 214].

Бурные события в Йемене давали туркам прекрасный повод для вмешательства. После карательной экспедиции 1520 г. бей-дербеи Египта по крайней мере еще дважды посылали войска в Йемен, чтобы «положить конец этой череде узурпаций, основанных на убийстве» [82, т. VI, с. 358].

После бегства Мустафы ибн Байрама, опасавшегося возмездия за убийство ставленника каирского паши, Йемен остался без правительства. С согласия войск и населения власть взял мамлюкский эмир Искандер Муз (1529—1536). Он наладил управление стра-

ной и проводил политику лояльного сотрудничества с Портой. «Своей щедростью и справедливостью, — отмечает Й. Хаммер, — он расположил к себе ученых и солдат» [82, т. VI, с. 359]. Его сын Ахмед, пыгтавшийся продолжать линию отца, столкнулся с неожиданными трудностями, в частности с экспансией зейдитов, и, что еще хуже, вызвал недовольство османофильских элементов.

Второй базой османского влияния в Южной Аравии был султанат Касиридов в Хадрамауте. Появление турок здесь было связано с деятельностью молодого и честолюбивого касиридского султана Бадра III Бу Тувейрика (1516—1568). Вступив на трон 20 лет от роду, он сразу же окружил себя людьми, которые с помощью турок хотели покончить с господством сабейских кастовых традиций, преодолеть феодальную раздробленность и создать сильное централизованное государство. Первым делом он установил отношения с Портой и получил разрешение на вербовку войск. В мае 1520 г. в Эш-Шихр прибыл первый отряд османских волонтеров, вооруженных огнестрельным оружием, во главе с Реджебом ат-Турки. Страшные и диковинные мушкеты, получившие в Хадрамауте название «румские ружья», дали солдатам Реджеба неоспоримое военное превосходство. «Страх и ужас охватили население, — пишет Саид Авад Бавазир. — Оно только и говорило о Реджебе ат-Турки, о его длинных усах и его людях» [47, с. 121].

С помощью Реджеба ат-Турки Бадр III в кратчайший срок подавил сопротивление феодалов и впервые в истории Хадрамаута объединил всю страну. В ноябре 1521 г. после 20-дневной осады он взял Тарим и положил конец династии Яманидов. Последний яманидский султан Абдаллах IV и другие представители клана Аль Ямани бежали в Йемен [53, с. 21; 47, с. 121]. Одновременно была упразднена власть удельных касиридских князей и всемогущих мансабов. Войска Бадра III, прежде всего его «румские полки», взяли Шибам, Хайнин, Шабву и многие другие города Хадрамаута. Вся страна от Эль-Авалика на западе до Сейхута на востоке, от побережья Аравийского моря на юге до песков Рубэль-Хали на севере оказалась под властью касиридского султаната [47, с. 121]. Несколько походов было совершено на восток. Махра и Дофар признали верховный сюзеренитет Бадра III и обязались платить ему дань.

Местные династы, удельные касиридские князья, мансабы и вожди бедуинских племен оказывали упорное сопротивление. В 1530 г. войска Бадра III, находившиеся под командованием османских офицеров, расправились с племенами аль-хумум, бесчинствовавшими в районе Эш-Шихра, в 1531 г. — с шейхами бавазир, в 1534 г. — с бедуинами нахд, поднявшими восстание на западе страны. Особенно упорную борьбу приходилось вести с непокорным касиридским эмиром Али бен Омаром — двоюродным братом Бадра III, «султаном-суфием», опиравшимся на поддержку дервишей Шибама, а также с одним из крупнейших духовных феодалов Хадрамаута мансабом Бейды Османом аль-Амуди, который получал помощь от зейдитского имама Яхьи Шараф ад-Дина (см. [47, с. 128—129; 53, с. 32—33]).

Основу внешней и внутренней политики Бадра III Бу Тувейрика составлял союз с Портой. Правитель Хадрамаута поддерживал дружественные отношения с Османской империей как с могущественной мусульманской державой-покровительницей. В своих посланиях к Сулейману Великолепному он неизменно подчеркивал свою преданность Порте, просил ее помощи и поддержки в борьбе с врагами. Турки присылали ему оружие, инструкторов, а в голодные годы — даже корабли с продовольствием [47, с. 126]. В свою очередь, Бадр III отправлял в Стамбул подарки и головы поверженных врагов. В 1536 г. он послал в дар Сулейману Великолепному 35 португальцев, захваченных в плен на берегах Хадрамаута [126, с. 255; 47, с. 125].

Португалия в те годы была общим врагом всех мусульман Южной Аравии. Начиная с 1517 г. каравеллы с крестами на парусах почти ежегодно появлялись в водах Аравийского и Красного морей, сжигали и грабили мусульманские торговые суда, нападали на прибрежные селения и города. Только в 1517—1531 гг. португальский флот совершил девять крупных походов к берегам Южной Аравии и Африканского Рога. Еще более многочисленными были нападения небольших отрядов португальских кораблей и отдельных каперов, выходявших в море на основе королевских лицензий. С 1523 г. у берегов Аравии стали появляться также португальские корсары, занимавшиеся самовольным пиратским промыслом. Формально они не имели ничего общего с законными властями и даже преследовались ими. На самом деле они пользовались поддержкой представителей короля, делились с ними добы-

чей и в случае необходимости находили убежище в королевских портах. Впрочем, провести четкую границу между официальными каперами и самовольными пиратами было далеко не просто. Все исследователи отмечают, что капитаны португальских крепостей настолько легко выдавали лицензии и пропуска, что эти последние нередко служили лишь формальным прикрытием для самого разнузданного пиратства. «Линия между тем, что было законным каперством, — писал исследователь португальской экспансии Р.С.Уайтвэй, — и тем, что было открытым пиратством, была настолько тонкой, что любая добыча могла быть узаконена» [126, с. 47].

Основной зоной португальского пиратства были берега Дофара, Махры, Хадрамаута и районов, прилегающих к Баб-эль-Мандебскому проливу. Наиболее частым нападениям подвергались Киши, Сейхут, Эш-Шихр и другие города Южной Аравии, а также Массауа, Зейла и Бербера на африканском берегу. Красноморское побережье Аравии и Суакин, находясь под прикрытием османских морских крепостей в Джидде и на о-ве Камаран, оказались в значительно более благоприятном положении. Отдельные каперы сюда практически не заходили.

Своей главной задачей португальцы считали установление монополии на торговлю пряностями. С этой целью они старались уничтожить противостоящий им османский флот, свести на нет арабскую торговлю морем и «закрыть» таким образом «мекканский торговый путь». Еще д'Альбукерке полагал, что самым простым и радикальным способом решения этой проблемы был бы захват Южной Аравии и создание в Адене мощной португальской крепости с гарнизоном в 1—1,5 тыс. человек [126, с. 172]. Однако дальность коммуникаций и малочисленность сухопутных войск Португалии в бассейне Индийского океана делали эту задачу практически невыполнимой. Не менее трудной оказалась борьба с турками. Португальский флот не смог уничтожить османские военные базы, захватить Джидду и Камаран. В 1517 г. эскадра Лопу Суареша, состоявшая из 37 кораблей с 5,5 тыс. человек на борту, в течение 11 дней стояла перед пушками Джидды, так и не решившись начать атаку [126, с. 184]. В 1528 г. каравеллы Антонио де Миранды «из-за неблагоприятного ветра» не смогли подойти и сжечь турецкие галеры на Камаране [72, с. 385].

Мекканский торговый путь продолжал функционировать. Португальцы с тревогой отмечали, что арабы по-прежнему привозили

большое количество пряностей в Диу, Ормуз и Джидду. Более того, с приходом турок наблюдалось оживление морской торговли [126, с. 207; 72, с. 411]. Поближе познакомившись с каравеллой, арабы узнали ее слабые стороны. Вместо большегрузных они стали использовать легкие подвижные суда, которые без труда проходили отмели, рифы и прибрежные зоны, опасные для недостаточно маневренных кораблей португальского флота.

Создалось критическое положение. В 1524 г. Васко да Гама — прославленный мореплаватель, назначенный вице-королем Индии, приказал приступить к строительству целой флотилии из легких кораблей, которые могли бы преследовать арабов в прибрежных зонах. С их помощью он намеревался изменить характер и методы морских операций. «Васко да Гама, — пишет Р.С.Уайтвэй, — начал беспощадную войну со всеми торговыми интересами, которые противоречили Португалии» [126, с. 207]. Во-первых, Васко да Гама резко усилил нажим на производителей и поставщиков пряностей. В Индии, на Цейлоне и в далекой Малакке местным правителям и купцам под страхом самых суровых наказаний запрещалось продавать пряности арабам. Во-вторых, он решительно выступил против всяких соглашений и компромиссов с правителями аравийских прибрежных государств, чтобы не оставлять им никаких лазеек для сохранения военного и торгового флота. В-третьих, было решено усилить блокаду мусульманских портов и развязать массовый террор на море. Лопо Ваз де Сампайо (1525—1529), преемник да Гамы по управлению Индией и продолжатель его политики, приказал «очищать» южные моря от арабских торговых судов. Десятки каперов и целые эскадры выходили в море с единственной целью — захватывать и сжигать все попадавшие им мусульманские корабли. Началась настоящая охота за арабскими мореплавателями. В 1528 г. Лопо Ваз отправил в крейсерование несколько эскадр, каждая из которых вернулась с богатой добычей. Лишь одна из них, возможно самая удачливая, захватила в этот сезон 50 призов [72, с. 386].

Мусульмане оказывали упорное сопротивление. В ответ на террор они развернули ожесточенную морскую войну, в которой участвовали корабли Махры, Хадрамаута и других прибрежных государств. Нередко она принимала характер неорганизованного пиратства и самого разнузданного грабежа португальских кораблей, потерпевших крушение вблизи берега. Причем пираты Махры, а

возможно и не только они, грабили как «франкские», так и недружественные им мусульманские суда. Создалась крайне запутанная и опасная обстановка всеобщей и жестокой войны на море.

Еще более варварские столкновения происходили на суше. Португальцы не делали никаких различий между мирными жителями и войсками. В возникавших стычках и боях участвовало все население. При этом мусульмане несли огромные потери. Португальцы же, закованные в латы и хорошо владевшие шпагой и мушкетом, нередко отделялись простыми ушибами. Их потери были более чувствительными лишь в тех местах, где имелись турецкие гарнизоны, вооруженные огнестрельным оружием.

Наиболее упорное сопротивление оказывали города Хадрамаута. Войска и население Эш-Шихра несколько раз отражали нападения португальского флота. Дважды португальцы терпели жестокие поражения: в 1523 г. при трехдневной героической обороне города (23–25 февраля) и в 1536 г., когда в сражении 5 рамадана (27 февраля) войска Бадра III Бу Тувейрика наголову разгромили вражеский десант. Воины Бадра III захватили 14 португальских кораблей, уничтожили большое количество «франков» и взяли 70 пленных. Лишь одному португальскому кораблю с сотней человек на борту удалось ускользнуть и уйти в открытое море. Пленных как самые драгоценные трофеи раздавали войскам. Некоторых отправили в дар правителям дружественных государств, в том числе османскому султану Сулейману Великолепному (см. [47, с. 124–125; 53, с. 28–29]).

Двусмысленную позицию занимал тахиридский правитель Адена Амир ибн Дауд. Он вроде бы поддерживал мусульманских пиратов и купцов. Его люди захватывали португальские корабли, грабили и истязали португальских моряков. Вместе с тем он тщательно избегал конфронтации с регулярными силами португальского флота. Более того, Амир ибн Дауд разрешал ему заходить в Аден, запасаться водой и продовольствием. Видимо, капитуляция и договор 1517 г. не были случайностью. В марте 1524 г. правитель Адена подписал новый договор о признании сюзеренитета Португалии. Правда, он не был утвержден Васко да Гамой. Тем не менее, пока ждали ответа из Гоа, португальские чиновники в соответствии с подписанным документом контролировали торговлю и доходы тахиридского эмира. Португальская бригантина постоянно находилась в порту, терроризируя весь Аден [72, с. 369–

370]. В феврале 1530 г. Амир ибн Дауд заключил еще один договор с Португалией, по которому в третий раз признал себя вассалом португальской короны и обязался платить дань. В обмен за это торговые суда Адена получили свободу навигации при условии, что они не будут заходить в «мекканские» порты, т. е. поставлять пряности и другие товары в Османскую империю [72, с. 399–400].

Устаревший и сравнительно слабый красноморский флот Порты занимал в эти годы чисто оборонительные позиции. Практически он не выходил за пределы Красного моря. Между тем султан как новый покровитель ислама был обязан защищать мусульман от посягательств неверных и прекратить бесчинства крестоносцев в южных морях. Начиная с 1517 г. эта проблема очень серьезно беспокоила сановников Порты. В окружении султана один за другим выдвигались проекты усиления османского военного присутствия в бассейне Индийского океана. В конечном счете все они сводились к необходимости обновить и усилить красноморский флот, без которого борьба с Португалией была заранее обречена на неудачу.

Наиболее радикальное решение выдвигали морские круги Порты. По примеру Амра ибн аль-Асы, одного из сподвижников пророка, они предлагали восстановить Суэцкий канал, который в 765 г. был засыпан по приказу аббасидского халифа аль-Мансура. Этот канал позволял бы мощному средиземноморскому флоту турок беспрепятственно проходить в Красное море и обратно. При каждой неудаче османские адмиралы возвращались к этому плану. Известно, например, что в 1556 г. — вскоре после поражений Пири Реиса и Сиди Али — Ульдж Али, один из преемников Барбароссы, вновь поставил вопрос о канале [82, т. VI, с. 236]. Наиболее рьяным приверженцем этого плана был Мехмед-паша Сокоглу. Став великим везиром (1565–1579), он попытался было осуществить его на практике [82, т. VI, с. 341]. Но неудачи со строительством Волго-Донского канала (1569 г.) — еще одной мечты этого паши — заставили Порту окончательно отказаться от Суэцкого проекта.

Большинство сановников и сам Сулейман Великолепный занимали более реалистичные позиции. Вместо строительства Суэцкого канала они предлагали создать на Красном море океанский флот Порты, способный противостоять Португалии. В 1532 г. Сулей-

ман Великолепный приказал даже восстановить мамлюкские верфи в Суэце и начать строительство крупных военных кораблей [82, т. V, с. 299]. Однако это оказалось не так-то просто. В неприглядной пустыне, где затерялся Суэц, не было ни людей, ни воды, ни строительных материалов. Их надо было доставлять издалека. К тому же ощущалась нехватка мастеров, квалифицированных рабочих и даже простых матросов.

Португальцы тем временем усиливали давление на мусульманских правителей Южной Аравии и Индостана, захватили Бассейн (1534 г.), Диу (1535 г.) и ряд других пунктов на западном побережье Индии. Отовсюду шли призывы о помощи. Одно за другим в Стамбул прибывали посольства, в частности из Каликута (1527 г.), Диу (1532 г.) и Делийского султаната (1536 г.). В 1536 г. прибыло посольство от правителя Гуджарата Бахадуршаха (1527—1536) во главе с Сафар-ханом. Он щедрой рукой раздавал подарки сановникам Порты и обещал им покрыть все расходы, связанные с отправкой за море 10 тыс. османских солдат (см. [82, т. V, с. 300; 121, с. 89; 126, с. 239, 256]).

Не успело посольство заручиться поддержкой Сулеймана Великолепного, как в Стамбул пришли известия о смерти Бахадуршаха, погибшего от рук португальцев. В других местах обстановка также изменилась. Многие правители Индии уже не рассчитывали на вмешательство турок. Тем не менее Сулейман Великолепный, только что одержавший блистательные победы над Габсбургами и Сефевидами, решил наконец откликнуться на просьбы мусульман и восстановить позиции ислама в бассейне Индийского океана. С этой целью он попытался осуществить старый проект Селима I. Еще в 1519 г. этот султан хотел одним ударом покончить с владычеством Португалии, уничтожив ее базы на Малабарском берегу [121, с. 88]. И только теперь, после заключения мира в Европе, бейлербею Египта было предписано форсировать строительство флота и начать непосредственную подготовку к походу на Индию [82, т. V, с. 90].

Суэц охватила строительная лихорадка. Отовсюду сгоняли рабочих и моряков. В Александрии было схвачено несколько сот венецианских матросов и отправлено на суэцкие верфи. Воду и продовольствие доставляли из Каира. Корабельный лес, снасти и прочее везли морем из Киликии в Александрию, затем по Нилу в Каир и оттуда на верблюдах в Суэц. Работами руководил один из

видных генуэзских инженеров. Лучшие мастера отливали пушки. Португальских агентов особенно беспокоило изготовление 9 пушек-монстров, которые стреляли ядрами весом более 100 кг. «Вызывает удивление, — писал Й. Хаммер, — не столько отливка подобных орудий, сколько транспортировка их через Суэцкий перешеек» [82, т. V, с. 303].

К маю 1538 г. флот в основном был готов. Мачты и пушки устанавливали уже в Джидде. Командование экспедицией было возложено на бейлербея Египта Сулейман-пашу аль-Хадима — 80-летнего старца, не блиставшего никакими талантами. В его распоряжении находилось свыше 70 военных кораблей и около 100 транспортов с 20 тыс. человек на борту, в том числе 7 тыс. янычар [82, т. V, с. 302].

13 июня 1538 г. эта армада двинулась к берегам Индии. 3 августа после небольшой остановки на Камаране она прибыла в Аден. По требованию Сулейман-паши аль-Хадима Амир ибн Дауд сдал город и обещал Порте свое содействие. Однако турки не доверяли ему. Они знали о его связях с Португалией и, видимо, рассматривали его действия как двурушничество, заслуживающее самого сурового наказания. Расправа была короткой. Ничего не подозревавшего эмира пригласили на борт флагманского корабля и тут же, без суда, отправили на виселицу. Вместе с ним у ворот Баб ас-Сахель повесили двух его ближайших советников [47, с. 127]. Население Адена признало власть Порты. Сулейман-паша аль-Хадим занял город; тахиридский эмират был преобразован в османский санджак, а в Адене разместился небольшой турецкий гарнизон [48, с. 25; 82, т. V, с. 302].

В Индии, куда османский флот прибыл 4 сентября 1538 г., Сулейман-паша аль-Хадим потерпел неудачу. У него сложились неважные отношения с местными мусульманскими правителями, которые начали подозревать его в намерении захватить власть в Гуджарате (см. [126, с. 258, 265]). К тому же португальский флот отошел далеко на юг и стал недосягаем для турок. Им пришлось ограничиться Камбейским заливом и начать осаду Диу — самой сильной португальской крепости на Индийском океане. Однако и здесь была неудача. 20 дней осады ничего не дали. Чудовищные османские пушки ничего не могли поделать с укреплениями Диу, защитники которого проявляли чудеса храбрости. У турок подходили к концу боеприпасы, и Сулейман-паша аль-Хадим счел

дальнейшее продолжение войны бесполезным. Он снял осаду Диу и 5 ноября 1538 г. покинул берега Индии [48, с. 26; 72, с. 426; 82, т. V, с. 303].

На обратном пути османский флот зашел в гавань Эш-Шихра, принял здесь заверения в лояльности от правителей Хадрамаута и после небольшой остановки в Адене бросил якоря в Мохе (декабрь 1538 г.). Часть кораблей двинулась дальше на север, заняв Джизан и другие пункты на побережье. Не встречая сопротивления, турки вступили во внутренние районы страны. Они заняли Забид — столицу страны и установили в Йемене систему прямого управления. Сулейман-паша аль-Хадим вызвал в Моху последнего мамлюкского эмира Йемена ан-Нахуду Ахмеда — наследника Искандера Муза и без особых формальностей казнил его вместе с двумя его братьями. Вассальный мамлюкский эмират был упразднен; его провинции стали османскими санджаками. Власть была передана Мустафа-бею Быйыклу-оглу, который, утвердившись в Забиде, предпринял было попытку войти в горные районы, взять Таизз, но был отброшен зейдитами. Османский флот тем временем вернулся в Суэц. Сулейман-паша аль-Хадим сошел на берег в Джидде, совершил паломничество в Мекку и 27 февраля 1539 г. прибыл в Стамбул. Здесь его встретили как завоевателя Аравии [82, т. V, с. 303; т. VI, с. 361].

Таким образом, единственным результатом индийской экспедиции 1538 г. было завоевание Йемена. Неимоверные усилия, связанные с подготовкой флота, по существу, были затрачены впустую. В Аравии, если не считать зейдитов и бедуинов, никто не оказывал сопротивления. Более того, вследствие глубоко укоренившегося османофильства приход турок вызвал среди местного населения настоящие приступы эйфории. Турки всячески подогревали их, выступая в роли защитников простых мусульман. Руководствуясь принципами пресловутого «истималета», они кичились своей «правдой» и «справедливостью». Жестоко расправляясь с феодалами и «предателями», они проявляли нарочитое беспокойство об интересах маленького человека. При оккупации Адена, например, были запрещены всякого рода грабежи и бесчинства, а один из османских матросов, уличенный в мародерстве, был повешен по личному приказу паши [121, с. 91]. В Эш-Шихре в ноябре 1538 г. турецкие солдаты мирно «спустились в город, покупали и продавали» [47, с. 127].

Переход бывших владений Тахиридов под непосредственное управление Порты сопровождался дальнейшей османизацией страны. К сожалению, об этом почти ничего не известно. Можно лишь утверждать, что турки ликвидировали социальные институты тахиридской эпохи, отменили икта и другие формы прежнего феодального землевладения, конфисковали богатства старых правящих фамилий. Земли, таможи и другие источники дохода перешли в ведение казны. Несомненно также, что были пересмотрены все старые налоги и введены принципы османского налогообложения. Об этом, в частности, свидетельствуют наименования и сам характер налогов, собиравшихся в Йемене в более позднее время.

Коренной реорганизации подверглась система суда и управления. В 1539 г. был образован эйалет Йемен, назначен первый османский бейлербей. Им стал Мустафа-паша ан-Надджар [82, т. VI, с. 361], сменивший Мустафа-бея Быйыклу-оглу, временно осуществлявшего функции правителя. За образец была принята военно-административная организация османского Египта. Система тимаров не вводилась [38, с. 92]. Как и в Египте, поддержание порядка в сельской местности возлагалось на местные военные формирования. Они комплектовались за счет представителей коренного населения и составляли большую часть вооруженных сил эйалета. Судя по отрывочным данным, на них приходилось 68—70% общей численности войск, отправлявшихся в поход из Южной Аравии [39, с. 60; 24, с. 388; 126, с. 227].

В соответствии с практикой управления и политическими традициями Порты бейлербеи Йемена должны были особое внимание уделять соблюдению шариата и османской законности, пресекать грабежи и бесчинства бедуинов, поддерживать в хорошем состоянии пути сообщения, караван-сарай и мечети. Особенно жестоко преследовались разбой и различного рода выступления против османской власти. По материалам Й.Хаммера, первый османский бейлербей Йемена получил прозвище «Надджар» («Пильщик») за то, что он имел обыкновение распиливать надвое попадавших в его руки разбойников [82, т. VI, с. 361].

Изменения, происшедшие в социальной и политической жизни Йемена, во многом совпадали с теми, которые происходили в Хадрамауте при Бадре III. Связи этой страны с Портой постоянно росли и развивались. Во время индийской экспедиции 1538 г. Хадрамаут разорвал только что заключенный договор с Португа-

лией и признал себя вассалом Османской империи. В августе 1538 г. в Эш-Шихр прибыло османское посольство во главе с Фархатом Шумаем — мамлюком Сулейман-паши аль-Хадима. При огромном стечении народа в присутствии султана Хадрамаута и османского посла в соборной мечети Эш-Шихра состоялась торжественная церемония, во время которой впервые в пятничной хутбе было произнесено имя турецкого султана [47, с. 127]. В ноябре 1538 г. Сулейман-паша аль-Хадим подтвердил полномочия Бадр III Бу Тувейрика как вассального правителя Хадрамаута, облеченного властью «от ворот Адена до пределов Дофара» [53, с. 27]. Бадр III обязался во всем поддерживать Порту и платить дань в размере 10 тыс. ашрафи (золотых монет).

Официальное признание сюзеренитета Порты ускорило процесс османизации Хадрамаута. Как и турки, Бадр III решительно выступал против традиционных социальных институтов и всей системы сложившихся социальных ценностей. Прежде всего он боролся против кастовой системы*, или, точнее говоря, против кастовых привилегий. В частности, он не считался с претензиями «сада» и «машаих» (высших кастовых групп) на исключительное осуществление религиозно-политических функций. В армию и государственный аппарат стали широко привлекать лиц незнатного происхождения [47, с. 131], исходя только из их личных заслуг. Бадр III отстранил от власти касиридских князей и развернул беспощадную борьбу против алидских мансабов и их бедуинских союзников. Он лишал их земли и доходов, заставлял платить налоги и нести повинности наравне с другими мусульманами. На месте раздробленных феодальных владений он создал централизованное военно-теократическое государство. Управление городами и провинциями было перестроено по османскому образцу. Вся власть на местах была сосредоточена в руках султанских амиелей, осуществлявших ее совместно с кадиями, назначавшимися центральным правительством [47, с. 133].

Армия, являвшаяся главным оплотом режима, подверглась коренной реорганизации. Вместо феодальных ополчений было созда-

* О кастовой системе в Южной Аравии и разногласиях, существующих в английской литературе по вопросу о кастах и их чисто индийском характере, см. [68, с. 190—191]. В отечественной литературе вопрос о кастовой системе в Южной Аравии впервые затронул В.В.Наумкин, который охарактеризовал ее как «иерархическую систему эндогамных групп, напоминающих касты» (см. [27, с. 23]).

но новое профессиональное войско, целиком состоявшее из наемных солдат. Его прообразом был отряд турецких волонтеров, приехавших в страну в 1520 г. По его примеру были созданы новые «румские полки» («болук руми»), вооруженные огнестрельным оружием. Коренные жители Хадрамаута в них не допускались. В качестве наемников привлекались в основном турки, яфииты (жители горного района Яфи на юге Йемена), африканские абида (или муваллады) и кабили из Северного Йемена [47, с. 120—122]. Они не имели никаких связей с местным населением и были послушным орудием в руках султана. Много внимания уделялось строительству крепостей, особенно на границах с зейдитским имаматом, а также торговому и военному флоту. Для его усиления, в частности, использовались корабли, захваченные у португальцев [53, с. 29; 47, с. 122].

Подражая османским правителям, Бадр III устанавливал единообразные налоги, заботился о поддержании безопасности на дорогах, строил мечети и медресе. Значительно укрепились позиции суннитского духовенства. Аравийские авторы не без гордости называют правление Бадра III «золотым веком» в истории Хадрамаута, периодом, когда здесь процветали религиозные науки и литература, жили видные улемы и суфии, было много поэтов, литераторов и историков [53, с. 30; 47, с. 123].

Основной опорой султана Хадрамаута и османских бейлербеев в Йемене были армия и суннитское духовенство. Широкую поддержку их политика находила также со стороны горожан и крестьянства шафиитских районов. Однако полной поддержки крестьян, особенно в горных районах Йемена, турки не получили. Нельзя сказать почему, но нигде — ни в самой Анатолии, ни в Иране, ни в Йемене — крестьяне-шииты не проявляли симпатий к османам и были поразительно невосприимчивы к пресловутому мифу о «крестьянской правде», который повсюду прокладывал дорогу османскому оружию. В Йемене шиитское крестьянство оказалось в стороне от тюркофильской истерии и вместе с бедуинскими племенами образовало массовую опору антиосманских движений на юге Аравии.

Непримиримыми врагами османского господства были приверженцы алидского легитимизма и кастовой системы, прежде всего представители высших кастовых групп «сада» и «машаих». Уравнительные и антиэлитарные тенденции турок, их нежелание счи-

таться с кастовыми обычаями, видимо, и были той главной причиной, которая предопределила непрочность османской власти в Йемене и Хадрамауте. В отличие от других арабских стран турки не смогли пустить здесь глубокие корни. Поборники османизма оказались здесь наносным, поверхностным элементом, чуждым всему духу аравийского общества. Приверженцы кастовых традиций независимо от своих религиозных убеждений выступали единым фронтом против османских порядков. Причем их раздражали не столько отдельные мероприятия турецких властей, сколько османское правосознание в целом, весь османский шариат. Один из зейдитских имамов, по словам Дм.Кантемира, не хотел даже слышать, чтобы говорили об османском законе [69, т. III, с. 6]. Касиридские эмиры, пишет С.А.Бавазир, никогда не могли простить Бадру III Бу Тувейрику, что «он действовал по своему произволу, решал дела без них и в крупных государственных делах опирался на лиц некасиридского происхождения» [47, с. 131]. При этом суннитские «сада» Хадрамаута открыто блокировались с зейдитскими имамами Йемена, в которых они не без основания видели главных хранителей кастовой системы. В 1538 г. ни зейдиты, ни «сада» Хадрамаута не признали сюзеренитета Порты. Когда Бадр III Бу Тувейрик провозгласил власть Сулеймана Великолепного, Осман аль-Амуди немедленно объявил о признании вассальной зависимости от зейдитского имамата [47, с. 133].

Немаловажным фактором, осложнявшим положение турок, был голод 1539 г. Он одновременно охватил португальские владения в Индии, юг Аравии и восточное побережье Красного моря. На Коромандельском берегу отмечались случаи людоедства [126, с. 269]. В Хадрамауте ели кожу. Всеобщему голоду предшествовали редкие по силе стихийные бедствия. В середине 30-х годов на Южную Аравию обрушились небывалые ливневые дожди, которые смыли поля, разрушили крестьянские жилища. В Хадрамауте погибла большая часть пальм [53, с. 90]. Значительно сократились поступления от налогов. Солдаты не получали жалованья и продовольственных пайков [47, с. 128]. В Адене они взбунтовались и ушли в Зейлу, на восточное побережье Африки [126, с. 269]. В других районах также происходили волнения. Едва они затихали в одном месте, пишет С.А.Бавазир, как возникали в другом [47, с. 128].

Зачинщиками волнений выступали, как правило, зейдитские мюриды, мансабы Хадрамаута, касиридские эмиры и вожди беду-

инских племен — одним словом, все те, кто был против установления османских порядков. Экономические трудности, голод и волнения были им как нельзя кстати. Засев в неприступных замках, вожди антиосманской оппозиции готовились к длительной и упорной борьбе. Они устанавливали связи с бедуинами и создавали боевые дружины, обучая их обращению с огнестрельным оружием*.

На первых порах антиосманские выступления феодалов имели локальный характер. Имам зейдитов Яхья Шараф ад-Дин со своими многочисленными сыновьями, вассалами и юридами, касиридский эмир Али бен Омар, опиравшийся на поддержку кахтанидской знати («машаих») Хадрамаута, и Осман аль-Амуди — вождь «сада» и глава могущественного клана Аль Амудийя, возводившего свое происхождение к халифу Абу Бекру, действовали каждый в отдельности. По существу, они занимали оборонительные позиции. Лишь в 1541 г., заключив союз с бедуинами и некоторыми феодальными кланами, Осман аль-Амуди начал открытое восстание. Войска Бадр III при поддержке турок из Адена сравнительно быстро подавили бедуинские племена, принудили мятежных феодалов к повиновению и в декабре 1541 г. штурмом взяли священный город Хадрамаута Кайдун [47, с. 129, 154]. В последующие годы Бадр III Бу Тувейрик совершил еще несколько походов против Османа аль-Амуди, но не добился решающего успеха. В 1545 г. между обеими сторонами был заключен мир [74, с. 130]. Хотя Осман аль-Амуди сохранил за собой Бейду, Бу Тувейрик значительно укрепил свое положение.

В горном Йемене турки также постепенно расширяли свои позиции. Глава исмаилитов Мухаммед бен Исмаил, потерпев поражение от войск имама Яхьи Шараф ад-Дина, обратился за помощью к туркам и признал власть Порты [48, с. 28]. В самой зейдитской общине возникли острые разногласия, перешедшие вскоре в кровавые междоусобицы. В 1545 г. старший сын имама аль-Мутаххар, недовольный решением отца назначить в качестве преемника своего второго сына Шамс ад-Дина Али, перешел на сторону османов [82, т. VI, с. 361]. Население многих городов Джебея, уставшее от бесконечных неурядиц, жаждало прихода турок и нередко поднимало восстания против имамских наместников.

* О наличии мушкетеров в войсках Османа аль-Амуди см. [47, с. 154]; о пороховых погребах у зейдитов см. [82, т. VI, с. 380].

Бейлербей Йемена Овейс-паша решил использовать эту ситуацию и распространить власть Порты на горные районы. Двинувшись на помощь аль-Мутаххару, он взял Таизз, Дамар, Сану и в 1547 г. установил свой контроль над большей частью Джебеля [48, с. 28; 121, с. 98].

Однако чрезмерно жесткая дисциплина, которую Овейс-паша поддерживал в своих войсках, вызывала ропот среди турецких солдат, особенно добровольцев-наемников. Один из их предводителей, Хасан Пехлеван, составил заговор и собственноручно убил бейлербея, ударив его кинжалом [82, т. VI, с. 361—362]. Мятежники захватили Сану, а вскоре и столицу эйалета Забид.

Убийство бейлербея и мятеж в турецкой армии воодушевили вождей антиосманской оппозиции. В 1547 — 1548 гг. в различных районах Йемена и Хадрамаута они подняли целый ряд восстаний. На севере против турок выступили шерифы Джизана. На юге Али бен Сулейман ат-Таулаки поднял племена в районах Абьяна и Лахджа, взял Аден и установил здесь власть бедуинов. В Джебеле вновь взялись за оружие различные зейдитские группировки, в том числе последователи аль-Мутаххары, Шамс ад-Дина Али и ряда других горских феодалов. В Центральном Хадрамауте мятежная знать сплотилась вокруг касиридского эмира Али бен Омара, который вскоре захватил Шибам и провозгласил себя султаном. В 1547 г. беспорядки охватили восточную часть Хадрамаута и Махру, где началось новое, третье по счету, выступление против Бадра III Бу Тувейрика. На западе Хадрамаута Осман аль-Амуди — этот самый упорный и неистовый враг турок, разорвал мирный договор 1545 г. и возглавил новую коалицию племен и феодальных кланов. Его отряды, отмечает С.А.Бавазир, «бесчинствовали в стране, терроризировали жителей, захватили Бур и совершили набеги на Тарим и Хайнин» [47, с. 130]. Полчища бедуинов со всех сторон обложили Шабву и начали осаду этой стратегически важной крепости, преграждавшей дорогу в Йемен.

Большие надежды руководители восстания возлагали на помощь извне. Даже приход португальцев казался многим из них предпочтительнее, чем владычество турок. В частности, глава махрийских повстанцев Саид бен Афрар и вождь бедуинов Абьяна Али бен Сулейман ат-Таулаки обратились за помощью к португальцам, обещая им признать сюзеренитет португальской короны

[72, с. 482; 126, с. 316]. В Гоа решили не упускать удобного случая. По приказу вице-короля капитан Ормуза немедленно отправил в распоряжение повстанцев три корабля с людьми и боеприпасами под общим командованием дона Пайо де Норонья. Более крупные подкрепления должны были прибыть из Индии. С помощью португальцев Саид бен Афрар захватил г. Киши — столицу Махры и перебил солдат Бадра III [47, с. 131]. Что касается дона Пайо де Норонья, то он со своими кораблями остался в Адене. Он обязался защищать город и семью Али ат-Таулаки, пока тот был занят борьбой с турками и султаном Хадрамаута [126, с. 317].

Положение повстанцев и их португальских союзников было далеко не легким. Основная масса населения поддерживала турок и отнюдь не желала менять их на бедуинов. В Адене, например, настроения жителей были настолько враждебными, что дон Пайо де Норонья ежеминутно опасался за свою жизнь. Проведя одну бессонную ночь в городе, он решил больше никогда не оставаться здесь на ночлег.

Узость социальной базы восстания позволила Порте без особого труда восстановить положение. Командующий османскими войсками в Йемене Оздемир-бей, черкес по происхождению, еще до прибытия нового бейлербея Фархад-паши подавил мятежи в Сане и Забиде. Их руководители Хасан Пехлеван и Хайдар были казнены [82, т. VI, с. 362]. Войска нового бейлербея двинулись на Аден и с помощью солдат Бадра III разгромили Али ат-Таулаки. Одновременно у берегов Аравии появился красноморский флот Порты под командованием Пири Реиса. Узнав о его приближении, дон Пайо де Норонья счел за благо ретироваться, бросив бедуинов на произвол судьбы. 26 февраля 1548 г. Пири Реис с «величайшей легкостью» [72, с. 482] взял Аден и соединился с войсками бейлербея, наступавшими на суше.

Через шесть дней к Адену подошла крупная португальская эскадра. Соотношение сил было явно не в пользу португальцев, и дон Алваро, командовавший эскадрой, решил уклониться от боя. Он двинулся к Эш-Шихру, но также не рискнул атаковать его. С досады дон Алваро приказал разгромить небольшой форт, сложенный из сырцового кирпича, который он заметил в окрестностях Эш-Шихра. Форт защищало 35 арабов. Израсходовав большое количество пороха и потеряв 40 человек убитыми, португаль-

цы взяли эту убогую крепость. Они полностью уничтожили ее гарнизон и захватили в плен старика со старухой, которые были отправлены к ним в качестве парламентаров. С этими «трофеями» дон Алваро возвратился в Гоа в апреле 1548 г. [126, с. 317—318].

Уход португальцев решил участь восстания в приморских районах Хадрамаута. Флот Бадра III установил контроль над всем побережьем, а затем доставил в Кишн «румские полки» султана. Саид бен Афрар прекратил сопротивление и лично прибыл к Бадру III как «стародавний приятель». Между ними был заключен мир. Махра вновь признала сюзеренитет Хадрамаута и обязалась не нападать на его гавани и корабли. В свою очередь, Бадр III признал право Махры на внутреннее самоуправление [47, с. 131].

Наиболее упорная борьба шла на западных рубежах Хадрамаута. Здесь ни одна из сторон не могла добиться решающего перевеса. В 1548 г. войска султана безуспешно осаждали Бейду — цитадель Османа аль-Амуди. В свою очередь, ополчения этого мансаба не могли взять Шабву, ограничиваясь разграблением вражеских территорий. Обе стороны несли большие потери и в августе 1549 г. согласились подписать новый договор о мире, который соблюдался вплоть до 1568 г. [47, с. 154—155].

Заключение мира с Османом аль-Амуди позволило Бадру III восстановить спокойствие в центральных и восточных районах Хадрамаута. В 1551 г. он подавил последние очаги волнений на востоке страны, затем взял Шибам и заключил в тюрьму Али бен Омара. Касиридские эмиры на время прекратили борьбу и подчинились власти султана Хадрамаута.

В Йемене успехи турок были еще более значительны. В 1548 г. в сражении при Абу-Арише они разбили объединенные войска арабских шерифов Джизана, затем вошли в горы и взяли Сааду — оплот зейдитов в северной части Джебеля. Главные города и районы Йемена вновь перешли под управление османских санджак-беев. Однако имам-мутеваккиль Яхья Шараф ад-Дин, его сын аль-Мутаххар, Шамс ад-Дин Али и другие шиитские вожди не слагали оружия. Они нашли убежище в родовых замках и оттуда совершали вылазки против турок.

Уничтожение этих зейдитских гнезд, откуда фанатики-сектанты нападали на мирные деревни, сторожевые посты и конвои турецких войск, было поручено смелому и отважному военачальнику

Оздемир-паше, который летом 1549 г. в «вознаграждение за стойкость», по словам аль-Батрика, был назначен бейлербеем Йемена. На помощь ему из Каира прибыли подкрепления численностью в 4 тыс. человек (3 тыс. пехоты и 1 тыс. конницы) под командованием Мустафа-паши ан-Наджара, ранее занимавшего пост йеменского бейлербея [82, т. VI, с. 362]. В 1549–1550 гг. турки совершили несколько походов в Джебель. По данным османских источников, Оздемир-паша взял семь крупных крепостей (Хаулан, Атра, Ханфар, Хабаш, Сакейн и др.), являвшихся главными базами шиитского сопротивления, и умиротворил страну. Шамс ад-Дин Али и Яхья Шараф ад-Дин отошли в глухие малодоступные районы. Что касается аль-Мутаххара, то он предпочел прекратить борьбу. «Затаив месть», пишет аль-Батрик, он признал верховный сюзеренитет Порты. По январскому соглашению 1551 г. он вновь был назначен в качестве турецкого санджак-бея правителем тех местностей, где осуществлял свои функции религиозного главы зейдитов [82, т. VI, с. 362].

Таким образом, восстание аравийской знати и бедуинов было подавлено. В результате карательных экспедиций 1547–1551 гг. турки восстановили свою власть над всей территорией Йемена, за исключением небольших и изолированных горных районов, оставшихся под управлением Шамс ад-Дина Али и Османа аль-Амуди. В Йемене и Хадрамауте наступил период относительного затишья.

Однако подлинного мира в Южной Аравии не было. Само присутствие турок, не желавших считаться с кастовыми обычаями страны, было фактором постоянной дестабилизации положения. Османский шариат, как уже отмечалось, был чужд всему духу южноаравийского общества и вызывал раздражение в стране. К тому же преемники Оздемир-паши на посту бейлербея Мустафа-паша ан-Наджар, Мустафа-паша Кара Шахин и Махмуд-паша были довольно слабыми и бездарными правителями. Все конфликты они решали путем применения грубой силы. Особой жестокостью и коварством отличался Махмуд-паша. Его имя стало нарицательным. В течение многих лет самые гнусные и вероломные убийства в Йемене назывались словом «махмудийат» [82, т. VI, с. 364].

Помимо этого в стране нарастали экономические трудности. В 60-е годы произошло катастрофическое обесценение денег.

Мустафа-паша ан-Надджар, Кара Шахин и Махмуд-паша не знали, что предпринять. Махмуд-паша, например, решил бороться с инфляцией единственно доступным ему методом: путем репрессий. В первые же дни своего правления он приказал казнить управляющего монетным двором. Увы, это не помогло. Стоимость монеты продолжала снижаться. Если в Румелии за один султанский дукат, по словам Кутб ад-Дина аль-Макки, давали 60 аспр, в Египте — 80, то в Йемене — от 300 до 2 тыс. аспр, причем с низким содержанием серебра. Жалованья в 3 тыс. аспр в месяц (1,5 дуката в реальном исчислении) едва хватало на то, чтобы покупать кофе [82, т. VI, с. 520].

Пытаясь свести концы с концами, должностные лица османской администрации стали обворовывать государство, вымогать взятки и подношения. В феврале 1565 г. новый бейлербей Йемена Рыдван-паша, столкнувшись с этими противозаконными действиями, направил в Порту специальный доклад о плохом управлении страной [82, т. VI, с. 364].

Население и войска роптали. Их недовольство всячески подогревалось вождями антиосманской оппозиции. Смерть султана Сулеймана Великолепного (сентябрь 1566 г.) еще более обострила положение. Известия об этом пришли в Йемен в самый разгар закулисных склок и скандалов, охвативших правящую верхушку страны. Дело в том, что в ответ на обвинения, содержащиеся в докладе Рыдван-паши, Махмуд-паша выдвинул целый ряд оправданий. В частности, он заявил, что трудности управления проистекали якобы из-за слишком больших размеров эялета. Соответственно было решено разукрупнить наместничество и вместо одного эялета создать два: Верхний и Нижний Йемен. В первый, с центром в Сане, вошли горные районы Центрального и Северного Йемена. Второй включал Тихаму и южную часть Джебеля. Его центром официально остался г. Забид, а фактически — Таизз, где любили жить османские бейлербеи. Разделение наместничества вызвало споры о разделе войск, казны, государственных имуществ и даже об административной принадлежности отдельных селений. В конечном итоге это вылилось в затяжной конфликт, который надолго парализовал действенность власти и ее способность противостоять антиосманской оппозиции [48, с. 29]. В частности, во время восстания исмаилитов в 1565—1566 гг. Рыдван-паша, занявший пост бейлербея Саны, несмотря на многочисленные заве-

рения, так и не смог получить поддержки от Мурад-паши, назначенного бейлербеєм Забида.

Этот разброд в правящих кругах умело использовал зейдитский имам аль-Мутаххар, который, несмотря на свой официальный статус османского санджак-бея, в глубине души ненавидел турок и исподволь готовился к возобновлению борьбы. В 1558 г. после смерти отца имама-мутеваккиля Яхьи Шараф ад-Дина он был избран в качестве его преемника и вскоре стал наиболее авторитетным вождем шиитской общины. Его младший брат Шамс ад-Дин Али отказался от своих прав на имамат и даже, по некоторым данным, отрекся от зейдитского вероучения [82, т. VI, с. 367]. Тем не менее он продолжал поддерживать брата в борьбе против турок. Что касается самого аль-Мутаххара, то он очень долго и тщательно готовился к восстанию. Под флагом борьбы против османского шариата он сплотил вокруг себя все фракции зейдитов, заручился содействием арабских племен и сделал все возможное, чтобы обеспечить себе поддержку в других частях Османской империи. Как известно, после мира в Амасии (1555 г.) шиитская «пятая колонна» отнюдь не сложила оружия (см. [95, с. 45]). В Йемене нашли убежище остатки южноиракских повстанцев 1549 г. Их вождь Улайян-оглу, как его называют османские источники, пользовался безграничным доверием имама и обеспечивал его связи со странами Персидского залива и Сефевидами. В 1567 г., получив от аль-Мутаххара «помощь деньгами, людьми и оружием» [1, с. 331], он одновременно со своим покровителем поднял восстание в Южном Ираке [121, с. 83; 69, т. III, с. 4].

В самом Йемене восстание было приурочено к отъезду из Саны Рывдан-паши. Пока его преемник Хасан-паша, русский по происхождению, находился в пути, Верхний Йемен фактически оставался без правительства. Мурад-паша, бейлербей Нижнего Йемена, видимо, не вникал в дела соседнего эялета. Во всяком случае, он не замечал ничего подозрительного. «Аль-Мутаххар, — пишет Й.Хаммер, — который до этого времени вводил в заблуждение Мурад-пашу своими заверениями в преданности и дружбе, неожиданно сбросил маску и начал осаду Саны» [82, т. VI, с. 365]. Мурад-паша, поняв наконец, в чем дело, выступил в поход, но тут же попал в засаду. Его войска были разгромлены, сам он убит. 9 августа 1567 г. капитулировала Сана. Едва вступив

в город, аль-Мутаххар нарушил условия капитуляции и подверг столицу верхнеиemenского эйалета нещадному грабежу. Османский гарнизон (около 1,4 тыс. человек) был интернирован. В руки зейдитов попало 17 санджак-беев и 4 аги. Руководство страной было полностью обезглавлено. Отдельные крепости и гарнизоны сопротивлялись каждый на свой страх и риск.

Взяв Сану, аль-Мутаххар объявил о свержении османской власти. 15 августа 1567 г. он был провозглашен халифом и повелителем правоверных (эмир аль-муминин). Его войска повсюду торжествовали победу. Один из его полководцев, Али бен Шовейя, 7 октября 1567 г. после непродолжительной осады штурмом овладел Таиззом, затем двинулся на юг, взял Аден, Мозу, Моху и оттуда начал наступление на столицу Йемена г. Забид (см. [82, т. VI, с. 366—367]).

Хасан-паша, который в сентябре 1567 г. прибыл наконец на место, объединил под своим командованием войска Верхнего и Нижнего Йемена. Их было немного, и паша не отважился идти в горы. Фактически он ограничился защитой ближайших подступов к столице. Его положение облегчалось тем, что в Тихаме зейдиты не пользовались никаким влиянием. Более того, их сектантская ограниченность отталкивала от них значительную часть суннитского населения. Шафииты Йемена по-прежнему предпочитали власть османских бейлербеев. Даже исмаилиты, которые в 1565—1566 гг. заключили союз с зейдитами, изменили фронт и перешли на сторону турок. В результате османские войска в Йемене, как отмечает И.Хаммер, могли быть «усилены большим числом арабов», которые сражались против аль-Мутаххара [82, т. VI, с. 372].

Забид оказался камнем преткновения на пути зейдитской армии. На подступах к столице отряды Али бен Шовейи потерпели поражение и были отброшены назад. Таким образом, Хасан-паше удалось отстоять Забид и прибрежные районы. Горный Йемен, Аден и Моха временно оказались под властью зейдитского халифа аль-Мутаххара и его мюридов.

Успехи зейдитов послужили сигналом для выступления антиосманской оппозиции в Хадрамауте. Бейдский мансаб аль-Амуди нарушил мирный договор 1549 г. и открыто встал на сторону аль-Мутаххара. В столице Хадрамаута — Сейюне произошел дворцовый переворот. Заговорщики из числа касиридских айянов во гла-

ве с сыном Бадра III эмиром Абдаллахом в августе 1568 г. арестовали султана и заключили его в замок Марима. Здесь он заболел и через некоторое время умер (февраль 1570 г.) [47, с. 132]. Еще раньше, в марте 1565 г., скончался известный шафийтский улем Бахрама — ближайший сподвижник и первый везир Бадра III Бу Тувейрика. Сторонники реформ лишились своих наиболее видных вождей. Возобладали приверженцы алидского легитимизма и сабейских традиций. Новый султан Абдаллах III (1568—1578) был ярким противником преобразований и практически ликвидировал все, что было создано его отцом.

После смерти Бадра III Хадрамаут снова распался на отдельные феодальные владения. Абдаллах III пытался было сохранить единство государства. Ему удалось подавить мятеж своего брата Джафара, но в конечном счете он не смог преодолеть центробежные тенденции. В конце XVI в. Хадрамаут вновь вступил в полосу феодальных войн и междоусобиц, которые подогревались как приверженцами османской ориентации, так и сторонниками алидского легитимизма.

В Йемене турки постепенно наращивали свои силы. В апреле 1568 г. Селим II (1566—1574) отменил разделение страны на два эйалета и сосредоточил всю полноту власти в руках одного бейлербея. Им стал Осман-паша, сын Оздемира, который сыграл первостепенную роль в подавлении восстания 1547—1551 гг. В короткий срок Осман-паше удалось заручиться доверием ряда племен и сплотить вокруг себя значительную часть суннитского населения. При его поддержке он восстановил власть Порты еще в нескольких районах. В частности, войска Осман-паши вернули Моху и Таизз [48, с. 30].

Однако стойкость зейдитов опрокинула расчеты турок на быструю победу. В Таиззе, например, зейдитский гарнизон, укрепившись в городской цитадели Эль-Кахира, даже после сдачи города продолжал оказывать сопротивление. Нужны были подкрепления, и имперский диван решил направить в Йемен красноморский флот Порты и специально сформированный экспедиционный корпус. В основном он был укомплектован за счет египетских контингентов, в частности мамлюков [73, т. 1, с. 121; 121, с. 100]. Командующим экспедицией был назначен бейлербей Египта Синан-паша — один из богатейших сановников империи, выходец из албанских крестьян, упрямый эгоист и невежда.

Экспедиционные войска выступили из Каира 5 января 1569 г. Морем они были доставлены в Янбо; оттуда по суше — в Йемен. Флот бросил якоря в Мохе. Ведение операций значительно затруднялось из-за разногласий, возникших между Синан-пашой и Османом Оздемир-оглу, которые принадлежали к различным кланам османской иерархии. Дело дошло до того, что в июле 1569 г. Синан-паша отстранил Османа от обязанностей бейлербея и выслал его из страны. Бейлербеем Йемена он вновь назначил русского ренегата Хасан-пашу, который, впрочем, как отмечает Й.Хаммер, «лишь номинально носил этот титул» [82, т. VI, с. 372].

С прибытием Синан-паши зейдитский гарнизон Эль-Кахиры в Таиззе сдался на милость победителей. Это позволило туркам превратить Таизз в главную операционную базу своей армии в Йемене. Основные силы под командованием самого Синан-паши двинулись к Сане. Часть войск во главе с Мимай-беем выступила в поход на Аден, куда подошли также корабли османского флота. После непродолжительной осады турки взяли Аден (15 мая 1569 г.) и восстановили свою власть на юге Йемена. Наступил черед Саны. Войска Синан-паши разбили зейдитские ополчения у горы Хутайш и взяли Дамар — один из главных рассадников зейдизма. 26 июля 1569 г. они подошли к Сане и без особого труда овладели городом. Попытки аль-Мутаххара отбить Сану не увенчались успехом. В одном из сражений погиб его сын аль-Хади. Наконец, в решающей битве под стенами города войска зейдитов численностью свыше 9 тыс. человек (1 тыс. конницы и 8 тыс. пехоты) потерпели сокрушительное поражение. Сам аль-Мутаххар едва спасся бегством и укрылся в своем замке в Суле (см. [82, т. VI, с. 372–378]).

Война, однако, на этом не закончилась. Не в силах противостоять туркам в открытом бою, повстанцы перешли к тактике партизанской борьбы. Горные условия местности как нельзя более благоприятствовали этому. Военные действия разворачивались одновременно в нескольких местах, преимущественно вокруг небольших горных замков. По существу, образовалось несколько отдельных центров сопротивления, и война приобрела локальный характер.

Турки волей-неволей были вынуждены перейти к этой длительной войне на истощение. Не решаясь полностью рассредоточивать свои силы, они поочередно подавляли отдельные очаги

сопротивления. Переходы войск, а также перевозки артиллерии, багажа и осадной техники отнимали у них много времени и сил. Чтобы поднять дух своей армии, Синан-паша увеличил жалование солдатам, разрешил им грабить занимаемые города и селения. Хаулан, Шибам и другие крепости в районе Саны были буквально стерты с лица земли. Десятки населенных пунктов были разрушены и сожжены.

Суеверные фанатики, какими были зейдиты, оказывали яростное сопротивление. Их силы удваивались, когда в горах распространились различного рода слухи о чудесах, знамениях и даже явлении пророка Мухаммеда, якобы пришедшего к ним на помощь [82, т. VI, с. 378]. Сыновья аль-Мутаххара, его брат Шамс ад-Дин Али, Катран, прозванный турками «аль-Маджнун» («Бешеный»), Али бен Тахир и другие повстанческие вожди не раз наносили войскам Синана чувствительные поражения. Несколько османских отрядов было полностью уничтожено. 4 марта 1570 г. «вследствие измены турецкого бея Мимая» даже Сана на некоторое время перешла под власть повстанцев.

Поистине легендарный характер приобрела осада горной крепости Каукабан (близ Саны). Она началась 17 августа 1569 г. Защитники Каукабана во главе с Мухаммедом, сыном Шамс ад-Дина Али, в течение девяти месяцев отражали попытки турок взять крепость. Каукабан был построен на вершине скалы на высоте 2700 м. Издали казалось, что он плывет в облаках. Подступы к Каукабану защищали глубокие рвы, дно которых покрывала грязная жижа. Тайными ходами они сообщались с внутренней частью крепости. Поэтому, когда турки стали забрасывать рвы мешками с землей, защитники Каукабана выходили через эти ходы и оттаскивали мешки в сторону. Скальные породы были настолько прочны, что осаждавшие, несмотря на все свои усилия, не смогли прорубить в них траншеи для закладки мин. Пушки и осадную технику солдатам Синана приходилось тащить на руках, лишь кое-где используя грузоподъемные механизмы. Наконец, когда из Саны был доставлен осадный мост с тяжелыми железными частями, то при первой же попытке перекинуть его через ров он сломался и рухнул под собственной тяжестью. В ярости Синан-паша приказал согнать сотни рабочих, которые под огнем противника начали строить новый мост, ведущий под стены крепости (см. [82, т. VI, с. 377—379]).

Война затягивалась. У обеих сторон появились признаки усталости. Зейдитских вождей особенно удручала бесперспективность борьбы, упорство и неодолимость османской армии. Среди них начались раздоры. Многие теряли веру в победу и стали переходить на сторону турок, как, например, Сейид Насир, который считался одним из наиболее верных и стойких приверженцев имама [82, т. VI, с. 378].

Синан-паша также был обеспокоен ходом кампании. В сражениях и мелких боях, в засадах и на горных дорогах он нес большие потери. Иссякали запасы золота. Для пополнения казны Синан-паша начал вводить чрезвычайные налоги, что, естественно, вызывало недовольство населения и грозило полностью подорвать позиции турок [48, с. 31].

Создалось положение, когда обе стороны были не прочь прекратить военные действия. Путь к миру открыло падение Каукабана. Решающую роль при этом сыграли не военные успехи Синан-паши, а его готовность идти на компромисс. 18 мая 1570 г. турки навели наконец осадный мост. Перед началом штурма Синан-паша предложил Мухаммеду бен Шамс ад-Дину достаточно почетные условия капитуляции. За признание верховной власти султана он согласился назначить его османским санджак-беем того же Каукабана с жалованьем в 600 тыс. аспр в год, и Мухаммед бен Шамс ад-Дин немедленно принял условия капитуляции [82, т. VI, с. 379].

Аналогичным образом в конце 1570 г. было достигнуто соглашение с имамом аль-Мутаххаром и другими зейдитскими вождями. Глава зейдитов торжественно признал верховный сюзеренитет Порты. Он согласился на размещение османских войск во всех крепостях и городах, где они находились до начала восстания 1567–1570 гг., а также обязался не оказывать никакой поддержки «мятежникам». В свою очередь, турки признали его в качестве религиозного главы зейдитов и передали под его управление ряд округов в северной части Джебеля. Среди них были Суля, Хадджа, Саада, Аффар, Хисн Ди-Мармар и прилегающие к ним местности. Здесь размещались турецкие гарнизоны, но непосредственное осуществление власти осталось в руках аль-Мутаххара как представителя османской администрации [48, с. 31–32].

Соглашение 1570 г. привело к восстановлению мира в Йемене. Оставалось лишь несколько разрозненных очагов сопротивления,

главным из которых был Ибб — вотчина Шамс ад-Дина Али. Подавление их было возложено на Бахрам-пашу, правившего в стране в 1570—1577 гг. Сам Синан-паша 1 марта 1571 г. покинул Йемен. Примерно через год умер аль-Мутаххар. Его брат Шамс ад-Дин Али был отравлен, Ибб — взят турками (см. [82, т. VI, с. 380]). Среди родственников и сыновей имама разгорелась борьба за власть, которая привела к полному развалу имамата. В шиитской общине начались раздоры; образовалось несколько фракций. Ее единство окончательно рухнуло в правление Мурад-паши (1577—1580). В это время в Сааде объявился новый имам, некто Хасан бен Али аль-Муайяди. Он попытался было поднять новое восстание, но большинство шиитов его не поддержало. Более того, зейдитские ансары и сыновья аль-Мутаххара оказали туркам немаловажную услугу, самостоятельно разгромив движение Хасана бен Али аль-Муайяди [48, с. 32].

Казалось, ничто уже не угрожает владычеству Порты. Власть бейлербеев была беспредельна. При Хасан-паше (1580—1605) она распространилась на самые глухие и отдаленные районы Йемена, включая Джизан и Неджран. Отдельные вспышки недовольства пресекались в самом начале. Большинство племен отказалось от борьбы, перешло на сторону турок и стало получать от них субсидии и подарки [48, с. 33].

И тем не менее позиции Порты были по-прежнему непрочны. Крушение зейдитского имамата и победы турецкого оружия отнюдь не означали стабилизации режима. Как и при первых бейлербеях, османская власть не имела широкой общественной базы. Наследники сабейских традиций отступили, но отнюдь не примирились со своим поражением. Вследствие этого «османизация» Йемена приобрела чисто внешний, поверхностный характер. Не только в период косвенного контроля (1517 г.) и установления османской власти (1538 г.), но и после восстаний 1547—1551 гг. и 1567—1570 гг. она наталкивалась на непреодолимые трудности. По существу, страна не была интегрирована в общественно-политическую систему империи. Возможно, лишь в шафиитских районах «османизация» означала нечто большее, чем простой военно-политический контроль Порты.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ СУДАНА И КРАСНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ АФРИКИ

В глобальной стратегии мировых держав завоевание Йемена турками следует рассматривать как крупное поражение Португалии. Обосновавшись в Южной Аравии, турки получили в свое распоряжение выгодный в военном отношении плацдарм, представлявший серьезную угрозу для морских коммуникаций крестоносцев. К тому же, как показали события, это создавало вполне реальную опасность для португальских баз в Индии и на восточном побережье Африки. Чтобы восстановить равновесие, а точнее — еще более укрепить свои позиции в бассейне Индийского океана, португальцы решили оживить свой давний союз с Эфиопией — этой таинственной страной пресвитера Иоанна, которая порождала у них столько надежд на рубеже XV—XVI вв.

Первые контакты между Эфиопией и Португалией были установлены еще в 1490 г. — за восемь лет до экспедиции Васко да Гамы, в период самой общей подготовки к «открытию» Индии. Эфиопия, находившаяся тогда под угрозой мусульманского завоевания, охотно приняла предложение о союзе, которое было сделано ей Педру ди Ковильяу — первым португальцем, появившимся в этой стране. В 1509 г. для заключения союза в Лиссабон прибыло эфиопское посольство во главе с Матвеем (Матеесом) — армянским монахом и путешественником, который находился на службе у правительницы Эфиопии Елены (Ылени) (см. [33, с. 248]).

Союз, заключенный в 1509 г., длительное время оставался на бумаге. Из-за дальности коммуникаций Португалия и Эфиопия с трудом поддерживали отношения. Лишь в 1520 г. Матвей вернулся в Африку. Вместе с ним в Эфиопию прибыло ответное португальское посольство, во главе которого находился дон Родриго де

Лима. Он привез с собой партию мушкетов, надеясь увидеть сильную и воинственную армию легендарного повелителя христианской Африки. Однако «первая встреча с абиссинцами, — пишет Р.С.Уайтвэй; — была жестоким разочарованием для португальцев» [126, с. 191]. Она надолго погасила их пыл, развеяв в прах те радужные надежды, которые были порождены воображением и настоятельной необходимостью иметь союзника на Востоке.

Эфиопия в эти годы переживала один из самых критических периодов своей истории. В конце XV в. она лишилась выхода к морю. Некогда могущественная армия негуса с трудом сдерживала натиск мусульманских войск. Правители Эфиопии полагались уже не столько на силу своего оружия, сколько на неприступность эфиопских гор, на эту «естественную оборонную мощь своего государства» [3, с. 128]. Самое главное, правители утратили доверие и привязанность народа. Трудящиеся массы Эфиопии, страдавшие от гнета церкви и светских феодалов, не хотели воевать за интересы опостылевшего им негуса. «Абиссинское крестьянство, — пишет К.Н.Лукницкий, — в лучшем случае относилось равнодушно к приходу мусульман» [24, с. 381]. Многие эфиопы обращались в ислам, восставали против своих христианских правителей и делали все возможное, чтобы ускорить победу мусульманских гази.

Аналогичные настроения, судя по всему, преобладали также в христианских государствах Восточного Судана. Нубийская церковь, составлявшая одно целое с яковитской монофизитской церковью Эфиопии, находилась на грани полного развала. Еще в начале XIV в. прекратило существование христианское государство Макурра (Макурия), столица которого находилась в Старой Донголе на правом берегу Нила. К 1484 г. относится последнее упоминание о христианах в Северной Нубии [56, с. 542]. В Южной Нубии в это время продолжало еще существовать христианское государство Алва (Алодия), которое занимало междуречье Белого и Голубого Нила. В религиозном и политическом отношении оно целиком зависело от поддержки Эфиопии. Раздираемое внутренними противоречиями государство Алва фактически распалось на отдельные «капитанства», как их называли португальцы, и с трудом противостояло натиску мусульман, которые, как и в соседней Эфиопии, несомненно имели много сторонников среди местного населения.

В экономическом отношении агония нубийского христианства была подготовлена упадком городов и земледельческой культуры. На протяжении четырех с лишним столетий Судан находился во власти арабских кочевых племен, которые вторглись в страну еще в XI в. Кочевники опустошали и грабили Судан. На рубеже XVI в. они были полными хозяевами необозримых полупустынных пространств, раскинувшихся по обоим берегам Нила. К началу нового времени они, по мнению проф. У.Адамса, стали численно преобладать над земледельческим населением [56, с. 590]. Одновременно отмечался регресс городской жизни. Раскопки, производившиеся в Собе, «показывают серьезный упадок материальной культуры» [56, с. 537]. Многие некогда цветущие города лежали в руинах; заглохла торговля. «Купечество, — говорит У.Адамс, — исчезло как класс» [56, с. 545].

На обломках христианской цивилизации Судана происходило становление новых мусульманских государств, которые постепенно заменяли примитивные полугосударственные образования кочевников. В Берберистане, как турки называли Нижнюю Нубию — страну, расположенную между первыми и третьими нильскими порогами, в начале XVI в. было несколько бедуинских эмиратов. Они осуществляли власть над земледельческим населением долины Нила, состоявшим в основном из нубийцев (барабра).

На Красноморском побережье хозяевами положения были египетские мамлюки. В мае 1506 г. в связи с усилением португальской опасности они оккупировали Суакин [83, с. 618], разместив здесь крупный мамлюкский гарнизон. С этого времени все западное побережье Красного моря до Суакина и южнее вновь оказалось под прямым управлением мамлюков. Номинально их власть распространялась также на все территории, расположенные между Нилом и Красноморским побережьем Судана. Основную массу населения здесь составляли кочевые племена беджа — особой народности, говорившей на кушитском языке то-бедауйе [36, с. 4]. У беджа было несколько эмиратов, власть и влияние которых изменялись с течением времени. Во главе их находились эмиры Хадариба — своего рода правящая каста химьяритского происхождения*. Переселившись из Хадрамаута, они сохранили свой

* По некоторым сведениям, само слово «хадариба» — это не что иное, как искаженное на языке беджа слово «хадарма» — «жители Хадрамаута», «хадрамаутцы» (см. [112, с. 64–65, 70]).

язык и свои кастовые обычаи и довольно рано приняли ислам, во всяком случае, значительно раньше, чем основная масса кочевых беджа, исламизацию которых обычно относят к XIV в. [112, с. 64, 65, 70].

В качестве вассалов мамлюкских султанов эмиры Хадариба обеспечивали с суши безопасность Суакина, являвшегося в начале XVI в. главным торговым и религиозно-политическим центром всего суданского ислама. Основной опорой Хадариба были родовые вожди беджа и шейхи арабских кочевых племен, в частности джухайна и авлад кахиль [110, с. 21]. Ополчения этих племен составляли основной костяк вооруженных сил хадарибских эмиров. С их помощью они осуществляли власть в бескрайних просторах Нубийской пустыни и Красноморских холмов, а также вели «священную войну» против христианских государств Северо-Восточной Африки, совершая походы в Нубию и Эфиопию. В начале XVI в. главным объектом их экспансии стали северные районы Тигре [112, с. 135].

В Центральном Судане их союзниками по борьбе с христианством были арабские кочевые племена и вооруженные банды темнокожих налетчиков, или «черных мавров», как их называли португальцы. На рубеже XV—XVI вв. они образовали два самостоятельных мусульманских государства, которые поддерживали между собой очень тесные отношения.

Одно из них было основано чистокровными бедуинами Джухайна, находившимися на службе у хадарибских эмиров. Их вождь Абдаллах Джамма («Собиратель»), по мнению современных исследователей, имел родственные связи с хадарибским «царем Востока», начал свою карьеру в районе Суакина, а затем был назначен наместником Хадариба в долине Нила [110, с. 23; 56, с. 599]. Здесь он создал могущественную конфедерацию арабских кочевых племен и объединил под своей властью разрозненные бедуинские эмираты, существовавшие в излучине великой реки, «собрав» их в одно государство. В конце XV в. оно взяло на себя основную тяжесть борьбы с Алвой, постепенно расширяя свои границы за счет Южной Нубии. В это время в районе слияния Белого и Голубого Нила уже существовали компактные группы оседлого арабского населения, находившиеся под властью Абдаллаха Джаммы, которому подчинялись также бедуины Центрального Судана [89, с. 9].

Второе мусульманское государство было создано «черными маврами» — союзниками хадарибских эмиров и Абдаллаха Джаммы. Они вошли в историю под таинственным наименованием «фунг» (или «фундж»), происхождение и значение которого вызывает многочисленные споры среди историков. Наиболее убедительным представляется мнение, высказанное отечественным исследователем истории Судана С.Р.Смирновым. Он отмечает, что фунги были отдаленными потомками «мероитов (эфиопидных племен кушитов, смешавшихся с нубийцами)», которые в древности составляли «основное земледельческое население долины Нила», а впоследствии испытали на себе «влияние южных соседей — нилотов, а затем арабов» [36, с. 69]. С этим мнением полностью совпадает позиция английского историка Дж.Сполдинга. Он определяет фунгов как «южнонубийский народ, родиной которого были земли по Белому Нилу ниже Великих болот» [110, с. 24]. По существу, этому не противоречит и точка зрения видных английских историков Судана У.Адамса и Дж.Траймингама. Они также полагают, что фунги были представителями автохтонного населения. Правда, они считают, что это было не этническое название, а «политический термин». Во всяком случае, утверждают У.Адамс и Дж.Траймингам, не было ни языка, ни племени «фунг» и «при отсутствии этнологических и лингвистических свидетельств все надежды на открытие их особого племенного происхождения обречены на неудачу» [56, с. 600]. По их мнению, этот термин вообще лучше не связывать с какой-либо расой или культурой*. Скорее всего он означал, как полагает Дж.Траймингам, «небольшое господствующее меньшинство с неочевым прошлым» [124, с. 85] или же, как пишет У.Адамс, «наследственную правящую касту, подчинившую себе группу туземных неарабских племен по верхнему течению Голубого Нила» [56, с. 600]. В этом качестве фунги были, как отмечает Дж.Траймингам, неразрывно связаны с туземными жителями Гезиры, которых они называли «хамадж» [124, с. 85]. В свою очередь, «хамадж», являвшиеся главными последователями фунгов, были, как логично предполагает У.Адамс,

* Другие точки зрения сводятся в основном к тому, чтобы рассматривать фунгов как пришельцев-завоевателей. Джеймс Брюс, побывавший в Судане в 1772 г., первым заявил, что фунги происходили из нилотского племени шиллуков. А.Аркелл вывел их из Дарфура; Чэйтавэй, Налдер и Кроуфут — из абиссинских предгорий. Компромиссную позицию заняла Е.А.Биргауз [6, с. 6—8].

«бывшими нелояльными подданными Алвы» [56, с. 600]. Как бы то ни было, в начале XVI в. фунги предстали перед первыми европейскими путешественниками как мусульмане, которые говорили по-арабски и даже претендовали на происхождение от Омейядов, хотя в их внешнем облике не было и следа арабской крови, а в их ближайшем окружении еще в течение длительного времени продолжали говорить на местном доарабском языке (см. [56, с. 600; 110, с. 29]).

В свете всего сказанного можно считать, что фунги, или «черные мавры», были выходцами из коренного населения Южной Нубии (древнего Мероэ), которые составляли верхушку мусульманского повстанческого движения, направленного против яковитской церкви и христианских феодалов Алвы. Самостоятельно или совместно с беджа-арабскими отрядами хадарибских военачальников они совершали налеты на южнонубийские замки и города, поджигали христианские селения, разрушали церкви и опустошали берега Белого и Голубого Нила. В ходе этой борьбы среди фунгских вождей выдвинулся некто Умара Дункас, который впоследствии стал первым из черных султанов Сеннара. Вне всякого сомнения, он был выходцем из коренного населения. Об этом, в частности, свидетельствует арабское предание, которое отмечает, что Умара Дункас сначала был христианином и лишь потом, примкнув к повстанческому движению, принял ислам [110, с. 31].

Окончательное падение Алвы, как отмечает У.Адамс, «прочная суданская традиция» связывает с совместными нападениями арабов и фунгов [56, с. 538]. При этом руководящую роль, по крайней мере на первом этапе борьбы, современные историки склонны отводить арабам. Именно они помогли фунгам утвердиться в Гезире и основать здесь свое государство [112, с. 77]. В дальнейшем, по мере увеличения численности и влияния темнокожих повстанцев, ведущая роль перешла к фунгам. Об их отношениях с арабами на заключительном этапе борьбы повествует так называемая «Фунгская хроника» — сеннарская летопись XIX в., написанная на основе устных преданий и не дошедших до нас письменных источников. Она начинается с рассказа о том, как после взятия столицы Алвы Собы (близ нынешнего Хартума) Умара Дункас и Абдаллах Джамма заключили между собой договор, который следующим образом определил отношения в лагере мусульман:

«Известно, что правление Умары Дункаса началось с того, что он собрал вокруг себя людей, численность которых непрерывно возрастала, и он находился с ними в Джебель-Мойе, расположенной к западу от Сеннара. Сюда к нему пришел Абдаллах Джамма из арабов кавасма, который был отцом шейха Аджиба аль-Кафути, прародителя Авлад Аджиб. Фунги решили начать войну против царей Собы и Керри. В соответствии с этим Умара и Абдаллах Джамма выступили в поход со своими войсками, вели бои с царями Собы и Керри, разгромили их и убили. После этого они договорились, что Умара должен быть царем вместо царя Алвы, то есть Собы, так как он был сильнее, а Абдаллах Джамма должен быть вместо царя Керри. И он в соответствии с этим пошел и основал у Джебель-ар-Равйана на восточном берегу город Керри и сделал его местопребыванием трона своего царства. Умара же основал город Сеннар там, где до этого жила женщина по имени Сеннар. Здесь он сделал столицу своего царства. Это было в 910 году хиджры (1504 г.). И продолжали быть Умара и Абдаллах подобны братьям, но Умара занимал более высокое положение, чем Абдаллах, если оба они находились в одном месте. Но когда они были в разных местах, то к Абдаллаху относились точно так же, как к Умаре» (цит. по [124, с. 74, примеч. 3; 56, с. 538]).

Таким образом, старшим правителем мусульман Центрального Судана был признан Умара Дункас — первый фунгский султан Сеннара (1504—1534). Его власть простиралась на всю Верхнюю и Южную Нубию от третьих нильских порогов до абиссинских предгорий. Однако под непосредственным управлением Умары Дункаса в соответствии с договором 1504 г. находились только земли по Белому и Голубому Нилу, или то, что турки называли «Фунгистан». Его границы в основном совпадали с территорией Южной Нубии (кроме ее северных районов), и таким образом новый мусульманский султанат стал как бы государством-преемником средневековой христианской Алвы. Столица государства после разрушения Собы была перенесена на юг в Сеннар — в сердце Гезиры, являвшейся основным ядром фунгских владений.

Младшим правителем, или «вице-королем» мусульман Центрального Судана, стал Абдаллах Джамма. По договору 1504 г. под его непосредственное управление переходила Верхняя Нубия, или, точнее, все земли от третьих нильских порогов до слияния Белого и Голубого Нила. В основном это была Байюда — терри-

тория, простиравшаяся в излучине Нила от Старой Донголы до шестых порогов. Таким образом, Абдаллах Джамма стал, по сути дела, преемником средневековых повелителей Макурры и даже унаследовал, согласно арабскому преданию, «украшенную драгоценными камнями корону нубийских царей» [56, с. 599]. Его столицей, как уже отмечалось, был избран г. Керри, который многие историки склонны идентифицировать с современным селением того же названия примерно в 70 км к северу от Хартума. Основной опорой Абдаллаха Джаммы по-прежнему являлись бе-дуины из созданной им конфедерации арабских кочевых племен, которые с этого времени стали известны под общим наименованием «абдаллабы» — «потомство, дети Абдаллаха»*.

Однако отсутствие каких-либо дополнительных материалов, подтверждающих сообщение «Фунгской хроники» о договоре 1504 г., породило в английской историографии многочисленные конъектуры. Все они носят чисто умозрительный характер и в лучшем случае могут быть квалифицированы как проявления самой безудержной гиперкритики. Основываясь на смутных исторических преданиях, не имеющих точной привязки во времени и относящихся скорее всего к более позднему периоду, ряд английских авторов решили по-иному подойти к проблеме арабо-фунгских отношений. Сообщение «Фунгской хроники» было объявлено фальшивкой, созданной позднее либо в интересах «абдаллабской пропаганды», пытавшейся якобы «скрыть и замаскировать период фунгской гегемонии» [110, с. 191, примеч. 60, 76], либо, наоборот, в интересах «государственной пропаганды» фунгских султанов, стремившихся «легитимизировать свою власть» [56, с. 538—539].

Начало этим гиперкритическим искусам было положено в 1932 г. статьей «Происхождение фунгов» А.Аркелла, который, по словам Дж.Траймингама, затеял настоящее судебное дело против «Фунгской хроники», поставив под сомнение ее ценность как источника по истории XVI—XVII вв. [124, с. 74]. Его поддержали П.М.Холт (1960 г.), Дж.Сполдинг (1971 г.) и ряд других английских исследователей. Полностью отбросив суданскую историческую традицию, которая, как уже отмечалось, связывала падение Алвы с совместными выступлениями арабов и фунгов, они решили

* Суффикс «аб», как разъясняет проф. У.Адамс, заимствован из языка беджа и означает «потомство такого-то» (см. [56, с. 762, примеч. 13]).

перевести отношения между этими двумя народностями в плоскость национально-расового конфликта. Согласно их концепции, не Умара Дункас, а абдаллабы сначала завоевали Алву, а затем столкнулись здесь с фунгами. Их вождь Умара Дункас то ли с запада, то ли с юга вторгся в Гезиру и «бросил вызов» [110, с. 24] войскам Абдаллаха Джаммы. В мифическом сражении при Арбаджи, которое в этом случае датируется тем же, 1504 г., фунги якобы разгромили армию абдаллабов, вырвали у них «плоды их более ранней победы над Собой» [56, с. 600] и заставили их признать свою власть. Без этого поражения, подчеркивает А.Аркелл, арабы никогда не согласились бы «служить» в качестве вице-королей у черных султанов [58, с. 208]. Затем фунги, правда, по не совсем ясным для нас причинам, решили приобщить к своей собственной истории подвиги разбитых ими абдаллабов и разработали версию «Фунгской хроники» [56, с. 538].

Самым слабым пунктом этой «конфронтационной» концепции является принятие ислама фунгами. Как это объяснить, если они действительно были непримиримыми противниками абдаллабов? Было бы куда логичнее, если бы они сохранили свою старую религию как своего рода «национальный символ» и «знамя сопротивления». Фунги же поступили наоборот. Более того, они всячески рекламировали свое происхождение от Омейядов и тем самым подчеркивали свое родство с арабами. Очевидная абсурдность ситуации побудила П.М.Холта ввести в дело третий элемент и объяснить исламизацию фунгов политическими мотивами, выходящими за пределы арабо-фунгского конфликта, а именно «страхом перед турками». Но уже Дж.Сполдинг отметил, что это наименее правдоподобно [110, с. 32]. И в самом деле, о каком страхе перед турками могла идти речь, если до 1517 г. фунги вообще не соприкасались с турками и, во всяком случае, не имели с ними никаких особых отношений. К тому же их разделяла могущественная империя мамлюков, враждебно относившихся к туркам-османам и ревниво оберегавших свои сюзеренные права на Судан. Любопытно также, что П.М.Холт не смог привести ни одной исторической параллели, которая свидетельствовала бы о самой возможности такой ситуации, когда потенциальная жертва предполагаемого агрессора спешила бы принять его религиозную и социально-политическую систему без всякого давления с его стороны.

Не более убедительными выглядят также экономические и лингвистические мотивы, на которые ссылается Дж.Сполдинг. Он

считает, что «усиление торговых связей» с Суакином и постепенное распространение арабского языка как *lingua franca* нубийской администрации и торговли были решающими факторами, побудившими фунгов принять ислам [110, с. 32—33]. Но если учесть враждебный характер отношений, которые в течение длительного времени существовали между христианским центром Судана и его мусульманским побережьем, то логичнее было бы предположить, что торговые, языковые и другие контакты были не причиной, а следствием исламизации фунгов.

В свете всего изложенного выше гораздо предпочтительнее выглядит совершенно иная концепция, а именно принятие ислама фунгами по социальным и политическим мотивам. Подобно маласаям* соседней Эфиопии они скорее всего склонились к исламу как к своего рода «подрывной» идеологии, которая противостояла всей системе моральных, социальных и политических отношений, существовавших в христианской Алаве. Фунги приняли ислам как единственно доступное им учение, дававшее религиозную санкцию их борьбе против гнета церкви и ненавистных нубийских феодалов. Турки же при этом если и сыграли какую-то роль, то лишь как носители тех идеалов «социальной справедливости» и «народолюбия», которые воодушевляли в те времена крестьянство многих других арабских стран.

Следует, наконец, отметить, что «конфронтационная» концепция А.Аркелла — П.М.Холта совершенно не соответствует логике событий, происходивших в регионе на рубеже XV—XVI вв. В это время здесь разворачивалась небывалая по своей ожесточенности борьба между крестом и полумесяцем. Яковитское христианство оказалось на краю гибели. Негус и его союзники с трудом сдерживали натиск многочисленных армий воинствующих мусульман. Впервые в истории перед ними открылась перспектива раз и навсегда покончить с христианством в северо-восточной части Африки. Война в Нубии, вне всякого сомнения, была лишь эпизодом этой более широкой исторической драмы. И участвовавшие в ней два мусульманских движения: абдаллабы и фунги, имевшие перед собой общего врага, вряд ли могли позволить себе роскошь междоусобной борьбы.

Взятие и разрушение Собы в 1504 г. отнюдь не были финалом нубийской войны. За ними, по мнению многих историков, после-

* Маласаи — мусульмане из коренного амхарского населения Эфиопии.

довало падение Керри — «последнего христианского бастиона в Судане» [56, с. 539]. Когда это произошло, сказать пока невозможно. Но бои после взятия Собы происходили еще по крайней мере четверть века. Каждое из 150 «капитанств», имевшее своим центром укрепленный замок с кирпичной церковью посередине, должно было разделить участь столицы. И все это время южно-нубийские христиане, несомненно, оказывали сопротивление, получая помощь от соседней Эфиопии. Это яковитское государство безусловно участвовало в войне со «злыми черными маврами», о которых так много говорилось в окружении негуса [110, с. 31—32, 34]. Из Эфиопии шло оружие, деньги, войска. В апреле 1520 г., когда португальское посольство прибыло в Массауа, оно не застало там местного губернатора. Он был «в походе в направлении Египта». Во время этой кампании, как рассказывали португальцы, в одном из сражений погибли сын губернатора и 400 всадников [126, с. 190—191; 110, с. 34].

Нубийская война была крайне кровопролитной. Она отличалась большим ожесточением и массовыми разрушениями. До сих пор сохранились руины Собы, ставшей в Судане, по словам У.Адамса, метафорой для выражения полного и бесповоротного уничтожения [56, с. 539]. Кроме того, на берегах Белого и Голубого Нила можно видеть развалины по крайней мере еще 10 христианских поселений, разгромленных фунгами [124, с. 79]. Совместно с абдаллабами и беджа они разрушали христианские храмы, истребляли и преследовали яковитов, а оставшихся в живых насильно обращали в ислам. В ходе войны погибло все нубийское духовенство. В стране не осталось грамотных христиан, а многие из тех, кто приняли ислам и жили, по утверждению одного сирийского яковита, в тайной надежде вновь стать христианами, в большинстве случаев утратили самые элементарные представления о своей прежней религии. В 1520—1527 гг. во время пребывания португальцев в Эфиопии ко двору негуса прибыло нубийское посольство из шести человек «с просьбой прислать к ним священников и монахов, чтобы они учили их» [124, с. 77]. Из Египта, откуда они раньше получали своих религиозных наставников, никто не приезжал. Да и сам негус, судя по всему, не рискнул отправить к ним своих клириков [58, с. 204; 124, с. 77].

Христианство в Южной Нубии полностью угасло самое раннее в начале 30-х годов XVI в. Тогда же, т.е. в последние годы

правления Умара Дункаса, окончилась нубийская война. Лишь успехи афарских и сомалийских мусульман, которые в 1529—1531 гг. завоевали Тигре и разорили «всю верхнюю Эфиопию до границ Сеннара» [39, с. 58], должны были отрезать суданских яковитов от их эфиопских единоверцев и тем самым обречь их на окончательное поражение.

На востоке ближайшими союзниками фунгов и хадарибских эмиров были мусульманские государства Африканского Рога. Важнейшим из них был султанат Адал. Его главные центры, в том числе столица Зейла, находились на берегах Аденского залива. Во внутренних районах они получали поддержку от исламизированных кочевых племен и множества маласаев, которые основали город Харэр как центр эфиопского ислама [3, с. 16]. В правление султана Мухаммеда (1488—1518) делами государства фактически заправлял эмир Махфуз (Маффуди) — влиятельный сановник, который возглавлял «священную войну». Около 1516 г., точнее вскоре после этой даты, молодой абиссинский негус Давид III (Либнэ-Дынгьль) нанес сокрушительное поражение афари-сомалийским войскам. Сам Махфуз погиб. Давид III предал огню и разорил многочисленные селения мусульман. Это еще более ожесточило противоборствующие стороны и вместе с тем обострило обстановку в Адале. После смерти султана Мухаммеда в Зейле развернулась ожесточенная борьба за власть. В ходе ее выдвинулся один из наиболее решительных противников Эфиопии эмир Ахмед ибн Ибрахим аль-Гази, сомалец по происхождению, более известный под прозвищем Грань («Левша»). Он стал своего рода политическим преемником Махфуза. Женившись на его дочери, он принял титул имама и вскоре захватил всю полноту власти в Адале, устранив султана Абу Бекра и возведя на трон своего ставленника султана Умар ар-Дина (см. [3, с. 131]).

Своей главной задачей Ахмед Грань считал уничтожение яковитского христианства. На этой почве он установил отношения со всеми политическими противниками Эфиопии и создал воинствующую коалицию мусульманских государств. Все они имели общего врага, были сплочены единством ближайших целей и, несомненно, помогали друг другу в борьбе с христианством. Это создавало определенную общность интересов и, безусловно, привело к «выравниванию» их позиций по отношению к мировым державам, в первую очередь к Португалии и Турции.

По сравнению с Эфиопией португальцы представляли более серьезную опасность. Их флот сеял смерть на берегах Судана и Сомали. Корабли крестоносцев безжалостно бомбардировали и разрушали прибрежные сомалийские города: Могадिशо (1499 г.), Браву (1506 г.) и др. В 1507 г. португальцы впервые появились на Красном море. В 1513 г. они совершили нападение на Суакин — столицу суданского ислама. Этот город поражал их своими размерами, богатством и красотой [126, с. 271; 72, с. 448]. Хадарибским эмирам с большим трудом удалось отстоять его, и то лишь с помощью мамлюков. В июле 1517 г. Лопу Суареш обстрелял и сжег Зейлу — столицу султаната Адал. Цитадель города была взята и разграблена крестоносцами. В 1518 г. варварскому разгрому подверглась Бербера — один из важнейших портов Адала. Португальские пираты, обосновавшись в Аденском заливе, как в своем охотничьем заповеднике, захватывали все попадавшие им мусульманские торговые суда. Они грабили берега, забирали продовольствие, рабов и наиболее ценные товары. В 1520 г. адалский султан Абу Бекр вынужден был даже перенести свою столицу из Зейлы в маласайский Харэр [3, с. 131].

Неудивительно поэтому, что появление турок в Египте было встречено в мусульманских государствах Африки с большой радостью. Падение мамлюкской империи (апрель 1517 г.), которая не сумела оградить их от посягательств «неверных», должно было восприниматься ими как проявление воли небес и соответственно вселять новые надежды. Ведь для них было совершенно безразлично, кто контролирует Египет. Им было важно иметь здесь более сильного и надежного покровителя, на которого они могли рассчитывать в борьбе с христианством. Все это, как представляется, достаточно убедительно объясняет, почему мусульманские правители Африки с такой поспешностью направили гонцов в ставку Селима I и признали верховный сюзеренитет Порты [121, с. 56]. Все они заявили о своей преданности султану и выразили готовность поддерживать с ним такие же отношения, какие у них существовали с прежними повелителями Египта. Даже незрелые неопиты вроде Умары Дункаса решили не отставать от других и прислали в Каир свои делегации. Послы Умары Дункаса, в частности, представили Селиму I генеалогические таблицы, составленные неким ас-Самарканди, которые якобы свидетельствовали о происхождении фунгов от омейядского халифа Мервана. Тем са-

мым они хотели как бы документально подтвердить свою давнюю сопричастность к делу ислама [56, с. 604; 58, с. 188, 208].

Таким образом, в 1517 г. все мусульманские государства на северо-востоке Африки, по крайней мере юридически, перешли под сюзеренитет Османской империи. Возросли влияние и авторитет Порты как важнейшего фактора военной и политической эволюции региона. К сожалению, в нашем распоряжении очень мало свидетельств, показывающих политику Порты в Судане в этот первый период османского господства. Вероятно, она мало чем отличалась от политики турок в других арабских странах, оказавшихся под их косвенным контролем. Если это так, то турки должны были поощрять хотя бы частичную «османизацию» общественной жизни, содействовать строительству мечетей и других религиозных учреждений, поставлять оружие, деньги и проповедников. Как новые сюзерены Судана они должны были давать инвеституру и утверждать полномочия местных правителей*. Для защиты страны от португальцев турки разместили в красноморских портах, в частности в Суакине, Массауа и Зейле, свои гарнизоны, вооруженные огнестрельным оружием. Они подчинялись паше Джидды, который, судя по всему, имел здесь своих представителей (наибов)**.

Впервые эти гарнизоны, по мнению ряда историков, появились в 1520 г. [112, с. 77; 102, с. 44], одновременно или вскоре после оккупации Могаддишо португальцами.

В обмен за помощь и покровительство вассальные правители Судана посылали в Порту подарки, а в некоторых случаях платили дань. В Суакине, например, турки, по словам португальцев, забирали в качестве дани половину таможенных доходов, что составляло примерно 30 тыс. ашрафи (золотых монет) в год [72, с. 448; 126, с. 272]. Остальное оставалось в распоряжении местного хадарибского правителя.

Резко усилилась пропаганда ислама. Как абдаллабы, так и фунги широко распахнули двери, по образному выражению У.Адамса, перед мусульманскими вероучителями [56, с. 604].

* Порфирий Успенский, например, пишет, что после завоевания Египта турки услышали о «подвигах» Махфуза и «признали его правителем Зейлы» (см. [39, с. 57]).

** В связи с походом Давида III А.Бартницкий и И.Мантель-Нечко говорят о «турецком губернаторе Зейлы», который «прислал в дар» Махфузу огнестрельное оружие, великолепное зеленое знамя и огромный шатер (см. [3, с. 118]).

Причем если раньше это были в основном заезжие миссионеры из числа йеменцев и североафриканских паломников, то теперь это были главным образом суданцы, прошедшие полный курс богословского образования в Каире. Они строили мечети и религиозные школы — хальва, собирали вокруг себя учеников и обучали их Корану. В абдаллабских владениях своим миссионерским рвением отличались сыновья Джабира, основавшие в районе Донголы несколько новых религиозных центров [124, с. 100]. В Фунгистане первым проповедником шариата считается шейх Махмуд аль-Араки. Он родился в Судане на берегах Белого Нила, изучал здесь же мусульманское право по маликитскому мазхабу. Затем учился в Египте. Вернувшись, он около 1520 г. построил замок Каср-Махмуд на Белом Ниле, который стал его главной резиденцией. Всего им было основано 15 религиозных школ-хальва [124, с. 115]. Фунгские султаны всячески поощряли исламизацию страны. Они покровительствовали Махмуду аль-Араки и другим религиозным наставникам, следили за соблюдением предписаний ислама и, в частности, за обязанностью мусульман совершать хадж. Они даже брали на себя расходы, связанные с паломничеством в Мекку [124, с. 100].

Объектом особого внимания Порты был султанат Адал. Он являлся основной базой для наступательных операций против Эфиопии. Кроме того, он занимал важное стратегическое положение у входа в Баб-эль-Мандебский пролив. Вследствие этого турки внимательно следили за событиями в Адале, всемерно поддерживая «партию джихада» во главе с Ахмедом Гранем. На протяжении всей своей карьеры он получал большую помощь от турок, в частности от бейлербея Египта, который предоставил в его распоряжение отряд босняков и албанцев, а также большую партию огнестрельного оружия, включая пушки [39, с. 58; 3, с. 138].

В 1525 г. Ахмед Грань разорвал мирные отношения с Эфиопией. В следующем году он разбил негуса Давида III и оттеснил эфиопов из приморских районов. Затем в течение трех лет он не выходил за рамки «пограничной войны» [3, с. 132] и целиком посвятил себя реорганизации войск. С помощью турецких янычар [39, с. 58] ему удалось создать небольшую, но сравнительно дисциплинированную армию, вооруженную огнестрельным оружием. Ее ядро составляли местные арабы, а также афарские и сомалийские контингенты. Турки официально не участвовали в военных

действиях и не посылали в Адал своих регулярных войск [102, с. 50]. Лишь время от времени они отправляли сюда отряды волонтеров и борцов за веру, главным образом из Южной Аравии [3, с. 158; 102, с. 49; 126, с. 269].

Армия негуса была более многочисленной. Но она была плохо организована и вооружена, отличалась недисциплинированностью и крайне низким уровнем морального состояния войск. Не хватало огнестрельного оружия. К тому же эфиопы не умели с ним обращаться и нередко вынуждены были прибегать к услугам «арабских пушкарей» [3, с. 156].

В 1529 г., закончив необходимые приготовления, Ахмед Грань совершил первый крупный поход. Затем во время новых кампаний он нанес Давиду III еще несколько сокрушительных поражений. Христиане потеряли Шоа (1529 г.), Дауаро, Тигре (1531 г.), Амхару (1533 г.) и ряд других провинций. Десятки городов, включая Аксум, перешли в руки мусульман. Солдаты Граня нещадно грабили христианские храмы и монастыри и, как пишет К.Н.Лукницкий, используя материалы «Футух аль-Хабаша» Абд аль-Кадера Шихаб ад-Дина, «во славу Аллаха обдирали золото с потолков и стен церквей» [24, с. 370]. Десятки тысяч людей были обращены в ислам. Многие расы (главы селений и городов) покидали Давида III и переходили на сторону Ахмеда Граня. К началу 1540 г. в его руках оказалась почти вся южная и центральная часть Эфиопии, ряд местностей на севере. По некоторым сведениям, 90% населения приняла ислам [24, с. 381]. Армия фактически развалилась и с трудом удерживала изолированные горные районы. Сам негус с небольшим отрядом скрывался в «пустынных местах и горах тигренских» [39, с. 59]. Потеряв царство, армию и подданных, он умер 2 сентября 1540 г. на далеком севере, вблизи монастыря Дэбрэ-Дамо [3, с. 154].

Вакантный трон занял его сын Клавдий (Гэлаудеос, 1540—1559). Положение стало постепенно изменяться. Клавдию удалось приостановить развал армии и вернуть доверие «слабых и вероломных абиссинов, которые, — как пишет П.Успенский, — ожидали решительных событий для того, чтобы стать на стороне сильнейшего повелителя» [39, с. 59]. 7 декабря 1540 г. юный негус одержал первую серьезную победу. «Судьба войны, — отмечают А.Бартницкий и И.Мантель-Нечко, — изменилась как по волшебству» [3, с. 155].

В этот переломный момент на помощь Клавдию пришли португальцы. Ранее они ограничивались лишь диверсиями и грабежами на берегах Аденского залива. Наиболее крупными были рейды на окрестности Массауа (1520 и 1526 гг.) и Зейлу (1528 г.). На большее португальцы просто не отваживались. Даже когда в 1535 г. Давид III обратился к ним с просьбой о помощи [58, с. 206], они не откликнулись на нее. И лишь оккупация Йемена турками (1538 г.) и новые успехи Ахмеда Граня побудили их перейти к более решительным действиям.

В 1541 г. после двухлетней подготовки восточный флот Португалии предпринял крупную операцию на Красном море. Она была ответом на индийский поход Сулейман-паши аль-Хадима и имела своей целью уничтожение красноморского флота Порты. Командующим был сам губернатор Индии (1540—1542) дон Эштеван да Гама — сын знаменитого мореплавателя. В его распоряжении находилось 72 корабля с большим количеством войск и военного снаряжения. 11 февраля 1541 г. эта армада появилась на рейде Массауа. Крестоносцы рвались в бой. Вопреки приказу командующего, не хотевшего расплыть свои силы, около 100 португальских мушкетеров самовольно высадились на берег и решили идти на помощь абуне (эфиопскому патриарху). Попытка дона Мануэла да Гамы, брата губернатора, остановить безумцев стоила ему жизни. С развернутым знаменем под грохот военной музыки сотня мушкетеров двинулась в глубь Африки и была тотчас же уничтожена турецкими янычарами. Лишь двум португальцам удалось спастись и вернуться на свои корабли [126, с. 271, 275].

Несмотря на этот прискорбный случай, несколько омрачивший начало похода, дон Эштеван да Гама решил продолжать экспедицию. Прежде всего он хотел уничтожить морские силы турок. 22 февраля 1541 г. его флот подошел к Суакину. Надеясь получить выкуп, а главное, лоцманов, которые могли бы провести их в Суэц — главную базу красноморского флота, португальцы попытались начать переговоры. Однако Суакин ответил отказом. Тогда португальцы высадили десант и 8 марта атаковали город. Небольшой гарнизон (около 40 турок) и жители бежали. Ворвавшись в Суакин, португальцы учинили чудовищный грабеж, затем подожгли опустевший город и суда, находившиеся в гавани [72, с. 448; 126, с. 272].

10 марта 1541 г. крестоносцы двинулись дальше. Не зная условий навигации, они с большим трудом пробирались среди отмелей и рифов. Движение флота еще более замедлялось из-за частых остановок и разграбления прибрежных городов, в частности Кусейра (14—18 апреля), где были захвачены богатейшие склады османского интендантства, и Эт-Тура (21—22 апреля), который был расположен на южной оконечности Синайского полуострова. Когда наконец Эштейван да Гама подошел к Суэцу (26 апреля), то турки успели отвести свои корабли в более надежное место, где они находились под защитой наземных батарей. Губернатор Индии не рискнул атаковать турок и 28 апреля двинулся в обратный путь (см. [126, с. 272—274; 72, с. 448—449]).

В начале июля 1541 г. дон Эштейван да Гама вторично пришел в Массауа. На этот раз он решил высадить специально сформированный экспедиционный корпус для помощи негусу. Он насчитывал около 400 человек. Командующим был назначен дон Криштован да Гама — младший брат губернатора. 7 июля состоялась их последняя встреча, и 8 июля флот поднял паруса, взяв курс на Аден [126, с. 275; 58, с. 206].

9 июля 1541 г. дон Криштован да Гама двинулся в горы по направлению к Дыбароа. Он тщательно избегал встречи с противником и, продвигаясь вперед, не обращал никакого внимания на преследовавшие его отряды Ахмеда Граня, а тем более на требования мусульман покинуть Африку [24, с. 387]. К началу зимы да Гама удалось укрыться в труднодоступном горном районе. Ахмед Грань был чрезвычайно обеспокоен этим обстоятельством и, в свою очередь, обратился за помощью к туркам. Бейлербей Йемена немедленно выделил ему 900 янычар и 2 тыс. арабских всадников. В ожидании их Ахмед Грань также не предпринимал никаких решительных действий.

В середине декабря 1541 г. дон Криштован да Гама возобновил свой поход по горам Эфиопии. 4 апреля 1542 г. он достиг Анасы и соединился с войсками негуса. Самого Клавдия еще не было; он находился в пути вместе с главными силами армии. Тем не менее дон Криштован да Гама почувствовал себя значительно увереннее и совместно с эфиопами из Анасы решил атаковать мусульман. Первое сражение было безрезультатно; во втором португальцы нанесли серьезное поражение афаро-сомалийским ополчениям [3, с. 157]. Начавшийся сезон дождей на время разъединил воюющие

стороны. Однако после прибытия подкреплений из Йемена Ахмед Грань, не дожидаясь окончания сезона дождей, 28 августа 1542 г. предпринял нападение на христианский лагерь в Анасе. Эфиопы не выдержали натиска янычар и обратились в беспорядочное бегство. Португальцы последовали за ними, побросав своих раненых и убитых, всего около 200 человек. Дон Криштован да Гама потерпел полное поражение. Его войска рассеялись. Сам он был ранен, взят в плен и казнен янычарами [3, с. 158; 39, с. 60].

Эштеван да Гама тем временем пытался установить связь с братом. Весной 1542 г. в Красное море была направлена небольшая эскадра под командованием Энрике де Васконселлуша. Однако его попытки высадить десанты в Массауа и Суакине были отражены турками, и он ни с чем вернулся в Индию [72, с. 451].

После разгрома эфиопо-португальских войск Ахмед Грань отпустил обратно большую часть янычар и йеменских спахивей. Он оставил себе только 200 турок [58, с. 206], т. е. примерно столько же, сколько было португальцев у Клавдия после битвы при Анасе. Война в Эфиопии продолжалась с прежним ожесточением. 22 февраля 1543 г. в сражении при Ээнтере недалеко от оз. Тана Клавдий нанес сокрушительное поражение афарио-сомалийским войскам. В начале боя португальской пулей был сражен Ахмед Грань. Вместе с ним погибло 40 турецких янычар. Армия мусульман была разбита и почти полностью уничтожена. Клавдий начал быстро восстанавливать свои позиции, возвращая одну провинцию за другой (см. [3, с. 158; 58, с. 206]).

В это время португальцы решили начать переговоры с Портой. Прежде всего они добивались признания своей гегемонии в Индийском океане. Возможно, с ведома испанцев, стремившихся к перемирию на Западе, они направили свое посольство в Стамбул. Оно прибыло в 1544 г. и предложило туркам заключить мир сроком на 10 лет [82, т. V, с. 389; 72, с. 450]. Согласно инструкциям, послы должны были заявить о готовности Португалии ежегодно поставлять Порте (с доставкой в Басру) 127 тыс. кг перца. В обмен на это туркам предлагалось поставлять 20 тыс. четвертей пшеницы, т.е. около 2,5 тыс. ц. Кроме того, от Порты требовали, чтобы она не перепродавала получаемый перец и не закупала его в других местах. Свободная торговля пряностями полностью запрещалась. С этой целью португальцы настаивали на том, чтобы им было предоставлено право контролировать Баб-эль-Мандебский

пролив и производить здесь досмотр всех торговых судов. Порта должна была разоружить свой красноморский флот и заморозить численность своих войск в Адене, признать за португальцами полную свободу мореплавания и торговли у берегов Аравии, в частности в Адене, Забиде и Джидде. Османские же суда должны были получать от португальцев особые лицензии с уплатой соответствующих пошлин. В противном случае португальцы выговаривали себе право захватывать эти суда и конфисковать их грузы. Кроме того, от османского правительства требовали взять на себя обязательство не строить новых военных кораблей и не производить вооружений, которые могли бы создавать опасность для португальского судоходства в Индийском океане. Наконец, турки должны были согласиться на поставку Португалии, в случае если бы возникла такая необходимость, 10 тыс. четвертей пшеницы по рыночным ценам (см. [72, с. 450—451]).

Условия мира были заведомо неприемлемы для Порты. Их принятия, как правильно отмечает Ф.Дэнверс, «можно было бы ожидать лишь от поверженного врага» [72, с. 451], и Сулейман Великолепный их, естественно, отклонил. Военные действия в регионе не прекращались. К середине XVI в. португальцы значительно укрепили свои позиции в Эфиопии. Помимо солдат в стране появились европейские поселенцы и миссионеры. Началось строительство католических церквей. Клавдий разрешил местным христианам-яковитам посещать костелы и переходить в латинскую веру. При нем католическое духовенство заняло ведущее место в общественно-политической жизни Эфиопии, превратив ее в надежную опору португальской политики на Востоке (см. [33, с. 249]).

Восстановление эфиопского государства как сильного и боеспособного союзника Португалии резко изменило обстановку в регионе. Положение мусульман еще более ухудшалось из-за систематических неудач османского флота, который не мог поколебать морское могущество Португалии. Поражения Пири Реиса (1552 г.), Мурад-паши (1553 г.) и Сиди Али (1554 г.) не оставили никаких надежд на реализацию тех планов, которые связывались с созданием в 1547 г. красноморского адмиралтейства. Португальцы чувствовали себя уверенно и, по существу, стали безраздельными хозяевами южных морей. Турки ничего не могли им противопоставить, кроме пиратских налетов на отдельные корабли и порты

противника. Главное же, они оказались не в состоянии прикрывать берега Аравийского и Красного морей.

Над мусульманскими государствами Судана и Африканского Рога нависла вполне реальная угроза эфиопо-португальского завоевания, тем более серьезная, что эти государства не имели соответствующих средств защиты.

В этих условиях Порты решила осуществить военную оккупацию Судана. Прочный контроль над территорией должен был как бы изнутри обеспечить безопасность мусульманских земель, лишая португальцев всякой надежды утвердиться здесь, за пределами береговой линии. К тому же размещение в Судане крупных контингентов османских войск гарантировало бы африканских мусульман от вторжения со стороны Эфиопии. Инициатором этого плана был Оздемир-паша, бывший бейлербей Йемена, который хорошо знал положение в Африке. В 1555 г. Сулейман Великолепный одобрил его предложения и назначил бейлербеем вновь создаваемого эялета Хабеш (Абиссиния).

Получив назначение, Оздемир-паша сформировал в Египте 30-тысячную армию [82, т. VI, с. 363]. Помимо мамлюков в ее состав вошли боснийские войска и другие контингенты из Румелии и азиатских провинций Порты. В 1556 г. они выступили в поход вверх по Нилу. Без особых сложностей Оздемир-паша занял Асуан, Ибрим, Сай и установил контроль над всей территорией Нижней Нубии. Часть войск двинулась дальше, на Суакин. Однако трудности похода через Нубийскую пустыню побудили его изменить первоначальный маршрут. Вместе с главными силами своей армии он вернулся в Египет и на следующий год морем достиг Суакина. Отсюда его войска двинулись на юг и при поддержке флота заняли Массауа и Зейлу, оккупировав все Красноморское побережье Африки. Таким образом, в 1557 г. Оздемир-паше удалось сравнительно легко осуществить свой план и распространить власть Порты на северо-восточную часть Африки (см. [82, т. VI, с. 363; 89, с. 24—25]).

Столицей нового эялета Оздемир-паша избрал г. Массауа, превратив его в мощный плацдарм «священной войны». Положение христиан резко ухудшилось. Установив свою власть на обоих берегах Баб-эль-Мандебского пролива, турки, по существу, закрыли его для португальцев. К 1556 г. относится последнее упоминание об их нападении на окрестности Суакина и Суэца [72, с. 507]. В Эфио-

пии картина также изменилась. При поддержке турок мусульмане вновь перешли в наступление. Беджа-арабские ополчения хадарибских эмиров, а возможно, и фунги, возобновили налеты на Тигре и другие северные районы Эфиопии. В Адале Оздемир-паша установил контакты с Нур ад-Дином ибн Муджахидом — племянником Ахмеда Граня и его преемником, который после смерти своего дяди возглавил борьбу против эфиопских христиан. С его помощью турки совершили несколько походов во внутренние районы страны и в 1558—1559 гг. установили контроль над всей территорией, простиравшейся между Массауа и Дыбароа, т.е. над всей Северной Эритреей [82, т. VI, с. 363; 89, с. 25]. 23 марта 1559 г. войска Нур ад-Дина наголову разгромили армию негуса. Сам Клавдий погиб в бою; его голова по приказу Нур ад-Дина была выставлена на столбе у городских ворот Харэра [3, с. 159—160].

Непрерывная тридцатилетняя война истощила силы воюющих сторон. Как христианские, так и мусульманские земли Эфиопии были разорены. К тому же в середине XVI в. они подверглись нашествию кочевых орд галла. В стране воцарилась хозяйственная разруха. Мусульманские районы находились на грани голодной смерти. В этих условиях продолжать войну было практически невозможно, и в 1559 г. обе стороны согласились заключить мир. «Итак, — пишут А.Бартницкий и И.Мантель-Нечко, — 1559 год завершил тридцатилетнюю войну, не изменив основного соотношения сил между обоими противниками. Харэрский султанат продолжал владеть восточной частью Эфиопского нагорья. Эфиопская империя — как и прежде — занимала западную часть возвышенности. Такое положение вещей сохранялось вплоть до 1887 г.» [3, с. 160]. Что касается Эритреи и Судана, то они окончательно перешли под власть мусульман. От некогда существовавших здесь христианских государств не осталось ничего, кроме руин и заброшенных кладбищ.

Большинство мусульманских земель Северо-Восточной Африки вошло в состав эялета Хабеш. В XVI в. его главными санджаками были Ибрим, Суакин, Аркико, Массауа и Зейла. Они охватывали Нижнюю Нубию и все земли по побережью Красного моря от границ Египта до Аденского залива, т.е. примерно современные территории красноморских провинций Судана, Эритреи, Джибути и округа Зейла Сомалийской республики [94, с. 11]. В военно-административном отношении к эялету Хабеш была

отнесена также крепость Джидда на побережье Хиджаза, куда временами переносилась резиденция хабешского бейлербея. Турки установили в стране законы шариата и твердую администрацию. Система тимаров и зеаметов не вводилась [38, с. 92]. Власть на местах, как и в Египте, осуществляли кяшифы, которые опирались на османские гарнизоны, размещенные в важнейших городских центрах и вновь построенных крепостях (кале). Охрану степей и караванных троп обеспечивали военно-служилые племена беджа и арабов, сохранившие свою родо-племенную организацию и внутреннюю самостоятельность. Как и «каледжи» («люди из крепости», янычары), они освобождались от налогов и других повинностей, не связанных с несением военной службы.

Адал, Фунгистан и Верхняя Нубия не были включены в состав эйалета Хабеш и сохранили свою автономию как вассальные владения Порты. Фунгские султаны Найиль (1534—1551), Абд аль-Кадер I (1551—1558) и Умара II по прозвищу Абу Сакаикин (1558—1569), судя по всему, лояльно сотрудничали с турками. Во всяком случае, они насаждали шариат и постепенно «османизировали» Южную Нубию. Известно, например, что в правление Умары II Абу Сакаикина, т.е. сразу же после окончания тридцатилетней войны в Эфиопии, шейх Ибрахим аль-Булад распространил «науку фикха» по всей Гезире [124, с. 115—116]. Еще более крупный шаг по пути османизации сделал Декин (1569—1586). По примеру турок он полностью реорганизовал управление страной и ввел в Фунгистане «единое законодательство, основанное на шариате» [36, с. 10]. В «Фунгской хронике» говорится, что «он был одним из величайших султанов фунгов. Он как нельзя лучше перестроил систему управления и установил твердые законы, которые ни один человек в его государстве не отваживался нарушать; и в каждый округ своего государства он назначил начальника...» [56, с. 601].

Что касается Верхней Нубии, то здесь вплоть до похода Оздемир-паши правил Абдаллах Джамма. Если верить одному из источников, то он умер только в правление Умары II Абу Сакаикина, т.е. в конце 50-х годов XVI в. [110, с. 191, примеч. 60]. Его преемником стал аль-Аджиб Абдаллах, или Аджиб Великий, при котором отношения с турками и фунгами претерпели существенные изменения. В отличие от фунгов он отказался от османизации абдаллабских владений. Османские порядки не устраивали

бедуинов, которые были против ограничения своих вольностей и привилегий. Это, видимо, и было причиной их разрыва с прежними союзниками.

Начало конфликта восходит к первому походу Оздемир-паши. В 1556 г. он ликвидировал полунезависимые бедуинские княжества Нижней Нубии, которые, вне всякого сомнения, имели тесные связи с абдаллабами, во всяком случае, с частью абдаллабских племен. Есть сведения, что многие из них выступили против турок, оказав поддержку своим братьям на севере. Они всячески мешали продвижению османских войск и нападали на отдельные отряды Оздемир-паши. Более того, как отмечает Дж.Сполдинг, ссылаясь на предания, собранные И.Буркхардтом, абдаллабы пытались распространить свое «влияние» на всю Нижнюю Нубию [110, с. 35]. В связи с этим в Донголе и Керри образовалось две «партии»: за и против турок. В конечном итоге верх одержали противники лояльного сотрудничества с Портой. Тогда проосманская фракция обратилась за помощью к турецким властям. В 1576 г. османские войска на многочисленных лодках двинулись вверх по Нилу. Однако в сражении при Ханнике (близ о-ва Арку) аль-Аджибу удалось уйти от поражения, несмотря на то, что турки имели пушки, которых не было у бедуинов [110, с. 35–37]. Примерно в это же время, «около 1580 г. или даже ранее», как говорит А.Пол, аль-Аджиб Абдаллах совершил поход на Суакин, разгромил ополчения беджа и вступил в город [112, с. 77]. На юге в эту междоусобную борьбу были вовлечены фунгские султаны Сеннара. В правление Декина напряженные отношения, сложившиеся между абдаллабской вольницей и упорядоченной администрацией фунгов, переросли в открытый военный конфликт. Декин потерпел поражение и был вынужден уступить аль-Аджибу ряд округов, признав автономию арабских племен Гезиры, которые вышли из-под юрисдикции фунгов и стали платить налоги абдаллабскому правителю Керри [110, с. 37, 39]. К северу от Донголы военные действия также прекратились, возможно при посредничестве «святых» отшельников. На месте сражения при Ханнике была построена кубба (мавзолей «святого»), которая стала отмечать линию прохождения абдаллабо-турецкой границы, соблюдавшейся вплоть до 1821 г. (см. [110, с. 35]).

Несмотря на феодальные междоусобицы и оппозицию бедуинов, Судан в целом вошел в орбиту османского влияния. Усили-

лись процессы арабизации и исламизации страны. Переход Судана под власть Порты укрепил его связи с Египтом и западным побережьем Аравии. Увеличилось значение арабов и арабского языка. Многочисленные памятники арабской письменности XVI в., найденные в Ибриме, «показывают, — как пишет У.Адамс, — высокую степень грамотности на арабском языке» [56, с. 573]. Оживились земледелие и городская жизнь. Было восстановлено много замков и населенных пунктов; строились куббы, завии и мечети. Наконец, переход красноморских портов под власть турок и установление в стране хотя бы элементарного порядка привели к частичному возрождению старых международных путей, шедших через территорию Судана и Египет [120, с. 107]. Важнейшим центром транзитной торговли по-прежнему являлся Суакин. Сюда приходили караваны с золотом и слоновой костью из Эфиопии и Фунгистана, а главное, мусульманские торговые суда, которые с немалым риском для себя в обход португальских кордонов привозили в Суакин большие количества лекарственных препаратов, ароматических веществ и пряностей. Они нелегально закупались в Камбее, Пегу и Малакке [112, с. 92]. Причем арабы предлагали здесь более высокие цены и соответственно получали товары в первую очередь и более высокого качества, чем португальцы.

Можно считать, что в середине XVI в. Португалия потерпела поражение в войне за пряности. Несмотря на неудачи османского флота, завоевание турками Йемена, а затем и Красноморского побережья Африки нанесло тяжелый удар по претензиям португальской короны на монополию ост-индской торговли. В этом плане поход Оздемир-паши означал победу мусульман в борьбе за экзотические сокровища Дальнего Востока. Тысячи документов, писал французский историк Фернан Бродель, неопровержимо показывают, что «древний путь пряностей» был полностью возрожден в 1550—1570 гг. [66, с. 423—426]. Вся Западная Европа, за исключением Испании, Португалии и атлантических провинций Франции, вновь стала снабжаться перцем из стран Арабского Востока. При некотором сокращении закупок в Халебе (Алеппо) и Трабзоне пряности в небывалых до того количествах стали поставляться через порты Красного моря. «Через Красное море, — говорит Ф.Бродель, — поступало столько перца и пряностей, сколько их никогда не поступало» [66, с. 429]. Португальские власти были в полном унынии и даже опасались, что перца не

хватит для их собственных закупок. «Это была почти экономическая революция», — отмечал все тот же Ф.Бродель [66, с. 430].

В 1554—1564 гг. через Суакин, Джидду и другие красноморские порты в Европу вывозились по 20—40 тыс. ц пряностей в год. В 1554 г. одни только венецианцы закупили в Александрии около 6 тыс. ц; в 1560—1564 гг., т.е. вскоре после похода Оздемир-паши, эта цифра возросла до 12 тыс. ц в год, достигнув примерно уровня, существовавшего до экспедиции Васко да Гамы (см. [66, с. 428]). Лишь в 70-х годах XVI в. португальцам удалось несколько улучшить свое положение и взять реванш в борьбе за «золотые миллионы», как тогда говорили про ост-индские товары. Тем не менее вплоть до захвата Индийского океана Голландией (приблизительно к 1625 г.) мусульмане сохраняли свою ведущую роль в торговле между Европой и Дальним Востоком, поставляя на Запад большую часть пряностей, наркотических средств и бальзамов.

Создатель эйалета Хабеш и красноморского просперити Оздемир-паша умер в Дыбароа в 1559 г. Через десять лет его прах был перенесен в Массауа. Здесь его сын Осман-паша, бейлербей Йемена в 1568—1569 гг., построил великолепную мечеть с усыпальницей, где были захоронены останки великого газа, защитившего ислам от угрозы португальского завоевания.

Преемники Оздемир-паши продолжали его политику конфронтации с христианством. Однако попытки турок в 1561—1562 гг. с помощью мятежного эфиопского раса бахыр-нэгаша Йисхака закрепиться в Тигре закончились неудачей. 20 апреля 1562 г. войска эфиопского негуса Менаса (1559—1563) разбили мусульман и их союзника бахыр-нэгаша [3, с. 167]. Новая турецко-эфиопская война 1572—1589 гг., несмотря на свою длительность и упорство, также не привела к сколько-нибудь существенным изменениям в территориально-стратегическом положении сторон [3, с. 173—175; 102, с. 52—62]. Мирный договор, заключенный в 1589 г., подтвердил в основном линии разграничения, сложившиеся в 1559 г. Мирные отношения установились также между Эфиопией и Фунгистаном, который в правление Декина (1569—1586) прекратил военные действия против негуса [58, с. 210].

По существу, ничейным исходом закончилась также последняя фаза турецко-португальской войны на море. Турки без труда отбили несколько сравнительно небольших нападений португальского

флота, в частности на Аркико. В свою очередь, они ничего не добились во время наступления, которое они предприняли в южных морях сразу же после присоединения Португалии к владениям испанской короны в 1580 г. Их нападение на Маскат (1581 г.) и португальские фактории на восточном побережье Африки фактически ничего не дали. Успехи турок, в частности установление сюзеренитета Порты над Момбасой в 1585 г., оказались крайне непрочными [92, с. 44]. В 1589 г. португальцы разгромили османский флот, восстановили свой контроль над Момбасой и вынудили Порту признать сложившееся положение. По существу, в 1589 г. турки выбыли из борьбы за Индийский океан, ограничившись завоеванием Судана и Красноморского побережья Африки.

ИСПАНИЯ И ОСМАНСКИЕ ГАЗИ В ТУНИСЕ

В Средиземноморье борьба между крестом и полумесяцем имела не менее упорный и напряженный характер, чем на Востоке. В XVI в. в фокусе этой борьбы оказался треугольник Тунис — Мальта — Триполи. Контроль над ним приобрел решающее значение для исхода конфронтации между двумя сторонами. Утвердившись здесь, духовно-рыцарская империя Габсбургов гарантировала бы безопасность своих берегов и морских коммуникаций. Мусульмане же в случае успеха обеспечивали свои позиции в Северной Африке, создавали угрозу для самых развитых и динамичных стран католического мира: итальянских государств и Испании, которые в эпоху Возрождения составляли основу растущего могущества Запада.

На рубеже XV—XVI вв. Тунис и Триполи входили в состав некогда могущественной державы Хафсидов. Как непосредственные преемники Альмохадов они хранили традиции этих неистовых поборников ислама. Они соблюдали торжественную простоту этикета, носили величественные титулы халифов и повелителей правоверных (эмир аль-муминин), оказывали внимание альмохадским шейхам и другим ревнителям единобожия (таухид). Единственное, что они не смогли сохранить, — это варварскую мощь и динамизм своих предшественников. Бездумная инерция и иммобилизм подточили основы их могущества. К концу XV в. хафсидское государство насквозь прогнило и после смерти Османа (1435—1488) — последнего из великих султанов Туниса — рухнуло как колосс на глиняных ногах.

Казалось бы, одно мгновение отделяет величие Хафсидов от их падения. Но оно было подготовлено всем ходом предшествующего развития. Унаследованная от Альмохадов социальная и политическая система полностью изжила себя. Интеллектуальный застой,

агония деревни, своеволие и мятежи бедуинов дополняли картину всеобщего разложения. В конце XV в. Ифрикия приближалась к перигею «послехлялийского регресса» [115, с. 162]. С середины XI в. ее население, по оценкам М.Тальби, сократилось на две трети. Исчезли даже руины городов и селений, которые еще в начале XIV в. отмечали путешественники. В конце XV — начале XVI в. кочевое население по численности преобладало над оседлым [59, с. 27—28]. Лишь около приморских городов и горных селений сохранились очаги земледельческой культуры. Равнины обезлюдели, покрылись кустарником и сорными травами. Древняя Ифрикия превратилась в огромную пустошь, где кроме кочевников можно было встретить лишь диких зверей. Дон Хуан Австрийский в 1573 г. охотился в окрестностях Карфагена на диких быков. Львы встречались в непосредственной близости от человеческого жилья. Хасан аль-Вазан аз-Зайяти (1489—1554) рассказывает о любопытных приемах, к которым прибегали тунисские женщины, чтобы избежать нападения этого хищника.

Города, еще хранившие остатки старой цивилизации, владели жалкое существование. В Сусе, например, в 1526 г. $\frac{4}{5}$ домов стояли заколоченными. Горожане сами заботились о своей безопасности. Они строили простейшие оборонительные сооружения: кирпичные стены, земляные валы или просто высокие ограды из камня. Надеясь откупиться от кочевых феодалов, жители городов выплачивали шейхам племен огромные суммы за покровительство (хафара). Оседлое население ненавидело бедуинов, при случае устраивало самосуды. Оно рассматривало их как лиц, находившихся за пределами мусульманской общины, а борьбу с ними — как джихад. В XV в. тунисские муфтии вынесли несколько фетв, в которых «осуждали этих зачинщиков волнений и разложения (фасад), опасных для мусульманского сообщества; они запрещали продавать им оружие и всякое военное снаряжение; они рекомендовали не покупать продуктов их грабежа» [67, т. II, с. 160].

Бедуины чувствовали себя полными хозяевами Туниса. В их распоряжении находились икта и сахмы, а также субсидии правительства и отступные от горожан. Любая попытка лишить их доходов вызывала волнения, принимавшие, как правило, форму грабежей и восстаний. Повиновение племен целиком зависело от политической виртуозности властей, от их способности маневрировать и поддерживать дружественные отношения с вождями наибо-

лее могущественных бедуинских кланов (см. [15, с. 152—192]). Кочевники постоянно вмешивались во внутренние дела государства и охотно поддерживали любых претендентов на престол, лишь бы они платили субсидии и подтверждали их прежние права и привилегии.

После смерти Османа на хафсидском троне в течение шести лет сменилось четыре султана: Абу Закария Яхья III (1488—1490), Абд аль-Мумин (1490 г.), Абу Яхья Закария II (1490—1494) и, наконец, племянник последнего Абу Абдаллах Мухаммед V (1494—1526). Попытки «этого слабого султана, друга удовольствий» [67, т. I, с. 280], избавиться от опеки бедуинов обернулись непоправимой катастрофой. В сражении под Кайруаном кочевники нанесли Абу Абдаллаху Мухаммеду V сокрушительное поражение. Султан едва спас свою жизнь и, покрытый позором, возвратился в столицу в сопровождении всего лишь восьми всадников [50, с. 190].

Исход сражения под Кайруаном развязал центробежные силы. Государство фактически распалось на отдельные феодальные владения. Шейхи Улед Мескин, Улед Аби-ль-Лейл (Улед Беллиль), Улед Яхья, Улед Аун, Улед Саид* и другие властвовали в своих ватанах в лучшем случае как непокорные вассалы султана. Хафсидские наместники Константины, Беджайи и Аннабы, большей частью представители царствующей династии, также не считали для себя обязательным подчиняться центральной власти. В городах, особенно в Джериде и Сахеле, назревала измена. Власть султанских кайдов практически уравнивалась влиянием местных нотаблей, связанных с могущественными городскими кланами и шейхами кочевых племен. Неимоверно быстро росла политическая роль марабутов. Ксур эс-Саф и Кайруан стали столицами своего рода суфийских династий, основанных Сиди Али аль-Махджемом и Сиди Ахмедом бен Махлуфом аш-Шабби [67, т. II, с. 349, 441]. Оба марабута пользовались огромным влиянием, особенно среди кочевых племен, с помощью которых они создали настоящие государства в государстве: принимали присягу, вершили суд, собирали пожертвования и т.п. Жители о-ва Джерба

* Это, собственно, названия древних шейхских родов, в течение веков стоявших во главе крупнейших хильялийских и сулеймидских племен. В XV в. они, как правило, назывались по именам возглавлявших их кланов, которые в конце концов вытеснили старые наименования племен (хаким, коуб, рийах и т.д.).

после смерти султана Османа вообще отказались признавать сюзеренитет Хафсидов [87, с. 1] и основали самостоятельную республику. Их примеру последовало население Триполитании. Ее жители отложились от Хафсидов и перешли под власть местного марабута. Вслед за ними открытое восстание поднял владетель Туггурта Мухаммед бен Тиллис, создавший независимое государство в Сахаре. Даже в Каир пришли известия о кровопролитном сражении, которое в январе 1520 г. произошло между хафсидскими войсками и повстанцами. По слухам, дошедшим до Ибн Ийаса, в нем погибло около 40 тыс. человек [51, т. 5, с. 331].

Абу Абдаллах Мухаммед V не имел ни сил, ни возможностей навести порядок в государстве. Основу его вооруженных сил составляли ополчения все тех же феодалов. Старый альмохадский джунд полностью разложился и утратил всякое военное значение. Его заменила сравнительно небольшая профессиональная армия, состоявшая из андалусских кондотьеров, черных абидов (вольнотпущенных африканских рабов) и наемников с Востока [74, с. 372]. В случае внешней угрозы к ним присоединялись ополчения бедуинских племен и горожан. Особу самого султана охраняла христианская гвардия численностью около 1,5 тыс. человек.

Оснащение и подготовка вооруженных сил далеко не соответствовали требованиям времени. Лишь иностранные наемники и кочевая знать имели огнестрельное оружие. Основная масса войск была вооружена копьями и луками. Оборонительные сооружения, даже приморских крепостей, оставляли желать много лучшего. Стены г. Туниса, например, не имели рвов и парапетов. В особенно плохом состоянии находились хафсидский флот и артиллерия. Пушек было мало; они устарели и содержались из рук вон плохо. Столичная крепость имела всего лишь восемь небольших орудий, к тому же без лафетов и колесного хода [59, с. 127].

Хафсидская армия, которая считалась одной из лучших в Северной Африке, была совершенно непригодна для борьбы с серьезным противником. Тунисский флот не мог противостоять кораблям Испании и итальянских государств; он был бессилен даже в борьбе с христианскими корсарами, непрерывно опустошавшими берега Восточного Магриба. В 1510 г. граф дон Педро де Наварро без особого труда захватил города Алжир, Беджайю и Триполи, совершил нападение на Джербу. Абу Абдаллах Мухаммед V ничего не предпринимал, чтобы вернуть утраченные города. Един-

ственными, кто оказывал сопротивление, были сами горожане, а также крестьяне из близлежащих селений. При этом хафсидские власти ничего не делали для их организации и вооружения. При осаде Беджайи во «избежание беспорядков, безумия и бесполезных потерь» [76, с. 27] хафсидский наместник распорядился даже эвакуировать население. Оставленный им гарнизон «оказал лишь видимость сопротивления» [14, с. 300]. Что касается крестьян, многочисленные отряды которых пришли на помощь гарнизону, то они лишь на какой-то миг сдержали натиск крестоносцев. «Неорганизованные и без надлежащих средств, — пишет алжирский историк, — они не смогли воспрепятствовать конечному штурму и оккупации города» (5 января 1510 г.) [76, с. 27]. Хафсидский эмир, управлявший им, бежал в Константинополь, перепоручив защиту хинтерланда местным кабилским вождям.

Борьба против крестоносцев в Беджайе, а затем и в Триполи, по существу, явилась началом широкого народного движения. Оно было направлено как против иностранных захватчиков, так и против местных феодалов. Династия и правящая верхушка устранились от борьбы с крестоносцами. В этих условиях народное движение становилось единственной силой, способной спасти Тунис. «Только хорошо руководимые народные восстания против захватчиков, — писал в связи с этим Махмуд Буали, — могли отныне сохранить, спасти и защитить уже существующую (мусульмано-африкийскую) самобытность страны» [64, с. 136].

Решающее значение для судеб народного движения имела героическая оборона Джербы в 1510 г. Именно здесь восставший народ одержал свою первую победу и обрел внешних союзников. В глазах испанцев Джерба была прежде всего одной из главных баз османских и андалусских корсаров. Именно поэтому сразу же после взятия Триполи граф дон Педро де Наварро направился к острову. 30 июля 1510 г. его восемь галер подошли к Джербе [45, с. 105; 64, с. 137]. Правители этой крошечной республики, во главе которой стоял шейх Абу Закария Яхья ас-Семумни, категорически отказались капитулировать и признать сюзеренитет испанской короны. Парламентеры графа были убиты. Дон Педро де Наварро был вынужден вернуться в Триполи. Здесь он подготовил новую и более серьезную экспедицию. 23 августа 1510 г. его корабли — на этот раз 120 парусов — вновь появились у острова и 30 августа высадили десант. Он насчитывал 15 тыс. человек

(12 тыс. из Триполи и 3 тыс. из Беджайи). Среди них было много знатных рыцарей, в том числе дон Гарсия де Толедо, герцог Альба, выделявшийся своими латами и великолепным скакуном в яблоках. Едва ступив на землю, самоуверенные идальго без должной подготовки двинулись на позиции мусульман. Несколько километров по песку в тяжелых доспехах под знойным африканским солнцем полностью измотали «врагов Аллаха». Многие лишились сил, пали жертвой солнечного удара. Остальное сделали защитники острова. Когда испанцы подошли к колодцам и смешали свои ряды, мусульмане, скрывавшиеся в тени пальмовых и оливковых рощ, ринулись в яростную атаку. Испанский авангард был окружен и полностью уничтожен. Погибло, по разным сведениям, от 1,5 тыс. до 3 тыс. крестоносцев; среди них дон Гарсия де Толедо. В довершение ко всему на море разразилась буря; 18 испанских кораблей было выброшено на берег и стало добычей мусульман вместе с экипажами и несметными богатствами, «подобных которым, — как пишет местный историк, — никто не видел» [45, с. 108].

Активное участие в обороне Джербы принимали османские гази. Среди них, несомненно, были братья Барбаросса [43, с. 106, примеч. 3], незадолго до этого прибывшие на остров. Возможно, что здесь они проявили те организаторские таланты, которые выдвинули их в число лидеров антииспанского движения в Северной Африке. Как бы то ни было, отныне они связали свою судьбу с Магрибом. «Нельзя, не совершая несправедливости, — пишет в связи с этим современный тунисский историк Т. Гига, — не считать их крупными национальными деятелями страны» [81, с. 16].

Союз с гази был подготовлен широким распространением османофильства в Тунисе. Народные массы, истосковавшиеся по праведному халифату, видели в «Великом Турке» носителя особой божественной миссии. Его верные паши, как они воспринимались туркофилами разных стран, его неподкупные кадии и амины несли, по убеждению масс, правду и справедливость. Они творили, по их мнению, честный суд, карали отступников и истребляли «врагов Аллаха». Крестьяне и бедняки, вообще все те, кто ненавидел феодальные порядки, глубоко верили, что с приходом турок жизнь изменится к лучшему, станет счастливой и беззаботной. Жители Туниса, писал анонимный автор «Газават», «в глубине

души желали его (Барбароссы. — *Н.И.*) прихода и были полны решимости содействовать его намерениям» [86, т. I, с. 315]. Ибн Абу Динар, Хусейн Ходжа и другие авторы тунисских хроник XVII — начала XVIII в. были насквозь пропитаны подобного рода настроениями. Их позиция, по словам Мухаммеда Хеди Шерифа, была «предельно ясна: турки и автохтоны, братья по вере, гармонично объединились для блага всех» [71, с. 40]. Это безграничное туркофильство тунисских летописцев до сих пор изумляет историков. Тауфик Башруш, например, не без удивления пишет, что «приверженность, которую автор (Ибн Абу Динар. — *Н.И.*) проявляет в отношении турецкого господства, такова, что он отказывается усматривать в нем тиранию, полагая, что это в природе вещей, несомненно в силу того политического учения, которое говорит, что смирение перед угнетателем предпочтительнее, чем волнения фитны» [59, с. 10]. Так это или нет, но в большинстве своем тунисцы ждали прихода османских гази. Их появление, пишет Т. Гига, «было вызвано и приветствовалось сознательными элементами местного населения» [81, с. 17]. Насто-роженность и даже враждебность к туркам, о которой говорит М.Х.Шериф со ссылкой на один из документов конца XVI в., была, видимо, нехарактерна для подавляющего большинства населения [71, с. 39—50].

Победа на Джербе, последовавший затем отпор крестоносцам у побережья Сахеля, их разгром на о-ве Керкена в том же, 1510 г., легендарные подвиги на морях, утверждение турок в г. Алжире (1516 г.), отражение испанских атак на Махдию (1519 г.) и вторично на Джербу (1520 г.) — все это укрепило престиж османских гази, способствовало их небывалой популярности. Они стали неотъемлемой частью и надеждой всего антииспанского движения. Можно смело утверждать, что именно в эти годы сложился самый тесный союз между османскими гази и тунисскими повстанцами. Уже зимой 1510/11 г. Хайрадин Барбаросса был принят в г. Тунисе как настоящий народный герой. Он устроил здесь свой триумф, раздавал хлеб беднякам, подолгу беседовал с улемами и самыми почтенными гражданами города. Сам султан был вынужден принимать его и оказывать ему почести (см. [86, т. I, с. 24—26]).

Все это свидетельствовало о возникновении сильной «протурецкой партии» в стране. Ее приверженцы видели в османских гази единственную силу, способную противостоять испанцам и бедуи-

нам. Влияние протурецких элементов было значительно. Они доминировали в сознании масс, разделяли их иллюзии и надежды. Их основную опору составляло крестьянство и плебейские слои города. Во главе туркофилов находились улемы и другие представители мусульманского духовенства, которые были тесно связаны с оседлым населением и поддерживали близкие отношения с Хайрадином Барбароссой.

Более осторожную позицию занимали имущие слои города, туниисский патрициат — хранитель изыска и утонченной культуры раннего средневековья. Купцы, арматоры, управители казенных и вакфных имуществ, служители хафсидских судов и канцелярий — все они привыкли жить под сенью твердой и сильной власти. Им хотелось лишь одного: возрождения былого могущества Хафсидов, которые вновь смогли бы защищать их от кочевых феодалов и заморских захватчиков. К туркам эти утонченные горожане питали явное недоверие. Они считали их варварами, людьми низшей культуры, неспособными уважать их моральные и материальные ценности. В лучшем случае они относились к ним как к тому Баба Осману, который предстает в туниисском фольклоре таким «грубым неотесанным турком, лихим рубакой и головорезом, но простодушным тупицей, удобной мишенью для всякого рода шуток и проделок со стороны хитроумных туниисских горожан» [71, с. 46]. При всем этом османские гази были для них несомненно меньшим злом, чем испанские конкистадоры.

Бедуинские эмиры и послушные им племена не имели четкой позиции. С одной стороны, они были заинтересованы в ослаблении центральной власти, с другой — разделяли антииностранные лозунги марабутов. В любом случае бедуины не хотели расставаться со своими феодальными правами и привилегиями. Икта и сахмы были для них всего дороже, и обладание ими в конечном счете предопределяло их конкретную политическую позицию. В зависимости от обстоятельств они становились то на одну, то на другую сторону. Однако в целом кочевые феодалы были враждебны к османским гази, не без основания усматривая в них главную угрозу своим «вольностям». Ради этого они были не прочь сотrudничать с испанцами.

Феодальная знать города и династия были против турок. Из двух зол — испанское господство и власть османских гази — они явно предпочитали первое. Определяющим здесь была их отчуж-

денность от собственного народа, ненависть, которую питало к ним население Туниса. Одним словом, османофильство масс рождало у них туркофобию. Они утратили всякое доверие к своим мусульманским подданным, окружали себя наемниками и испанскими телохранителями. Испанцы были их последней надеждой, и они без колебаний обращались к ним за поддержкой. Некоторые принимали даже христианство. В частности, это произошло с эмиром Абдаллахом — сыном хафсидского наместника Беджайи, или «короля», как его именовали испанские документы. Он принял католичество и уже в качестве «инфанта» Эрнандо пытался содействовать испанской политике в Кабилии [106, с. 42; 79, с. 67].

Открытый разрыв между Хафсидами и османскими гази произошел, как уже отмечалось, в 1515 г. Сразу после второй осады Беджайи, когда братья Барбаросса привели под стены этого города тысячи восставших крестьян, Абу Абдаллах Мухаммед V изменил фронт. Он объявил братьев «мятежниками» и начал с ними непримиримую борьбу. Он рассылал письма к мусульманским правителям Северной Африки, пытаясь склонить их на свою сторону. Хафсидские эмиссары побывали в Тлемсене, установили связи с «султаном» Куко Ахмедом ибн аль-Кади, алжирскими нотаблями и даже с ближайшими сподвижниками Барбароссы. Интриги стали особенно опасными после гибели Оруджа: Хайрадин Барбаросса был очень обеспокоен этим и осенью 1518 г. направил специальное послание Абу Абдаллаху Мухаммеду V [86, т. I, с. 159]. Вместо ответа хафсидский султан двинул против него свои войска. В сражении при Умм-эль-Лиле в Кабийльских горах они потерпели поражение, и лишь измена Ахмеда ибн аль-Кади, перешедшего на сторону Хафсидов, спасла их от окончательного разгрома. В качестве ответной акции Хайрадин Барбаросса начал войну на море. Весной 1520 г. его эскадра совершила рейд к берегам Ифрикии, захватила несколько тунисских судов и много пленных [86, т. I, с. 190—191].

Население Туниса не хотело воевать с Хайрадином Барбароссой. «Протурецкая партия» продолжала поддерживать с ним сердечные отношения. Зимой 1516/17 г. он даже находился в хафсидской столице, «слушая лекции и беседы улемов, которые укрепили его религиозные добродетели» [86, т. I, с. 64]. В 1519 г. он укрывался на о-ве Джерба, в 1520 г. принимал делегацию городов Сахеля, которая прибыла к нему без ведома султана. По ходатай-

ству горожан Хайрадин Барбаросса отпустил тунисских пленников, попавших к нему во время морской экспедиции 1520 г. Девять кораблей тунисских арматоров присоединилось к его флоту, вдвое усилив его боевую мощь. Многочисленные рекруты из Туниса пополнили его армию и в немалой степени содействовали его успехам в 1521—1525 гг.

8 февраля 1526 г. умер хафсидский султан Абу Абдаллах Мухаммед V. На трон вступил его сын Мулай Хасан (1526—1543) — 27-й султан этой династии. Современник Медичи и Макиавелли, он был очень сложной и противоречивой фигурой. Испанские и особенно османские источники рисуют его в исключительно мрачных тонах. В отличие от тунисских хроник они подчеркивают его беспредельный цинизм и аморальное стремление к власти. По их словам, престол был для него лишь средством для удовлетворения порочных наклонностей. «Король Туниса Мулай Хасан, — говорилось в одном из испанских донесений, датированных 1533 г., — человек примерно 35 лет, скорее белый, нежели черный. Он изнежен, занят только своими удовольствиями и настолько порочен в своем образе жизни, что об этом невозможно говорить. Он редко живет в городе и проводит большую часть времени на своих многочисленных дачах, где занимается соколиной охотой или поет и бренчит на гитаре среди своих женщин» (цит. по [86, т. I, с. 50]).

Большое влияние на него оказывала его мать Джазия — бедуйнская княжна из рийахидского племени улед яхья. Ради власти она не останавливалась ни перед чем. Говорили даже, что она отравила своего мужа султана Абу Абдаллаха Мухаммеда V и при посредстве темных интриг возвела на трон своего сына Мулай Хасана, который, будучи младшим из братьев, не имел прав на престол [64, с. 134, 146]. Заняв трон, он продолжал следовать советам матери и «всегда слушался ее, как ребенок». Именно по ее настоянию, утверждают испанские документы, он учинил кровавую расправу над двумя старшими братьями, а затем и над сестрами, которые также вызывали подозрительность султанши-матери. Османские источники говорят уже о 45 убиенных братьях [82, т. V, с. 246]. Лишь одному из них, Мулай Рашиду, удалось избежать этой участи. Некоторое время он провел среди бедуинов, а затем перебрался в Алжир, где нашел отнюдь не бескорыстное покровительство со стороны Хайрадина Барбароссы.

Придя к власти, отмечают тунисские историки, Мулай Хасан пытался было восстановить величие Хафсидов. Тени прошлого не давали ему покоя. Прежде всего он хотел поднять авторитет центрального правительства, возродить благочестивые принципы альмохадского движения и таким образом укрепить хафсидское государство. Он «пытался устранить беззакония, — пишет Ахмед ибн Абу Дийаф, — отменил все незаконные налоги (мукус) и правил людьми по обычаю своего деда Османа» [50, с. 191]. Начало было довольно многообещающим. В городах и селениях забрезжил луч надежды. Мулай Хасан вернул доверие подданных, во всяком случае тех, кого не устраивали ни турки, ни бедуины. «В начале своего правления, — отмечает Хасан Хусни Абд аль-Ваххаб, — он поступал по справедливости и доброте, и обратились к нему сердца подданных» [44, с. 124]. Даже в Кабилии и Константине, находившихся под властью Хайрадина Барбароссы, оживились сторонники хафсидского правления. Они подняли ряд восстаний, изгоняя турецких и андалусских начальников; в Константине горожане убили местного каида.

Однако симпатии подданных оказались лишь половиной дела. Политика хафсидского возрождения встретила решительное сопротивление со стороны противников режима. В 1526—1527 гг. Хайрадин Барбаросса безжалостно подавил выступления сторонников хафсидской ориентации и с беспримерной жестокостью сокрушил восстание в Константине. Западные и сахарские провинции были окончательно утрачены. В восточных районах поднялись бедуины. Под угрозой всеобщего восстания племен Мулай Хасан был вынужден отказаться от своих начинаний и восстановил прежние порядки. Более того, чтобы умиротворить бедуинов, он даровал им право взимать дополнительную дань в размере 60 тыс. динаров. Это составляло 40% его собственных доходов. Причем границы территорий, с которых должна была взиматься дань, не были точно установлены, и шейхи занялись самым разнузданным грабежом [50, с. 191; 64, с. 134].

Капитуляция Мулай Хасана резко изменила обстановку в Тунисе. От пробудившихся надежд не осталось и следа. Грабежи и бесчинства кочевников ввергли страну в новый водоворот мятежей и волнений. Подданные, которые сначала любили Мулай Хасана, пишет тунисский историк Т.Гига, отвернулись от него. Они стали проклинать его за притеснения и связи с бедуинскими племенами [81, с. 50].

Пытаясь что-то предпринять, Мулай Хасан установил дружественные отношения с христианами. В них он видел непримиримых противников Хайрадина Барбароссы и его йолдашей. С помощью христиан Мулай Хасан хотел отвоевать утраченные провинции, в частности Триполитанию. С этой целью он пошел даже на заключение союза с орденом Св. Иоанна Иерусалимского, который в 1530 г. перенес свою штаб-квартиру на Мальту. По соглашению с орденом он в 1532 г. направил свои войска в Триполитанию, где они в течение двух лет вели изнурительную борьбу с ливийскими повстанцами [117, с. 130].

Макиавеллистский союз с орденом привел к полной изоляции Мулай Хасана среди мусульман. Резко ухудшились отношения с Портой. Мулай Хасан решительно отклонил ее предложение о сотрудничестве. 11 июня 1534 г он даже не разрешил войти в гавань г. Туниса двум турецким галиотам, на которых находилось посольство Порты, прибывшее со специальным посланием от Сулеймана Великолепного. Послы были вынуждены бросить свиток на берег и с проклятиями отправиться обратно [81, с. 15, 48].

Враждебностью к туркам Мулай Хасан рыл себе могилу. Хайрадин Барбаросса давно уже мечтал утвердиться в Тунисе, который привлекал его, по словам мусульманского летописца, «важностью своего положения, многочисленностью своих ресурсов и надежностью своих портов» (цит. по [64, с. 145]). Османские агенты без устали обличали «узурпатора» и готовили почву для прихода «долгожданного освободителя». Их ловили и подвергали наказаниям. Но каждая расправа, особенно с участием испанских наемников или мальтийцев, как это было в Триполитании, еще больше усиливала ненависть населения к Мулай Хасану. Даже уважаемые горожане выражали негодование и все чаще обращали свои взоры к Мулай Рашиду — единственному из оставшихся в живых претенденту на престол, которого Хайрадин Барбаросса в 1533 г. предусмотрительно взял с собой в Стамбул.

Среди сановников Порты Хайрадин Барбаросса примыкал к сторонникам активной экспансии в Европе, особенно в Западном Средиземноморье. Причем основой успеха он считал приобретение Туниса. Ему удалось убедить в этом Сулеймана Великолепного, который давно уже вынашивал планы завоевания Испании. Прежде чем начать крупномасштабные операции, говорил Хайрадин Барбаросса, надо взять Тунис и стать твердою ногой на всем по-

бережье Северной Африки. «Тогда, по его мнению, — писал Сандоваль, — можно было бы осуществить завоевание Испании с такой же легкостью, с какой это сделали некогда мавры Марокко» [86, т. II, с. 220].

Сулейман Великолепный одобрил планы Барбароссы. Сам он был занят войной на Востоке и для операций на Западе выделил сравнительно небольшие силы. В распоряжение Хайрадина Барбароссы было предоставлено 84 боевых корабля, транспортные суда, деньги и большое количество артиллерии. Экспедиционный корпус насчитывал 8,3 тыс. человек, в том числе 1,8 тыс. янычар. Остальное составляли албанские и греческие контингенты, а также рекруты из Мараша. В Тунисе к ним присоединились отряды местных повстанцев [81, с. 36; 82, т. V, с. 247; 79, с. 37].

1 августа 1534 г. османский флот прошел Мессинский пролив. Совершив нападение на прибрежные города и крепости Неаполитанского королевства, он вызвал панику в Риме, а затем повернул на юг, к берегам Африки. Воспользовавшись шквальными ветрами, корабли Хайрадина Барбароссы молниеносно пересекли Тирренское море и 13 августа появились на рейде Бизерты. Войска и население приветствовали их, изгнали хафсидского каида и провозгласили в городе власть турецкого султана. Немаловажным фактором успеха была деморализация антиосманских элементов. Она была осуществлена Хайрадином Барбароссой при помощи несложной пропагандистской стратегемы. Сразу же по прибытии в Бизерту турки распустили слух, будто пришли в Тунис лишь для того, чтобы положить конец «постыдному царствованию» Мулай Хасана. Вместо него они обещали возвести на трон его брата Мулай Рашида, который якобы находился на одном из кораблей эскадры [82, т. V, с. 247; 106, с. 34]. На самом деле еще в Стамбуле он был брошен в Семибашенный замок, откуда так никогда и не вышел. Жителям же Бизерты объявили, что эмир остался на корабле «из-за чрезмерной жары и легкого недомогания» [86, т. II, с. 227]. При этом жену и родственников эмира просили побеспокоиться об обеде и подготовить апартаменты, в которых мог бы разместиться будущий султан Туниса.

Этот пропагандистский ход сыграл большую роль в успехе османской экспедиции. На первых порах он полностью нейтрализовал сторонников хафсидского правления. Ни один человек, даже завзятые противники Порты, не поднял оружия в защиту Мулай

Хасана. Турки преспокойно произвели выгрузку войск, багажа и артиллерии. Тунисцы не сделали ни одного выстрела и даже не пытались организовать хотя бы видимость сопротивления.

Слухи о прибытии «сына негритянки», как в Тунисе называли Мулай Рашида, с быстротой молнии разнеслись по стране. В столице началось всеобщее восстание. Толпы горожан заперли улицы и с оружием в руках двинулись по направлению к Касбе, где находилась резиденция султана. Мулай Хасан и его мать бежали. Город оказался в руках повстанцев, которые немедленно отправили делегацию к Хайрадину Барбароссе. Они просили его безотлагательно прибыть в столицу, тем более что в городе, как они предупреждали, было немало тайных сторонников Хафсидов [86, т. I, с. 315—316].

Хайрадин Барбаросса не заставил себя долго ждать. 15 августа 1534 г. его корабли подошли к Ла-Гулетте (Халк аль-Вади) — морской крепости столицы, прикрывавшей вход в тунисскую лагуну. Гарнизон крепости тут же перешел на сторону турок. 16 августа Хайрадин Барбаросса сошел на берег и в сопровождении 10 тыс. ликующих горожан прибыл в Касбу, где «воссел на трон султанов» [86, т. I, с. 316]. Здесь он объявил о низложении династии Хафсидов и переходе Туниса под власть Порты.

Как только выяснились подлинные намерения турок, среди приверженцев Хафсидов началось смятение. Они поняли, что были жестоко обмануты. На улицах города завязались стычки и вооруженные столкновения, которые вскоре переросли в настоящую «подпольную войну». Горожане из зажиточных кварталов устраивали засады и нападали на одиночных янычар и небольшие группы «людей из армии Хайрадина». Некоторые горячие головы послали даже за Мулай Хасаном, прося его немедленно вернуться в столицу. Впрочем, «наиболее здоровая часть населения», если использовать это выражение анонимного автора «Газават», отсиживалась по домам. Это были те, кто «искренне желал правления османов и успеха его (Хайрадина Барбароссы. — Н.И.) войск» [86, т. I, с. 318].

В ночь с 17 на 18 августа Мулай Хасан, переодевшись под простого горожанина, вернулся в г. Тунис. В «некоторых кварталах» сторонники Хафсидов начали «открыто собираться» и формировать отряды для нападения на Касбу. Одновременно к столице подтягивались орды бедуинов. Хайрадин Барбаросса был

очень встревожен. Он лично произвел рекогносцировку города и убедился в невозможности «погасить пожар» мирными средствами. Его людям было приказано немедленно покинуть улицы и сосредоточиться в Касбе, а также на ближайших подступах к столице.

Всю ночь стороны готовились к решающему сражению. Оно началось утром 18 августа. Впрочем, бедуины численностью около 4 тыс. человек, попав под огонь турецких пушек, «не пожелали сближаться» [106, с. 35] и повернули обратно. В самом городе сторонники Хафсидов двинулись на штурм Касбы. По совету одного из испанских ренегатов, некоего Али из Малаги, жившего в Тунисе с 1510 г., Хайрадин Барбаросса совершил вылазку и охватил наступавших с двух сторон. Оказавшись в «мешке», тунисцы отразили первую атаку янычар, но затем дрогнули и бросились врассыпную. Их преследовали по всем улицам и переулкам. Весь город, отмечает очевидец, был усыпан трупами. Погибло свыше 3 тыс. тунисцев и около 400 янычар. Мулай Хасан, не дожидаясь окончания резни, бежал из г. Туниса, направившись к Бедже, а затем дальше, в Биляд аль-Джерид [86, т. II, с. 229; 106, с. 35].

К вечеру Хайрадин Барбаросса объявил аман и приказал прекратить кровопролитие. На следующий день в городе воцарилось спокойствие. Даже наиболее ярые приверженцы Хафсидов поняли бесперспективность борьбы. К тому же, как пишет автор «Газават», «этот деловой и политичный народ рассудил, что его связи с обширной Османской империей дадут ему значительный прирост торговли и что новое состояние вещей станет для него неиссякаемым источником богатства» [86, т. I, с. 318].

Утвердившись в г. Тунисе, Хайрадин Барбаросса довольно быстро распространил свою власть на всю территорию страны. Под давлением османофильских элементов Сфакс, Махдия («Африка» европейских авторов XVI в.), Монастир, Сус, Аннаба (Бон) и другие тунисские города добровольно перешли под власть турок. Даже марабуты Шаббийя из Кайруана решили не искушать судьбу. Они признали сюзеренитет Порты и приняли у себя османский гарнизон. Лишь г. Беджа на среднем течении Меджерды закрыл ворота и оказал сопротивление небольшому турецкому отряду (численностью около 600 человек).

Единственным шансом низложенного султана оставались бедуины. Они не имели никаких оснований радоваться перемене

власти и в любой момент могли выставить до 30—40 тыс. всадников. К тому же у Мулай Хасана было здесь немало друзей и даже близких родственников. Вследствие этого Хайрадин Барбаросса всячески избегал обострения отношений с племенами. Сразу же после взятия г. Туниса он предложил им перейти на свою сторону и сопроводил свои предложения ценными подарками. Бедуины, испытывавшие на себе смертельный огонь османской артиллерии, также выразили готовность к примирению. Переговоры прошли успешно. Осенью 1534 г. было заключено соглашение, на основе которого бедуины признали власть Порты. Они заявили о своей лояльности Сулейману Великолепному и обещали никогда не поддерживать Мулай Хасана. Самое главное, они отказались от своих прав на икта и сахмы и обязались не взимать никаких поборов с земледельческого населения. За это Хайрадин Барбаросса обещал им выплачивать из казны ежегодные субсидии в размере их прежних аваид (вознаграждений). Бедуины поклялись также не чинить зла райе и даже не устраивать стоянок вблизи городов и земледельческих поселений. Отныне их кочевья должны были располагаться «на окраинах Сахары и на равнинах, удаленных от городов» [86, т. I, с. 319].

Для точного установления суммы платежей шейхи племен представили Хайрадину Барбароссе письменные документы, удостоверявшие их права на аваид. Просматривая их, Хайрадин Барбаросса заявил, что по ним уже все получено сполна. На будущее же он выдал им тезкире (грамоты), в которых указывались сумма и порядок дальнейших платежей. Это, по словам автора «Газават», «благоприятно подействовало» на бедуинских шейхов, и они начали откочевывать на юг, в Бияд аль-Джерид, где, впрочем, находились их зимние пастбища [86, т. I, с. 321].

Решив таким образом бедуинскую проблему, Хайрадин Барбаросса приступил к организации управления. Образцом для подражания, вне всякого сомнения, служили порядки, установленные им в Алжире. Именно отсюда в 1535 г. прибыли первые отряды янычар и спахиев, которые стали размещаться в Тунисе в качестве постоянных гарнизонов. Свое жалованье они должны были получать из местной казны. Хайрадин Барбаросса, видимо, сохранил прежнюю фискальную систему. Во всяком случае, сумма введенных им налогов не превышала тех податей, которые «народ обычно платил» [86, т. I, с. 321]. Новые порядки Хайрадин Барба-

росса поддерживал твердой и безжалостной рукой. Репрессии были призваны не только карать, но и устрашать противников режима. В ноябре 1534 г. группа взбунтовавшихся янычар была для всеобщего обозрения повешена на зубцах Касбы [79, с. 38].

Вся полнота власти была сосредоточена в руках самого Хайрадина Барбароссы. Он опирался на верных себе гази, морисков и мусульманское духовенство. На ответственных постах, судя по всему, оказалось много андалусцев и ренегатов европейского происхождения. Выходцы из коренного населения преобладали на второстепенных должностях. Они же составляли большинство местных военных формирований. Османские войска в Тунисе — по крайней мере те, которые участвовали в боях с испанцами в 1535 г., — на 60% состояли из тунисцев. Основная масса населения была преисполнена самых радужных надежд. «Тунисцы, — пишет автор „Газават“, — с признательностью отметили те средства, при помощи которых Хайрадин Барбаросса обеспечил их покой. Они не переставая хвалили его мудрость, его человечность, его бескорыстие и были счастливы жить под его законом» [86, т. I, с. 321].

Иных взглядов придерживались бедуины. Всеобщая эйфория прошла мимо их черных запыленных шатров. Османские порядки были им явно не по душе. Тезкире, даже с печатью самого паши, вряд ли могли возместить им те вольности, которых они лишились в 1534 г. К тому же Хайрадин Барбаросса не спешил с выплатой субсидий. Посылая богатые дары в Стамбул, лично падишаху, он нередко забывал о необходимости платить войскам. Разгневанные янычары дважды — 23 октября и 28 ноября 1534 г. — поднимали вооруженные мятежи, протестуя против задержки жалования [79, с. 38].

Мулай Хасан попытался использовать ситуацию. Вместо тезкире он раздавал золото. Он обещал бедуинам восстановить их прежние права и привилегии и в конце концов склонил их на свою сторону. «Нет ничего более легкомысленного и более непостоянного, чем бедуинский народ, — меланхолично рассуждал в связи с этим автор „Газават“. — Враг всякой власти, он всегда готов выслушать того, кто льстит его любви к вольности. Ничего не теряя в революции и получая все, он всегда готов подняться в пользу того, кто дает ему больше выгод» [86, т. I, с. 322].

К весне 1535 г. ополчения племен стали собираться на равнинах Кайруана. Их численность росла с каждым днем. Хайрадин

Барбаросса не стал дожидаться, пока они закончат свои приготовления, и первым нанес удар. Его войска форсированным маршем двинулись на Кайруан. В походе они использовали необычное изобретение, которое впоследствии вспоминал Т. Кампанелла на страницах своего «Города Солнца» (см. [34, с. 76]). По приказу паши пушки были установлены на специально подготовленных телегах, к которым были приделаны мачты и паруса. Под действием ветра эти парусные тачанки катились по равнине «как корабли, которые рассекают волны» [86, т. I, с. 323].

В сражении под Кайруаном они произвели ошеломляющее впечатление. Бедуины в ужасе бежали, шейхи молили о пощаде. Хайрадин Барбаросса решил еще раз продемонстрировать стремление к миру и даровал аман «людям, которых так трудно преследовать». Он принял от них клятву верности и вернулся в г. Тунис, где, как пишет автор «Газават», стал «отдыхать от трудов и наслаждаться счастьем, которое он принес своим новым подданным» [86, т. I, с. 324].

Потерпев еще одно поражение, Мулай Хасан обратился к последнему средству. При содействии великого магистра Мальтийского ордена он связался с вице-королем Неаполя и по его совету направил письмо Карлу V — императору Священной Римской империи. «Барбаросса, — писал он, — этот подлый турецкий реис, рожденный на горе Магрибу, захватил мои владения. Одна из главных причин, которая побуждает его докучать мне, — искренняя привязанность, которую я всегда питал в отношении тебя. В твоих интересах, о великий государь, соизволить прийти ко мне на помощь и вернуть мне наследие отцов. Когда тунисское государство вновь будет в моей власти, я дам тебе клятву вассальной верности и буду доволен быть твоим наместником» (цит. по [76, с. 55]).

Судьба Мулай Хасана не очень волновала Карла V. Но переход Туниса под власть турок вызвал у него серьезное беспокойство. Возникла реальная угроза для Отранто, Калабрии, а главное, для Сицилии — этой Канады XVI в., которая кормила своим хлебом добрую половину Европы. Не менее серьезная опасность нависла над Испанией. Ее тайные мусульмане в любой момент могли поддержать армию падишаха, если бы она рискнула начать штурм этой твердыни католицизма.

Вследствие этого Карл V с завидной быстротой откликнулся на призывы о помощи, которые шли от Мулай Хасана и Мальтий-

ского ордена. Уже 2 июня 1535 г. его флот отбыл из Барселоны. Армада, находившаяся под командованием Андреа Дориа, насчитывала около 400 кораблей различного класса, в том числе 90 боевых галер. На борту было 26 тыс. пехоты (испанцы, немцы, итальянцы, португальцы) и около 2 тыс. всадников [79, с. 39; 106, с. 37]. Войсками командовали герцог Альба, маркиз де Гваст, князь Салерно, маркиз де Мондехар и другие представители высшей испанской и итальянской знати. Общее руководство осуществлял сам император.

Как только в Тунис пришли известия о подготовке экспедиции, Хайрадин Барбаросса начал укреплять город. В боевую готовность были приведены форты и батареи Ла-Гулетты. Перешеек, где шла дорога на столицу, был перекрыт сплошным валом с бруствером из камня и частоколом, укрепленным мешками с землей. Рылись траншеи и рвы. Двенадцать лучших кораблей эскадры были поставлены на якоря перед Ла-Гулеттой и стали своего рода плавучими батареями. Устаревшие корабли были затоплены или вытаснены на берег; их пушки сняты и отправлены для усиления крепости и вала, где было сосредоточено несколько сот артиллерийских орудий [106, с. 37, 38]. В мечетях шли проповеди, имевшие целью поднять боевой дух горожан и муджахидов, которых призывали «отдать свою жизнь за ислам и свободу» [86, т. I, с. 333]. Формировались отряды ополченцев. В городе и окрестностях принимались чрезвычайные меры безопасности. Хайрадин Барбаросса с присущей ему подозрительностью отдал приказ о ликвидации примерно 12 тыс. христианских рабов, находившихся в столице. Однако то ли вследствие неразберихи, царившей в гарнизоне, то ли скарденности жителей, не желавших попусту «переводить» добро, но этот приказ не был выполнен. Рабов оставили в кандалах в частных и государственных темницах.

14 июня 1535 г. флот Карла V подошел к Ла-Гулетте. Высадка десанта происходила на руинах Карфагена, там, где в 1270 г. высаживались крестоносцы Людовика Святого. Попытки турок помешать десанту были отражены огнем корабельной артиллерии. Целый месяц войска Карла V потратили на осаду Ла-Гулетты и примыкавших к ней фортификаций. Обороной крепости руководил Синан Реис — «один из наиболее отважных капитанов Барбароссы» [82, т. V, с. 249]. Турки совершали вылазки днем и ночью. По несколько раз они врывались в траншеи противника, но отсту-

пали под огнем испанских кораблей. На небольшом бастионе, являвшемся ключом к обороне Ла-Гулетты, они использовали в качестве зарядов куски металла и осколки железных цепей. Залпы, производившиеся этой своеобразной картечью, сметали целые линии наступавших [86, т. I, с. 331]. Тысячи испанцев были убиты и искалечены. При штурме Бордж-аль-Айюна, одного из центральных фортов Ла-Гулетты, Карл V применил гигантскую передвижную башню, высотой больше, чем стены крепости. Атаки и контратаки следовали одна за другой. В течение месяца не стихал гул артиллерийской канонады. Лишь 14 июля 1535 г. после ожесточенного штурма испанцам удалось взять Ла-Гулетту. Остатки гарнизона с большими потерями прорвались к г. Тунису. Карл V захватил 87 турецких кораблей и около 300 орудий. 140 пушек было найдено на разбитых бастионах и редутах Ла-Гулетты [106, с. 38].

29 июня 1535 г. в лагерь Карла V явился Мулай Хасан. Он привел с собой 16 тыс. бедуинов. Герцог Альба сердечно приветствовал их, но наотрез отказался от их предложения о помощи. «Полагаясь на силу своего оружия, — пишет Й.Хаммер, — Карл V отнюдь не хотел пачкать красоту своего дела и прибегать к услугам этих новых помощников с их пиками, луками и отравленными стрелами» [82, т. V, с. 250].

Падение Ла-Гулетты вызвало замешательство в г. Тунисе. Горожан охватили «пораженческие» настроения, и большинство из них, как пишет автор «Газават», стало склоняться к «партии христиан». Хайрадин Барбаросса созвал совещание представителей города и для начала попытался отговорить «братьев» от «сделки с врагами Аллаха». Многие отвечали уклончиво. Тогда паша применил силу. Поняв, что ятаган отнюдь не мягче шпаги, горожане присмирели и покорно последовали за Хайрадином Барбароссой. Таким образом, пишет автор «Газават», ему удалось «пробудить у них дремавшую честь» [86, т. I, с. 333].

Переформировав остатки экспедиционного корпуса, Хайрадин Барбаросса во главе тунисских ополчений, турок и подкреплений, прибывших из Алжира, двинулся навстречу Карлу V. Всего в его распоряжении было 16,1 тыс. человек, в том числе 9,7 тыс. тунисцев и 6,4 тыс. турок [86, т. I, с. 334]. 19 июля 1535 г. он занял позиции в местности, известной под названием Хербет-эль-Клах, в 6 км от города. По мнению некоторых историков, счи-

тавших, что он упустил верную победу, Хайрадин Барбаросса позволил испанцам без особых помех пройти неудобные дефиле, где они двигались беспорядочной толпой [106, с. 38]. С поразительным хладнокровием он ждал их на равнине. Здесь же войска Карла V построились по всем правилам искусства и обрели бесспорные тактические преимущества. Сражение было исключительно упорным. Чаша весов по несколько раз колебалась из стороны в сторону. Во время одной из атак турок в их боевые порядки неожиданно вклинились тысячи бедуинов. До этого они были в стороне и безучастно наблюдали за ходом сражения. Но во время атаки им показалось, что Хайрадин Барбаросса близок к победе, и они по собственному почину решили «поддержать его усилия» [86, т. I, с. 334]. Возможно, они просто боялись опоздать к разграблению испанского лагеря. Как бы то ни было, прибытие бедуинов смешало боевые порядки мусульман. Более того, попав под огонь крестоносцев, бедуины бросились обратно и увлекли за собой тысячи турок и тунисцев. Победа была упущена, хотя к исходу дня, как считал Хайрадин Барбаросса, он выиграл сражение. Его шпионы доносили, что в испанском лагере царит уныние и что многие военачальники склонны даже возвращаться домой.

К удивлению турок, этого не произошло. Более того, на следующий день Карл V решил возобновить наступление. Завязалось новое сражение. Вдруг мусульмане заметили, что их обошли с тыла, со стороны города. В первое время они никак не могли понять, каким образом Карлу V удалось совершить этот маневр [86, т. I, с. 336]. Неожиданно выяснилось, что в г. Тунисе произошло восстание. 12 тыс. христианских рабов разбили оковы и овладели городом [79, с. 39]. Восстанием руководил, по словам И.Печевы, изменник и предатель Джафар-ага — «франк», который притворно принял ислам [75, с. 50]. Он захватил Касбу, закрыл ворота города и отрезал Хайрадину Барбароссе пути отступления. Пушки столичной крепости были повернуты против мусульман.

Узнав о событиях в городе, Карл V решил форсировать наступление. В это время он увидел «приближение многочисленных бедуинских орд, которые покрыли всю равнину». По собственной инициативе они на этот раз двинулись на помощь испанцам. Карл V, приняв их за наступающего противника, приказал открыть огонь. Бойня была ужасной. «Таким образом, — пишет

анонимный автор „Газават“, — Аллаху было угодно отомстить за Хайрадина, вероломно преданного этими самыми бедуинами» [86, т. I, с. 338].

Попав в окружение, турки и тунисты продолжали оказывать отчаянное сопротивление. Но положение их было безнадежно. Дотянув до вечера, Хайрадин Барбаросса с 4 тыс. человек прорвался сквозь кордоны испанцев и бежал. Минуя г. Тунис, он ушел в горы, в Джебель-Ресас, а оттуда повернул на запад. На пятый день он был уже в Аннабе, откуда морем добрался до г. Алжира.

21 июля 1535 г. Карл V вступил в г. Тунис. После бурных событий город постепенно приобретал обычный вид. Рано утром делегация нотаблей и христианских повстанцев отправилась в лагерь императора. Она преподнесла ему ключи в знак мирной капитуляции. Большинство беженцев вернулись домой, торговцы поднимали ставни, ремесленники принялись за работу. Все улицы были открыты, когда на них появились группы вооруженных солдат. Оказалось, что по настоянию генералов Карл V отклонил предложение о мирной сдаче города. Он решил сдержать свое обещание войскам и отдал им г. Тунис на три дня.

Богатейший город Средиземноморья оказался во власти солдатчины. В течение трех полных дней, 21—23 июля 1535 г., крестоносцы всех наций безжалостно грабили столицу Хафсидов. Метрополия Магриба пала жертвой пьяного угара. Испанские солдаты, пишет И.Хаммер, «со звериной жадностью обшаривали дома и сундуки, погреба и самые глубокие колодцы» [82, т. V, с. 253]. Мечети и школы были разгромлены, лепные украшения разбиты, редкие книги разорваны и сожжены. Полностью сгорела библиотека аль-Абдалиия, где по приказу Абу Абдаллаха Мухаммеда V была собрана богатейшая коллекция «книг по различным наукам» [50, с. 190]. Драгоценные рукописи исчезли без следа [44, с. 126]. Закопченные потолки аль-Абдалиии в приделе аз-Зитуны (Оливковой мечети) до нашего времени сохраняются как несмываемое свидетельство самого дикого и разнузданного вандализма.

Неистовый грабеж сопровождался варварским разгулом, буйными насилиями и убийствами. Не щадили никого. Убивали всех подряд, мужчин и женщин; пожилых и совсем юных. Убивали после зверских насилий, из садистских побуждений и просто из-за

нежелания конвоировать пленных. Это была, по словам тунисского историка, «одна из самых ужасных боен, которые когда-либо знала история» [64, с. 151]. Улицы, дома, мечети, где несчастные пытались найти убежище, были завалены трупами. Среди них было много женщин; некоторые брошены голыми, с разорванными животами. Из 180 тыс. населения г. Туниса погибло 60 тыс. Столько же было взято в плен и депортировано в качестве рабов. Лишь 60 тыс. удалось спастись и сохранить свою жизнь [44, с. 125]*.

Неприглядную роль играли бедуины. Они бесчинствовали в окрестностях столицы, выслеживали и нападали на тунисских горожан, которым удалось спастись от погрома. В одиночку или семьями они пробирались в Загуан — дачную местность в 40 км к югу от г. Туниса. По дороге бедуины ловили их, проявляя, по словам Ибн Абу Динара, «больше остервенения, чем сами христиане». Они требовали от них огромный выкуп в размере 1 тыс. динаров. Тех, кто не мог внести эту невероятную сумму, выдавали крестоносцам и получали за это соответствующее вознаграждение [64, с. 151].

«Завоевание Туниса, — пишет Й.Хаммер, — было апогеем военной славы Карла V» [82, т. V, с. 256]. Испанцы оккупировали всю северо-восточную часть страны, взяли Бизерту и Аннабу. Известия о победах вызвали ликование в Западной Европе. В духе эпохи Возрождения Карла V сравнивали со Сципионом Африканским. Придворные льстецы с истинно ренессансным преклонением перед античностью присвоили императору аналогичное прозвище. На мраморных плитах в его честь были сделаны латинские надписи, прославлявшие подвиги нового завоевателя Африки. В 1878 г. эти плиты видел русский путешественник П.А.Чихачев (1818—1890), который осматривал старинные испанские замки на побережье Северной Африки [42, с. 166].

Среди веселья победителей в разгромленную столицу вернулся Мулай Хасан. 6 августа 1535 г. в лагере под Ла-Гулеттой он подписал договор о признании испанского протектората над Тунисом. Согласно договору:

* Некоторые авторы со ссылкой на арабских и испанских хронистов приводят цифру в 70 тыс. убитых [64, с. 151; 106, с. 39]. Османский историк И.Печеви определяет численность погибших в 30 тыс. человек, депортированных — в 70 тыс. (см. [75, с. 50; 82, т. V, с. 252]).

— Хафсидский султан признал себя вассалом испанской короны. Он обязался платить дань в размере 12 тыс. дукатов в год, или 600 тыс. аспр по курсу того времени (примерно 120—140 тыс. золотых франков). Кроме того, в знак своей вассальной верности он должен был ежегодно поставлять ко двору Карла V шесть породистых коней и двенадцать соколов.

— Мулай Хасан уступал Карлу V в исключительное владение Ла-Гулетту и часть побережья у Карфагена, а также города Аннабу, Бизерту и Махдию. Последнюю, впрочем, предстояло еще отвоевать у Хайрадина Барбароссы.

— Султан предоставлял испанцам право беспрепятственно селиться и торговать на территории Туниса, а также свободно отправлять свой религиозный культ. Различного рода споры и конфликты, которые могли возникнуть между христианами, должны были разрешаться испанским консулом и судьей.

— Султан предоставлял Карлу V монополию на добычу и торговлю кораллами у побережья Туниса. Мулай Хасан должен был освободить всех христианских пленников, находившихся в стране, а также не принимать и не оказывать никакой помощи морискам Испании и не давать убежища мусульманским корсарам.

— Мулай Хасан признавал, наконец, все завоевания, сделанные испанцами в Северной Африке, а также те, которые будут сделаны.

— Карл V, со своей стороны, обязался оказывать покровительство подданным тунисского султана и не удерживать их в качестве рабов в своих владениях. Самое главное, он обещал Мулай Хасану содействовать в восстановлении его власти на всей территории Туниса, за исключением, естественно, тех местностей, которые отходили к Испании.

— В случае третьего нарушения договора хафсидский султан должен был отречься от престола и выехать за пределы страны [44, с. 127; 106, с. 39—40; 82, т. V, с. 254—255].

17 августа 1535 г. Карл V покинул берега Туниса. В Ла-Гулетте и других приморских центрах были оставлены испанские гарнизоны. Лично в распоряжение Мулай Хасана был выделен отряд из 200 испанцев, которые должны были размещаться в Касбе и охранять особу султана. Генерал-капитаном Ла-Гулетты, фактически наместником Карла V в Тунисе, был назначен дон Бернардино де Мендоса, маркиз де Мондехар, граф де Тендилья. Его первой заботой было строительство испанских крепостей в Ла-Гулетте,

Бизерте и Аннабе, а также разрушение стен, которые защищали мусульманские кварталы этих новых испанских президиос (см. [98, с. 115—117]).

Страна была враждебна к испанцам. Население отказалось признавать договор о протекторате и восстало против Мулай Хасана. Его власть не выходила за пределы дальности полета испанской пули. Лишь некоторые племена, скомпрометировавшие себя во время июльского погрома, продолжали оказывать ему поддержку.

Города Сахеля и Джерида, весь тунисский юг по-прежнему признавали власть Порты. Ссылаясь на донесения агентов, дон Бернардино де Мендоса писал, что города Сус, Монастир, Махдия, Сфакс, вообще все побережье к югу от Келибии было «за турок» [64, с. 155]. 26 октября 1535 г. он сообщал Карлу V, что эти города «стоят за Барбароссу и платят ему дань на имя Великого Сеньора» [81, с. 49]. В сельских районах власть принадлежала марабутам — сторонникам Хайрадина Барбароссы. Они опирались на вооруженные отряды, состоявшие из тунисских повстанцев и османских гази. Как правило, ими командовали тунисские кайды (аль-Аббас, Ахмед аль-Ашфи и др.), в большинстве своем нотабли из г. Туниса, отказавшиеся служить хафсидскому султану. Они собирали под свои знамена крестьян, беженцев из г. Туниса и в некоторых случаях бедуинов [98, с. 119—120].

Основной базой османского влияния был Сахель — страна земледельцев, рыбаков и мелкого торгово-ремесленного населения. В портах Сахеля испанские шпионы постоянно обнаруживали одну или несколько турецких бригаantin, а также другие военные и транспортные суда. Их передвижение, писали они, было окружено глубокой тайной. Время от времени распространялись слухи о прибытии более крупных сил османского флота [98, с. 120]. Экипажи турецких кораблей вместе с османскими гази, к которым присоединились остатки экспедиционного корпуса Хайрадина Барбароссы, участвовали во всех боях с испанцами. Они были вооружены огнестрельным оружием и, хотя составляли не более 15—20% общей численности повстанцев, всегда выделялись в испанских донесениях как особые военные формирования [98, с. 119—120].

Среди вождей антииспанского движения в конце 30-х годов выдвинулся один из ближайших сподвижников Хайрадина Барбароссы, Доргут Ренс (по-турецки Тургут, у сирийских авторов

Драгут или Даргут) — «великолепный сеньор моря», как обращался к нему король Франции. Этот «чудовищный архипират», по словам итальянского писателя XVI в. Горацио Нукулы, или «сиртский сокол», по народным преданиям Туниса, был выходцем из Юго-Западной Анатолии. Он родился около 1485 г. в семье крестьянина-бедняка из деревни Сарабалас на побережье Ментеше [81, с. 21; 117, с. 136]. Его фамильное прозвище — «Тургут», возможно, говорит о его отдаленном происхождении из племени юрюков (кочевых тюрков) тургутугулары (или тургутлу), которое, по наблюдениям В. А. Гордлевского, оставило о себе память во многих турецких и даже греческих фамилиях [9, с. 43, 111]. Двенадцатилетним подростком Доргут Реис поступил юнгой в османский флот, был матросом, канониром, капитаном бригантины, затем командовал эскадрами, которые действовали в Адриатике и восточной части Средиземного моря. В 1538 г. он отличился в сражении у Превезы, где командовал правым крылом флота Хайрадина Барбароссы.

Доргут Реис рано покинул Анатолию и фактически натурализовался в Тунисе. Есть предположение, что он участвовал в обороне Джербы. Во всяком случае, этот остров стал его второй родиной. Здесь он женился, приобрел небольшой дом и постоянно возвращался сюда после морских походов (см. [81, с. 23—25]).

Еще в первые годы пребывания на Джербе Доргут Реис установил связи с османскими газами, в частности с Хайрадином Барбароссой. Фактически он был его представителем на Джербе, а затем, после экспедиции Карла V, встал во главе антииспанского движения в Сахеле. События 1535—1540 гг., пишет Тахар Гига, показывают его все возрастающую роль в обороне тунисских берегов [81, с. 25]. Турки были далеко, и официальная Порта не участвовала в войне. К тому же Доргут Реис не был связан условностями османской дисциплины. В значительной мере он действовал на свой страх и риск, выступая в лучшем случае как вассал и союзник Сулеймана Великолепного. По выражению Ш.-А. Жюльена, он «повторил на берегах Восточной Берберии приключения отважного Барбароссы» [14, с. 322]. Как и его покровитель (до 1533 г.), он создал здесь самостоятельное повстанческое государство, которое лишь номинально признавало сюзеренитет Порты. Своей столицей он избрал г. Махдию, где «жил, по словам Э. Мерсье, как независимый государь» [106, с. 56]. Доргут Реис

имел собственный флаг: красно-белое полотнище с синим полумесяцем посередине, свой флот, свои войска, самостоятельно проводил свою внешнюю и внутреннюю политику. Как и другие османо-фильские деятели, он обещал тунидцам «добрый и точный суд» [96, с. 161], справедливость к бедным, а также защиту прав угнетенных и обездоленных.

В борьбе против испанцев Доргут Реис действовал в тесном союзе с марабутами Шаббийи. Это был могущественный орден, простиравший свое влияние, по словам Махмуда Буали, «на обширную область, имевшую своими границами окрестности г. Туниса, Сахель, рубежи Сахары, Орес и ближайшие пригороды Константины» [64, с. 153]. Во главе ордена находился второй сын его основателя Сиди Арфа аш-Шабби, сменивший в 1485 г. своего брата Мухаммеда (1482—1485) [64, с. 149]. По утверждению внука Сиди Арфы, 114 тыс. человек приняли присягу в качестве его мюридов [64, с. 149]. Они почитали его как святого, и, если верить донесению дона Франсиско де Товары — преемника Мендосы на посту генерал-капитана Ла-Гулетты, он пользовался у них «влиянием больше, чем король или кто-либо другой» [64, с. 154].

Некоторые историки склонны видеть в движении Сиди Арфы нечто подобное проявлению «исконного мусульмано-ифрикийского — смутно национального — самосознания» [64, с. 153]. Махмуд Буали пишет даже, что Сиди Арфа стремился к установлению своей власти в г. Тунисе [64, с. 154], давая тем самым понять, что он был не прочь основать здесь самостоятельное национальное независимое государство. Тунидцы безусловно отстаивали свою самобытность. Но они делали это не в форме «проявления» пусть только зарождающегося и даже бессознательного национального чувства. Это вообще было нехарактерно для XVI в., и подобного рода тезис невольно воспринимается как модернизация истории, дань современным представлениям или, во всяком случае, как националистическое перепрочтение романтической концепции Ш.Моншикура — талантливого французского историка и колониального администратора, который первым разработал историю Шаббийи (1450—1592), увидев в ордене третью силу, противостоящую как испанскому, так и турецкому экспансионизму.

Марабуты Шаббийи — это прежде всего религиозное движение. В религиозной форме они выражали представления народа о национальной самобытности и социальной справедливости. С этой

точки зрения и Доргут Рейс, и Сиди Арфа ничем не отличались друг от друга. Только Сиди Арфа отражал настроения и взгляды более отсталых районов, разоренных и одичавших в результате хильялийского вторжения XI в. Во владениях ордена догорали последние очаги земледельческой культуры, исчезли города; основную массу населения составляли кочевые и полукочевые племена. В Кайруане — этом единственном городе Шаббии — большинство жителей были за Барбароссу или же по крайней мере делили свои симпатии «между двумя софами (лигами. — *Н.И.*) примерно равной силы» [106, с. 44], за и против турок.

Основную опору Сиди Арфы составляли кочевники: племена, которые враждовали с улед саид и их хафсидскими союзниками. Бедуины, конечно, не могли стать центром притяжения народных сил, особенно из городов и земледельческих районов. Да и религиозные идеалы Шаббии были весьма примитивны. Последователи Сиди Арфы выступали под флагом сектантски упрощенного маликизма и вряд ли могли удовлетворить духовные запросы более грамотного и развитого населения. Судя по всему, Сиди Арфа был приверженцем антропоморфистских идей Альморавидов, которые в Тунисе с его довольно высоким уровнем цивилизации никогда не имели успеха и лишь во времена Бану Ганийя (1184—1209) нашли сравнительно широкую поддержку в деградировавших районах тунисского центра и юга.

После заключения договора 1535 г. Сиди Арфа отказался признавать сюзеренитет Хафсидов и провозгласил независимость. Чтобы окончательно утвердить себя как вполне самостоятельного правителя, он объявил, пишет Э.Мерсье, о «восстановлении» власти Альморавидов и призвал в качестве халифа «некоего Яхью — статиста, утверждавшего, что он родом из лемтуна» [106, с. 29], т.е. сахарского санхаджийского племени, которое в XI в. выдвинуло из своей среды династию альморавидских халифов*.

Таким образом, сразу после договора 1535 г. власть Мулай Хасана была признана лишь на оккупированных территориях. «Земли в окрестностях Бизерты, а также Беджа и некоторые другие места в одном дне пути от г. Туниса, — писал 26 октября 1535 г. дон Бернардино де Мендоса, — признают власть Мулай Хасана. Но за их пределами никто ему не повинуется» (цит. по

* Об Альморавидах см. [14, с. 91—110].

[81, с. 48—49]). Население Туниса отвернулось от султана, презирало его за ту роль, которую он играл во время июльского погрома. Единственной опорой султана были рийахидские племена улед саид, улед беллиль и улед мескин. Они поставляли ему конные ополчения, участвовали в походах, направленных на подавление народного движения.

Главной надеждой Мулай Хасана были испанцы. Он чуть ли не ежедневно досаждал им своими просьбами о присылке оружия и солдат. Испанцы охраняли султана, участвовали в карательных экспедициях, стояли гарнизонами в северо-восточных городах Туниса. Мулай Хасану с большим трудом удалось вернуть в столицу часть беженцев, заставить земледельцев взяться за работу в Ла-Марсе, Радесе и других местностях, прилегающих к г. Тунису [106, с. 40]. Крестьяне и жители городов не скрывали своих антипатий к султану. «Предместья, — докладывал 20 декабря 1535 г. дон Бернардино де Мендоса, — очень плохо настроены к Мулай Хасану. Последний арестовал нескольких турок, которые тайно находились в городе и составили заговор, чтобы убить христианских купцов» (цит. по [81, с. 49]). В столице, как доносили испанские агенты, шли разговоры о конфискациях имущества и алчности властей. Поговаривали даже об убийстве султана [98, с. 119]. Мулай Хасан чувствовал эту всеобщую ненависть и с еще большей настойчивостью добивался поддержки испанцев. В архивах Пармы, сообщает Тахар Гига, сохранилась целая пачка писем, в которых канцелярия и лично Мулай Хасан умоляли императора не бросать их на произвол судьбы. Временами султана охватывало настоящее отчаяние. В 1536 г. в письме командору Леона он просил его оказать содействие в выезде из страны, если Карл V ничего не предпримет. «Я не могу, — писал он, — ни одного часа оставаться в Тунисе, если Его Величество откажется прийти мне на помощь» (цит. по [81, с. 47]).

Мендоса, как мог, ободрял султана. Посулами и угрозами он подталкивал его к активным действиям. В своих письмах Карлу V, по крайней мере в первое время, генерал-капитан не скрывал своей надежды покорить страну с помощью бедуинов (см. [98, с. 119]). Прежде всего он хотел подчинить Сахель и взять Махдию. Но Мулай Хасан не решался на это. Он ждал подкреплений и до их прибытия сосредоточил все свои усилия на борьбе с Сиди Арфой.

В 1535—1540 гг. хафсидские войска, состоявшие из испанских наемников, пеших «мавров» и бедуинских ополчений, совершили четыре похода на Кайруан. Все они закончились неудачей. В сентябре 1535 г. во время первого похода в сражении при Батн-эль-Гарне в 12 км к западу от Кайруана войска Сиди Арфы при поддержке турок «наголову разбили» Мулай Хасана [64, с. 154]. Во время второго похода его постигла новая неудача. В сражении под стенами Кайруана в ночь на 28 января 1536 г. Мулай Хасан потерпел сокрушительное поражение. Бежав с поля боя, он укрылся в шатре своего союзника Балдийафа — шейха племени улед саид, переменял лошадей и через 14 часов непрерывной скачки был уже в г. Тунисе [98, с. 118]. Весной 1540 г. во время третьего похода хафсидские отряды численностью около 8 тыс. человек под командованием сына султана были опрокинуты и полностью разгромлены. Самое крупное поражение Мулай Хасан потерпел в ноябре того же года. Он вел на Кайруан 2 тыс. испанцев и 15 тыс. бедуинов, шедших со своими женами и детьми, всего около 60 тыс. человек. 12 ноября 1540 г. в сражении при Джеммале (в 19 км к югу от Монастира) тунисско-османские войска численностью 38 тыс. человек разгромили армию Мулай Хасана. После ожесточенной битвы, продолжавшейся с 9 часов утра до захода солнца, они рассеяли неприятельские войска как «листья по ветру» [64, с. 158].

Боевой дух армии султана был исключительно низким. Бедуины сражались только ради грабежа. Испанцам также надо было обещать золото, богатства Кайруана и рабов. В войсках, по словам Мендосы, не было ни доблести, ни порядка [64, с. 155]. В походе они напоминали караван, в бою — шайки налетчиков, которые отступали при первом серьезном отпоре. В сражении при Джеммале, по свидетельству испанского историка XVI в. Мармоль-Карвахала, «все мавры» из армии султана, оказавшись под угрозой окружения, «перешли на сторону врага» [81, с. 54; 64, с. 157].

В повстанческом лагере положение было совершенно иным. Здесь царил дух священной войны. Воины Доргут Реиса и Сиди Арфы считали себя шахидами — мучениками за веру. Они были полны ненависти к Мулай Хасану. Марабуты объявили его султаном-отступником, который предал дело ислама, заключил союз с неверными и поднял оружие против своих братьев (см. [64, с. 156]).

Испанские наместники понимали сложность ситуации. Не надеясь более на Мулай Хасана, они требовали подкреплений. Наместники жаловались, что испанские войска в Тунисе были малочисленны, состояли в основном из новобранцев и испытывали недостаток в различного рода припасах. Один из инспекторов, пишет Э.Мерсье, «констатировал, что солдаты, доведенные до крайней степени нищеты, особенно те, кто обзавелся женами и детьми, были готовы сделаться маврами» [106, с. 47]. Они умоляли отправить их на родину и положить конец невыносимым мучениям.

Повстанцы все ближе подходили к г. Тунису. В феврале 1536 г. ополчения Суса при поддержке четырех турецких кораблей взяли Хаммамет и появились на южных подступах к столице [98, с. 119]. Карл V был серьезно встревожен. В 1537 г. он приказал Фернандо де Гонзагу, вице-королю Сицилии, перейти к активным действиям. В 1538 г. эскадра сицилийского флота при поддержке бедуинов Мулай Хасана попыталась совершить нападение на Сус, но была отброшена, потерпев «жалкий провал» [106, с. 45]. В довершение ко всему 27 сентября 1538 г. флот Карла V был разгромлен при Превезе и утратил господство на морях.

Лишь через два года Фернандо де Гонзаг возобновил наступательные операции. 15 июня 1540 г. Доргут Реис попал в плен к испанцам. Он был захвачен на о-ве Корсика и почти четыре года провел на галерах (см. [81, с. 431]). Сахель остался без вождя, и Фернандо де Гонзаг решил воспользоваться ситуацией. В сентябре того же года войска, состоявшие из контингентов, сформированных в Сицилии, Неаполитанском королевстве и Венгрии, при поддержке флота А.Дориа двинулись к берегам Туниса. Здесь их ждали орды бедуинов под командованием Мулай Хасана. Совместными атаками с суши и с моря они захватили Монастир, Хаммамет, Сус и Сфакс. В соответствии с договором 1535 г. эти города были переданы Мулай Хасану, который учредил здесь хafsидскую администрацию. 10 ноября 1540 г. в преддверии зимы Фернандо де Гонзаг отправился обратно, оставив в распоряжении султана около 2 тыс. солдат.

Получив долгожданную помощь, Мулай Хасан немедленно двинулся в свой четвертый поход на Кайруан. 12 ноября 1540 г., как уже отмечалось, он потерпел сокрушительное поражение. Его власть в Сахеле пошатнулась и к весне 1541 г. окончательно рух-

нула. Сус, Сфакс, Хаммамет и другие города побережья один за другим изгоняли хафсидских кайдов и вновь принимали османских гази [81, с. 55]. В апреле 1541 г. Фернандо де Гонзаг эвакуировал Монастир. На обратном пути христиане атаковали и разграбили Келибию. Около 1 тыс. человек, включая детей, было захвачено в плен; столько же погибло при защите города [64, с. 159].

После эвакуации испанцев города Сахеля обрели автономию. Они образовали своего рода городские республики, или сеньории. Номинально они признавали сюзеренитет Порты и время от времени платили дань туркам, точнее, османским гази, у которых были здесь свои базы. Непосредственную власть осуществляли местные хунты, отдельные вожди (например, аль-Гляи в Сусе или аль-Мокни в Сфаксе), пользовавшиеся поддержкой могущественных городских кланов, и целые семьи наподобие знаменитых Бану ас-Семумни на о-ве Джерба. Однако их власть была крайне непрочной и постоянно оспаривалась соперниками. В городах шла непрерывная борьба фракций, одни из которых поддерживали османских гази, другие ориентировались на Кайруан, третьи искали покровительства у бедуинов.

Анархия в Сахеле, неудачи Мулай Хасана, наконец, смерть повелителя Кайруана Сиди Арфы (1542 г.) изменили ситуацию. Появились новые нюансы. В частности, оживилась старая хафсидская «партия», опиравшаяся на феодальную знать и патрицианские фамилии города. В начале 40-х годов она вновь вышла на политическую арену. Во главе ее встал сын Мулай Хасана Абу-ль-Аббас Ахмед, или Мулай Хамида, как его называли в Тунисе. Это был, по словам Сервантеса, «самый жестокий и самый храбрый мавр на свете» [35, т. 1, с. 444]. В течение ряда лет он занимал пост наместника в Аннабе, установил широкие связи среди айянов и выступал в качестве поборника их интересов. Он апеллировал, как пишет Э.Мерсье, к «мусульманскому фанатизму» [106, с. 56] и не раз заявлял о своем сочувствии к тем, кто пострадал от испанского вторжения [64, с. 160].

Своеобразие ситуации заключалось в том, что испанцы сами были недовольны Мулай Хасаном. Их раздражала его никчемность. Создается впечатление, что они только и ждали случая, как бы сместить его и посадить на трон другого, более подходящего кандидата. Как бы то ни было, в своих письмах дон Бернардино де Мендоса не раз отмечал, что «король (имеется в виду Мулай

Хасан. — Н.И.) причинил столько зла маврам и стал столь невыносим для всех, что следовало бы положить конец этой невыносимой ситуации» (цит. по [81, с. 50]).

После Джеммаля Мулай Хасан был полностью изолирован. Испанцы не давали ему ни войск, ни снаряжения. В Тунисе он чувствовал себя в полном одиночестве. Характерно, что в 1543 г. в его окружении не нашлось ни одного человека, которому он мог бы доверить свои сокровища. Он сдал их на хранение генерал-капитану Ла-Гулетты. После поражения Карла V под стенами г. Алжира в октябре 1541 г. Мулай Хасан жил в постоянной тревоге. При одной мысли о появлении флота Хайрадина Барбароссы его охватывал панический ужас. Он истерично требовал подкреплений. Молчание Карла V он объяснял отсутствием доброй воли у властей Ла-Гулетты и летом 1543 г. решил лично отправиться в Италию для свидания с императором.

Едва он покинул Тунис, как в столице произошел дворцовый переворот. Айяны и придворная знать объявили о низложении Мулай Хасана и призвали к власти Мулай Хамиду. С помощью горожан этот хафсидский принц разгромил бедуинские ополчения и вступил в город. Испанская гвардия, оставленная Карлом V для охраны Мулай Хасана, перешла на сторону заговорщиков и поддержала переворот (см. [44, с. 127; 106, с. 56; 81, с. 57]).

Для испанцев это было серьезной неприятностью. Разделяя чувства гвардии и знати к Мулай Хасану, они тем не менее не питали никакого доверия к Мулай Хамиде, рассматривая его как главу «партии недовольных» [79, с. 105]. В противовес ему они поддержали кандидатуру Мулай Абд аль-Малека — брата Мулай Хасана и провозгласили его султаном. Через 36 дней он неожиданно умер. Тогда испанцы возвели на престол его племянника, одного из многочисленных сыновей Мулай Хасана, эмира Мулай Мухаммеда [106, с. 57; 64, с. 163].

Что касается Мулай Хасана, то, узнав в Италии о перевороте, он немедленно изменил свои планы и предпринял отчаянную попытку вернуть власть. В Неаполе он в спешном порядке завербовал 2 тыс. наемников, в основном из уголовных элементов, и вместе с ними двинулся на завоевание Туниса. В сражении под Хербет-эль-Клаха на берегу тунисской лагуны он потерпел очередное поражение. Отряд наемников был разгромлен. Мулай Хасан пытался бежать, но попал в зловонную трясиину, откуда «его выгта-

щили не без труда» [106, с. 56]. По приказу Мулай Хамиды он был ослеплен и отдан под надзор властей. Однако через некоторое время ему удалось бежать. Сначала он скрывался в Тунисе, затем отправился в Европу. Был в Неаполе, Риме, затем прибыл в Аугсбург, где имел встречу с Карлом V. Император назначил ему небольшую пенсию и отправил в Италию. Здесь Мулай Хасан жил в полной безвестности. По одним сведениям, он принял христианство и незадолго перед смертью постригся в монахи [79, с. 106], по другим — он умер в испанском лагере под Махдией в июле 1550 г. и до конца жизни лелеял мечту о власти (см. [81, с. 58; 82, т. VI, с. 178]).

Мулай Хамида, Абу-ль-Аббас II Ахмед (1543—1570), или просто Ахмед Султан, как его именуют некоторые тунисские источники, сравнительно быстро укрепил свои позиции. Его брату Мулай Мухаммеду не удалось заручиться доверием горожан и земледельческого населения. Они не без основания видели в нем ставленника Испании и продолжателя политики Мулай Хасана. В противоположность ему Мулай Хамида всячески афишировал свои симпатии к туркам. К бедуинам он относился «как к обычным неверным» [106, с. 57]. Его главной опорой были айяны и старая хафсидская знать. В государственных делах он целиком полагался на начальника испанской гвардии Хуана, который, живя в Тунисе, воспринял мусульманские нравы и костюм, пользовался безграничным доверием султана и был ему лично предан. Он осуществлял, по словам Э.Мерсье, «кровавую тиранию», беспощадно подавляя мятежи бедуинов, в частности племени улед саид, и стал «подлинным хозяином в Тунисе» [106, с. 57].

Народные массы, сохранявшие свою приверженность к османским гази, на первых порах были лояльны новому султану. Они поддерживали его антихристианскую и антибедуинскую политику. Добиваясь их симпатий, Мулай Хамида не упускал ни одного случая, чтобы не заявить о себе как о «стороннике османского присутствия в Магрибе» [81, с. 58]. Кроме того, он нуждался в помощи турок в своей борьбе с ла-гулеттским султаном Мулай Мухаммедом.

Основным союзником нового султана стал Доргут Реис. В конце 1543 г. Хайрадин Барбаросса выкупил его из плена за 3 тыс. экю. В 1544 г. Доргут Реис вернулся в Тунис. Он сразу же восстановил старые связи и с удвоенной энергией включился в войну

на море. Хайрадин Барбаросса передал в его распоряжение 26 боевых кораблей [96, с. 152]. Самое главное, он дал ему, как пишет Ж.Монлау, «патент» и вместе с ним «власть над корсарами — турками и маврами — Западного Средиземноморья» [108, с. 25]. В 1546 г. после смерти Хайрадина Барбароссы он стал их главой. В Тунисе Доргут Реис нуждался прежде всего в базах для своего корсарского флота. Ради этого он пошел на установление дружественных отношений с Мулай Хамидой. В 1548 г. он лично прибыл в г. Тунис и преподнес султану богатые дары, среди которых была красавица итальянка, захваченная в Кастеллама-ре. Мулай Хамида обещал снабжать его продовольствием, поставлять пушки и такелаж [81, с. 65]. Люди султана стали пополнять его газийскую вольницу и в немалой степени помогли ему вновь утвердиться в Сахеле.

Против Доргут Реиса и Мулай Хамиды образовалась коалиция в составе испанцев и ла-гулеттского султана Мулай Мухаммеда, к которой в 1543 г. примкнули марабуты Шаббийи. Преемник Си-ди Арфы по руководству орденом его племянник Мухаммед бен Абу-т-Тайеб резко изменил курс. От союза с османскими гази он перешел к непримиримой борьбе с турками. Не обладая способностями своего предшественника, он тем не менее пытался продолжать его политику, направленную на создание в Тунисе альморавидского государства. Прежде всего, он хотел захватить Сахель, который был, по словам Ж.Пиньона, «одновременно житницей, кладовой и морскими воротами для этого степного царя» [114, с. 100].

В Сахеле Мухаммед бен Абу-т-Тайеб сразу же столкнулся с турками и не нашел ничего лучшего, как заключить союз с испанцами и их ставленником Мулай Мухаммедом. Он признал ла-гулеттского султана в качестве законного преемника Мулай Хасана и выдал за него замуж свою дочь. Однако «этот союз с королем без короны», как назвал его Ж.Пиньон, вряд ли можно было считать большой удачей для Мухаммеда бен Абу-т-Тайеба. Он не дал ему ничего, кроме временных выгод, главным образом военного характера. Испанцы же обрели наконец тех «мавров», с помощью которых они надеялись покорить Тунис.

Отношения между двумя коалициями обострялись с каждым годом. Постепенно они переросли в изнурительную войну, «отмечавшуюся произволом, бесчинствами, производившимися испанца-

ми, грабежами, набегами и хищениями кочевников» [64, с. 163]. От войны особенно сильно страдало население городов и земледельческих поселений. Тунис превратился в настоящий фронтный город. Время от времени испанцы совершали налеты на окрестности столицы, опустошали сады и оливковые плантации. В лагуну входили канонерские лодки и обстреливали город. В отместку Мулай Хамида делал вылазки против Ла-Гулетты. Но взять ее ему было не под силу. В боях участвовали все жители столицы. «Даже дети, и те, — писал Ибн Абу Динар, — испытывали на себе последствия постоянной войны, ибо родители обучали их бросать камни, чтобы в случае необходимости они могли сражаться с врагом» (цит. по [64, с. 164]).

Судьбы Туниса, однако, решались не здесь. Они зависели от соотношения сил на Средиземном море, и в частности от растущей воинственности Мальтийского ордена. Мулай Хамида, Доргут Реис и их ближайшее окружение знали, что магистр ордена хотел перенести его деятельность в Африку. В 1548 г. Доргут Реис получил сведения, что мальтийские рыцари планировали захват крепостей на побережье Сирта и намеревались сделать Триполи своей столицей. Он рассматривал это как «международный заговор, нацеленный далеко за пределы Триполи», и как «прелюдию к оккупации страны в целом» [81, с. 96]. Чтобы отвести угрозу, он считал необходимым опередить рыцарей и самому утвердиться на побережье Сирта.

Своей главной задачей в 1544–1549 гг. Доргут Реис ставил разгром Мальты. Как вольный флибустьер, лишь номинально связанный с турецким султаном, он решил не обращать никакого внимания на перемирие, заключенное в 1545 г. между Карлом V и Османской империей. В отличие от бейлербея Алжира и других официальных представителей Порты он не прекращал военные действия. Более того, в 1546–1548 гг. он развернул настоящее морское наступление против Италии, атаковал берега Сицилии, Сардинии и Апеннинского полуострова [96, с. 154]. В 1546 г. его корабли опустошили о-в Гоццо, в 1547 г. высадили десант на Мальте, в 1548 г. захватили казну ордена (20 тыс. дукатов), взяв на абордаж мальтийский корабль, перевозивший доходы рыцарей от их итальянских поместий. В 1549 г. Доргут Реис подавил антиосманское выступление в Махдии, во время которого погиб племянник Хайрадина Барбароссы Хасан Челеби. Доргут взял

город и прочно обосновался в этой «лучшей, — по словам Т.Гиги, — морской крепости, позволявшей производить нападения на Мальту и сицилийские берега, защищать Джербу и берега Ливии» [81, с. 65].

Успехи Доргут Реиса были несколько омрачены охлаждением его отношений с Портой. Она косо смотрела на его самостоятельность. 12 апреля 1550 г. Карл V заявил протест османскому правительству, квалифицировав действия Доргут Реиса как преднамеренное нарушение перемирия. Великий везир Рустем-паша вызвал его для объяснений в Стамбул; однако Доргут Реис предпочел уклониться от этого визита [82, т. VI, с. 180—181; 81, с. 74]. В море эскадры капудан-паши и реиса при встрече салютовали друг другу, но немедленно расходились в разные стороны [96, с. 152].

Испанцы решили, что Доргут Реис предоставлен самому себе, и весной 1550 г. подготовили крупную экспедицию против Туниса. В ней участвовали корабли Неаполитанского королевства, Сицилии, Флоренции и Папской области под общим командованием 83-летнего адмирала Андреа Дориа. Его эскадра насчитывала 80 боевых единиц, в том числе 52 галеры. На борту находилось 40 осадных пушек, много военного снаряжения и 4 тыс. солдат десанта [81, с. 75]. Армией командовал сам вице-король Сицилии дон Хуан де Вега. В Тунисе к нему присоединились войска генерал-капитана Ла-Гулетты, Мальтийского ордена, среди которых было 500 рыцарей, а также ополчения шаббийского правителя Кайруана Мухаммеда бен Абу-т-Тайеба общей численностью 15 тыс. человек [82, т. VI, с. 176].

22 июня 1550 г. итало-испанский флот подошел к Махдии («Африке» христианских писателей). Обороной города руководил Хисар Реис, племянник Доргут Реиса, в распоряжении которого кроме горожан и арабских ополченцев было 500 турецких гази. После небольшой артиллерийской дуэли часть христианских кораблей двинулась на север и при поддержке с суши взяла города Сус и Монастир, где было захвачено 1,2 тыс. пленных, много оружия и продовольствия.

28 июня 1550 г. дон Хуан де Вега произвел десант под стенами Махдии и начал осаду города. Доргут Реис, который в это время находился в море, срочно вернулся и пошел на помощь осажденному гарнизону. С ним было 3,7 тыс. «мавров», 800 турок и 60 человек кавалерии [96, с. 181; 81, с. 76]. На подступах

к городу среди оливковых рощ разыгралось ожесточенное сражение. Доргут Реис потерпел поражение и был вынужден отступить на Джербу. Наступил черед Махдии. За два месяца осады испанская артиллерия выпустила по городу 30 тыс. чугунных ядер, в том числе 4,8 тыс. особо крупного калибра, способных пробивать двойные стены крепости. 10 сентября 1550 г. после ожесточенного штурма испанцы взяли Махдию. Погибло много защитников города; среди них Хисар Реис. Около 7 тыс. человек было взято в плен и распределено среди победителей [82, т. VI, с. 179; 81, с. 77—79].

Поражение под Махдией привело к резкому ослаблению позиций османских гази. Они потеряли Сахель, который был поделен между испанцами и марабутами Шаббийи. Махдия, как это и предусматривалось договором 1535 г., перешла под непосредственную власть императора. Монастир, Сус и другие города побережья отошли к Мухаммеду бен Абу-т-Тайебу. Большинство бедуинских племен поспешило встать на его сторону. На Джербе произошло восстание, и один из ее нотаблей отправился в Кайруан, прося о помощи и заступничестве против турок. Тозёр, г. Тунис и некоторые другие города, признававшие власть Мулай Хамиды, оказались в затруднительном положении и «начали, — пишет Т.Гига, — уступать давлению губернатора Ла-Гулетты» [81, с. 81].

Доргут Реис с остатками своих войск нашел убежище в Габесе, на крайнем юге Туниса. Отсюда он совершил неудачный поход на Гафсу и вновь был вынужден бить отбой. У него осталось всего 18 кораблей и жалкая база в устье Уэд-Габеса, которая в любой момент могла быть разгромлена испанцами. В этой тяжелой ситуации он обратился за помощью к Порте [81, с. 96]. Сулейман Великолепный охотно откликнулся на его призыв, простил ему прежние «заблуждения» и даже принял его к себе на службу. Он дал Доргут Реису чин «капитана 50 галер» и назначил санджак-беем Кырли-Или (Лепанто), т.е. командующим адриатическим дивизионом османского флота. Одновременно он обещал ему прямую помощь и поддержку в борьбе с Мальтийским орденом.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЛИВИИ ИЗ-ПОД ВЛАСТИ МАЛЬТИЙСКОГО ОРДЕНА

Единственным владением ордена на побережье Северной Африки был Триполи. До 1498 г. он входил в состав хафсидского государства; затем, еще в первые годы правления Абу Абдаллаха Мухаммеда V (1494—1526), отложился от Хафсидов и образовал самостоятельное государство под властью марабутов [67, т. I, с. 280; т. II, с. 351]. Восточная часть страны — Киренаика, или Барка, признавала сюзеренитет мамлюкских султанов Египта. Фактически здесь хозяйничали бедуины, которые в течение трех столетий были решающей силой в Триполитании, Киренаике и Феззане. Вся страна, за исключением небольших горных районов и узкой полосы на севере Триполитании, была превращена в пастбище. Катастрофически быстро шел процесс опустынивания. В конце XI — начале XII в. бесчисленные стада бедуинов уничтожили последние сады и оливковые рощи во внутренних районах страны. В начале XIV в. угасли последние города на побережье Киренаики. Из всех арабских стран Киренаика, по словам Ксавье де Планоля, побил «абсолютный рекорд бедуинизации, дошедшей до самого побережья» [115, с. 152]. Лишь в конце XV в. андалусские мухаджиры (беженцы) основали Дерну, затем Бенгази, где поселились также отдельные группы выходцев из Триполитании и ближневосточных стран. Эти небольшие города стали пристанищем мусульманских пиратов и купцов, шедших морем из Александрии в Магриб и обратно. Единственным значительным городом был Триполи, процветавший за счет транзитной торговли, в частности с африканскими странами. Здесь оканчивался один из трех главных путей африканского золота. Внутри страны Уаддан, Себха, Зауила и другие города-оазисы являлись перевалочными базами для караванной торговли и обеспечивали связь с глубинными районами континента.

25 июля 1510 г. испанцы под командованием дона Педро де Наварро взяли Триполи. Помимо прочего, они хотели освоить и заселить страну. Главное, они мечтали захватить в свои руки триполийскую торговлю золотом. В административном отношении Триполи и примыкавшая к нему часть побережья перешли под власть вице-короля Сицилии [117, с. 120—121; 81, с. 93]. В октябре 1511 г. он расклеил в Палермо и других городах прокламации, в которых призывал своих подданных переселяться в Африку. Колонистам обещали приличное жилье, землю и полное освобождение от налогов. Испанским купцам даровали право беспошлинной торговли, тогда как все прочие должны были платить 50% стоимости товаров (см. [81, с. 93]).

Однако планам колонизации не суждено было сбыться. Во-первых, в Италии не нашлось охотников переселяться в Африку, даже среди тех, кому обещали амнистию за прегрешения против закона. Во-вторых, с переходом под власть Испании Триполи утратил свое торговое значение. Дело в том, что в руки крестоносцев перешел, по существу, обезлюдивший город. Еще при штурме Триполи погибло около 6 тыс. жителей; 10 тыс. было взято в плен и продано с аукциона в Палермо; большинство других бежало, или, точнее, эвакуировалось. Горожане узнали об экспедиции за 35 дней до прибытия флота и успели вывезти свои богатства. Они ушли в Гарьян, Мисурату и Таджуру — дачную местность в 12 км к востоку от Триполи. С прибытием беженцев она превратилась в оживленный торговый и политический центр, по существу заменивший павшую столицу. Сюда, к своим контрагентам, стали направляться мусульманские купцы и караваны. Некоторые для большей верности разгружались еще дальше — в Мисурате. Здесь их ждали венецианские купцы, которые в знак протеста против торговой дискриминации, проводимой испанцами, перенесли сюда свою деятельность [81, с. 94].

Испанские владения в Триполитании были изолированы от остальной части страны. «Мятежные мавры» систематически пресекали любые контакты между свободными и оккупированными территориями. Даже те горожане, которые остались в Триполи, Занзуре, Завии и других пунктах на побережье, постепенно начали перебираться в районы, находившиеся под контролем «мятежников» [117, с. 121, 124].

Главными центрами сопротивления были Гарьян и Таджура. Здесь сконцентрировались основные силы ливийских муджахидов,

с фанатичной непреклонностью продолжавших войну. Они дважды — в конце июля 1510 г. и в феврале 1511 г. — атаковали Триполи, пытаясь отвоевать этот хорошо укрепленный город. Огромное ликование среди них вызвало поражение испанцев на Джербе (30 августа 1510 г.). Оно укрепило престиж османских гази, которых охотно принимали в Таджуре, Мисурате, Бенгази и других портах на побережье Ливии. Особенно горячо приветствовались корабли братьев Барбаросса. В 1512 и 1515 гг. они подходили к берегам Триполитании и вели обстрел испанских укреплений.

Совместные действия османских гази и ливийских муджахидов говорили о наличии тесного сотрудничества между этими двумя антииспанскими группами. Как и другие страны Арабского Запада, Триполитания несомненно представляла благодатную почву для распространения османофильских иллюзий. Турок воспринимали не иначе как «освободителей от христианского ига» и окружали ореолом «защитников веры» [117, с. 147]. От «Великого Турка», олицетворявшего могущество и «правду» восточного халифата, ждали спасения и поддержки. По некоторым данным, еще до взятия Триполи его жители обращались в Стамбул с призывом о помощи [81, с. 91].

Влияние и авторитет турок значительно возросли после падения мамлюкского султаната. В 1517 г. Киренаика, как и другие вассальные владения мамлюков, перешла под сюзеренитет и покровительство Порты. Триполитания официально не вошла в состав Османской империи. Однако в 1520 г. делегация жителей Таджур-ры посетила Стамбул и просила Селима I оказать им военную помощь. Ибн Гальбун и другие триполитанские историки сообщают, что султан благосклонно отнесся к их просьбе [117, с. 131]. Он отправил в Триполитанию оружие, отряд турецких волонтеров и назначил в Таджуру своего представителя, который стал здесь «признанным руководителем сопротивления местного населения» [32, с. 207].

Все это, вплоть до деталей, поразительно напоминает события, происшедшие в Алжире в 1518 г. Это дает основание предполагать, что в 1520 г. Триполитания — хотя вопрос о делегации, по словам Н.И.Прошина, «продолжает оставаться неясным» [32, с. 207] — признала верховный сюзеренитет Порты и стала вассальным владением османских султанов. Во всяком случае, когда хафсидский султан Мулай Хасан, занявший трон в 1526 г.,

предъявил свои права на управление Триполитанией, жители Таджурры отказались признавать его власть и «ссылались на Великого Турка» [117, с. 130, примеч. 76].

В это время Таджура была уже центром триполитанского повстанческого государства, очень напоминавшего алжирское «регентство» Хайрадина Барбароссы. Во главе его находился Хайрадин Караман (или Кирман, как его транскрибирует Н.И.Прошин) — турецкий реис, доверенное лицо и представитель Хайрадина Барбароссы в Триполитании. Европейские источники именуют его «королем Таджурры». Своими подвигами на морях он снискал расположение мусульманского населения. «Один турок, — писал в 1531 г. европейский информатор, говоря об обстановке в Таджуре, — сделался сеньором указанной местности с согласия населения» [117, с. 129, примеч. 75]. С некоторой долей вероятности можно предположить, что именно он в соответствии с традициями Порты был назначен ее первым представителем в Таджуре.

Как бы то ни было, в 20-х годах XVI в. Хайрадин Караман возглавлял борьбу против испанского присутствия в Триполитании. Он превратил Таджуру в хорошо укрепленную крепость с пушками и бастионами и оборудовал небольшой порт, который мог принимать корсарские корабли. Оружие и снаряжение он получал от Хайрадина Барбароссы, частично от османского правительства в Стамбуле. Его армия состояла из турок и «мятежных мавров», пользовавшихся значительной поддержкой горожан и земледельческого населения [117, с. 130]. С помощью своих союзников из Гарьяна и Джебель-Нефусы Хайрадин Караман блокировал испанские гарнизоны на побережье Ливии и постоянно тревожил их своими атаками.

Положение испанцев было довольно сложным. Об освоении и заселении страны уже не могло быть и речи. Главное было сохранить Триполи, точнее, не допустить его перехода в руки мусульман. Обедневший и опустевший город, подвергавшийся непрерывным атакам неприятеля, практически невозможно было удержать. Тогда-то и пришла, по словам Тахара Гиги, мысль передать его духовно-рыцарскому ордену иоаннитов (госпитальеров), которые жаждали реабилитировать себя в глазах христианства (см. [81, с. 94]).

В декабре 1522 г. войска Сулеймана Великолепного разгромили рыцарей на о-ве Родос. Иоанниты потеряли последний оплот

на Востоке. Их остатки прибыли в Мессину и, по существу, оказались не у дел. Встал вопрос о самом существовании ордена, и в октябре 1523 г. по настоянию папы римского Карл V согласился предоставить иоаннитам Мальту и Триполи. 24 марта 1530 г. после шести лет трудных переговоров Карл V подписал диплом о передаче им на правах ленного владения Мальты, Гоццо и Триполи со всеми относившимися к ним замками, крепостями и землями [117, с. 125—126]. В знак вассальной верности рыцари должны были каждый год посылать императору одного сокола и тем самым подтверждать его сюзеренные права.

Орден Св. Иоанна Иерусалимского был самостоятельным военно-политическим образованием. Во главе его стоял великий магистр, резиденция которого с 1530 г. находилась в г. Медине на о-ве Мальта. Он был пожизненным правителем ордена и избирался на специальном совещании «рыцарей справедливости», как называли иоаннитов. Великий магистр должен был быть не моложе 18 лет, участвовать не менее чем в трех походах против мусульман и жить не менее трех месяцев в ставке ордена [81, с. 63].

Состав «рыцарей справедливости» пополнялся за счет элиты католического дворянства (не менее восьми поколений благородных предков). Особенно много было выходцев из Южной Франции и Испании. Они доминировали в ордене, разделенном на восемь «языков», или «наций»: Прованс, Овернь, Франция, Арагон, Кастилия с Леоном и Португалией, Италия, Англия, Германия. Во главе их находились бальи (начальники), которые обладали всей полнотой власти в «языке», заседали в Тайном совете при великом магистре и по традиции занимали строго определенные посты в высшей иерархии ордена. Каждый «язык» имел в странах, откуда он рекрутировал рыцарей, особые поместья — коммендарии, или комтурства, доходы с которых поступали в общую казну ордена.

Рыцари с белым мальтийским крестом о восьми лучах представляли грозную военную силу, своего рода «офицерские части» католического мира. Вступая в орден, они давали клятву «никогда не опускать знамени, никогда не просить пощады, никогда не отступать и никогда не сдаваться» [81, с. 62]. Их оруженосцы и вообще рядовой состав ордена пополнялись за счет выходцев из крестьянских и бюргерских семей. В качестве вспомогательных

частей привлекались отряды наемников, в основном из Италии, которые стояли гарнизонами в иоаннитских замках и крепостях.

Мальтийский орден был главной ударной силой христианства. Начиная с 1530 г. ни один крупный поход в Западном Средиземноморье не обходился без его участия. В 1535—1540 гг. рыцари неоднократно высаживались на берегах Туниса, в 1541 г. находились под стенами г. Алжира. Корабли ордена непрерывно бороздили воды Средиземного моря. Они нападали на берега Северной Африки, доходили до Леванта. Для мусульманского мира они были такими же страшными и безжалостными пиратами, какими были для католиков Доргут Реис и его «соколы» [96, с. 195].

В Ливии Мальтийский орден сочетал политику террора с дипломатией. Большие надежды рыцари возлагали на хафсидского султана Мулай Хасана, с которым установили дружественные и даже союзнические отношения [81, с. 94—95; 32, с. 203]. Однако в борьбе за власть в Триполитании Мулай Хасан потерпел поражение. Сначала, в 1531 г., Хайрадин Барбаросса подавил восстание его сторонников в Таджуре. Затем, в начале 1533 г., Хайрадин Караман захватил этот город, который в декабре 1532 г. после длительной осады перешел было в руки хафсидских войск [117, с. 130]. В довершение ко всему в августе 1534 г. Хайрадин Барбаросса взял Тунис и положил конец хафсидским проискам в Триполитании.

Непосредственно в своих владениях мальтийцы проводили политику жестоких репрессий. Первый губернатор ордена прибыл в Триполи в июле 1530 г. Помимо города под его властью находилось все побережье к западу от Триполи, включая Занзур, Эль-Маю, Зуагу (Старый Триполи), Завию и другие населенные пункты. Рыцари пытались установить здесь твердый порядок, ввели систему заложников и штрафов [32, с. 202]. Для борьбы с недовольными они использовали племена «мирных мавров», т.е. бедуинов, которые перешли к ним на службу.

Тяжелая власть ордена вызывала ненависть мусульманского населения. В 1531 г. жители побережья восстали против иноземных поработителей. С помощью Хайрадина Барбароссы они расправились с приверженцами Хафсидов в Таджуре и поддержали лозунги «священной войны». Во главе джихада встал Хайрадин Караман. Его опорой было крестьянство северных районов Триполитании, ряд кочевых племен и горцы Джебель-Нефусы, при-

держивавшиеся ибадитского вероучения. На море он получал поддержку от андалусских и турецких гази, базировавшихся в Мисурате, Бенгази и Дерне. Они же составляли основное ядро армии джихада, вокруг которой группировались крестьянские ополчения, пополнявшиеся за счет добровольцев из деревень Северной Триполитании, в том числе оккупированных районов. От Хайрадина Барбароссы Караман получил, как пишет Н.И.Прошин, «письменные полномочия, которые делали его абсолютным правителем Триполитании» [32, с. 205]. Все мусульмане обязывались повиноваться ему, оказывать посильную помощь, платить закят и десятину, а также вступать в отряды муджахидов.

В 1532—1534 гг. Хайрадин Караман отразил наступление хафсидских войск и начал сжимать кольцо блокады вокруг Триполи. Главной задачей, которую поставил перед ним Хайрадин Барбаросса, было взятие этой цитадели крестоносцев. Мусульмане устраивали засады, вели бои и постепенно подводили свои фортификации к самому городу. В 1535 г. они построили башню аль-Каида в одной миле от Триполи. На ней они расположили батарею тяжелых пушек и начали систематически обстреливать город [81, с. 94; 117, с. 131].

Однако взять Триполи повстанцам не удалось. Фра Аурелио Боттиджелла, энергичный губернатор города, умело организовал оборону, и рыцари без труда отразили ожесточенный штурм крестьянских войск Карамана. В 1535 г. испанцы взяли г. Тунис и тем самым лишили повстанцев непосредственной поддержки Хайрадина Барбароссы. Этим воспользовался А.Боттиджелла и перешел в контрнаступление. Источники, к сожалению, не дают полной и ясной картины событий. Известно только, что рыцари осадили и взяли аль-Каиду, разжали кольцо блокады и разбили повстанческие войска. В этих боях погиб Хайрадин Караман, вероятно, как пишет Т.Гига, при штурме аль-Каиды [81, с. 95].

После смерти Хайрадина Карамана (по крайней мере с 1538 г.) борьбу против ордена возглавил Мурад Ага. Это был один из выдающихся руководителей крестьянского движения в Ливии. О его происхождении, как, впрочем, и о происхождении многих других крестьянских вождей, нет вполне достоверных сведений. Некоторые итальянские авторы полагали, что он был ренегатом, т.е. европейцем, принявшим ислам [117, с. 134]. Простой народ считал его братом Доргут Реиса [117, с. 146, примеч. 18].

Ибн Гальбун и более поздние летописцы связывали его имя с триполійским посольством 1520 г. Они говорили, что он был «рабом» Селима I, знал арабский язык и выступал в качестве переводчика во время бесед в Порте. Селим I отправил его с ответным посольством в Таджуру, чтобы представлять здесь свою «августейшую» особу [117, с. 131—132; 32, с. 207—208].

Скорее всего Мурад Ага был турецким реисом [117, с. 131; 106, с. 73]. Возможно, он действительно принимал участие в посольстве 1520 г. и с тех пор связал свою судьбу с борьбой триполитанского крестьянства. Во всяком случае, он был одним из сподвижников Хайрадина Барбароссы и после гибели Хайрадина Карамана стал кяхьей — доверенным лицом Барбароссы в Триполитании [117, с. 132]. Европейцы называли Мурад Агу, как и его предшественника, «королем Таджуры». Особенно крупным авторитетом он пользовался в земледельческих районах на севере Триполитании [117, с. 136]. В отличие от многих других османских сановников, которые, достигнув высокого положения, не считали для себя неудобным обзаводиться роскошью, Мурад Ага вел скромный образ жизни. По словам одного из триполійских летописцев, Карим ад-Дина аль-Барамуни, он «был самым знаменитым из турецких правителей Триполи и жил трудом своих рук, занимаясь пошивом одежды» (цит. по [117, с. 147, примеч. 19]). Он отличался подчеркнутой беспристрастностью. Среди простого народа он слыл «святим» и оставил о себе память как о великом гази, освободившем страну от тирании «франков» [117, с. 147].

На рубеже 30—40-х годов, несмотря на победы Аурелио Боттиджеллы, положение мальтийских рыцарей оставалось крайне тяжелым. После Превезы (1538 г.) и Алжира (1541 г.) османский флот безраздельно господствовал на море. В Ливии Мурад Аге удалось сплотить вокруг себя различные повстанческие силы. Восприняв стратегию медленного удушения ордена, он умножал свои фортификации, устраивал завалы на дорогах и размещал здесь сторожевые посты. Таким образом он перерезал все коммуникации, которые вели из Триполи внутрь страны (см. [81, с. 95]). От Хайрадина Барбароссы он получал регулярную помощь. По некоторым сведениям, в 1542 г. в Таджуру прибыла эскадра османского флота и высадила войска. Они тотчас же отправились на соединение с крестьянскими ополчениями [32, с. 209].

Руководство ордена было очень обеспокоено. Оно совершенно не разделяло того оптимизма, который наблюдался среди испанских идадьго, окружавших вице-королей Неаполя и Палермо. Едва одержав маленькую победу, они трубили о больших планах. Вице-король Сицилии, например, 18 ноября 1540 г., т.е. всего лишь через несколько дней после своего возвращения из похода в Тунис, представил Карлу V проект новой экспедиции — на этот раз против Джербы и Таджуры, предлагая одним ударом покончить с Мурад Агой и его разношерстным воинством [81, с. 54].

Мальтийские рыцари подходили к делу более реалистично. Они понимали, что их шансы были невелики. К тому же они знали, что после поражения под г. Алжиром в октябре 1541 г. Карл V совершенно охладел к Магрибу и что вообще в высших эшелонах власти росло убеждение в бесполезности военных усилий в Северной Африке, не имевших, по их мнению, никакой перспективы в смысле прочного закрепления в стране. Руководители ордена сознавали стоявшие перед ними трудности и отдавали себе отчет в том, что устаревшие укрепления Триполи и немногочисленный гарнизон были бы не в состоянии выдержать совместное нападение османского флота и повстанческой армии Мурад Аги. Великий магистр ордена Хуан д'Омедес писал в 1539 г. Карлу V: «Либо Его Величество поможет окружить город со всех сторон новыми и прочными стенами с мощными башнями по бокам и защищенными глубокими рвами, либо он даст приказ... взорвать крепость, засыпать порт и потопить у входа в него суда, нагруженные камнем и песком» (цит. по [81, с. 95—96]).

Положение рыцарей действительно было малоутешительным. В начале 40-х годов Мурад Ага одержал новые победы. В 1542 г. после прибытия османских подкреплений орденские владения были охвачены всеобщим восстанием. На оккупированных территориях крестьяне вышли из повиновения и отказались платить налоги [117, с. 133]. В 1545 г. Мурад Ага был признан в качестве вождя народом Гарьяна, т.е. объединил под своей властью все мусульманские территории Триполитании. 7 января 1547 г. великий магистр ордена обратился к папе римскому с призывом о помощи. Он писал, что вокруг «короля Таджуры» и небольшого числа турок объединились все «мавры» страны, которые вели беспрестанные бои с рыцарями. Орден нес большие потери. Силы же Мурад Аги непрерывно возрастали. Несмотря на перемирие, Хайрадин

Барбаросса, а после его смерти (1546 г.) Доргут Рейс оказывали ему значительную поддержку. Великий магистр просил папу прислать 4—5 тыс. солдат, без помощи которых, по его словам, было бы невозможно одолеть Мурад Агу [117, с. 134—135; 32, с. 210].

Не получая подкреплений, рыцари ограничивались сравнительно небольшими карательными экспедициями. В 1545 г. они совершили поход в район Эль-Маи и Занзура, предав его огню и мечу. Погибло много повстанцев. Около 400 человек было взято в плен. В 1546—1549 гг. рыцари предприняли еще несколько экспедиций. В ходе их они пытались разрушить фортификации мусульман, которые находились всего лишь в трех милях от Триполи, но так и не могли разжать тиски, душившие город.

В 1548 г. слухи о намерении ордена перенести свою столицу в Триполи побудили Мурад Агу установить еще более тесные отношения с Доргут Рейсом. Оба вождя решили как можно скорее закрепиться на побережье Сирта и совместными усилиями защищать берега Туниса и Триполитании. В 1549 г. Мурад Ага отправил в распоряжение Доргут Рейса отряд лучников численностью в 1 тыс. человек, которые участвовали во взятии Махдии. Однако ответная акция дона Хуана де Веги, сумевшего в 1550 г. захватить Махдию, вызвала переполох в стане повстанцев. Оба гази решили, что речь идет о крупном «международном заговоре», и, не теряя времени, обратились в Порту с призывом о военной помощи [81, с. 96].

Османское правительство, как уже отмечалось, охотно откликнулось на это обращение. Сулейман Великолепный расценил взятие Махдии как нарушение перемирия и решил возобновить военные действия. Его приготовления происходили в глубокой тайне. Они закончились к лету 1551 г., когда османский флот в составе 140 кораблей различного класса вышел в открытое море. Командовал им капудан-паша Юсуф Синан — «паркетный адмирал» Порты, родной брат великого везира Рустем-паши. В пути к нему присоединились эскадры эгейского и адриатического дивизионов, во главе которых стояли испытанные «морские волки» Салах Рейс и Доргут Рейс — соответственно санджак-бей Родоса и Лепанто. Для обмана противника они совершили отвлекающий маневр и 28 июля атаковали Мальту. После небольшой перестрелки они высадили десант на о-ве Гоццо, захватили 5 тыс. пленных, а за-

тем неожиданно повернули на юг и на всех парусах двинулись в Сиртский залив.

5 августа 1551 г. османский флот появился у Триполи — главной цели экспедиции. Не теряя времени, турки произвели высадку десанта, состоявшего из 10 тыс. солдат, в том числе 3,5 тыс. янычар, с большим количеством артиллерии и осадной техники [96, с. 196]. В Таджуре и Зуаре они соединились с войсками Мурад Аги, усиленными многочисленными ополчениями из местных крестьян и жителей Триполи. Подойдя к городу, турки и ливийские муджахиды без промедления приступили к подготовке штурма: начали рыть апроши, разворачивать батареи и т.п. Гарнизон Триполи командовал баллы Оверньского «языка» фра Гаспар де Валье. В его распоряжении было 300 мальтийских рыцарей, около 600 итальянских наемников и примерно 100 арабских аскеров, находившихся на службе у ордена.

Де Валье отверг ультиматум Юсуфа Синана, и 8 августа 1551 г. турки начали обстрел Триполи. В первое время артиллерия крепости отвечала тем же. Но вскоре ее пушки вышли из строя; стены рухнули; в довершение ко всему взорвались пороховые склады. Самое главное, итальянские наемники не хотели сражаться, требовали сдачи в плен и в конце концов подняли настоящий бунт. Де Валье был вынужден прекратить сопротивление и 14 августа 1551 г. при посредничестве французского посла д'Арамона сдать город на капитуляцию [117, с. 139—140; 81, с. 97]. Оставшиеся в живых рыцари (около 200 человек) были эвакуированы на французских судах. Они прибыли в ставку ордена, где вскоре предстали перед военным судом. Итальянцы и немногочисленные горожане, оказавшиеся в Триполи, были отправлены в Стамбул. Что касается «мавров»-аскеров, то они как предатели были разорваны на куски.

Несколько дней спустя к Триполи подошел христианский флот под командованием Андреа Дориа. Он потерял много времени, спеша к Мальте, куда направился введенный в заблуждение ложным маневром турок. Когда же он наконец появился у Триполи, то все было кончено. Крепость пала, османский флот по настоянию Доргут Реиса ушел под защиту батарей Джербы [106, с. 73].

Таким образом, в течение одной недели турки «завоевали» Триполитанию. Первым бейлербеем нового эялета Тарабулус аль-Гарб (Западный Триполи) был назначен Мурад Ага —

вождь ливийских повстанцев. Во время торжественной церемонии он дал клятву на Коране управлять страной от имени падишаха и соблюдать османскую законность [92, с. 215]. К сожалению, в нашем распоряжении слишком мало материалов, позволяющих судить о первых мероприятиях властей. Можно лишь утверждать, что при первых бейлербеях — Мурад Аге (1551—1556), Доргут Реисе (1556—1565) и Ульдж Али (1565—1568) — были заложены основы нового правопорядка: образован диван эялета и создан очаг янычаров, скорее всего по алжирскому образцу. В первые годы под властью бейлербеев находились только северные районы Триполитании — от Мисураты на востоке до тунисской границы на западе. На юге их власть простиралась до Гарьяна и предгорий Джебель-Нефусы, т.е. охватывала в основном территорию бывшего повстанческого государства Мурад Аги. При Доргут Реисе и Ульдж Али под их власть перешли также земли Южного и Центрального Туниса. В административном отношении они вошли в состав нового эялета и подчинялись бейлербею Триполи.

Еще в первые годы османского правления началось восстановление хозяйства. При Мурад Аге оживились земледелие, торговля и городская жизнь. В частности, беженцы, в течение многих лет находившиеся в изгнании, вернулись к родным очагам. Они во многом способствовали возрождению Триполи как крупного торгового центра и вскоре вернули ему былое процветание.

Главной заботой первых бейлербеев была защита страны от внешнего нападения. В 1552 г., т.е. через год после освобождения Триполи, Мурад Ага во главе 4 тыс. солдат разгромил орденские войска, совершившие налет на Зуару. В нем участвовало 308 мальтийских рыцарей и около 1 тыс. итальянских наемников. Более мелкие операции и другие попытки ордена вмешиваться во внутренние дела Триполитании не прекращались до конца XVI в. Это вынуждало бейлербеев постоянно укреплять безопасность страны. Особенно много в этом отношении сделал Доргут Реис — заклятый враг рыцарей. При нем Триполи превратился в одну из крупнейших баз «священной войны» на море и одновременно в плацдарм османского проникновения в Тунис. Доргут Реис построил новые фортификации города, которые сделали его неприступной твердыней африканского ислама.

Самой серьезной попыткой ордена вернуть Триполи была соединенная экспедиция 1560 г. По своему характеру и масштабам

она в какой-то мере напоминала походы Карла V против Туниса (1535 г.) и Алжира (1541 г.). В экспедиции участвовали войска Испании, Сицилии, Неаполитанского королевства, Германии, Мальтийского ордена, Папской области, Флоренции и даже княжества Монако — всего около 14 тыс. человек, т.е. в полтора раза больше, чем было у Юсуфа Синана в 1551 г. Командующим соединенной экспедицией был назначен вице-король Сицилии дон Хуан де ла Серда, герцог Медина-Сели. Этот знатный и сиятельный вельможа проявил полную бездарность и к тому же отнесся к делу с беспрецедентной халатностью. Его войска были разболтанны и совершенно недисциплинированы. Даже среди командного состава наблюдалось отсутствие чувства долга и личной ответственности за судьбу экспедиции (см. [87, с. VI; 106, с. 98; 117, с. 149]).

Начало похода откладывалось несколько раз. Мусульмане были прекрасно осведомлены о том, как после длительных приготовлений христианский флот 10 февраля 1560 г. покинул Мальту, подошел к Джербе и не спеша двинулся вдоль побережья Африки. Турки за это время успели передать информацию в Стамбул и подготовиться к длительной осаде. С «необъяснимой медлительностью» [106, с. 98] Медина-Сели подошел к Зуаре, высадил здесь свои войска, которые при поддержке бедуинов направились было к Триполи [81, с. 117; 87, с. 10—11]. Однако при виде укреплений города Медина-Сели решил, что взять их будет трудно, и неожиданно для всех повернул обратно. Уже 2 марта 1560 г. он вновь был у о-ва Джерба, где несколько месяцев спустя потерпел сокрушительное поражение [82, т. VI, с. 191; 117, с. 149].

Последней надеждой ордена стали внутренние беспорядки в стране. В Европе знали, что в Триполитании существует крупная оппозиция. Анонимный итальянский автор XVI в. писал, что среди «мавров» Триполитании и Южного Туниса наблюдались сильные раздоры [87, с. 9]. Об этом же говорили другие итальянские источники, в частности те, которые были использованы Этторе Росси. По его данным, бедуины улед сулейман на востоке Триполитании, улед нувейр и другие племенные подразделения аль-Махамид на западе страны не признавали власть турок и находились в состоянии открытого неповиновения [117, с. 152]. В 1560 г. при приближении флота Медина-Сели они подняли восстание и присоединились к войскам герцога (см. [87, с. 10—11; 117, с. 149]). Открытое недовольство выражали также айяны Триполи и Таджу-

ры, не говоря уже об ибадитских общинах Джебель-Нефусы. С особой неприязнью они относились к Доргут Реису и, согласно одной ватиканской рукописи 1562 г., поднимали против него восстания [117, с. 152]. В 1567 г. во время правления Ульдж Али в Таджуре произошел новый мятеж, который был поддержан ибадитами Таорги (см. [117, с. 167]).

Османские бейлербеи беспощадно боролись с оппозицией. Особой жестокостью и непреклонностью отличался Джафар-паша, ренегат русского происхождения, который в 1568—1572 гг. занимал пост бейлербея Западного Триполи. При нем эйалет был значительно расширен и окончательно османизирован. В частности, турки упразднили полунезависимые бедуинские княжества Сиртики и Киренаики и к 1570 г. включили их в состав эйалета. В 70-е годы власть Порты была установлена также в Феззани и других сахарских районах, вплоть до Борну [117, с. 158]. В 1577—1578 гг. здесь взимались уже турецкие налоги и подати. Таким образом, по крайней мере «теоретически», как пишет Э.Росси, пашалык Западный Триполи стал охватывать всю территорию современной Ливии [117, с. 173], а также значительную часть территории Туниса (Сахель до 1588 г., Джербу и Юг до 1605 г.). Правда, некоторые районы, особенно в пустынной и горной части страны, как, например, Бени-Улид, где жили берберы-ибадиты, сохранили значительную долю внутренней автономии и находились скорее в вассальной зависимости, чем под непосредственным управлением Порты.

В большинстве районов Джафар-паша и его ближайшие преемники установили эффективную османскую администрацию. Отдельные восстания (некоего Хаджаджа в Гарьяне в 1574—1575 гг., улед нувейр в 1577 г. и др.) сурово карались властями. Особое недовольство племен вызывало введение налогов. Судя по всему, в Ливии были установлены общеосманские принципы налогообложения и землепользования. Регулярно проводились земельные кадастры (тахир). Один из них, как свидетельствуют османские архивы, был проведен вскоре после взятия Туниса (1574 г.) [85, с. 161]. Подобно Алжиру и Египту, поддержание внутреннего порядка возлагалось на местные военные формирования и махзенские племена. Система тимаров не вводилась. Все земли и другие мукатаа рассматривались как хавасс-и хумаюн (имперские имения), доходы с которых поступали непосредственно в государственную казну [85, с. 156].

ВЗЯТИЕ ТУНИСА ТУРКАМИ (1574 г.)

Разгром мальтийских рыцарей и переход Триполи под власть Порты, по сути дела, предрешили судьбу Туниса. Поражение Доргут Реиса под Махдией в 1550 г. оказалось не более чем временной неудачей. Победа же испанцев, по существу, не имела никакого практического значения. Она лишь позволила им на какой-то срок оккупировать часть страны и изгнать турок. Победителям не удалось ни подчинить Тунис, ни даже обеспечить безопасность своих гарнизонов.

В условиях иностранного господства восстановление власти бе-дуинов и старых хафсидских феодалов — ла-гулеттского султана Мулай Мухаммеда и марабутов Шаббии — вызвало небывалый подъем протурецких настроений. Можно смело утверждать, что в середине XVI в. османофильство в Тунисе достигло своего апогея. Оно приобрело слепую силу предрассудка и оставило неизгладимый след в исторической памяти народа. Это нашло свое отражение во всех без исключения тунисских хрониках XVII — начала XVIII в. Например, при чтении «Китаб аль-Мунис» Ибн Абу Динара, пишет Тауфик Башруш, создается «впечатление о безусловной приверженности к турецкой власти» по крайней мере «значительной части городского населения» [59, с. 10]. О крестьянстве и говорить не приходится. Оно было целиком на стороне турок. В Тунисе не было ни одного населенного пункта, где бы не нашлось достаточно многочисленной группы людей, абсолютно веривших в божественную миссию османов. Именно они приветствовали турок как «освободителей», принимали их с распростертыми объятиями, выносили им навстречу знамена и религиозные реликвии. Такие сцены, в частности, изображены на цветных турецких миниатюрах, украшающих некоторые османские рукописи XVI и XVII вв. (см. [75, с. 47—70]).

В середине XVI в. Тунис кишел османскими агентами. Составлялись и широко распространялись книги по джафру (пред-

сказание будущего). В них говорилось о скором избавлении Туни-са от «врагов Аллаха», назывались имена «спасителей», склады-вавшиеся из особых, волшебных сочетаний букв. Прорицатели поясняли, что османский султан вскоре придет на помощь анда-лусцам и другим мусульманам Магриба, вызовет их из испан-ского плена. Одна из таких книг, в которой имя «спасителя» рас-шифровывалось как «Али Алжирец», была впоследствии препод-несена Ульдж Али — капудан-паше османского флота и бейлер-бею Алжира [75, с. 52].

Самым неприятным для испанцев было то, что их собственные войска в Северной Африке стали ненадежны. Солдаты находились под сильным влиянием туркофильских идей, захлестнувших Ита-лию в XVI в. Секретные материалы из архивов Венеции, опубли-кованные В.И.Ламанским, говорят о широком распространении подобного рода идей и настроений. Они резко усилились после взятия Триполи в 1551 г. В связи с этим возникли даже слухи о падении Мальты, что вызвало в Италии взрыв «всеобщей радо-сти» [97, с. 793]. Особенно благодатную почву османофильские настроения находили среди плебейских слоев города и деревни, в частности среди люмпен-пролетарских элементов, тех, кого офици-альные документы не очень вежливо, но недвусмысленно именовали «бродягами, пьяницами и шпионами» [66, с. 647]. Их выдво-ряли из городов и гарнизонных крепостей. Тем не менее солдаты почти поголовно были заражены туркофильской «прелестью». Офицеры зачастую не знали, кого больше бояться: своих солдат или противника. «Гарнизоны, — пишет один из современных исследователей, ссылаясь на материалы В.И.Ламанского, — были столь ненадежны, что, казалось, всегда были готовы сдать крепо-сти туркам» [80, с. 133].

В 1551 г. Триполи пал в значительной мере из-за нежелания солдат сражаться с войсками Порты. В Северной Африке самым страшным бичом испанского командования были, по выражению Ф.Броделя, «эпидемии дезертирства» [66, с. 598]. Они букваль-но косили испанские гарнизоны. Сотни, а за несколько десятиле-тий тысячи перебежчиков становились «турками». В 1560 г. во время боев на Джербе множество солдат отказалось воевать «за короля и церковь» и перешло на сторону противника, «оставив свою веру и своих товарищей». В январе 1563 г. в Ла-Гулетте — в этой цитадели испанского владычества в Тунисе — был рас-

крыт заговор, имевший своей целью передать крепость мусульманам [66, с. 598]. В 1554 г. испанцы без видимого давления со стороны турок эвакуировали Махдию, которая досталась им такой дорогой ценой.

Протурецкие настроения создавали благоприятную обстановку для хафсидского султана Мулай Хамиды, правившего в Северном Тунисе. Даже без помощи Доргут Реиса он успешно боролся с испанской марионеткой Мулай Мухаммедом и марабутами Шаббийи. В 1552 г. ему удалось нанести поражение шаббийскому правителю Кайруана Мухаммеду бен Абу-т-Тайебу, который ориентировался на испанцев и своего зятя Мулай Мухаммеда.

Доргут Реис в это время был занят войной на море. В 1552 г. он совершил нападение на Неаполь; следующие два года также провел в итальянских водах, грабил и преследовал неприятельские суда. В 1553 г. он был назначен капудан-пашой османского флота. Однако в отличие от Хайрадина Барбароссы Доргут Реис не сумел приспособиться к придворной жизни в Стамбуле. Он не обнаружил в себе качеств царедворца, тяготился тонкостями и хитросплетениями гаремных интриг. Закоренелый моряк, он поссорился чуть ли не со всеми сановниками и в конце концов был вынужден умолять султана отпустить его в Африку. Сулейман Великолепный снизошел к просьбе своего «холопа» и в 1556 г. назначил его бейлербеем Западного Триполи.

Вернувшись в Магриб, Доргут Реис целиком посвятил себя «священной войне». Осенью 1556 г. он поднял над Тунисом знамя джихада. Его первым походом была экспедиция в Джерид. 20 декабря 1556 г. его войска взяли Гафсу и были приняты здесь «как освободители» [81, с. 114]. Затем Доргут Реис установил контроль над Джербой. Один из местных шейхов, заподозренный в сотрудничестве с Мухаммедом бен Абу-т-Тайебом, был вызван в Триполи, брошен в тюрьму, а затем казнен. В 1557 г. турецкая эскадра из 60 кораблей под командованием Пияле-паши — преемника Доргут Реиса на посту главнокомандующего османским флотом, совершила рейд к берегам Туниса и захватила Бизерту [82, т. VI, с. 188]. В центральной части страны Доргут Реис овладел Сфаксом, Монастиром, Сусом и другими городами Сахеля, находившимися с 1550 г. под властью марабутов Шаббийи. Могущественные городские кланы, поддерживавшие здесь самостоятельные настроения, были репрессированы. Многие влиятельные

фамилии, как, например, аль-Мокни в Сфаксе, были депортированы в Триполи. Вся власть перешла в руки османских кайдов и санджак-беев, которые начали управлять страной при содействии местных религиозных вождей.

Осенью 1557 г. Доргут Реис нанес решающий удар по марабутскому государству Шаббийя. Помимо тунисских и триполитанских войск в походе участвовали войска бейлербея Алжира, которые наступали с запада. Сам Доргут Реис двинулся с востока, из Суса, где под его командованием было сосредоточено 1,5 тыс. турок, 3 тыс. мушкетеров с о-ва Джерба, триполитанская пехота и многочисленные ополчения из Сахеля и Северного Туниса, в частности иррегулярные отряды бедуинской конницы, находившиеся на службе у хафсидского султана [81, с. 114]. 26 декабря 1557 г. на подступах к Кайруану Доргут Реис разбил войска Мухаммеда бен Абу-т-Тайеба. Его мюриды не выдержали огня турецких мушкетеров и бросились к городу. В Кайруане в это время произошло восстание, и власть захватили сторонники Доргута Реиса. Когда отступающие войска Мухаммеда бен Абу-т-Тайеба подошли к городу, то его ворота оказались закрыты. «Жители Кайруана, — пишет Т.Гига, — поднявшись на стены города, выкрикивали брань по его адресу и размахивали красным флагом» [81, с. 114]. Мухаммеду бен Абу-т-Тайебу не оставалось ничего иного, как искать спасения на севере. 27 декабря 1557 г. Доргут Реис вступил в Кайруан, где «он был принят, — по словам Т.Гиги, — как освободитель» [81, с. 115]. Здесь он разместил османский гарнизон и назначил в качестве правителя «святого шейха» Мухаммеда аль-Гариани.

В середине января 1558 г. Доргут Реис вернулся в Триполи. Менее чем за два года он завоевал весь Центральный и Южный Тунис. Мухаммед бен Абу-т-Тайеб с остатками своих войск отошел к Хаммамету — границе испанского влияния, где, как пишет Ж.Пиньон, «наступил его черед беспокоить короля Испании своими просьбами о помощи» [114, с. 100].

Во время тунисских походов выдвинулся ряд новых вождей народного движения. В частности, возшла звезда одного из ближайших сподвижников Доргута Реиса — Ульдж Али, или Алипаши (1508—1587), — итальянца, принявшего ислам. Как показывает его прозвище Ульдж, он был родом из Южной Италии, из деревни Каstellи близ Капо делле Колонне в Калабрии [117,

с. 155; 106, с. 106]. В юности Ульдж Али пас скот, познал горечь и нужду крестьянской жизни. Примерно 16—20 лет он был увезен пиратами и вскоре принял ислам. Завистники и недоброжелатели называли его «аль-Фарташ», что значит «Шелудивый». Среди испанских идальго ходила легенда, будто могущественный повелитель магрибинских гази в течение длительного времени отказывался от принятия ислама. И лишь по мотивам чести он отрекся от католической веры. «Шелудивый, — пишет Мигель де Сервантес, — будучи рабом султана, целых 14 лет просидел за веслами, а когда ему было уже года тридцать четыре, он, затаив злобу на одного турка, который как-то раз на галере ударил его по лицу, отрекся от своей веры, дабы иметь возможность отомстить обидчику». При всем этом, продолжает Сервантес, у него было доброе сердце и впоследствии даже со своими рабами он «обходился по-человечески» [35, т. 1, с. 449]. Благодаря природному уму и энергии Ульдж Али быстро выдвинулся, стал капитаном галеры и вскоре вошел в доверие к Доргут Реису. В 1556 г. он назначил его каидом Джербы, а в 1565 г. после смерти Доргут Реиса «аль-Фарташ» стал бейлербеем Западного Триполи. Среди варварийской верхушки Ульдж Али отличался наиболее пылкой приверженностью к политике Хайрадина Барбароссы и Доргут Реиса, целиком разделяя их концепцию народной войны и безудержной экспансии в Южной Европе.

После перехода Кайруана под власть Порты испанцы предприняли отчаянную попытку восстановить положение. В 1560 г., после длительной подготовки, они снарядили крупную экспедицию под командованием вице-короля Сицилии дона Жуана де ла Серды, герцога Медина-Сели. Основной целью экспедиции был разгром Доргут Реиса и взятие Триполи. Однако Медина-Сели отклонился от первоначального плана и решил захватить Джербу — главную базу Доргут Реиса в Средиземном море.

2 марта 1560 г. флот крестоносцев в составе 90 кораблей, в том числе 54 галер и галиотов, подошел к о-ву Джерба [91, с. 293]. 7 марта Медина-Сели высадил десант численностью около 14 тыс. человек, через несколько дней сломил сопротивление защитников Джербы и взял ее главную крепость Бордж-эль-Кебир (около Хумт-Сука). Остатки гарнизона покинули остров, и 14 марта шейхи Джербы во главе с Масудом ас-Семумни признали сюзеренитет испанской короны. Они поклялись на Коране

быть верными вассалами короля Испании Филиппа II, платить ему дань в размере 6 тыс. экю и ежегодно поставлять ко двору сюзерена одного верблюда, четырех страусов, столько же газелей и набельских соколов [82, т. VI, с. 191; 81, с. 118].

Утвердившись на Джербе, герцог Медина-Сели стал центром притяжения всех антиосманских сил Туниса. Сюда прибыли со своими ополчениями ла-гулеттский султан Мулай Мухаммед, или «инфант Туниса», как его называли испанцы, и его тесть Мухаммед бен Абу-т-Тайеб, «король Кайруана», для которого испанская экспедиция была последним шансом вернуть власть и столицу (см. [87, с. 22]). Всего в лагере под Эль-Кантарой, где разместились войска арабских вассалов Испании, было сосредоточено около 10 тыс. человек, в том числе 2 тыс. всадников [81, с. 121].

События на Джербе приобретали серьезный оборот. Они могли оказать решающее влияние на судьбы Центрального и Южного Туниса. Это прекрасно понимал Доргут Реис и сделал все возможное, чтобы отразить угрозу. В кратчайшие сроки он поднял ополчения Кайруана, Суса, Сфакса и других тунисских городов, находившихся под его властью, мобилизовал флот и войска Триполитании, а главное, уведомил Порту о создавшейся ситуации.

Испанцы между тем проявляли невероятную беспечность. Легкость, с которой они овладели Джербой (всего 35—40 убитых), породила у них самоуверенность. Дисциплина в армии резко упала. Солдаты и офицеры чувствовали себя как на увеселительной прогулке. Они считали, что война закончена, и думали только о возвращении домой. Закупали шерсть, оливковое масло, ткани, по дешевке приобретали верблюдов и других экзотических животных, которых думали затем с прибылью перепродать в Европе. Медина-Сели ничего не предпринимал против подобного рода настроений. Возможно, он сам их разделял, во всяком случае, считал, что все идет нормально. «Мавров» Доргут Реиса, это «бабье», по выражению испанских идальго, никто не принимал всерьез, а турецкий флот, по единодушному мнению, был далеко и никак не мог появиться раньше, чем в начале лета. В результате ни корабли, ни наземные укрепления не были готовы к бою. Галеры были забиты тюками с товарами, потеряли легкость движения и управления. «Галеры Вашего Величества, — писал в донесении от 5 апреля 1560 г. один из испанских офицеров, — не в состоянии ни сражаться, ни ждать, ни бежать» (цит. по [81, с. 119]).

Османский флот между тем был поднят по тревоге. Бесплодные маневры, которые Медина-Сели в течение февраля предпринимал вдоль африканских берегов, дали туркам солидную фору во времени. К тому же Пияле-паше, командующему османским флотом, удалось пересечь Средиземное море в рекордно короткие сроки. И поэтому, когда на рассвете 11 мая 1560 г. испанцы увидели паруса турецких кораблей, это оказалось для них как гром среди ясного неба. Медина-Сели не мог придумать ничего другого, как оставить экспедиционный корпус на Джербе, а кораблям эскадры, не принимая боя, немедленно уходить в Италию. После посадки, которая происходила в полной неразберихе, когда «каждый думал только о своем спасении и о своих богатствах» [81, с. 120], флот поднял паруса и взял курс на север.

Османская эскадра — всего 85 кораблей — двинулась следом. 14 мая 1560 г. в Керкенском проливе Пияле-паша перехватил христианский флот и в течение нескольких часов уничтожил его. Из 90 кораблей турки потопили и сожгли 20 галер и 27 транспортов; 21 галера и 12 более мелких судов были захвачены в качестве трофеев. Семь галер вернулось на Джербу, и только трем христианским кораблям удалось прорваться на север и уйти к берегам Италии. За эту блистательную победу Пияле был возведен в ранг трехбунчужного паши и приобрел славу одного из непобедимых адмиралов Порты (см. [82, т. VI, с. 192; 91, с. 293—295; 79, с. 92]).

Исход сражения при Керкенне резко изменил обстановку. Угроза Триполи миновала, и, едва узнав о победе, Доргут Реис выступил в поход. 16 мая он был уже на Джербе во главе 5 тыс. ливийских войск. Пияле-паша высадил десант в составе 2 тыс. янычар, 3 тыс. спахивей и 2 тыс. матросов. К концу мая к ним прибыли новые подкрепления из Триполи (около 2 тыс. человек) с артиллерией и осадной техникой, а также ополчения из Кайруана и Сфакса и даже отряд марокканских паломников, которые по пути из Мекки решили принять участие в джихаде [91, с. 293; 81, с. 121—122].

28 мая 1560 г. турки начали бомбардировку Бордж-эль-Кебира. Только за первые 30 дней боев они выпустили по крепости 12 тыс. ядер и около 40 тыс. стрел [82, т. VI, с. 193]. 31 июля, после двух месяцев осады, турки взяли Бордж-эль-Кебир. По приказу Доргут Реиса все пленные были казнены. Из отрублен-

ных голов была сложена гигантская пирамида — знаменитая Башня из черепов (Бордж ар-руус), которая как своеобразный памятник торжества ислама стояла на Джербе вплоть до 1846 г.

Мухаммед бен Абу-т-Тайеб и другие союзники Испании поспешили отступить, как только узнали о прибытии турок. Марабуты Шаббийи заняли позиции между Эль-Кантарой и Маретом. Здесь их разгромили войска Доргут Реиса. Вместе со своими мюрами погиб Мухаммед бен Абу-т-Тайеб. «С „кайруанским королевством“, — пишет Ж.Пиньон, — было покончено» [114, с. 100].

Крах экспедиции Медина-Сели и смерть Мухаммеда бен Абу-т-Тайеба закрепили власть Порты над южными и центральными районами Туниса. На севере страны это вызвало новый прилив проосманских настроений. Стамбул буквально осаждали ходоки из Туниса и других средиземноморских стран. В июне 1561 г. делегация жителей г. Туниса просила султана прислать войска, чтобы изгнать испанцев из Ла-Гулетты [82, т. VI, с. 167]. В мае 1562 г. в Мадрид пришло сообщение о том, что посол хафсидского султана Мулай Хамиды «рвал на себе одежды перед Великим Сеньором» [66, с. 816], умоляя о помощи.

Наряду с тунисцами в Порту прибывали посланцы из стран Западной Европы. В январе 1563 г. здесь был руководитель антифеодального движения на Корсике Сампьеро Корсо. Почти безвыездно находились депутации от морисков; бывали представители гугенотов, нидерландских анабаптистов и кальвинистов. Со всеми этими движениями Порты поддерживала дружественные отношения. Она обещала им содействие в борьбе с «папистами», со всеми «теми, кто, — по словам великого везира Мехмеда Соколу, — подчиняется папе и его мазхабу» [84, с. 19].

В свою очередь, диссидентские группировки оказывали содействие Порте. Они всячески помогали туркам, давали им информацию и нередко сотрудничали с их агентами. 12 июня 1564 г. Сампьеро Корсо при активной поддержке из Алжира поднял восстание на Корсике. В течение пяти лет (1564—1569) этот остров был самой надежной базой османских рейдеров за пределами Северной Африки. В частности, Доргут Реис находил здесь убежище для своего флота, закупал паруса, весла и порох, ремонтировал галеры во время походов в Тирренское море и Генуэзский залив [81, с. 129—130].

Однако путь на Запад перекрывала Мальта — этот «заслон» Западного Средиземноморья. Она не только увеличивала риск коммуникаций с Алжиром, но и представляла постоянную опасность для турецких баз в Северной Африке. «Сильная и укрепленная Мальта, — писал Т. Гига, — это смертельная угроза для Триполи, Махдии, Туниса, Бужи, Алжира... Все могло начаться сначала» [81, с. 128].

Сулейман Великолепный решил покончить с этой цитаделью европейского рыцарства. В апреле 1565 г. османский флот в составе 181 корабля под командованием Пияле-паши с 30,2 тыс. человек на борту выступил в поход на Запад. В пути к нему присоединились эскадры Египта, Триполи и Алжира. 18 мая турки высадились на острове. В течение четырех месяцев они осаждали мальтийские крепости, подвергали их массированным бомбардировкам, подводили мины, устраивали атаки с лодок и с суши, десять раз предпринимали общий штурм укреплений. Войсками командовал лично сераскир Порты Мустафа-паша. В операциях участвовали отборные части магрибинских эйялетов (общей численностью 13,4 тыс. человек) во главе с бейлербеями Алжира и Триполи. 23 июня в боях за Сент-Эльм погиб Доргут Реис. Его останки с величайшими почестями были перенесены в Триполи, где он был похоронен в мечети, получившей его имя.

Однако отвага османских воинов натолкнулась на легендарную стойкость мальтийских рыцарей. Защитники острова во главе с великим магистром ордена Жаном Паризо де ла Валеттом отразили все атаки янычар. Во рвах Мальты осталось 20 тыс. мусульман. 7 сентября 1565 г., когда к Мальте подошли главные силы испанского флота под командованием генерал-капитана моря дона Гарсии де Толедо, Мустафа-паша приказал снять осаду и, несмотря на возражения магрибинских военачальников, 8 сентября 1565 г. эвакуировал остров (см. [82, т. VI, с. 198—204; 66, с. 843—850; 81, с. 130—135]).

Провал на Мальте — этот «настоящий Сталинград» османской армии, как назвал его Ж. Монлау [108, с. 60], несколько охладил наступательный порыв турок. Однако угроза для Запада не миновала. Испанские и итальянские архивы показывают, до какой степени правители католических стран боялись возобновления турецкого наступления. К счастью для них, смерть Сулеймана Великолепного (6 сентября 1566 г.) и тяжелые стихийные бедствия на

время парализовали военные усилия турок. В 1565—1567 гг. вследствие ряда неурожаев средиземноморские провинции Порты были поражены голодом. В Египте и Сирии люди умирали на улицах. В Греции и Албании зерно продавалось по спекулятивным ценам [66, с. 878]. В Алжире и Тунисе его совсем не было; поля не засеивались, люди гибли от голода и чумы [79, с. 100]. Янычары грабили кого попало и добивались права участвовать в морских экспедициях, которые нередко устраивались с единственной целью — добыть хлеб.

Вынужденное перемирие испанцы использовали для модернизации вооруженных сил. В Центральном Средиземноморье Филипп II предпринял целую программу фортификационного строительства. В ноябре 1565 г. по его указанию было начато сооружение новой крепости в Ла-Гулетте, так называемой Голеты ла Нуэва. Она строилась по проекту знаменитого итальянского инженера Джакомо Палеаццо и через несколько лет стала, по мнению современников, «одной из самых красивых и самых мощных крепостей христиан» [119, с. 203]. Крепость имела шесть бастионов и ров, заполненный водой.

Внутри Туниса испанцы пытались расширить политическую базу. В частности, они установили контакты с Мулай Хамидой. Они старались убедить султана в том, что его протурецкая позиция была бесперспективной и, более того, чревата роковыми последствиями для него самого и страны в целом. Однако Мулай Хамида, как пишет Ж.Пиньон, «упорно придерживался своего союза, частично, видимо, из-за личной склонности, частично из-за страха перед восстанием своих подданных, в случае если бы он вступил в договорные отношения с христианами» [114, с. 100].

В конечном итоге судьба Туниса решалась в общем контексте западной политики Порты. Здесь помнили о старом плане Хайрадина Барбароссы, который считал, что обладание Тунисом было непременным условием для всякой успешной войны на Западе. Однако по такому кардинальному вопросу: где воевать — на Востоке или на Западе, в Порте не было единства мнений. Образовалось две группировки. Одну из них возглавлял великий везир Мехмед Соколу, который стоял, по его собственному выражению, за «орлиную политику, достойную во всех отношениях Сулеймана Великолепного» [66, с. 908]. Она заключалась в отказе от второстепенных авантур на Востоке, где шиитское крестья-

янство, по мнению великого везира, не было склонно поддерживать турок [95, с. 45], и в сосредоточении всех усилий на Западе. При этом Мехмед Соколу настаивал на союзе со всеми антикатолическими движениями Европы, а также на уважении нейтралитета тех стран, которые проводили политику «благоразумной куртизанки», в частности Венеции [66, с. 911; 82, т. VI, с. 385].

Его оппоненты считали, что империя Филиппа II была достаточно сильным противником, чтобы подвергать Богохранимое государство риску большой войны на Западе. В своих расчетах они исходили из моментов чисто военного порядка и не придавали серьезного значения позиции народных масс. Они считали, что сначала необходимо разделаться с более слабыми противниками на Востоке, а затем уже думать о завоевании Испании (см. [69, т. III, с. 8, 15; 84, с. 15—16; 73, т. 1, с. 120]). Сторонников этой более осторожной и, по словам Ф. Броделя, «заурядной и близорукой политики» [66, с. 908] возглавлял сам султан Селим II. Среди ее наиболее активных приверженцев были сераскир Мустафа-паша — бывший «дядька» султана, капудан-паша Пияле — зять Селима II и, наконец, шеф османской разведки по странам Западной Европы некто Микас, он же Иосиф Наси — прирощенный шпион, личный друг и наперсник султана во времена его бурных кутежей. Этот «великий еврей», как писал Ф. Бродель [66, с. 909], был одной из наиболее влиятельных фигур в Порте, но, как правило, не отделял государственные интересы от своих собственных, зачастую меркантильного свойства (см. о нем [116; 80]).

После смерти Сулеймана Великолепного обе группировки имели примерно одинаковые силы и практически уравнивали друг друга. Вследствие этого внешняя политика Порты утратила четкость и внутреннюю целеустремленность. Формально турки не отрекались от своих западных союзников, Они тайно помогали повстанцам Сампьеро Корсо, поощряли гугенотов, снабжали оружием готовившуюся «армию восстания» в Гренаде и горячо приветствовали иконоборческое движение в Нидерландах [80, с. 140]. В своих «высочайших посланиях» (намэ-и хумаюн) нотаблям андалусского народа, «беям Фландрии и других испанских вилайетов» Селим II настойчиво призывал их крепить «мусульманско-лютеранский союз», координировать планы и сотрудничать в общем штурме «папизма» [84, с. 19—20]. На деле султан сдержи-

вал своих союзников. В беседах с посланцами Вильгельма Оранского, с гугенотами и особенно с тунисцами и представителями морисков он, по словам Дм.Кантемира, «увещевал их придерживаться оборонительных действий» [69, т. III, с. 8].

Приверженцы «орлиной политики», напротив, считали нужным как можно быстрее развертывать борьбу против «проклятых испанских тиранов», если использовать это выражение Ульдждж Али — непримиримого врага «папизма» и католического дворянства. В марте 1568 г. Мехмед Соколу назначил его бейлербеем Алжира и приказал начать подготовку к вторжению на Иберийский полуостров. В районе Мостаганем—Мазагран Ульдждж Али начал создавать запасы продовольствия, оружия и военного снаряжения. Здесь было сосредоточено около 14 тыс. мушкетеров, 60 тыс. «туземных» муржахидов, много артиллерии и большое количество пороха. «Для его перевозки, — сообщал европейский информатор, — потребовалось 1,4 тыс. верблюдов» [79, с. 104]. В ночь под Рождество 1568 г. андалусские экстремисты подняли восстание в Гренаде, которое положило начало жестокой Альпухарской войне 1568—1570 гг. Ульдждж Али немедленно поддержал восстание. Он отправил в Альмерию 40 галиотов с оружием и добровольцами. Однако из-за зимних штормов они не смогли подойти к берегу. В январе 1569 г. он повторил попытку, и вновь неудача. Буря рассеяла 32 галеры; только шести кораблям Ульдждж Али удалось приблизиться к берегу и выгрузить артиллерию, порох и небольшие группы газа. Всего за время Альпухарской войны он сумел переправить в Испанию около 4 тыс. воинов, в том числе несколько сот турок, в большинстве своем старых янычар, которые служили у морисков в качестве военных инструкторов и «капитанов» (см. [79, с. 105; 66, с. 903]).

В Мадриде воцарилась атмосфера, близкая к панике. Боялись прибытия регулярных сил османской армии и флота. 26 октября 1569 г. в беседе с папским нунцием было заявлено — и это, по мнению Ф.Броделя, отражало «реальное беспокойство», существовавшее при дворе Филиппа II, — что «если наконец произойдет вмешательство Турка, то Испания может оказаться в руках мусульман» [66, с. 898]. На подавление восстания были брошены лучшие части испанской армии под командованием дона Хуана Австрийского (1547—1578) — юного испанского «цезаря», исключительно смелого и талантливого полководца, сводного брата

короля. От него требовали как можно скорее расправиться с повстанцами. «Бог желает, — говорил один из испанских сановников, — чтобы бунтовщики были наказаны еще до того, как эта собака (имелся в виду султан Селим II. — *Н.И.*) сумеет собрать войска» [66, с. 897].

К маю 1570 г. дон Хуан Австрийский разбил основные силы повстанцев. 20 мая «генерал-капитан» испанских мусульман Альбаки капитулировал. К 15 июня 30 тыс. морисков сложили оружие. Турецким гази и «маврам» из Африки было разрешено вернуться в Алжир; им даже предоставили испанские корабли [66, с. 904]. Филипп II явно избегал обострения отношений, и, к удивлению всей Европы, Порта делала то же самое. Еще 17 февраля 1568 г. Селим II продлил перемирие с Австрией. Османские армии одна за другой уходили на Восток. Одна из них в 1569 г. была отправлена в Йемен, другая — в знаменитый донской поход, имевший конечной целью захват Астрахани и Казани. Таким образом, в самый критический момент антииспанского восстания на Западе турки были поглощены войной на Востоке и сосредоточили свои усилия на борьбе с шиитской опасностью.

В Европе не могли поверить в милость провидения. Пока здесь занимались, по словам Ф. Броделя, «игрой в прогнозы» [66, с. 911], Порта сама раскрыла свои карты. 13 сентября 1569 г. агенты Микаса подожгли арсенал в Венеции, правители которой когда-то наложили секвестр на миллионное состояние дочери одного из еврейских банкиров Фландрии — будущей жены всемогущего шефа османской разведки.

13 января 1570 г. в различных городах империи начались аресты венецианских купцов; турки предъявили «исторические права» на Кипр, где Микас хотел основать крупную еврейскую колонию (см. [66, с. 909, 913]). 27 марта сенат Венеции 199 голосами против 21 отклонил ультиматум турок; началась война из-за Кипра, где православное крестьянство немедленно поднялось против феодалов-католиков.

Мехмед Соколу и газийская верхушка Северной Африки испытывали сильное разочарование. Они были против войны с Венецией и, как пишет Й.Хаммер, хотели «дать другое назначение» производившимся вооружениям [82, т. VI, с. 390]. Андалусцы, алжирцы и другие лица из окружения Ульдж Али настаивали на скорейшем открытии военных действий против Испании. Однако

пожар в Венеции и успехи дона Хуана Австрийского побудили бейлербея изменить свои планы [79, с. 105]. В октябре 1569 г. он на свой страх и риск предпринял поход на Тунис. Он хотел дать выход антииспанским настроениям в своем окружении, а заодно столкнуть султана с Филиппом II.

Тунисцы давно ждали этого часа. В Алжире было полно тунисских эмигрантов, бежавших от преследований Мулай Хамиды. Ульдж Али знал, что хафсидское государство раздиралось внутренними противоречиями, было ареной интриг и многочисленных заговоров. В 60-е годы вновь оживились марабуты Шаббийи. Под руководством Абд ас-Самеда, преемника Мухаммеда бен Абу-т-Тайеба, они восстановили свои позиции в районах к востоку от Константины и стали совершать набеги на кайруанскую равнину [106, с. 107]. Неспособность Мулай Хамиды справиться с положением, покончить с анархией и всеобщим лихоимством лишила его и без того не слишком горячих симпатий подданных. Несмотря на свою протурецкую позицию, он стал одной из самых одиозных фигур. Его контакты с испанцами вызывали подозрения и усиливали ненависть к хафсидскому правительству. Ульдж Али, еще будучи бейлербеем Западного Триполи (1565—1568), отказался поддерживать с ним какие-либо отношения. По некоторым сведениям, они питали друг к другу личную антипатию [106, с. 107]. В довершение всего Мулай Хамида в 1567 г. поддержал антиосманские выступления в Константине (см. [79, с. 103]) и тем самым окончательно скомпрометировал себя в глазах алжиротурецкой верхушки.

Антиосманские силы Туниса были разрознены и разобщены. Присутствие испанцев в Ла-Гулетте обрекало их на бездействие и фактически полностью нейтрализовало. У них не было ни вождя, ни ясной перспективы, если не считать честолюбивых устремлений Абд ас-Самеда, стоявшего во главе полудиких шаббийских мстителей.

Османофильский лагерь, напротив, был как никогда сплочен. Практически он объединял всех, кто выступал против испанцев и феодально-бедуинских порядков. Осенью 1569 г. один из министров Мулай Хамиды бежал в Алжир. Он всячески убеждал Ульдж Али не откладывать далее завоевание Туниса и сообщал, что все взоры обращены к туркам, что их ждут, чтобы покончить с ненавистным игом [44, с. 128; 79, с. 106].

В октябре 1569 г. войска алжирского бейлербея выступили в поход. Они состояли из 5 тыс. янычар, 6 тыс. зуавов и многочисленных народных ополчений, которые присоединялись к армии по мере ее прохождения через Кабилию, Константину и Аннабу (см. [79, с. 106; 66, с. 901; 106, с. 107]). Повсюду их ожидал восторженный прием. В отличие от них войска Мулай Хамиды, состоявшие из 30 тыс. человек, не пользовались симпатиями масс. К тому же солдаты были ненадежны и склонны к измене. В сражении при Бедже они перешли на сторону противника [79, с. 197]. То же самое произошло при Сиди-Али-эль-Хаттабе и Сиди-эль-Ваххабе, где Мулай Хамида пытался приостановить наступление турок. Лишь проливные дожди и разлив Меджерды на время задержали продвижение османских войск [79, с. 107].

19 января 1570 г. Ульдж Али вступил в г. Тунис. Мулай Хамида бежал в Ла-Гулетту. Турки, которые, по словам Ф.Броделя, «были очень хорошо приняты жителями г. Туниса» [66, с. 901], расположились здесь как у себя дома. Ульдж Али объявил о восстановлении османской власти. В течение двух месяцев он подчинил города северо-восточного побережья и большинство внутренних районов, где «установил порядок, неизвестный с давних пор» [79, с. 107]. 10 марта 1570 г. он двинулся в обратный путь, оставив в Тунисе гарнизон численностью 3 тыс. человек под командованием своего каида Рамдан-бея — итальянца, родом с о-ва Сардиния.

Северный Тунис был преобразован в османский эйалет. Первым бейлербеем, или «королем Туниса», по терминологии европейцев, был назначен Хайдар-паша. Он подавил отдельные очаги неповиновения, в частности на юге Туниса, и приступил к реорганизации управления.

В руках испанцев осталась лишь Ла-Гулетта. Она была совершенно неприступна для местных османских контингентов, и Ульдж Али обратился в Порту с просьбой о помощи [79, с. 107]. Однако султан отнесся к этой просьбе более чем сдержанно. По донесениям испанских агентов, он квалифицировал действия Ульдж Али как «авантюру» и укорял его за безответственность [66, с. 909]. Вместо подкреплений Селим II приказал ему отправиться со своим флотом в Восточное Средиземноморье, где в это время шла подготовка к экспедиции на Кипр.

Тунис вновь оказался разменной монетой в руках держав и османских придворных клик. Мехмед Соколу был вынужден усту-

пить давлению Микаса, которому удалось изобразить экспедицию на Кипр как крупную акцию «священной войны», к тому же имевшую непосредственное отношение к личной чести султана и всей августейшей фамилии. В международном плане война из-за Кипра бросила Венецию в объятия Филиппа II. 25 мая 1571 г. по инициативе папы Пия V (1566—1572), который, по словам Ф.Броделя, «лучше, чем кто-либо другой, понимал суть великого противостояния христианства с неверными и еретиками» [66, с. 860], была создана Священная лига — союз католической Испании, Венеции и римского престола с участием германских государств. Генералиссимусом Лиги был назначен дон Хуан Австрийский. Венеции при этом удалось убедить союзников начать военные действия в Восточном Средиземноморье, а уж потом воевать в Северной Африке.

7 октября 1571 г. в заливе Лепанто произошло одно из крупнейших сражений в мировой истории. Соединенный флот католических держав — 208 кораблей под командованием дона Хуана Австрийского — окружил и уничтожил османский флот, состоявший из 230 военных кораблей под командованием капудан-паши Пияле. Бой имел исключительно упорный и ожесточенный характер. «Море на месте сражения, — по свидетельству очевидцев, — вдруг показалось бойцам красным от человеческой крови» [66, с. 939]. Было убито и ранено 30 тыс. мусульман; 3,4 тыс. попало в плен. Среди погибших был сам Пияле-паша, властитель Средиземного моря. У христиан было убито 8 тыс. и ранено 21 тыс. Среди них был Мигель де Сервантес, который потерял при Лепанто левую руку.

В этом сражении во всем блеске проявился полководческий гений дона Хуана Австрийского. Он сумел использовать мельчайшие ошибки противника, нерешительность и незнание им тактико-технических возможностей новых христианских кораблей. Он потерял 10 галер, мусульмане — 200 боевых единиц [66, с. 939]. Только алжирской эскадре под командованием Ульдж Али удалось «с легкостью и несравненной наукой маневрирования» [66, с. 939] обойти генуэзские галеры и вырваться из окружения. За отвагу и искусство, проявленные в день Лепанто, ему было присвоено почетное имя «Кылыч» («Меч»). По возвращении в Стамбул он был назначен капудан-пашой — пост, который он, как и Хайрадин Барбаросса, совмещал с обязанностями бейлербея Алжира [82, т. VI, с. 432; 106, с. 113; 79, с. 108].

По мнению большинства историков, победа при Лепанто не дала Испании непосредственных стратегических выгод. К весне 1572 г. Мехмед Соколу при содействии Ульдж Али (или Кылыч Али, как его предпочитают именовать турецкие историки) почти полностью восстановил османский флот. Тем не менее победа дона Хуана Австрийского имела огромное значение. Она стала своего рода рубежом в истории мировых войн. По существу, с этого времени между Востоком и Западом установился военный паритет, сохранявшийся вплоть до 1683 г. Во всяком случае, Лепанто, как подчеркивает Ф.Бродель, было «концом невзгод, концом реального комплекса неполноценности христианства, концом не менее реального турецкого превосходства» [66, с. 940]. В сражении при Лепанто, по словам М. Сервантеса, «рассеялось заблуждение, в коем пребывали весь мир и все народы, полагавшие, что турки на море непобедимы» [35, т. 1, с. 442].

Внутренние трудности в Испании и разногласия между членами Лиги не позволили им воспользоваться плодами победы. 2 апреля 1573 г. Венеция заключила мир с Портой на таких тяжелых условиях, «как если бы турки, — пишет И.Хаммер, — выиграли битву при Лепанто» [82, т. VI, с. 436]. О совместной испано-венецианской экспедиции против Алжира, Туниса и Триполи не могло быть и речи. Единственное, что оставалось испанцам, — это ограниченное нападение на Тунис, планы которого разрабатывались еще весной 1571 г. в качестве ответа на оккупацию страны войсками Ульдж Али [66, с. 925].

Испания к этому времени полностью отказалась от африканских амбиций Карла V. Филипп II понимал бесперспективность завоеваний в Северной Африке. «Еще до битвы при Лепанто, — пишет Э.Мерсье, — он отрекся от африканских приобретений» [106, с. 130]. «Вопреки всему, что он писал и заявлял, — отмечает Ф.Бродель, — он отказался от всякой большой политики в Средиземноморье» [66, с. 973]. Его основная идея заключалась в том, чтобы лишить турок их опорных баз в Северной Африке, уничтожить их крепости и тем самым «сделать их, — как пишет Э.Мерсье, — беззащитными перед атаками туземцев из внутренних районов» [106, с. 115]. Одним словом, Филипп II хотел нейтрализовать Северную Африку, сделать ее ни турецкой, ни испанской.

Более широкие планы существовали у дона Хуана Австрийского — внебрачного сына Карла V. Этот кумир христианского

мира мечтал о собственном королевстве и был не прочь обособиться в Тунисе. По свидетельству очевидцев, этот город был в те времена «не хуже любого города христианства» [119, с. 144] и по своим размерам был «столь же велик, как прекрасный и благородный Неаполь» (245 тыс. жителей в 1547 г.). Римская курия целиком поддерживала честолюбивые замыслы дона Хуана. Пий V, затем Григорий XIII оказывали ему всемерную помощь. Они обещали ему корону Туниса и всячески подталкивали к активным действиям в Северной Африке. Весной 1572 г. Филипп II подписал приказ об экспедиции в Тунис, но тут же его отменил [66, с. 952]. В июне 1573 г. он вновь дал санкцию на этот поход, но с одним условием: разгромить турецкие базы и немедленно эвакуировать страну [106, с. 115; 79, с. 115].

Дон Хуан Австрийский решил воспользоваться случаем для осуществления своих замыслов. 7 октября 1573 г., во вторую годовщину битвы при Лепанто, его флот из 138 военных кораблей, не считая многочисленных фрегатов и барок, с 27,5 тыс. человек на борту, отплыл к берегам Африки. Среди испанских солдат, которые под «гордым стягом дона Хуана» [35, т. 4, с. 194] отправились на завоевание Туниса, был «скромный воин», один из рядовых в прославленном полку Лопе де Фигероа, Мигель де Сервантес Сааведра. Безвестный еще автор «Дон Кихота», героически сражавшийся при Лепанто, был замечен командирами и, несмотря на ранение, приглашен участвовать в африканском походе, который, казалось, не сулил никаких неприятностей. К вечеру 8 октября испанские корабли с крестами на парусах появились на рейде Ла-Гулетты. На следующий день дон Хуан произвел высадку войск (13 тыс. итальянцев, 9 тыс. испанцев и 5 тыс. немцев) и ускоренным маршем двинулся к г. Тунису.

При подходе испанцев Хайдар-паша эвакуировал город. Немногочисленный османский гарнизон отошел и занял позиции на дорогах, ведущих в глубь страны. Вслед за турками ушли десятки тысяч жителей. Боясь повторения событий «черной среды» 1535 г., они бросили свои дома и жилища. Тунисские хроники с ужасом рассказывают об этом массовом исходе, о тех бедствиях, которые выпали на долю горожан в горах Джебель-Ресас и других местах, где они нашли временное пристанище. Здесь они жили в пещерах, в примитивных хижинах и гурби, нередко по соседству с бедуинами.

11 октября 1573 г. испанцы вошли в пустой город. Легенды о сокровищах, якобы спрятанных «маврами», лишили их покоя. Толпы солдат с лопатами и заступами в руках двинулись по улицам. В течение нескольких дней они обшаривали дома, простукивали стены, рылись во дворах и на чердаках, сбивали штукатурку и косяки дверей. В огромном городе не осталось ни одного целого дома. «Бравые молодцы, — писал очевидец, — затратив уйму сил и не найдя ничего, срывали свою злость, разбивая большие кувшины с маслом» [119, с. 147]. Их было по 40, 50 и даже 100 штук в каждом хозяйстве. Все внутреннее убранство домов было заляпано маслом, разбито и разворовано. У ворот Баб-эль-Бехар образовалась импровизированная толкучка, где на протяжении четверти мили в два ряда стояли солдаты, предлагая награбленное. Матросы и маркитанты за бесценок скупали редчайшие предметы роскоши, кайруанские ковры, тонкие полотна, изысканную посуду, мешки с пряностями, парфюмерию и т.п. Офицеры увозили целые колонны из мрамора и порфира, которыми обычно украшались углы тунисских домов. Даже дон Хуан Австрийский не устоял перед одной из колонн Большой мечети и отправил ее в Италию [82, т. VI, с. 437, примеч. 1].

Вопреки приказам короля дон Хуан решил сохранить за собой Тунис. Вечером 13 октября 1573 г. на военном совете в Касбе испанские и итальянские генералы большинством голосов высказались за постоянную оккупацию страны. Впоследствии дон Хуан Австрийский объяснял это тем, что предписание Филиппа II о немедленной эвакуации Туниса было получено слишком поздно, якобы даже на обратном пути [66, с. 972]. Как бы то ни было, 24 октября 1573 г. дон Хуан Австрийский покинул Тунис, оставив здесь крупный гарнизон. По пути он захватил Порто-Фарину и Бизерту (25 октября) и 12 ноября с триумфом вернулся в Неаполь. Филиппу II не оставалось ничего иного, как одобрить или скорее принять к сведению решение своего сводного брата. «Поскольку дон Хуан, сохраняя Тунис, — пишет Ф.Бродель, — поставил своего брата перед свершившимся фактом, тот счел более уместным пока не отменять принятого решения и дал ему свое согласие». Правда, оно было дано сроком всего на один год и то лишь «при условии, что завоеванная страна будет кормить оккупационную армию» [66, с. 974]. Филипп II наотрез отказался возложить на дону Хуана корону короля Туниса и назначил его

наместником в Милане, что, по словам Ф.Броделя, произвело на принца «впечатление опалы» [66, с. 975].

Наместником в Тунисе, официально командующим испанскими войсками, был назначен миланский генерал граф Габрио Сербеллони, двоюродный брат Джан Джакомо Медичи. В его распоряжении было оставлено 8 тыс. солдат: 4 тыс. испанцев и столько же итальянцев. Они должны были размещаться в новой крепости — «Аль-Бастиун», как называли ее арабы, которая была построена «на расстоянии меньшем, чем мушкетный выстрел» [119, с. 135] от стен г. Туниса. Этот Аль-Бастиун, или пова агх испанских источников, представлял собой отдельный военный городок со своими складами, мельницами, церковью и даже аптекой и, по сути дела, как пишет П.Себаг, был первым европейским поселением в г. Тунисе [119, с. 18]. Крепость Ла-Гулетта сохранила автономное положение во главе со своим комендантом донем Педро Пуэрто Каррерой. В военном отношении она не была связана с системой обороны г. Туниса. Правда, посреди тунисской лагуны на небольшом острове Шикли еще в 1540 г. был построен замок Сант-Яго, который можно было использовать для связи между двумя крепостями.

С самого начала положение Г.Сербеллони было исключительно трудным. Ему надо было одновременно обеспечивать и снабжение оккупационной армии, и лояльность местного населения. Между тем тунисцы по-прежнему хранили верность османам и не выражали ни малейшего желания переходить под власть испанцев. Взять Тунис было нетрудно, удержать его — вот задача, которая встала перед Г.Сербеллони. «Надо, — говорил папский нунций, — добиться благорасположения туземцев и с такой тщательностью выработать форму их управления, чтобы они оценили власть короля Испании» (цит. по [66, с. 974]). Но как это сделать, если, по словам Ф.Броделя, «ничто не позволяло говорить о том, что страна в целом, с ее кочевыми и оседлыми массами, примет завоевание христиан» [66, с. 975].

У графа Г.Сербеллони не было никакой опоры в Тунисе. Еще на военном совете 13 октября дон Хуан Австрийский отказался от услуг Мулай Хамиды, который после потери трона обратился к Испании с просьбой о помощи и обещал ей свое сотрудничество. Мулай Хамида был единственным представителем династии, имевшим основание рассчитывать хотя бы на частичную поддержку

гвардии и тунисских аяянов. Но он хотел сохранить за собой значительную часть реальной власти и денег. Военный совет решил, что Мулай Хамида запросил слишком много, и соглашение не состоялось. К тому же надо иметь в виду, что претензии бывшего султана на тунисский трон, хотя бы под сюзеренитетом Испании, расходились с личными планами дона Хуана, который сам претендовал на корону Туниса. Еще 26 июня 1573 г., за три с лишним месяца до начала экспедиции, дон Хуан писал Филиппу II: «Здесь существует мнение, что надо предпринять завоевание Туниса, но не отдавать города королю Мулай Хамиде» (цит. по [66, с. 969]). Одним словом, Мулай Хамида был не нужен, и дон Хуан приказал выслать его в Палермо.

На трон Хафсидов был возведен Мулай Мухаммед — старая испанская марионетка, бывший ла-гулеттский султан. В отличие от брата у него не было честолюбивых устремлений, которые могли бы вызвать беспокойство у дона Хуана Австрийского. В течение многих лет Мулай Мухаммед жил в Ла-Гулетте, затем, спасаясь от интриг брата, бежал в Италию и вернулся оттуда только с флотом испанцев. 14 октября 1573 г. он был назначен «инфантом, губернатором мавров» [119, с. 139, 156—157], т.е. главой мусульманской общины и «туземной» администрации, если рассматривать устройство Туниса в это время как своего рода испанский протекторат. В глазах мусульман этот «инфант», по крайней мере номинально, выступал в качестве султана; он собирал налоги, принимал присягу, пытался создать собственные вооруженные силы. Сначала он поселился в Касбе, затем переехал в Аль-Бастиун, где в окружении христиан чувствовал себя гораздо увереннее, чем во дворце халифов.

Основной задачей Мулай Мухаммеда было управление «маврами». В соответствии с политикой Г.Сербеллони ему надо было прежде всего завоевать доверие мусульман, оторвать их от турок и продемонстрировать «преимущества» испанской власти. Сразу же после отъезда дона Хуана Австрийского жителям было разрешено вернуться в г. Тунис. «К этим людям, — писал Б.Руффино, — хорошо относились, и те, кто желал, могли вернуться в город, где они размещались на жительство в домах около Большой мечети, так как треть города была выделена им в качестве квартала» [119, с. 153]. После строительства Аль-Бастиуна им стали возвращать остальные дома. Грабежи были приостановлены. Габрио Сербел-

лони, подчеркивал Б.Руффино, хотел, чтобы христиане и «мавры» жили в мире и тесной дружбе [119, с. 160]. Во избежание ссор и конфликтов солдатам запрещалось в одиночку или без надобности заходить в мусульманские кварталы, обирать беженцев и торговцев. Более того, представителям властей предписывалось обращаться к мусульманам в «вежливых выражениях» [119, с. 161].

Однако протурецкие настроения, господствовавшие в стране, опрокинули политику Г.Сербеллони. Между двумя общинами сохранялась непроходимая пропасть. Испанцы и итальянцы недолюбливали тунисцев, относились к ним свысока, третировали их как «шпионов» и «изменников». Солдат Мулай Мухаммеда обвиняли в том, что в боях с противником они стреляли в воздух [119, с. 160]. По малейшему подозрению тунисцев арестовывали, даже самых высокопоставленных лиц из окружения «инфанта».

Турки повсюду имели своих людей. Можно сказать, что политически они постоянно присутствовали на оккупированных территориях. Всех, кто был на стороне испанцев и Мулай Мухаммеда, клеймили как «предателей» [119, с. 19], убивали и отбирали у них имущество. Заставы Хайдар-паши находились всего лишь в 40 милях от г. Туниса [63, с. 31]. Отсюда гази совершали нападения на районы, находившиеся под контролем испанцев. Происходили, пишет Б.Руффино, «непрерывные и назойливые набеги турок, которые каждый день подходили к г. Тунису, чтобы сеять смуту между христианами и маврами» [119, с. 157].

Мулай Мухаммед ничего не мог с этим поделать. 31 января 1574 г. он выступил в поход, чтобы разгромить османскую базу в Набёле. В походе участвовало 8 тыс. конных и пеших «мавров», а также около 300 испанских солдат, в том числе 150 конных мушкетеров. 5 февраля 1574 г. в сражении при Хаммамете (в 65 км к югу от г. Туниса) Мулай Мухаммед потерпел сокрушительное поражение. Османские войска, которых было всего 2,5—3,5 тыс. (1,5 тыс. турок и 2 тыс. тунисцев), обратили в бегство армию «инфанта». Бедуины и даже испанские кавалеристы бежали, «ни разу не повернув головы» [119, с. 159].

В самом г. Тунисе обстановка была исключительно напряженной. Аресты после поражения под Хаммаметом накалили ее до предела. Взрыв произошел 18 февраля 1574 г., когда один из уличных инцидентов перерос в стихийное восстание мусульман — так называемый «мешочный бунт», который вошел в историю

Туниса под малопонятным названием «шара-шара»*. Все началось с того, что испанский патруль остановил на площади Аль-Базза одного мусульманина. В соответствии с инструкцией испанский офицер «вежливо» попросил его показать содержимое мешка, поскольку, как показалось ему, в нем находилось военное снаряжение, покупать которое «маврам» было строго-настрого запрещено. Мусульманин ответил отказом. Тогда испанец ухватился за мешок руками, началась драка. В нее тут же вмешались христиане и мусульмане, находившиеся поблизости. В мгновение ока потасовка на Аль-Базза превратилась в огромное побоище. Его ареной стало все предместье Баб ас-Суика, т.е. практически вся северная часть города. По оценкам Б.Руффино, в восстании участвовало около 30 тыс. мусульман. С камнями, ятаганами, кое-кто с огнестрельным оружием, они громили жилища христиан, а затем попытались атаковать Аль-Бастиун. Габрио Сербеллони ввел в дело регулярные войска, которые к вечеру подавили «мешочный бунт». По оценкам христиан, было убито не менее 800—1000 человек (см. [63, с. 32; 119, с. 162]). Озверевшие солдаты разгромили предместье, без пощады убивая «женщин, детей и всех тех, кто попадал им под руку» [119, с. 162].

К весне 1574 г. положение испанцев еще более ухудшилось. Зимой 1573/74 г. великому везиру и капудан-паше удалось наконец убедить султана, что в ответ на экспедицию дона Хуана Австрийского надо предпринять крупную кампанию на Западе [82, т. VI, с. 437]. Сначала предполагалось захватить Тунис, а в дальнейшем, в случае успеха, перенести военные действия на территорию Испании [73, т. 1, с. 120]. В феврале 1574 г. соответствующие инструкции были направлены в Алжир [84, с. 17], несомненно также в Триполи и Кайруан — временную резиденцию тунисского бейлербея.

Весной 1574 г. по всему Магрибу шли военные приготовления. Под флагом джихада формировались экспедиционные части, набирались отряды добровольцев. Ими командовали лично бейлербей Туниса и Триполи Хайдар-паша и Мустафа-паша, а также халифа алжирского бейлербея Араб Ахмед-паша. В июне 1574 г. Габрио Сербеллони получил сведения о том, что войска этих бейлербеев начали сосредоточиваться на подступах к г. Тунису. Первы-

* О возможных значениях этого выражения см. [119, с. 163].

ми прибыли части из Триполитании (около 4 тыс. человек), гумы (отряды) Джербы и Кайруана (6 тыс.), затем ополчения из Константины, Бискры и Аннабы (2 тыс.). В июле по морю были переброшены алжирские контингенты (по некоторым сведениям, 3 тыс. человек), а также ополчения из Тлемсена и даже Феса — столицы Северного Марокко, которое официально не входило в состав Османской империи. Во главе марокканских муджахидов находился эмир Абд аль-Малик, брат и преемник саадийского султана Мулай Мухаммеда. «К ним, — писал впоследствии Г.Сербеллони, — присоединилось множество мавров и арабов» из г. Туниса, Бизерты и прилегающих местностей [119, с. 780]. Самое главное, Селим II направил в Тунис 40-тысячный экспедиционный корпус под командованием сераскира Синан-паши, прославившегося как покоритель Йемена. В его войсках было 7 тыс. янычар, 7 тыс. спахивей, 10 тыс. сирийских башибузуков и множество добровольцев из других провинций Порты. Одним словом, как писал Б.Руффино, в Тунисе собирался «цвет наций Леванта, полуденных стран и Понанта» [119, с. 181]*.

Экспедиционным флотом, насчитывавшим 320 кораблей, в том числе 230 боевых галер, командовал Ульдж Али. Расцвеченные красными флагами, они вызвали у турецкого поэта Румузи ассоциации с «розарием» [75, с. 52] — настолько великолепным был обновленный флот Порты. 15 мая 1574 г., забрав экспедиционный корпус, он поднял паруса и вышел в Босфор.

В Тунисе между тем Хайдар-паша продолжал наступление. Еще в марте 1574 г. испанцы эвакуировали Бизерту. Турки захватили Порто-Фарину, Карфаген и короткими переходами приближались к г. Тунису. 9 июля 1574 г. они были уже в 12 милях от города. 11 июля Мулай Мухаммеду сообщили, что войска Хайдар-паши численностью в 10 тыс. человек находятся всего лишь в 4 милях от городских стен. «Утром, — пишет Б.Руффино, — можно было отчетливо видеть палатки турок» [119, с. 171].

Мулай Мухаммед попытался отогнать противника. По приказу испанцев он собрал бедуинов и городских ополченцев, в общей сложности 30 тыс. человек, и двинул их навстречу туркам. Сражение продолжалось целый день. Гремели выстрелы, все было

* Понант — приатлантическая, западная по отношению к Италии часть средиземноморского мира.

застлано пороховым дымом, одна атака следовала за другой. «Но не было видно — говорит Б.Руффино, — ни одного убитого или раненого, ни с той, ни с другой стороны» [119, с. 172]. К вечеру бедуинам надоело изображать сражение, и они «с удивительной быстротой» снялись с лагеря. За ними разошлись ополченцы. «По пути они, не задумываясь, — отмечает тот же Б.Руффино, — шли рядом с турками, как если бы они никогда не переставали быть друзьями» [119, с. 173].

Гораздо хуже пришлось испанцам. 12 июля турки вошли в г. Тунис, и в городе начались уличные бои. В испанцев стреляли из всех окон и чердаков. На этот раз мусульмане били без промаха; испанцы несли тяжелые потери и 16 июля были вынуждены полностью эвакуировать мусульманские кварталы [119, с. 180].

12 июля 1574 г., в разгар уличных боев в г. Тунисе, в районе Карфагена Синан-паша произвел высадку войск. Весть об этом с быстротой молнии разнеслась по стране и вызвала очередной приступ османофильской истерии. Говорили, что турок призвал сам Сиди Махрез — святой покровитель города, который явился во сне Селиму II [59, с. 10]. Тут же передавали рассказы о всякого рода чудесах и знамениях. На испанцев особенно удручающее впечатление произвели рассказы о том, что в Карфагене на том самом месте, где они на большую глубину рыли колодцы, чтобы достать немного солоноватой воды, турки сразу же чуть ли не на поверхности обнаружили мощный слой чистой и свежей воды. «Эта удача, — пишет итальянский военный прокурор Б.Руффино, изучавший право в университетах Падуи и Турина, — предвещала нашу неминуемую гибель; она говорила о том, что Бог против нас» [119, с. 64, 176]. Мусульмане же, напротив, воспринимали это как знак расположения небес. Они были уверены в том, что сам Бог ведет их к победе. Улемы торжественно выходили навстречу туркам, благословляли их оружие. Крестьяне толпами доставляли напитки и всякого рода припасы. Даже бедуины привозили фрукты и другую снедь. Они предоставили в распоряжение турок своих верблюдов и лошадей, «чтобы возить фашины, необходимые для строительства траншей» [119, с. 175].

13 июля началась осада Ла-Гулетты, затем Аль-Бастиуна в г. Тунисе. Турки подводили мины, делали проходы через рвы, крушили стены из тяжелых орудий, отражали вылазки осажденных и забрасывали их фейерверками — пороховыми зажигатель-

ными снарядами. Особенно много неприятностей испанцам доставляли камни, которые турки бросали при помощи специальных камнеметных машин. Испанские и итальянские инженеры не знали их устройства, и один из них даже погиб, пытаясь привести в действие машину, захваченную у неприятеля.

Как это ни странно, появление османского флота застало Испанию врасплох. То ли здесь не верили в сообщения своих собственных шпионов, то ли эти шпионы были введены в заблуждение несложным маневром Ульдж Али, который сначала вывел свой флот в Черное море, а затем ночью с погашенными огнями провел его через проливы. Как бы то ни было, в Тунисе вовсю гремели бои, когда в Неаполе и Мадриде узнали о происходящем. Лишь 20 июля дон Хуан Австрийский вышел из состояния летаргии, в котором он пребывал со времени опалы, и 17 августа прибыл в Неаполь. И только 23 сентября из Мадрида пришло разрешение на мобилизацию испанского флота и передачу его под командование дона Хуана [66, с. 977—978].

Все это время испанские гарнизоны в г. Тунисе (8 тыс.) и Ла-Гулетте (7 тыс.) были предоставлены самим себе. К тому же они были разъединены и не могли оказывать друг другу никакой поддержки. Среди испанского командования царило уныние. Сыпались взаимные упреки и обвинения. Про Пуэрто Карреру говорили, что он «не защищал, а сдавал» [66, с. 977] Ла-Гулетту. Впрочем, утверждает Сервантес, если она и пала, то отнюдь не по вине защитников крепости, которые сделали все, что могли и что обязаны были сделать. «И какая крепость, — писал М. де Сервантес, — удержится, ниоткуда не получая помощи, когда ее осаждает многочисленный и ожесточенный враг, да еще сражающийся на своей земле?» [35, т. 1, с. 445].

Турки сделали все возможное, чтобы взять Ла-Гулетту в кратчайший срок. Синан-паша не останавливался ни перед чем. Тысячи янычар и магрибинских ополченцев были убиты и искалечены. 26 июля под стенами крепости погиб бейлербей Западного Триполи Мустафа-паша. Наконец, 23 августа 1574 г. после ожесточенного двухдневного штурма турки взяли Ла-Гулетту. Они не оставили в живых ни одного защитника крепости. По приказу сераскира «в отищение за души мусульман, погибших в предшествующем году» [69, т. III, с. 16], были казнены все пленные, включая тех, кто находился в лазаретах. Турки захватили 200 артилле-

рийских орудий и свыше 30 знамен [82, т. VI, с. 438]. Чтобы лишить противника всякой надежды обосноваться здесь вновь, Синан-паша приказал взорвать крепость. Ее остатки камень за камнем были разобраны до основания. От прекрасного творения Джакомо Палеаццо не осталось ничего, кроме воспоминаний. «Ни одного обломка, ни одного следа, ни одного указания, — говорится в хронике Хусейна Ходжи. — Только шум южных и северных ветров да заунывные крики совы нарушали покой этих некогда оживленных мест» (цит. по [119, с. 207, примеч. 192]).

После падения Ла-Гулетты наступил черед Аль-Бастиуна. 27 августа Ульдж Али и Синан-паша прибыли под стены пова ах и лично руководили подготовкой к штурму. Защитники крепости отбили множество атак, в том числе три генеральных штурма. Особенно тяжелыми для испанцев были последние дни. «Небо, — пишет Б.Руффино, который все это время находился среди осажденных, — стало темным от сыпавшихся камней и горело от множества фейерверков» [119, с. 228]. Турки забрасывали траншеи противника горящими досками, почти в упор стреляли из мушкетов и луков. Тысячи испанских и итальянских солдат были убиты или сгорели заживо. От вонзившихся стрел «земля напоминала спину дикобраза». Наконец, 13 сентября 1574 г. после взрыва подведенной мины рухнули башни Аль-Бастиуна. В огне и дыму турки пошли на четвертый и решающий приступ. Вскоре после полудня они овладели крепостью. Почти все ее защитники погибли; раненые сгорели в госпитале. Турки пощадили только 1 тыс. человек, в том числе 300 строительных рабочих. Последние 200 идальго, отказавшиеся сложить оружие, пытались вплавь добраться до Сант-Яго, и те, кому это удалось, были казнены после капитуляции замка.

По данным османских и тунисских источников, в боях за г. Тунис и Ла-Гулетту мусульмане потеряли 10 тыс. убитых* [73, т. 1, с. 120; 119, с. 226]. Несмотря на это, взятие Туниса вызвало во всем мусульманском мире взрыв всеобщего ликования. Великий везир Мехмед-паша Соколу на радостях говорил венецианскому послу: «Вы нам отрезали бороду у Лепанто, мы вам — руку в Тунисе; борода отрастает, рука никогда» [79, с. 117].

* Испанцы считают, что турок погибло значительно больше: 20 тыс. (Б.Руффино), 25 тыс. (М. де Сервантес) и даже 33 тыс. (Г. де Торрес).

В Стамбуле и других городах империи поляк Стрыйковский слышал, как на улицах и базарах, в караван-сараях и гостиных дворах нищие кобзари славили по-турецки и по-сербски победоносное войско султана и под звуки кобз крикливыми голосами пели «о подвигах янычар при взятии Туниса и Ла-Гулетты» [21, т. 1, с. 127].

Падение Туниса означало окончательную утрату испанцами Северной Африки. К 3 октября 1574 г. дону Хуану Австрийскому удалось собрать только половину испанского флота, и тем не менее вплоть до середины октября он никак не мог примириться с мыслью о поражении. Между тем быстрота падения испанских крепостей, говорит Ф.Бродель, отнюдь не облегчала его задачи [66, с. 977]. Повторять экспедицию 1573 г. было бессмысленно, и дон Хуан Австрийский вскоре понял это. 16 октября 1574 г. вместо Африки он отправился в Мадрид для личных объяснений с Филиппом II [66, с. 979].

Взятие Туниса, по существу, завершило раздел Западного Средиземноморья. Силы сторон были истощены, и фактически они отказались от дальнейшего продолжения борьбы. «Разоренный новым банкротством (1575 г.), — пишет Ш.-А. Жюльен, — парализованный восстаниями в Нидерландах и беспорядками в Италии, обеспокоенный происками англичан и французов Филипп II отказался от реванша в Африке и был вынужден согласиться на перемирие с султаном (1581 г.)» [14, с. 324]. Порта также была вовлечена в серию тяжелейших войн, которые она вела в Иране, в Центральной Европе и на Балканах (1578 — 1606). Ко всему прочему, Богохранимое государство вступило в полосу небывалого социального и финансового кризиса, который поставил империю на грань катастрофы. Наступательный потенциал турок был полностью парализован. К тому же, как отмечает Халил Иналджик, Варфоломеевская ночь во Франции (1572 г.), неудачи морисков и нидерландских повстанцев, наконец, объединение Португалии с Испанией в 1580 г. значительно ослабили позиции турок в Европе [92, с. 43]. С мечтой об «освобождении» Испании и низвержении римского престола пришлось расстаться. В этих условиях отдельные попытки возобновить военные действия в Западном Средиземноморье, главным образом со стороны Мальтийского ордена и магрибинских бейлербеев, не выходили за рамки локальных столкновений, если не считать борьбы на море.

Фактически война зашла в тупик. Баланс сил Восток — Запад, установившийся после Лепанто, не давал ни одной из сторон решающего преимущества и тем самым не вызывал стремления к изменению военно-стратегического положения.

С точки зрения внутреннего развития взятие Туниса завершило османизацию страны. В ходе многочисленных войн и восстаний 1526—1574 гг. окончательно развалились социальные и политические институты хафсидской эпохи. Власть в стране перешла в руки османских бейлербеев, которые опирались на мусульманское духовенство и газийскую верхушку Северной Африки. Господствующее положение заняли представители османской космополитической элиты, главным образом андалусцы и мевлюд-руми (ренегаты европейского происхождения). Особенно многочисленными были мориски, которые образовали в Тунисе, по выражению Т. Башруша, «маленькую Испанию в изгнании» [59, с. 208]. Вместе с итальянскими мусульманами, с этими бесконечными Корсу, Наполитано и Дженовезе, они занимали ключевые посты в центральной администрации, в армии и флоте, являлись санджак-беями и каидами. «Автохтонный элемент, — пишет Махмуд Буали, — был буквально сметен со всех авторитетных постов» [64, с. 168].

После взятия г. Туниса в стране был установлен твердый порядок. Основанный на шариате и терроре, он поддерживался без жалости и снисхождения. По алжирскому образцу были созданы малый и большой диваны, очаг янычаров, пополнявшийся за счет добровольцев из Стамбула, а также местные вспомогательные войска. Система тимаров не вводилась. Все икта, сахмы и незаконно созданные хабусы (вакфы) были ликвидированы. Пахотные земли и большинство недвижимых имуществ перешли в руки государства. Налоги и другие повинности населения строго регламентировались. Ряд тунисских исследователей, ссылаясь на одно из мест в «Китаб аль-Мунис» Ибн Абу Динара, предполагают, что перед отъездом из Туниса Синан-паша обнародовал новые канунаме [59, с. 55; 54, с. 33]. Возможно, они исходили из так называемого туземного кодекса Рамдан-бея (вероятно, 1570 г.), о котором, впрочем, также нет никаких сведений, за исключением единственного упоминания в хронике аль-Вазира ас-Сарраджа [59, с. 55]. Во всяком случае, как показывают османские документы, с которыми удалось познакомиться Э.Гессу, практика

управления в Тунисе ничем не отличалась от деятельности властей в других арабских провинциях.

Бейлербею и верховному кадию Туниса предписывалось соблюдать справедливость, поддерживать в хорошем состоянии дороги, мосты, караван-сарай, строить мечети и школы, а также пресекать всякого рода злоупотребления, особенно в отношении райи [85, с. 156]. Крестьяне получили права наследственного пользования землей, находившейся в собственности государства [85, с. 160]. Как и в других арабских эялетах, в Тунисе проводились земельные кадастры и составлялись дефтеры. Один из документов, имеющих дату 18 октября 1576 г., предписывает бейлербею Туниса закончить тахрир (перепись земель) эялета, не откладывая дела в долгий ящик [85, с. 245, примеч. 12].

В целом население лояльно сотрудничало с новой властью, по крайней мере в первые годы османского правления. Отдельные трудности турки испытывали главным образом в степях Центра и Юга. Здесь они встречали сдержанное, а порой враждебное отношение со стороны бедуинских племен, которые были основной социальной базой, питавшей антиосманские выступления 1575—1592 гг.

Во главе антиосманской оппозиции в Тунисе находились остатки марабутов Шаббийи и эмигрантские круги, связанные с династией Хафсидов. Последний из ее представителей, Мулай Мухаммед, был выслан в Стамбул, где жил на «почетную пенсию», назначенную ему османским правительством. Большинство других хафсидских эмиров и принцесс нашли убежище в Сицилии. Многие из них приняли католичество и навсегда остались в Италии, как, например, поселившиеся в Неаполе донна Мария и Карл (Хамида) Австрийский — дочь и сын предпоследнего хафсидского султана Мулай Хамиды [59, с. 130—132]. Сам он безвыездно жил в Термини под Палермо, где занимался интригами против дона Хуана Австрийского; умер в августе 1575 г. во время эпидемии чумы. Его тело было перевезено в Тунис и перед погребением в течение трех дней было выставлено на кладбище Джеллаз, чтобы каждый мог лично убедиться в смерти султана [119, с. 152; 59, с. 130]. Большинство хафсидских эмиров отказались от политической деятельности. Но некоторые мечтали о реванше и с помощью испанских и бедуинских друзей надеялись вернуть корону.

Хафсидская эмиграция знала о положении дел в Тунисе. Многие эмиры имели здесь агентов и даже платных осведомителей. Каждое проявление недовольства, как, например, восстание горожан в г. Тунисе в 1577 г. (25 убитых турок) [64, с. 180], они рассматривали как поворот судьбы и соответственно активизировали свою деятельность. В апреле 1581 г. Мулай Ахмеду, одному из хафсидских претендентов, удалось получить разрешение со стороны испанских властей на отъезд в Африку. Он высадился на берегах Сирта и поднял восстание, которое Ш.Моншикур в присущей ему романтической манере охарактеризовал как попытку «хафсидской реставрации 1581—1592 гг.». Мулай Ахмед разгромил несколько турецких отрядов, на время оккупировал Кайруан и с помощью марабутов Шаббии установил контроль над степными пространствами между Высоким Теллем и Джеридом. Однако ему не удалось привлечь на свою сторону горожан и земледельческое население. А без внутреннего единства и поддержки извне, подчеркивает Т. Башруш, попытка хафсидской реставрации была обречена [59, с. 132]. В 1582 г. Мулай Ахмед отступил на юг. Здесь он с 6—8 тыс. бедуинов еще в течение нескольких лет беспокоил османские гарнизоны. Наконец, в 1592 г. туркам удалось взять его в плен — событие, которое было отмечено в г. Тунисе трехдневным празднеством (см. [64, с. 180—181; 59, с. 130—132]).

Беспорядки в степях, видимо, не очень беспокоили османских наместников. Они чувствовали себя в Тунисе как дома и с бедуинскими мятежами справлялись сами, не обращаясь за помощью к Порте. Во всяком случае, бейлербеи Туниса считали, что 3—4 тыс. янычар вместе с местными военными формированиями вполне достаточно, чтобы поддерживать в стране рах othomanica.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как понять феномен османского завоевания? Каким образом арабские страны — некогда наиболее развитая часть средиземноморского мира, родина ислама и блестящей культуры, в течение столетий определявшей прогресс человеческой цивилизации, — оказались за бортом мировой истории, исчезли как самостоятельные политические единицы? Безусловно, большую роль сыграли такие факторы, как экономический упадок, экологический и демографический регресс, снизившие удельный вес арабских стран в мировом сообществе. Несомненно также, что внутренние противоречия, интеллектуальный застой и социальный иммобилизм ослабили их перед лицом внешнего мира. И тем не менее в начале XVI в. арабские страны представляли еще довольно богатый и развитой регион, играли заметную роль в мировой политике, в международном торговом и культурном обмене. У них были еще довольно большие людские и материальные ресурсы, достаточно развитое ремесленное и сельскохозяйственное производство, в частности зерновое хозяйство, которое в те времена рассматривалось как важнейший показатель экономического и политического благополучия страны. Хлеб был, как подчеркивает Ф.Бродель, командным рычагом и средством политического давления [66, с. 457]; без него не могло быть реальной свободы действий. «Вокруг зерна, — писал один из современников, — больше таинственности и шпионажа, чем вокруг инквизиции» [66, с. 456]. В XVI в. арабские страны имели еще достаточное количество этого важнейшего государственного продукта, во всяком случае, больше, чем любая из стран Западной Европы. Один Египет (точнее, Саид) в 1500—1550 гг. давал в распоряжение правительства по 600 тыс. ардеббов (720 тыс. ц) зерна в год [51, т. 5, с. 409; 66, с. 461], тогда как Сицилия — самая хлебная из европейских стран — в лучшем случае по 520 тыс. ц (1532 г.) [66,

с. 453]. Причем арабский хлеб был дешевле и доступней, чем в странах Западной Европы. Например, в Алжире (около 1574 г.) зерно стоило в 4—5 раз дешевле, чем в Испании. За исключением неурожайных лет, его хватало для снабжения армии и таких крупных городов, как Каир (430 тыс. жителей в 1550 г.) и Тунис (180 тыс. жителей в 1535 г.), не говоря уже о Стамбуле (400 тыс. жителей в 1520—1530 гг.), который как столица империи снабжался в первую очередь.

Так каким же образом эти еще сравнительно богатые и развитые страны с населением в 19,5 млн. человек* (без Марокко, 5 млн. в XVI в.) оказались под властью Порты? Каким образом османские султаны, стоявшие во главе разноплеменного и неоднородного в религиозном отношении государства с населением в 12,5 млн. человек (в 1520—1535 гг. без арабских и дунайских провинций; см. [61, с. 231]), смогли за какие-нибудь пять лет утвердить свою власть в обширном регионе, который по территории, численности населения и уровню цивилизации значительно превосходил завоевателей? Ведь судьба арабского мира была, по существу, решена в 1516—1520 гг., когда турки сокрушили империю мамлюков и создали в других арабских странах настолько прочные позиции, что их дальнейшая османизация стала лишь вопросом времени. К тому же она зависела не столько от самих арабов, сколько от противодействия третьих стран: Испании, Португалии и сефевидского Ирана, с которыми туркам пришлось вести длительную и упорную борьбу.

Часто говорят о военной мощи турок. Еще в начале XVIII в. в Европе были живы воспоминания о несокрушимой силе османского оружия. «Можно с уверенностью сказать, — писал в 1743 г. М. де Жонкьер, французский переводчик Дм. Кантемира, — что со времен римлян вселенная не знала державы, которая была бы равна Османской империи» [69, т. I, с. VI]. Но дейст-

* Из следующих оценок по странам (млн.):

Алжир и Тунис.....	3,5
Триполитания.....	0,5
Египет.....	4,5
Йемен и Хадрамаут.....	1,0
Северная Аравия.....	2,2
Сирия.....	2,8
Ирак.....	5,0

вительно ли османы были так сильны? Могли сокрушить любого противника? Несомненно, на рубеже XV—XVI вв. турки вышли на уровень передовых армий мира. У них был сильный флот, артиллерия, прекрасная организация тыловых служб и разведки. Но далеко не по всем компонентам они превосходили армии других держав. Если в XVI в. янычары могли еще соперничать с португальской и испанской пехотой, не имевшей себе равных в Европе, то спахийская конница оставляла желать много лучшего. Ни Селим I, ни Сулейман Великолепный не могли поднять ее до уровня мамлюкской кавалерии, не говоря уже о лучших европейских образцах. Единственное, в чем турки имели бесспорное преимущество, — это артиллерия. По общему признанию, у них были лучшие в мире пушки: технически наиболее совершенные, различного калибра и назначения, от тяжелых осадных орудий до фальконетов и легких транспортабельных пушек, которые можно было устанавливать на конных и парусных тачанках.

Передовая военная техника в сочетании с железной дисциплиной и великолепной организацией принесли туркам немало побед. В Европе и на Востоке сложился миф об их непобедимости. Турки действительно наводили ужас на противника, который зачастую был готов расписаться в своем поражении еще до того, как начинался бой. В 1570 г. в прокламации Светлейшей Синьории Венеции к «христианским солдатам» отмечалось, что «при рассказе о подвигах прошлых времен, когда они (солдаты. — *Н.И.*) узнают, что эти турки покорили столько провинций, столько королевств... (они) начинают дрожать и испытывать страх» (цит. по [119, с. 179, примеч. 179]). Но какой бы ужас ни внушала османская армия, какой бы сильной она ни казалась, само чередование побед с поражениями неопровержимо свидетельствует о том, что в XVI в. турки не обладали подавляющим военным превосходством. Во всяком случае, ни мамлюки, ни испанцы, ни португальские конкистадоры не выглядели перед ними, как краснокожие Америки перед Кортесом или Писарро.

Дело, видимо, в другом. При завоевании арабских стран обращает на себя внимание один факт: отсутствие стойкости и воли к борьбе со стороны армий арабских правителей, их нежелание сражаться с турками. В каждой арабской стране, в каждом городе и селении таилась измена. В войсках и среди населения имелись значительные группы людей, которые с оружием в руках перехо-

дили на сторону турок, сообщали им планы своего командования, открывали им ворота городов и крепостей. Совершенно очевидно, что народы арабских стран не хотели воевать с турками. Одним словом, они хотели быть завоеванными.

В чем же дело? Видимо, в том, что завоевание шло под флагом «освобождения» угнетенных и обездоленных. Арабы были завоеваны, по словам Махмуда Буали, «совокупностью лозунгов, основанных на политико-религиозном забивании мозгов» [64, с. 168]. Эти лозунги обладали поистине волшебным свойством притягивать к себе симпатии крестьянско-плебейских масс населения, в частности, непосредственных производителей города и деревни. Они лежали в основе османофильских иллюзий и отражали социально-экономическую и политическую доктрину Порты — своего рода крестьянское перепрочтение фундаментальных принципов ислама, его идей о всеобщем равенстве и братстве, о социальной справедливости и гармонии, о труде как единственном источнике удовлетворения материальных потребностей человека, об осуждении роскоши и богатства, о необходимости жить скромно, без излишеств, не прибегая к эксплуатации человека человеком. По своему характеру эта доктрина была направлена на социальное обновление и переустройство общества; по своему существу она являлась утопией, если понимать под этим, как писал один из исследователей, «сознание, ориентированное на отрицание и преобразование существующего жизненного порядка и свойственное подавляемым и зависимым группам общества» [5, с. 223].

Османская социально-утопическая доктрина не являлась чисто схоластическим учением; она была основой для практики.

Ее истоки восходили к далекому прошлому, к тем отдаленным временам, когда крестьянство и городская беднота Анатолии под лозунгами ахийского и газийского движения выступали против феодального гнета. На рубеже XII—XIII вв., в эпоху краха исмаилизма как мировой доктрины, социально-теократические идеалы газийской вольницы и ахийских братств очистились от религиозных наслоений шиизма и под влиянием дервишества приняли форму, вполне совместимую с ортодоксальным суннитским вероучением. Решающее влияние на окончательное формирование османской социально-утопической доктрины, унаследовавшей идеалы ахийских братств и газии, оказало учение великого андалусского мистика и теософа Мухи ад-Дина Ибн аль-Араби (1164—1240) и

его анатолийских последователей. Среди них особое место занимает Джалаль ад-Дин ар-Руми (1207—1273) — духовный наставник юного Османа I (правил в 1281—1326 гг.), впервые объединившего под своим руководством газийское и ахийское движение.

После победы движения, по мере институционализации османского государства старые ахийские и газийские идеалы приобрели характер официальной идеологии, стали своего рода социальным мифом, если понимать его как один из типов социального мышления. В эпоху Возрождения социально-утопическая доктрина османнизма выступала как антипод «латинства», как «истинное» учение пророка Мухаммеда, противостоявшее новоявленной джахилии (богопротивное общество) наследников античности и эллинизма, в борьбе с которыми в свое время рос и развивался ислам. Вскоре после взятия Константинополя (1453 г.) Мехмед II приказал уточнить религиозно-мировоззренческие основы официальной доктрины и приступить к составлению обновленной османской «редакции» шариата. Это нашло свое отражение в работе крупного османского богослова Мехмеда ибн Фира-мурзы, или Муллы Хюсрева, «Дурар аль-хуккам» («Жемчужины правителей», 1470 г.) и особенно в фундаментальном труде Ибрахима аль-Халеби «Мультака аль-абхур» («Слияние морей», 1517 г.). В более практической плоскости новая трактовка шариата была закреплена в «законодательстве» Баязида II (1481—1512) и Сулеймана Великолепного (1520—1566), а также в трудах его знаменитого шейх уль-ислама Абу-с-Сууда эфенди, который бессменно занимал свой пост в 1544—1574 гг.*.

В своих основных чертах османский социально-теократический идеал восходил к учению Ибн аль-Араби, к его пантеистическим воззрениям, веротерпимости и непомерной идеализации угнетенного и страдающего человека труда. Арабские и османские последователи Ибн аль-Араби, в частности члены дервишских орденов

* Х.Иналджик, как представляется, с достаточным основанием полагает, что «османская книга законов», как он называет совокупность принципов и положений, регулировавших социально-экономические отношения в османском государстве, сформировалась «около 1500 г.», или, точнее, «между 1492 и 1501 гг.», но уходила своими корнями в предшествующую эпоху. «Я думаю, — писал он, — что не будет преувеличением сказать, что существовала одна османская книга законов, которая развивалась на протяжении всей османской истории» [93, с. 125].

Мевлевийя и Бекташийя, пользовались безраздельным влиянием в османских правящих кругах. Говорили даже, что султаны, в частности Мехмед II, Селим I и Сулейман Великолепный, лично состояли членами этих религиозных братств [9, с. 31, 34]. В своей политике они обращались ко всем, кто разделял их социальные взгляды, независимо от религиозной и этнической принадлежности. В XV—XVI вв. османы отличались удивительной веротерпимостью. Они считали, что правда выше веры, что религия не имеет значения для познания истинной природы божества и установления праведных отношений между людьми. «Я — нехристианин, нееврей и немусульманин», — говорил Джалаль ад-Дин ар-Руми, один из последователей Ибн аль-Араби, поэт, суфий и основоположник ордена Мевлевийя. В своей проповеди он обращался ко всем, будь то «гяур или язычник» [9, с. 28, 32, 38], простолюдин или представитель знатной фамилии. На уровне народных масс, особенно у бекташей, идеи суфиев «утратили, — по словам В.А.Гордлевского, — философскую отвлеченность и приняли форму, близкую и понятную крестьянству» [9, с. 33]. На этом уровне османская утопия становилась действенной силой в борьбе за переустройство общества, за утверждение небезызвестных принципов «закона, пути, знания и правды» (шариат, тарикат, маарифат, хакикат).

Именно призыв к переустройству общества, истималет и социальные идеалы османской утопии завоевали арабские страны. Именно они проложили дорогу османскому оружию и открыли перед арабами иллюзорную перспективу установления царства Божия на земле.

Войдя в состав Османской империи, арабы не чувствовали себя на положении бесправных и угнетенных народов. Вплоть до второй половины XIX в. они не воспринимали османское завоевание как чужеземное порабощение. Один из крупнейших идеологов современного арабского национализма, видный сирийский историк Сати аль-Хусри, в своих трудах отмечал, что арабы рассматривали власть османских султанов как прямое продолжение исламского халифата и что они не чувствовали себя завоеванным народом, подчиненным иностранной власти [52, с. 36, 82—83]. «Османы не завоевывали арабские земли у арабов», — говорит другой арабский историк, Зейн Н.Зейн. Они воевали с мамлюками, испанцами, персами, но не с арабами. «Вполне возможно, — пишет

он, — что вплоть до царствования Абдул Хамида (1876—1909 гг. — *Н.И.*) арабы страдали не столько от избытка турецкого правления, сколько от того, что его было мало!». Турки, по словам того же автора, всегда были в арабских странах «иностранцами», которые приезжали и уезжали, и вплоть до 1908 г., т.е. до прихода к власти младотурок, не делали никаких попыток к ассимиляции или отуречиванию арабов [128, с. 9, 10, 17].

Перейдя под власть Порты, арабы действительно не испытывали на себе национального гнета. Не было ничего, что давало бы основание говорить о начавшемся процессе «отуречивания» арабских стран, о подавлении арабского языка и культуры, о навязывании арабам чуждых им обычаев и традиций.

Во-первых, в Османской империи XV—XVI вв. вообще не было господствующей национальности. В эту «поствизантийскую эпоху», как охарактеризовал ее румынский историк Николае Йорга, османское общество и государство имели космополитический характер. Ни одна народность не имела каких-либо преимуществ. Турки как этническая общность составляли меньшинство и ничем не выделялись среди других народностей империи, разве что более низким уровнем цивилизации. Турецкий язык как средство национального общения еще не сложился [13, с. 151]. Он был в загоне и, как неоднократно подчеркивал Мустафа Кемаль Ататюрк, основатель национального турецкого государства, презирался правящими кругами. При дворе культивировался особый «османский язык» — «османлыджа». «Письменность его, — говорит Д.Е.Еремеев, — была на основе арабской графики, лексика — в основном арабская и персидская, а грамматический строй, хотя и был преимущественно турецким, но включал в себя много элементов персидской и арабской грамматик» [13, с. 153]. Этот язык был непонятен природным туркам, турецкому народу, но занимал первое место при дворе падишаха. Его знание считалось необходимым атрибутом принадлежности к привилегированным и вообще образованным слоям общества. Второе место, как отмечал итальянский автор XVI в. Паоло Джовио, занимал арабский язык — язык священного писания, науки и судопроизводства. На третьем месте был славянский язык — разговорная речь двора и янычарского войска; на четвертом — греческий, на котором говорило большинство жителей Стамбула и других старых византийских городов [21, с. 126—127].

Османская правящая элита, армия и администрация имели гетерогенный космополитический характер. Одним из первых кадиев Стамбула был француз; большинство везиров и других сановников Порты были по своему происхождению греками, славянами или албанцами. При Сулеймане Великолепном из девяти великих везиров восемь были потурченцами, т.е. славянами, принявшими ислам [13, с. 147—148]. Из славяноязычных мусульман состоял основной костяк «турецкой» армии; они же составляли самый заметный элемент при дворе и османском правительстве. А.Е.Крымский даже считал возможным говорить об Османской империи XV—XVI вв. как о «государстве славянском, только с религией мусульманской» [21, с. 125]. Во всяком случае, в армии и администрации турки по рождению терялись среди множества мусульман нетурецкого происхождения, в том числе иностранцев, принявших ислам. В Алжире, например, в 1588 г. две трети капитанов военного флота были мевлюд руми, т.е. ренегатами из стран Западной Европы. Помимо итальянцев среди моряков были ирландцы, шотландцы, датчане, венгры, славяне, эфиопы и даже индейцы из Америки (см. [108, с. 74—75]).

Во-вторых, в силу космополитического характера в османском обществе и государстве господствовал национальный нигилизм. «Равнодушие турецкого общества в вопросах национальных, — отмечал В.А.Гордлевский, — было чудовищно. Для городского эфенди, впитавшего в себя гнилоственную атмосферу дряхлеющей Византии, слово „тюрк“ — „турок“ — было синонимом грубого, необразованного человека — „мужика“. „И почему это европейцы зовут нас турками?“ — слышал Мураджа д'Оссон недоумевающие вопросы в XVIII в.» [9, с. 78]. Единство османского общества как целостной системы поддерживалось исключительно исламом и основывалось на его фундаментальной противоположности социально-экономической модели Европы эпохи Возрождения.

В-третьих, арабы не могли испытывать на себе национального гнета, поскольку их язык, традиции и историческое наследие являлись объектом почтительного поклонения. Культ арабского языка — языка Корана и божественного откровения — процветал во всех провинциях империи. Перед ним преклонялись, внимали его звукам с благоговейным трепетом палатинов. На нем писались названия кораблей, изречения на личном и памятном оружии. Девизы, лозунги и другие надписи на боевых знаменах османских

полков делались только по-арабски. На нем читались молитвы и рецитации из Корана. Осуществление мусульманского судопроизводства было попросту невозможно без знания арабского языка. Поэтому он изучался во всех медресе Османской империи. «Арабы, — пишет Зейн Н.Зейн, — гордились тем, что арабский язык — их самое дорогое и любимое наследие после ислама — оставался духовным языком турок» [128, с. 11]. На нем писали и говорили не только жители арабских эялетов. В Эдирне и Стамбуле тонкости арабского литературного языка знали нередко лучше и полнее, чем в иных арабских провинциях. В XVI—XVIII вв. существовало, говорит Г.А.Р.Гибб, «немало арабских произведений, написанных турками прозой, рифмованной прозой и стихами» [8, с. 111].

В арабских эялетах правительство старалось уважать народные обычаи и язык. В Канун-наме Миср, например, предусматривалось, что делопроизводство в Египте должно вестись на двух языках. В частности, назир-и эмвалю (управляющему государственными имуществами) предписывалось создать два секретариата: арабский и турецкий (руми), которые должны были готовить приказы, распоряжения и другие бумаги на соответствующих языках [73, т. 2, с. 256]. Во всей Османской империи непрерываемым авторитетом пользовались медресе Каира и Мекки. Вместе с религиозно-богословскими университетами Дамаска, Халеба и Триполи они, как подчеркивает Зейн Н.Зейн, воспитывали большое количество улемов, кадиев и муфтиев. Получая назначения в различные провинции империи, они играли в них заметную и довольно значительную роль [128, с. 11].

В целом арабские страны заняли видное место в жизни Богохранимого государства. В конце XVI в. на них приходилось 14 из 34 эялетов империи [38, с. 92] и около 60% населения, которое не мыслило себя вне шариата и исламского наследия. Вследствие этого включение арабских стран в состав Османской империи усилило ее мусульманский характер, придало ее общественной и государственной жизни чисто халифатистские черты. Более того, арабы не знали ни сербского, ни греческого языка, и включение арабских стран в общественно-политическую жизнь империи, как это ни парадоксально, усилило ее турецкий характер, увеличив значение «османского языка» как средства общеимперского общения.

Роль и значение арабского элемента показывают, что завоевание арабских стран турками имело не национальный, а социальный характер. Его легче всего было бы представить как социальный переворот, как своего рода повстанческое движение, которое привело не только к смене власти, но и к радикальным переменам во всем предшествующем укладе жизни. Оно было осуществлено при поддержке извне, но имело широкую социальную базу внутри арабских стран и опиралось на значительные группы арабского населения.

Социальный переворот, сопровождавший османское завоевание, выражался прежде всего в коренной перестройке аграрных отношений.

Во-первых, турки ликвидировали икта и другие формы феодального землевладения, развивавшиеся в арабских странах со времен Альмохадов и Айюбидов. Как и на территории бывшей Византии, все сельскохозяйственные земли перешли в руки государства и были переданы крестьянам в наследственное пользование. Формы и порядок обобществления земли довольно точно воспроизводили процедуру, которая была разработана Мехмедом II в 1475 г. и заключалась в проверке с последующим признанием недействительными документов, удостоверявших права частного держания (икта, вакф, ризк и пр.).

Во-вторых, турки отменили все феодальные повинности крестьян, которые они несли в пользу должностных лиц или частных держателей. Отменялось все, что, по словам Х.Иналджика, «ограничивало контроль государства над землей и крестьянами» [88, с. 34]. Как и в бывших византийских провинциях, это происходило в форме коммутации феодальных повинностей в небольшой денежный сбор чифт ресми (налог с хозяйства), который стал взиматься помимо десятины [88, с. 35]. В многочисленных канунах турки до мельчайших подробностей перечисляли все, что дозволялось брать с крестьян, и категорически запрещали какие-либо иные поборы. Тем самым были отменены все «незаконные» повинности и платежи, которые вызывали особое недовольство крестьян, как-то: плата за покровительство, гостевые и подорожные «подарки», постои, различного рода отработки, денежные и натуральные начеты.

Аналогичного рода мероприятия были проведены в городах. Как показывает пример Египта, турки произвели обобществление

жилых и производственных помещений, оказавшихся, по их мнению, в «незаконном» владении частных лиц. Одновременно они ввели суровые меры по государственному контролю и регламентации, которые находили свое обоснование в социально-экономических и морально-этических нормах шариата (подробнее см. [17, с. 44—55]).

В результате завоевания был ликвидирован феодальный господствующий класс средневекового арабского общества. Его представители в лице мамлюков, йеменских абидов, альмохадских шейхов, бедуинских эмиров и других местных властителей, не говоря уже о членах царствующих фамилий, были отстранены от власти, репрессированы или изгнаны. Повсюду их преследовали и карали как узурпаторов, как лжемусульман и отступников, забывших истинную веру, как прислужников «врагов Аллаха», пресмыкавшихся перед «латинянами», папой и испанским «фараоном». В ходе завоевания феодальные семьи были полностью экспропрированы. Их дворцы, сады и дома, не говоря уже о сокровищах, были конфискованы и разграблены; их права на икта, сахмы и вакфы — аннулированы.

Не менее серьезно пострадали айяны — представители зажиточной прослойки городского патрициата. Они утратили привилегированное положение, лишились былого влияния и значительной части имущества. В большинстве своем они оскудели и были вынуждены приспособливаться к новой власти.

Их недовольство разделяло купечество, рассматривавшееся турками как социально чуждый элемент. Османские власти пренебрегали его интересами, третировали как торгашей и спекулянтов. Введение государственной регламентации и контроля серьезно ограничивало возможности накопления и развития торгового капитала. Большинство торговцев обеднело и жаловалось на застой в делах. «Купцы по три дня и более сидят без почина, — отмечал Абд аль-Ваххаб аш-Шаарани (1493—1565), — и с трудом добывают пропитание себе и своим семьям; обремененные всякими обязательствами по уплате за наем торгового помещения и поборами в пользу должностных лиц, они в большинстве случаев живут за счет своего основного капитала» [43, с. 8].

Тяжелый урон, по крайней мере в первые десятилетия османской власти, понесли бедуинские племена. Турки лишили их феодальных привилегий, отобрали их икта, сахмы и права на покрови-

тельство. Бедуины были вынуждены подчиняться новым законам, соблюдать порядок и государственную дисциплину. Случаи неповиновения, тем более разбоев и грабежей, сурово карались. Хрониками изобилуют примерами чудовищных расправ (сдирание заживо кожи, распиливание надвое, сажание на кол и т.п.), которые устраивались над вождями непокорных племен. Большинство кочевников были вынуждены примириться с новой властью. Многие племена перешли на службу к Порте, довольствуясь государственными субсидиями и теми немногочисленными льготами, которые оставило им османское правительство. В XVI в. значительно упал престиж вольной кочевой жизни. Для этого периода характерна тенденция к оседанию на землю, и Омер Лютфи Баркан сумел показать это на материале Анатолии (см. [61, с. 29—30]).

Повсюду в арабских странах приход турок приветствовался представителями мусульманского суннитского духовенства и беднейшими слоями населения. Им импонировала политика османских властей, их забота о нуждах маленького человека. Турки действительно не забывали о своей роли «защитников» простого народа. Они мстили его угнетателям, твердили о своем покровительстве вдовым, сирым и убогим. Они вселяли бедняков в конфискованные дома, раздавали им хлеб, соль, иногда мясо и другие продукты. Человек труда неизменно изображался ими как носитель самых высоких моральных качеств, как тот, кто более всего угоден Богу и османским властям. «К рабочему классу, к ремесленникам и земледельцам Абд аль-Ваххаб всегда относился очень хорошо, — пишет А.Э.Шмидт, характеризуя взгляды этого египетского суфия, перед которым склоняли голову османские бейлербеи. — Не уставая, он во всех своих сочинениях превозносит их добродетели и воздает им хвалу за смирение и кротость, за трудолюбие и за ту покорность, с которою они в те тяжелые времена переносили свою безотрадную жизнь» [43, с. 209].

В мероприятиях османских властей находили свое отражение надежды и чаяния социально обездоленных групп населения. По сути дела, в форме государственной политики турки выражали протест угнетенных слоев общества эпохи Возрождения и Контрреформации. Любопытно, что многие итальянские утописты XVI в., особенно те, кого отечественная исследовательница Л.С.Чиколлини относит к выразителям умонастроений «мелких собственников и непосредственных производителей города и деревни» [41, с. 39], в

своих проектах требовали провести мероприятия, которые турки на практике осуществляли в Египте и других арабских странах. Фабио Альбергати и Лодовико Цукколо, например, требовали установить собственность государства на землю, запретить ее продажу, куплю и дарение. Они «ратовали за уничтожение сословных привилегий» [40, с. 15]. Их единомышленник Лодовико Агостини, выступая за трудовой характер собственности, чуть ли не текстуально воспроизводил заповеди шариата. Справедливой, по его мнению, могла быть только собственность «на те вещи, которые человек добыл своим трудом» [41, с. 35] (для сравнения см. [29, с. 9]). Л.Агостини и Ф.Альбергати требовали запретить ростовщичество, осуждали скопидомство и накопление богатства. Л.Агостини хотел ввести собственность государства на жилье, установить контроль над торговлей, подчинить ее «твердым правилам» и отдать на попечение «общественным надзирателям» [41, с. 36], т.е., попросту говоря, мухтасибам. Л.Цукколо как самый заурядный мулла требовал ограничить потребление вина, запретить игру в карты, шахматы и кости. В его идеальном государстве молодые люди не должны были «предаваться грубым играм и сладострастию, смотреть постыдные спектакли». Женщины же, как истинные мусульманки, «появлялись в обществе в закрытой мантии, с прикрытым лицом» (цит. по [40, с. 27, 35, 60—61]).

Неудивительно, что итальянские утописты XVI — начала XVII в., так же как социально близкие им анабаптисты и представители других народных ересей эпохи Возрождения и Контрреформации, особенно антитринитарии, рассматривались в Европе как сторонники турок. Антитринитарии отрицали даже учение о Троице, выступали за единство Бога. Их идейный вождь и вдохновитель Мигель Сервет (1505—1553) повсеместно считался «другом магометан и иудеев». В его учении, пишет Е.А.Будрин, «люди, твердо веровавшие в пути божественного промысла», видели «преддверие распространения на Западе турецкого владычества» [7, с. 167].

Действительно, антитринитарии и утописты, вообще антифеодальные движения XVI в., почти открыто ориентировались на турок. Причем дело не ограничивалось чисто политическим альянсом — неизбежным следствием общности врага. Для XVI в. характерно такое явление, как тяга европейских масс к исламу. «У христиан, — констатировал Ф.Бродель, — соприкоснувшихся

со странами ислама, начиналось головокружение от отступничества» [66, с. 598]. В течение всего XVI — начала XVII в. «они, — по выражению этого историка, — плотными рядами переходили из христианства в ислам» [66, с. 597]. Даже в 1596 г., когда «махметова прелесть» основательно потускнела, из Сицилии, как отмечал один официальный доклад, по-прежнему уходили «барки, переполненные кандидатами в ренегаты». Их, по словам современника, были «сотни тысяч». «Из Корсики, Сардинии, Сицилии, Калабрии, Генуи, Венеции, Испании, из всех концов средиземноморского мира, — пишет Ф.Бродель, — ренегаты шли в ислам. В обратном направлении — ничего подобного. Обращения в христианство были немногочисленны и никогда не были высшей пробы, даже среди пленников» [66, с. 598]. Возможно, в этом заключалась одна из причин того, что в Италии XVI в. не произошло крупного крестьянского восстания. Его потенциал был разряжен эмиграцией через море и перенесен в плоскость испано-турецкого конфликта.

Наибольшее сочувствие турки встречали у жителей деревни. В XVI — начале XVII в. османское правительство и его люди воспринимались как носители крестьянской «правды». И в самом деле, большинство сановников Порты были крестьянами по происхождению, субъективно действовали в их интересах и рассчитывали на их поддержку. Это было, как уже отмечалось, наиболее четкой и последовательной константой османской политики. При этом религиозная и этническая принадлежность крестьянства не имела ровно никакого значения. В одной из своих работ Д.Е.Еремеев приводит выдержку из выступления великого везира по случаю кончины Мехмеда II (1481 г.). Отмечая обстоятельства, способствовавшие быстрому возвышению османского государства, великий везир говорил: «Мудро и искусно собирали они (султаны. — Д.Е.) среди всех племен людей, обреченных на несчастную мужицкую жизнь, не почитающих единого Бога, о котором возвестил пророк. Их они сделали благочестивыми и счастливыми, наградили чинами и славными должностями. Из этих людей и я происхожу, и значительная часть слушающих меня» [13, с. 148].

Противостоящий лагерь также воспринимал сановников Порты как людей от сохи, как обыкновенных мужиков и селян. Арабская знать считала их «варварами», грубой «деревенщиной», никогда

не знавшей, что такое учтивость и культура. На Западе на них смотрели как на беглых крестьян, возомнивших себя вельможами. Испанское и итальянское дворянство, по словам Эмея Эсина, видело в османском ренегате «мужика-плебея, который бросил вызов феодальному строю европейского общества» [75, с. 48].

«В этой столь великой империи не существует какого-либо превосходства или знатности по крови», — писал венецианский посол А. Барбариго (1555—1560). «Среди них (военачальников и сановников Порты. — *Н.И.*) нет ни герцогов, ни маркизов, ни графов, — отмечал другой представитель Венеции, Л. Бернардо (1584—1587), — а все они по своему происхождению пастухи, низкие и подлые люди» (цит. по [104, с. 39, 42]).

Оказавшись у власти, эти выходцы из деревень перестраивали жизнь общества в соответствии со своими вкусами и представлениями. Интересы торговли и купечества полностью игнорировались.

В отличие от большинства государств Западной Европы, которые в период раннего капитализма (1500—1750) придерживались политики меркантилизма, сыгравшей не последнюю роль в утверждении капиталистического способа производства, Порта проводила прямо противоположную политику. Если меркантилизм был заинтересован в производстве и вывозе товаров, в торговой экспансии и борьбе за рынки, если он требовал всемерного ограничения импорта и поощрял экспорт, то османские власти поступали наоборот: они открывали рынок для возможно большего количества готовых изделий. Османские государственные деятели полагали, что благоденствие страны и народа зависело от обилия потребительских товаров и их дешевизны на внутреннем рынке. В соответствии с этим воззрением Порта всячески поощряла импорт и ограничивала экспорт. Если на внутреннем рынке начинала ощущаться нехватка тех или иных товаров, то их вывоз вообще запрещался. И наоборот, власти не чинили никаких препятствий для ввоза в страну любых иностранных товаров и предоставляли иностранным купцам различного рода льготы и привилегии, включая права экстерриториальности (так называемый «режим капитуляции»). При этом интересы собственного купечества не принимались в расчет. В отличие от приверженцев меркантилизма османские власти не связывали с ними никакие государственные интересы. «А с торгашами-шакалами, — писал в 1629 г. один из идео-

логов османизма, Кочубей Гёмюрджинский, — никакого дела не сделаешь» [35а, с. 137].

Предметом внимания и забот османского правительства, как уже не раз отмечалось, были не купец и предприниматель, а крестьянин, деревня вообще. Крестьянин и его труд, по мнению османских властей, составляли основу всей жизни общества. Процветающее крестьянское хозяйство считалось главным источником государственного богатства. «Райя есть казна падишаха, — писал в 1640 г. тот же Кочубей. — Если райя в хорошем состоянии и не подвергается притеснениям, казна падишаха полна» [38а, с. 245]. Вследствие этого Османская империя являла собой любопытный образец аграрно ориентированного (и в конечном счете феодального) общества, где город не имел значения хозяйственно-образующего элемента экономики. Империя представляла собой беспредельный мир самодовлеющих крестьянских общин, живших под сенью верховного правителя. Их единственной обязанностью было содержать военную и государственную машину, возникшую для создания и поддержания этого мира.

В Османской империи не было крепостного права, никаких форм личной зависимости или сословной неполноправности крестьян. Здесь не было никаких частновладельческих прав на невозделанную землю, на степные или лесные угодья; никто не мог запретить крестьянину ловить рыбу, охотиться, пасти скот или собирать топливо под предлогом нарушения своих прав и привилегий. Обязанности крестьян были невелики и сводились в основном к уплате налогов. По мнению большинства историков, они были весьма умеренны, во всяком случае, не столь обременительны, как в последующие времена [28, с. 60]. Авариз и чифт ресми, взимавшиеся сверх десятины, составляли в XVI в. всего лишь около 40—50 аспр (один дукат) в год. Это минимум того, что полагалось платить каменщику или столяру за четыре дня работы. В среднем на уплату налогов уходило от 2% (по расчетам А.Нуши для Восточного Алжира) до 20% (Сирия, Ирак) крестьянских доходов. Властям эйалета предписывалось внимательно и в первую очередь рассматривать жалобы крестьян. Почти все фирманы на имя местных властей, пишет Х.Иналджик, заканчивались такой сентенцией: «Если райя подадут вам жалобу на беев или других военных, или откупщиков, то вы обязаны заставить их прекратить несправедливые деяния; если вы не в состоянии пре-

сечь их злоупотреблений, то должны немедленно уведомить об этом Порту. Если вы и этого не сделаете, то будете сами наказаны» [93, с. 134].

Установление османской законности и порядка позволило на время оживить арабскую деревню. Повсеместно был приостановлен процесс деградации и обезлюдения земледельческих областей. Более того, в первые десятилетия османского господства наблюдалось возрождение деревенской жизни, рост сельскохозяйственного производства и увеличение численности сельского населения. В целом по империи оно увеличилось в XVI в., по оценкам О.Л.Баркана, на 40%. Появились новые деревни; старые стали более многолюдными. В санджаке Дамаск, например, количество деревень возросло с 844 в 1521 г. до 1129 в 1569 г., количество крестьянских дворов — с 38 672 до 57 897. В Верхней Месопотамии количество дворов увеличилось с 70 691 в 1528 г. до 107 601 в 1548 г., т.е. на 54% [61, с. 25]. Был введен ряд новых сельскохозяйственных культур, в том числе завезенных из Нового Света. Наибольшее значение имело распространение кукурузы, которая из Османской империи пришла в Западную Европу под названием «турецкое пшено». Из Египта и Йемена она попала в страны Восточной Африки. В Лейденском гербарии хранятся образцы кукурузы, собранные в долине Евфрата в 1574 г., откуда она, как полагают, попала в Индию [78, с. 75].

Оживление деревни способствовало подъему уровня жизни сельского населения. Он был невысок, но вполне соответствовал уровню притязаний. Главное же, он был выше, чем во многих соседних странах. В.И.Ламанский, внимательно изучавший документы эпохи, сравнивая положение славян в сопредельных странах, писал: «То же самое (полное право быть довольными. — Н.И.) надо сказать про славян турецких, которые крепостного права не знали и в XVI веке почти всегда, а в XVII веке очень часто жили лучше и свободнее славян венецианских в Далмации и особенно австрийских в Венгрии и Хорватии» [23, с. 12].

Слухи о вольной жизни под властью султана будили воображение крестьян и порождали у них фантастические легенды о существовании «царства блаженных людей». Эти слухи выходили далеко за пределы средиземноморских стран, проникали в Германию, Польшу и Московскую Русь. Среди русских людей издавна существовала тяга на юг, в далекие земли, куда не доходила

власть царя и бояр. С русской Волги и Дона их неудержимо тянуло в турецкие пределы: на Кубань и Синий Дунай, затем дальше «в Надолию... не то у Сирийское царство» [19, с. 165] — одним словом, как говорил В.А.Гордлевский, «на просторы страны полумесяца; там, казалось им, была та правда, за которую они шли на страдания, на смерть» [9, с. 147]. По смутным преданиям казачества, в Турции бывал Степан Разин (1630—1671), «мечтая устроить здесь свою вольную общину» [19, с. 151]. Среди яицких казаков, пишет В.А.Гордлевский, также жила «безудержная тоска по Божьему граду, лежащему где-то за „Стеклянным морем“, на реках Тигре и Евфрате» [9, с. 148]. Интересно отметить, что у казаков-староверов, в частности у некрасовцев, которые, по свидетельству В.Ф.Минорского, вплоть до начала XX в. пользовались Кормчей книгой 1550 г. [26, с. 60], воспоминания о «старом турчине» неизменно вызывали, по выражению В.Г.Короленко, «общее умиление». «Что это? — спрашивает писатель. — Просто воспоминание о „добром старом времени“ или, в самом деле, было у турчина нечто такое, за что можно простить все неустройство его государства?» [19, с. 161].

Миф о «крестьянской правде» сыграл роковую роль в истории арабских стран. Он не только проложил дорогу османскому оружию, но и поработил их в политическом и социокультурном отношениях. Под его флагом турки навязали арабам новую концепцию жизни и человека. Они ввели новые правовые и морально-этические нормы, новый стиль жизни и соответствующие ему поведенческие установки. Одним словом, миф о «крестьянской правде», удовлетворив непосредственные классовые инстинкты, дал ложное направление освободительной борьбе трудящихся, точнее, завел ее в тупик. Социально-теократический идеал Порты был обращен в прошлое и по самой своей природе был антигуманистичен. Как и утопия в целом, он противостоял миру Возрождения и Контрреформации. «Разница (между утопией и ренессансом. — Н.И.), — отмечал Л.М.Баткин, — особенно сказалась в неприменном духе регламентации, жесткости, несвободы, замкнутости, в механизме утопического мышления в отличие от ренессансного органицизма и в том, что утопия заботилась о счастливом государстве, а не о счастливом индивидуе» [5, с. 230].

Социальное равновесие в османском обществе достигалось за счет отказа от индивидуальных стремлений человека, его подчи-

ненности теократической идее всеобщего счастья. Османская утопия дала законченную идею общества, закрепив ее новой редакцией шариата. Она принципиально исключала «культуру сомнения», без которой невозможно представить Европу нового времени. В османском обществе царил крайний детерминизм. Печально знаменитый лозунг «Иджтихад капы капанды» («Двери иджтихада закрыты») отменял самую возможность свободного развития мысли. Он исключал индивидуальные усилия, любую личную инициативу, направленную на пересмотр социально-политических и религиозных основ общества.

Для Османской империи, как и для всякой теократии, была характерна крайняя функционализация человека. Выполняя заданную функцию, должностные лица Богохранимого государства больше всего боялись проявить свою индивидуальность. Под маской пресловутой «оттоманской невозмутимости» они тщательно скрывали подлинные симпатии и антипатии. Османские сановники никогда не имели личных взглядов или концепций. Политика в высоком смысле этого слова, государственные и социальные институты были полностью деперсонализированы и не подчинялись отдельной человеческой воле. Вместе с ригидностью системы и рядом других факторов это затрудняло действие «механизма саморазвития» и предопределяло исключительную устойчивость сложившихся отношений.

Самое главное, крестьяне сами оказались жертвой военно-бюрократической машины, созданной для их «благоденствия». В 80-е годы XVI в. на их плечи легла вся тяжесть структурного кризиса, охватившего османское общество на рубеже XVI—XVII вв. Почти повсеместно был осуществлен переход к системе ильтизама — частного откупа имперских имений. Под его покровом на общественных землях возникли крупные феодальные хозяйства (чифтлик) хищнического типа. Положение крестьян резко ухудшилось. Во многих районах военно-бюрократический гнет государства (налоги, поборы и вымогательства властей) стал дополняться феодально-ростовщической кабалой мультазимов. Крестьяне не только объективно, но и субъективно стали сознать себя угнетенным классом. Таким образом, на рубеже XVI—XVII вв. рухнул миф о крестьянской идиллии под харизматической властью дома Османов.

Смута, охватившая Богохранимое государство в конце XVI в., отражала растущее разочарование масс. Они были недовольны, но

не видели перед собой иной перспективы, кроме исчезающих миражей староосманской утопии. У них не было ни лозунгов, ни идеалов, которые могли бы служить адекватной заменой прежних османфильских иллюзий. Вследствие этого протест крестьянства нередко принимал форму романтического бандитизма одиночных народных мстителей. В лучшем случае он сливался с более широкими политическими движениями, выступавшими под флагом возрождения местных традиций. В целом это привело к беспрецедентному росту массовых насилий, разбоев и локальных восстаний, которые на рубеже XVI—XVII вв. охватили всю территорию Османской империи. По удачному выражению Фернана Броделя, они представляли собой «несовершенную революцию», которая ознаменовала собой конец героической эпохи великих завоеваний, не оставив от нее ничего, кроме смутных легенд и суровой реальности бесчеловечной османской теократии.

ХРОНОЛОГИЯ ОСМАНСКИХ ЗАВОЕВАНИЙ

1453 г.	— Взятие Константинополя турками
1463 г.	— Первые проявления осmano-мамлюкских разногласий
1468 г.	— Начало широкой осmano-мамлюкской конфронтации
1486 г.	— Появление османских гази в Северной Африке
1486—1491 гг.	— Первая осmano-мамлюкская война
1510 г., 30 августа	— Разгром испанцев на Джербе. Начало османского проникновения в Тунис
1512 г., август	— Атака братьями Барбаросса Беджайи. Начало анти-испанского восстания в Алжире
1516 г.	— Признание населением Джазиры (Северный Ирак) вассальной зависимости от Порты
1516—1517 гг.	— Вторая осmano-мамлюкская война
1516 г., 24 августа	— Разгром мамлюков на Дабикском поле (Мердж-Дабик). Оккупация Сирии
1516 г., 29 августа	— Принятие Селимом I титулов султана ислама и служителя обоих священных городов с прерогативами вселенского халифа
1517 г., 22 января	— Сражение при Риданийи. Оккупация Египта
1517 г., июль	— Признание Хиджазом вассальной зависимости от Порты. Переход Джидды под власть турок
1517 г., июль	— Признание Йеменом вассальной зависимости от Порты
1517 г.	— Признание Абдаллабами, Фунгами и другими государствами Восточного Судана вассальной зависимости от Порты
1517 г., 10 сентября	— Образование вассального мамлюкского государства в Египте
1518 г., 16 февраля	— Образование вассального мамлюкского государства в Сирии
1518 г.	— Признание Алжиром вассальной зависимости от Порты
1520 г., май	— Появление османских гази в Хадрамауте
1520 г.	— Признание османскими гази Триполитании вассальной зависимости от Порты
1521 г., февраль	— Официальное присоединение Сирии к Османской империи. Упразднение вассального государства

- 1522 г., октябрь — Официальное присоединение Египта к Османской империи. Упразднение вассального государства
- 1533 г. — Официальное присоединение Алжира к Османской империи
- 1534 г., 16 августа — Вступление Хайрадина Барбароссы в г. Тунис. Провозглашение османской власти в Тунисе
- 1534 г., 2 декабря — Вступление Сулеймана Великолепного в Багдад. Официальное присоединение Северного и Центрального Ирака к Османской империи
- 1535 г., 21 июля — Взятие г. Туниса Карлом V. Временное падение османской власти. Установление испанского протектората в Тунисе
- 1538 г., август — Признание Хадрамаутом вассальной зависимости от Порты
- 1538 г. — Признание правителями Басры и княжеств Персидского залива вассальной зависимости от Порты
- 1538 г., декабрь — Официальное присоединение Йемена к Османской империи. Упразднение вассального мамлюкского государства
- 1546 г., 15 декабря — Официальное присоединение Южного Ирака к Османской империи. Упразднение вассального бассорского государства
- около 1550 г. — Образование эялета эль-Хаса. Официальный переход Восточной Аравии под власть Порты
- 1550 г., 10 сентября — Взятие Махдии испанцами. Временное падение османской власти в Центральном и Южном Тунисе
- 1551 г., 14 августа — Взятие Триполи турками. Официальное присоединение Триполитании к Османской империи
- 1557 г. — Организация эялета Хабеш. Официальное присоединение Красноморского побережья и Северного Судана к Османской империи
- 1557 г., 27 декабря — Вступление Доргут Реиса в Кайруан. Восстановление османской власти в Центральном и Южном Тунисе
- 1570 г., 19 января — Вступление Ульдж Али в г. Тунис. Восстановление османской власти в Северном Тунисе
- 1573 г., 11 октября — Взятие г. Туниса доном Хуаном Австрийским
- 1574 г., 13 сентября — Взятие г. Туниса турками. Окончательный переход Туниса под власть Порты

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Адамов А.* Ирак Арабский. Бассорский вилайет в его прошлом и настоящем. СПб., 1912.
2. *Барз М.А., Черняк Е.Б.* Регион как категория внутренней типологии классово-антагонистических формаций. — Проблемы социально-экономических формаций (историко-типологические исследования). М., 1975.
3. *Бартницкий А., Мантель-Нечко И.* История Эфиопии. Пер. с польского. Предисл. и ред. Ю.М.Кобищанова и М.В.Райт. М., 1976.
4. *Бартольд В.В.* Халиф и султан. — Сочинения. Т. VI. М., 1966.
5. *Баткин Л.М.* Ренессанс и утопия. — Из истории культуры Средних веков и Возрождения. М., 1976.
6. *Биргауз Е.А.* Национально-этническая проблема Судана. (1956–1968). М., 1975.
7. *Будрин Е.А.* Антитринитарии шестнадцатого века. Вып. 1. Михаил Сервет и его время. Казань, 1878.
8. *Гибб Х.А.Р.* Арабская литература. Классический период. Пер. П.А.Грязневича. М., 1960.
9. *Гордлевский В.А.* Силуэты Турции. — Избранные сочинения. Т. III. М., 1962.
10. *Громогласов И.* Русский раскол и вселенское православие. — Богословский вестник. 1898, апрель.
11. *Грохова В.* Место Византии в типологии европейского феодализма. — Византийский временник. Т. 40. М., 1979.
12. *Егоров Д.Н.* Идея «турецкой реформации» в XVI в. — Русская мысль. 1907, № 7, отд. II.
13. *Еремеев Д.Е.* Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1971.
14. *Жюльен Ш.-А.* История Северной Африки. Тунис, Алжир, Марокко от арабского завоевания до 1830 года. Пер. с франц. А.Е.Аничковой. Ред. и предисл. Н.А.Иванова. М., 1961.
15. *Иванов Н.А.* Свободные и податные племена Северной Африки в XIV в. — Арабские страны. История. М., 1963.
16. *Иванов Н.А.* О типологических особенностях арабо-османского феодализма. — Народы Азии и Африки. 1978, № 3.
17. *Иванов Н.А.* О некоторых социально-экономических аспектах традиционного ислама (на примере арабо-османского общества). — Ислам в странах Ближнего и Среднего Востока. Сб. статей. М., 1982.

18. *Коробейников Трифон*. Путешествие в Иерусалим, Египет и к Синайской горе в 1583 г. СПб., 1803.
19. *Короленко В.Г.* Над лиманом (Из записной книжки путешественника). «Некрасовский корень». — Русское богатство. 1897, № 11.
20. *Котлов Л.Н.* Йеменская Арабская Республика (справочник). М., 1971.
21. *Крымский А.* История Турции и ее литературы. От расцвета до начала упадка. М., 1910.
22. *Крымский А.* О «туркофильстве» Европы и Московской Руси XVI в. — Прил. к кн.: История Турции и ее литературы. М., 1910.
23. *Ламанский В.И.* Могущество турок-османов в Европе (1396—1739). Речь, читанная на годовичном акте С.-Петербургского университета. СПб., 1880.
24. *Лукницкий К.Н.* Абиссиния с древнейших времен до эпохи империализма. — Абиссиния (Эфиопия). Сборник статей. Ред. Д.А.Ольдерогге. М.—Л., 1936.
25. *Мец Адам*. Мусульманский Ренессанс. Пер. с нем. Д.Е.Бертельса. М., 1966.
26. *Минорский В.Ф.* У русских подданных султана. — Этнографическое обозрение. 1902, № 2.
27. *Наушкин В.В.* Национальный фронт в борьбе за независимость Южного Йемена и национальную демократию (1963—1969). М., 1980.
28. *Новичев А.Д.* История Турции. Эпоха феодализма (XI—XVIII века). Л., 1963.
29. *Нофаль И.Г.* Курс мусульманского права. О собственности. СПб., 1886.
30. *Пересветов И.С.* Сочинения. Текст подготовил А.А.Зимин. М.—Л., 1956.
31. *Пигулевская Н.В., Якубовский А.Ю., Петрушевский И.П.* и др. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958.
32. *Прошин Н.И.* Триполитания под властью испанцев и Мальтийского ордена (1510—1551). — Актуальные проблемы стран Арабского Востока и Северной Африки. М., 1977.
33. *Райт М.В.* (при участии А.Бартницкого, И.Мантель-Нечко). Эфиопия. — История национально-освободительной борьбы народов Африки в Новое время. М., 1976.
34. *Свентоховский А.* История утопии. М., 1910.
35. *Сервантес Сааведра Мигель де*. Собрание сочинений в пяти томах. М., 1961.
- 35а. *Смирнов В.Д.* Кучибей Гемюрджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции. СПб., 1873.
36. *Смирнов С.Р.* История Судана (1821—1956). М., 1968.
37. *Спасский А.А.* Сиро-халдейские несториане и присоединение их к православной церкви. — Богословский вестник. 1898, № 5.
38. *Тверитинова А.С.* Аграрный строй Османской империи в XV—XVII вв. Документы и материалы. М., 1963.
- 38а. *Тверитинова А.С.* Второй трактат Кочибей. — Ученые записки Института востоковедения. Т. VI. М.—Л., 1953.
39. *Успенский Порфирий*. Восток христианский. Абиссиния. Киев, 1886.
40. *Чиколони Л.С.* Социально-политические идеи итальянского утописта XVII века Лодовико Цукколо. Киев, 1973.

41. *Чиколини Л.С.* Идеи общности имущества и социального равенства в Италии XVI — начала XVII в. Автореф. дис. на соискание уч. ст. д.и.н. Киев, 1977.
42. *Чихачев П.А.* Испания. Алжир. Тунис. М., 1975.
43. *Шмидт А.Э.* Абд аль-Ваххаб аш-Ша'раний и его Книга рассыпанных жемчужин. СПб., 1914.
44. *Абд аль-Ваххаб Хасан Хусни.* Хуласа тарих Тунис. Тунис, 1373 г.х.
45. *Абу Рас аль-Джарби Мухаммад.* Мунис аль-ахабба фи ахбар Джарба. Тунис, 1960.
46. *аль-Аззави Аббас.* Тарих аль-Ирак бейн аль-ихтиласейн. Муджаллад IV. Аль-ахд аль-усмани аль-авваль. Багдад, 1949.
47. *Бавазир Саид Авад.* Сихафат мин ат-тарих аль-хадрами. Каир, 1378 г.х. (1959).
48. *аль-Батрик Абд аль-Хамид.* Мин тарих аль-Йаман аль-хадис. 1517—1840. Каир, 1969.
49. *аль-Джабарти Абд ар-Рахман.* Аджайб аль-асар фи-т-тараджим ва ль-ахбар. Т. 1. Каир, 1879.
50. *Ибн Абу Дийаф Ахмед.* Иттихаф ахль аз-заман би-ахбар мулук Тунис ва ахд аль-аман. Т. 1. Тунис, 1963.
51. *Ибн Ййас Мухаммад ибн Ахмед.* Бадаи аз-зухур фи вакаи ад-духур. Т. 4—5. Каир, 1960—1961.
52. *аль-Хусри Сати.* Аль-билад аль-арабийя ва-д-даула аль-усманийя. Бейрут, 1960.
53. *аш Шатири Мухаммад бин Ахмед бин Омар.* Арвад ат-тарих аль-хадрами. Ч. II. Мукалла, 1972.
54. *Abdesselem Ahmed.* Les historiens tunisiens des XVIIe, XVIIIe et XIXe siècles. Essai d'histoire culturelle. P., 1973.
55. *Abdul-Wahab Hasan Husni.* Coup d'œil général sur les apports ethniques étrangers en Tunisie. — Recueil d'études sur les moriscos andalous en Tunisie. Préparé par Miguel de Epalza et Ramon Petit. Madrid—Tunis, 1973.
56. *Adams William Y.* Nubia. Corridor to Africa. L., 1977.
57. *L'Africain Jean-Léon.* Description de l'Afrique. Т. I—II. P., 1956.
58. *Arkell A.J.* A History of the Sudan. From the Earliest Times to 1821. L., 1961.
59. *Bachrouch Taoufik.* Formation sociale barbaresque et pouvoir à Tunis au XVIIe siècle. Tunis, 1977.
60. *Barkan Omer Lutfi.* XV ve XVI ıncı asırlarda Osmanlı imparator-lugunda zirai ekonominin hukukı ve malı esasları. Cilt 1. Kanunlar. Istanbul, 1945.
61. *Barkan Omer Lutfi.* Essai sur les données statistiques des registres de recensement dans l'Empire Ottoman aux XVe et XVIe siècles. — Journal of the Economic and Social History of the Orient. Leiden, 1957, vol. 1, p. 1.
62. *Benachenhou A.* Hassan ben Mohamed El Ouazzane, dit «Jean l'Africain». L'Algérie en 1515. Alger, 1969.
63. *Bono Salvatore.* Documents italiens sur la reconquête musulmane de Tunis. 1574. — Actes du Premier Congrès d'Histoire et de la Civilisation du Maghreb. Т. 2. Tunis, 1979.

64. *Bouali Mahmoud*. La sédition permanente en Tunisie. T. 1. Dès origines à 1735. Tunis, 1972.
65. *Brahimi Denise*. Quelques jugements sur les maures andalous dans les régences turques au XVIIIe siècle. — Recueil d'études sur les moriscos andalous en Tunisie.
66. *Braudel Fernand*. La Méditerranée et le monde méditerranéen au temps de Philippe II. P., 1949.
67. *Brunschwig Robert*. La Berbérie orientale sous les Hafsides dès origines à la fin du XVe siècle. T. I—II. P., 1947.
68. *Bujra Abdalla S.* The Politics of Stratification. A Study of Political Change in a South Arabian Town. Ox., 1971.
69. *Cantimir Demetrius*. Histoire de l'empire ottoman où se voyent les causes de son aggrandissement et de sa décadence. Traduite en Français par M. de Jonquières. T. I—III. P., 1743.
70. *Cardaillac Louis*. Le Turc, suprême espoir des morisques. — Actes du Premier Congrès d'Histoire et de la Civilisation du Maghreb. T. 2. Tunis, 1979.
71. *Cherif Mohamed Hedi*. Témoignage du «mufti» Qasim Azzum sur les rapports entre Turcs et autochtones dans la Tunisie de la fin du XVIe siècle. — Les Cahiers de Tunisie. Tunis, 1972, N° 77—78.
72. *Danvers Frederick Charles*. The Portuguese in India. Being a History of the Rise and Decline of their Eastern Empire. Vol. 1. N. Y., 1966.
73. *Digeon M.* Nouveaux contes turcs et arabes. T. 1—2. P., 1781.
74. *Djait Hicham, Dachraoui Farhat, Talbi Mohamed, Douib Abdelmajid, Mrabet Mhamed Ali*. Histoire de la Tunisie. Le Moyen Age. Tunis, [6. r.].
75. *Esin Emel*. Quelques manuscrits illustrés turcs des XVIe et XVIIe siècles concernant la Tunisie. — Actes du Premier Congrès d'Histoire et de la Civilisation du Maghreb. T. 2. Tunis, 1979.
76. *Gaid Mouloud*. L'Algérie sous les Turcs. Alger, 1974.
77. *Gibb Hamilton A.R.* Studies on the Civilisation of Islam. Boston, 1962.
78. *Glick Thomas F.* Comment on Paper by Watson at the Thirty-third Annual Meeting of the Economic History Association. — The Journal of Economic History. 1974, N° 1.
79. *Grammont H.-D. de*. Histoire d'Alger sous la domination turque (1515—1830). P., 1887.
80. *Grunebaum-Ballin P.* Joseph Naci. Duc de Naxos. P., 1968.
81. *Guiga Tahar*. Dorgouth Raïs. Le Magnifique Seigneur de la mer. Tunis, 1974.
82. *Hammer Joseph de*. Histoire de l'Empire Ottoman. Depuis son origine jusqu'à nos jours. T. IV—VI. P., 1836.
83. *Hanotaux G.* Histoire de la Nation égyptienne. T. 4. L'Egypte arabe. De la conquête arabe à la conquête ottomane (par Gaston Wiet). P., 1931.
84. *Hess Andrew C.* The Moriscos. An Ottoman Fifth Column in Sixteenth-Century Spain. — The American Historical Review. Vol. LXXIV. 1968, N° 1.
85. *Hess Andrew C.* The Forgotten Frontier. A History of the Sixteenth-Century Ibero-African Frontier. Chicago, 1978.
86. Histoire d'Aroudj et de Khaïr-ed-Din, fondateurs de la Régence d'Alger. Chronique arabe du XVIe siècle. T. I—II. P., 1837.

87. *La historia dell'impresa di Tripoli di Barbaria fatta per ordine del sereniss, re catolico.* Venetia, 1566.
88. *A History of the Ottoman Empire to 1730.* Ed. by M. A. Cook. Chapters from *The Cambridge History of Islam and The New Cambridge Modern History* by V. J. Parry, H. Inalcik, A. H. Kurat and J. S. Bromley. Cambridge, 1976.
89. *Holt P.M.* *A Modern History of the Sudan. From the Funj Sultanate to the Present Day.* L., 1961.
90. *Holt P.M.* *Egypt and the Fertile Crescent. 1516–1922. A Political History.* N. Y., 1966.
91. *Huart Cl.* Un document turc sur l'expédition de Djerba en 1516. — *Journal Asiatique.* 11e série. T. IX. 1917, janvier—février.
92. *Inalcik Halil.* *The Ottoman Empire. The Classical Age 1300–1600.* L., 1973.
93. *Inalcik Halil.* *The Ottoman Empire: Conquest, Organization and Economy. Collected Studies.* L., 1978.
94. *Işıkbal T.* Habesh. — *The Encyclopaedia of Islam. New Edition.* Vol. III.
95. *Kortepeter C.M.* *Ottoman Imperialism During the Reformation: Europe and the Caucasus.* N. Y., 1972.
96. *La Gravière Jurien de.* *Les corsaires barbaresques et la marine de Soliman le Grand.* P., 1887.
97. *Lamansky Vladimir.* *Secrets d'état de Venise. Documents, extraits, notices et études.* SPb., 1884.
98. *La Veronne Chantal de.* Source de l'histoire de la Tunisie dans les archives espagnoles. L'expédition de Mulay Hassen à Kairouan en 1536. — *Actes du Premier Congrès d'Histoire et de la Civilisation du Maghreb.* T. 2. Tunis, 1979.
99. *Lewis Bernard.* *The Ottoman Archives as a Source for the History of the Arab Lands.* — *Journal of the Royal Asiatic Society.* 1951, October.
100. *Lewis Bernard.* Khādīm al-Haramayn. — *The Encyclopaedia of Islam. New Edition.* Vol. IV.
101. *Longrigg Stephen H.* *Four Centuries of Modern Iraq.* Ox., 1925.
102. *Longrigg Stephen H.* *A Short History of Eritrea.* Ox., 1945.
103. *Lopes David.* *Extractos da Historia da conquista do Yaman pelos Othomanos.* Lisboa, 1892.
104. *Lybyer A.H.* *The Government of the Ottoman Empire in the Time of Suleiman the Magnificent.* Cambridge, 1913.
105. *Macro Eric.* *Yemen and the Western World.* L., 1968.
106. *Mercier Ernest.* *Histoire de l'Afrique septentrionale (Berbérie).* T. III. P., 1891.
107. *Miles S. B.* *The Countries and Tribes of the Persian Gulf.* L., 1966.
108. *Monlaü Jean.* *Les Etats barbaresques.* P., 1973.
109. *Muir William.* *The Mameluke or Slave Dynasty of Egypt. 1260–1517 A.D.* L., 1896.
110. *O'Fahey R.S. and Spaulding J.L.* *Kingdoms of the Sudan.* L., 1974.
111. *Ohsson Mouradgea d'.* *Tableau général de l'Empire Ottoman.* T. I–III. P., 1788–1790.
112. *Paul A.* *A History of the Beja Tribes of the Sudan.* Cambridge, 1954.

113. *Penella Juan*. Littérature morisque en espagnol à Tunis. — Recueil d'études sur les moriscos andalous en Tunisie. Madrid—Tunis, 1973.
114. *Pignon J*. La Tunisie turque et husseinite. — Initiation à la Tunisie. P., 1950.
115. *Planhol Xavier de*. Les fondements géographiques de l'histoire de l'islam. P., 1968.
116. *Reznik J*. Le duc Joseph de Naxos. Contribution à l'histoire juive du XVIe siècle. P., 1936.
117. *Rossi Ettore*. Storia di Tripoli e della Tripolitania. Roma, 1968.
118. *Schwoebel Robert*. The Shadow of the Crescent: the Renaissance Image of the Turk (1453—1517). Nieuwkoop, 1967.
119. *Sebag Paul*. Une relation inédite sur la prise de Tunis par les turcs en 1574: Sopra la desolazione della Goletta e forte di Tunisi de Bartholomeo Riffino. Introduction, texte et traduction annotée. Tunis, 1971.
120. *Shaw Stanford*. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Vol. I. Empire of the Gazis: The Rise and Decline of the Ottoman Empire, 1280—1808. Cambridge, 1977.
121. *Stripling George W.F.* The Ottoman Turks and the Arabs, 1511—1574. Urbana—Illinois, 1942.
122. *Toynbee Arnold J*. A Study of History. Vol. IV. L., 1939.
123. *Toynbee Arnold J*. The Ottoman Empire's Place in World History. — The Ottoman State and Its Place in World History. Ed. by Kemal H. Karpat. Leiden, 1974.
124. *Trimingham John Spencer*. Islam in the Sudan. N. Y., 1965.
125. *Tyan Emile*. Institutions du droit musulman. T. II. Sultanat et Califat. P., 1956.
126. *Whiteway R.S.* The Rise of Portuguese Power in India, 1497—1550. N. Y., 1969.
127. *Wilson Arnold T*. The Persian Gulf. An Historical Sketch. Ox., 1928.
128. *Zeine Zeine N*. The Emergence of Arab Nationalism. With a Background Study of Arab-Turkish Relations in the Near East. Beirut, 1966.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- аль-Аббас, тунисский каид 180
Абдаллах (инфант Эрнандо), хафсидский эмир 164
Абдаллах III, касиридский султан 124
Абдаллах IV, яманидский султан 103
Абдаллах Джамма, правитель в Судане 132–137, 151
Абд аль-Ваххаб Хасан Хусни, современный тунисский историк 91, 166
Абд аль-Кадер I, фунгский султан 151
Абд аль-Кадер аль-Гайлани см. аль-Гайлани
Абд аль-Кадер Шихаб ад-Дин, средневековый историк 144
Абд аль-Малик, саадийский эмир 231
Абд аль-Малик, тахиридский военачальник 99, 100
Абд аль-Мумин, хафсидский султан 158
Абд ас-Самед, тунисский марабут 221
Абдул Хамид II, османский султан 245
Абу Абдаллах Мухаммед, абдальвадидский султан 74, 80
Абу Абдаллах Мухаммед V, хафсидский султан 158, 159, 164, 165, 177, 194
Абу Бекр, султан Адала 140, 141
Абу Бекр, халиф 116
Абу Бекр ибн Макбуль, правитель в Йемене 98, 99
Абу Зайян, абдальвадидский принц 80
Абу Закария Яхья III, хафсидский султан 158
Абу-ль-Аббас II Ахмед см. Мулай Хамида
Абу-ль-Баракат Мухаммед, хашимитский шериф Мекки 50, 51
Абу Нумейя Мухаммед, мекканский посол, сын Абу-ль-Бараката 50
Абу-с-Сууд эфенди (шейх уль-ислам) 243
Абу Хамму III, абдальвадидский султан 80–84
Абу Ханифа, суннитский имам 59, 65
Абу Яхья Закария II, хафсидский султан 158
Агостини Лодовико, итальянский утопист XVI в. 251
Адамс У., современный английский историк 131, 133, 134, 136, 139, 142, 153
Аджиб Великий (аль-Аджиб Абдаллах), абдаллабский эмир 151, 152
Аджибаль-Кафути, суданский шейх 135
Аиша, жена пророка Мухаммеда 10
Айаз Малик, правитель Диу 9
Айас-паша, османский полководец, бейлербей 57, 67, 68
Ала ад-Дауле, правитель Альбистана 32, 36
Алvaro, дон, португальский мореплаватель 118, 119
Али, халиф 10
Али бен Омар, касиридский эмир 104, 116, 117, 119

- Али бен Сулейман ат-Таулаки см. ат-Таулаки
- Али бен Тахир, зейдитский военачальник 126
- Али бен Шовея, зейдитский полководец 123
- Альба, герцог, испанский полководец 92, 94, 174, 175
- Альба, герцог (дон Гарсия де Толедо), испанский рыцарь 161
- Альбаки, руководитель восстания морисков 220
- Альбергати Фабио, итальянский утопист XVI в. 24, 251
- д'Альбукерке, португальский адмирал 9, 63, 105
- д'Алькодет, граф, генерал-капитан Орана 95
- д'Альмейда Лоренсо, португальский адмирал 9
- Амир II ибн Абд аль-Ваххаб, тахиридский султан 98—101
- Амир ибн Дауд, тахиридский эмир Адена 99—101, 107, 108, 110
- Амир Мухаммед, везир Басры 67
- Амр ибн аль-Аса, арабский полководец 108
- Араб Ахмед-паша, халифа бейлербея Алжира 230
- д'Арамон, французский посол 204
- Арнольд Т., историк 15
- Ариосто, итальянский поэт 102
- Аркелл А., современный английский историк 133, 136, 138
- Ататюрк Мустафа Кемаль 245
- Аффонсу V Африканский, португальский король 6
- Ахмед аль-Ашфи, тунисский каид 180
- Ахмед Грань см. Грань
- Ахмед ибн Бакр, бедуинский эмир 56
- Ахмед ибн аль-Кади, султан Куко (Большая Кабилия) 84, 164
- Ахмед-паша «Хаин», бейлербей Египта 56, 57
- Ахмед Султан см. Мулай Хамида
- Бавазир Саид Авад, хадрамаутский историк 103, 115, 117
- Бадр III Бу Тувейрик, касиридский султан 103, 104, 107, 112—119, 124
- Балдийаф, бедуинский эмир 185
- Бану Ганийя, представитель династии Альморавидов 183
- Барбариго А., венецианский посол 253
- Барбаросса, братья 22, 77, 78, 161, 196
- Барбаросса Ильяс, османский газн 73, 77, 81
- Барбаросса Орудж, османский газн 73, 74, 77—81, 84, 164
- Барбаросса Хайраддин (Хызыр), османский газн, бейлербей Алжира, капудан-паша 70, 73, 74, 77—79, 81—88, 90—92, 95, 108, 161—177, 179—181, 183, 189—191, 197, 199—203, 210, 212, 217, 223
- Баркан Омер Лютфи, современный турецкий историк 55, 250, 255
- Барсбай, мамлюкский эмир в Йемене 100
- Бартницкий А., современный польский историк 142, 144, 150
- Бартольд В.В., русский историк 13—15, 17, 40, 41, 52
- Баткин Л. М., отечественный историк 256
- аль-Батрик, османский историк 120
- Бахадур-шах, правитель Гуджарата 109
- Бахрама, везир Хадрамаута 124
- Бахрам-паша, бейлербей Йемена 128
- Башруш Тауфик, современный тунисский историк 26, 27, 162, 208, 236, 238
- Баязид II, османский султан 16, 32, 33, 72, 73, 243
- Берг Ван ден, (?)... историк 15
- Бернардо Л., венецианский посол 253
- Биргауз Е.А., историк, исследователь Судана 133

- Боттиджелла Аурелио, мальтийский губернатор Триполи 200, 201
- Брахими Дениз, современный алжирский историк 91
- Бродель Фернан, современный французский историк 153, 154, 209, 218–220, 222–224, 226, 227, 235, 239, 251, 252, 258
- Брюс Джеймс, английский исследователь Судана 133
- Буали Махмуд, современный тунисский историк 160, 182, 236, 242
- Будрин Е.А., русский историк 251
- Буркхардт И., европейский путешественник XVIII в. 152
- Ваз де Сампайо Лопе, португальский адмирал 106
- аль-Вазир ас-Саррадж, тунисский историк XVII в. 236
- де Валье Гаспар, мальтийский губернатор Триполи 204
- де Васконселуш Энрике, португальский адмирал 147
- де Вега, дон Хуан, вице-король Сицилии 192, 203
- де Вера Диего, вице-король Сицилии 80
- Вильгельм Оранский, политический деятель Нидерландов XVI в. 219
- Габсбурги, правящая династия европ. гос-в в XV–XIX вв. 64, 90, 109, 156
- аль-Газали Абу Хамид, мусульманский средневековый ученый-богослов 13
- аль-Газали Джанберди, мамлюкский военачальник, король Сирии 44, 45, 52–54, 102
- аль-Гайлани Абд аль-Кадер, средневековый иракский суфий, «святой» 59, 65
- да Гама Васко, португальский адмирал 8, 9, 106, 107, 129, 154
- да Гама Криштован, португальский военачальник 146, 147
- да Гама Мануэл, португальский военачальник 145
- да Гама Эштеван, португальский губернатор Индии 145–147
- Гарсия де Толедо, испанский адмирал 161, 216
- де Гваст, маркиз, испанский военачальник 174
- Георгиевич Бартоломео, австрийский посол 26
- Гесс Э., современный американский историк 73, 89, 90, 236
- Гибб Х.А.Р., современный английский историк 13, 247
- Гига Тахар, современный тунисский историк 76, 78, 161, 162, 166, 181, 184, 192, 193, 197, 200, 211, 216
- аль-Гляя, правитель в Тунисе 187
- Годфруа-Демомбин М., историк 15
- де Гонзаг Фернандо, вице-король Сицилии 186, 187
- Горацио Нукула, итальянский писатель XVI в. 181
- Гордлевский В.А., русский историк 181, 244, 246, 256
- де Граммон А.-Д., французский историк XIX в. 81, 84, 86, 92, 94, 96
- Грань Ахмед ибн Ибрахим аль-Гази, адалский полководец 140, 143–147, 150
- Григорий XIII, папа римский 225
- Давид III (Либнэ-Дынгыль), эфиопский негус 140, 142–145
- Данте Алигьери, итальянский поэт 102
- Декин, фунгский султан 151, 152, 154
- аль-Джабартти, Абд ар-Рахман, египетский историк XIX в. 22
- Джабир, пропагандист ислама в Судане 143
- Джазия, бедуинская княжна, мать Мулай Хасана 165

- Джалаль ад-Дин Даввани, средневековый ученый 13
- Джалаль ад-Дин ар-Руми, средневековый поэт и суфий 243, 244
- Джаним ас-Сайфи, мамлюкский князь 55
- Джафар, касиридский эмир 124
- Джафар-ага, руководитель восстания христиан в Тунисе 176
- Джафар-паша, бейлербей Триполи 207
- Джовио Паоло, итальянский автор XVI в. 36, 245
- Доргут Реис, османский гази, бейлербей Триполи 180—182, 185, 186, 189—193, 200, 203—205, 207, 210—216
- Дориа Андреа, итальянский адмирал 92, 174, 186, 192, 204
- Дэнверс Ф., современный историк 148
- Егоров Д.Н., русский историк 24
- Екатерина, мать братьев Барбаросса 73
- Елена (Блени), правительница Эфиопии 129
- Еремеев Д.Е., отечественный историк 245, 252
- Жижка Ян, чешский полководец 36
- де Жонкьер М., французский автор XVIII в. 240
- Жуан II, португальский король 7
- Жюльен Шарль-Андре, современный французский историк 75, 181, 235
- аз-Захири, средневековый египетский историк 16
- Зейн Н. Зейн, современный сирийский историк 244, 247
- Зульфикар-бек, лурский князь 63, 64
- Ибн Абу Дийаф Ахмед, тунисский историк XIX в. 166
- Ибн Абу Динар (Абу-ль-Мухаммед ибн Абу аль-Касем аль-Кайравани), тунисский историк XVII в. 22, 162, 178, 191, 208, 236
- Ибн аль-Араби Мухи ад-Дин, андалусский теософ 31, 42, 242—244
- Ибн Гальбун, триполитанский историк XVIII в. 196, 201
- Ибн аль-Ханаш, бедунинский шейх 52
- Ибн Ийас Мухаммед, египетский историк XVI в. 7, 18, 23, 24, 27, 30, 33, 35, 37, 39, 47—49, 52, 159
- Ибн Омар, бедунинский эмир 56
- Ибн Тагрибирди Абу-ль-Махаин, средневековый египетский историк 18
- Ибн Халдун, средневековый тунисский историк 13, 49
- Ибрахим аль-Булад, пропагандист ислама в Судане 151
- Ибрахим-паша, великий везир 56—58, 64, 88
- Ибрахим аль-Халеби, османский богослов XVI в. 243
- Изабелла, королева Испании 7
- Изз ад-Дин ибн Ахмед, шериф Джизана 99, 100
- Инал, мамлюкский князь 55
- Иналджик Халил, современный турецкий историк 30, 235, 243, 248, 254
- Искандер, мамлюкский эмир, руководитель восстания в Йемене 100, 102
- Искандер Муз, мамлюкский эмир в Йемене 102
- Исмаил-шах, сефевидский правитель Ирана 10—12, 33, 35, 57, 59, 66, 101
- Йисхак, эфиопский рас 154
- Йорга Николае, румынский историк 245
- Кабрал, португальский адмирал 8
- Каитбай, мамлюкский султан 11, 41, 55
- Кампанелла Томмазо, итальянский мыслитель-утопист 23, 173
- Кансух аль-Гури, мамлюкский султан 9, 11, 18, 33, 37—39, 43, 74, 99

- Кантемир Дм., историк XVIII в. 23, 32, 46, 51, 53, 60, 115, 219, 240
- Караман Хайрадин, османский гази 197, 199—201
- Кара Муса, янычарский командир в Египте 56
- Кара-хан, сефевидский наместник Амида 60, 61
- Кара Хусейн, османский гази, выступивший против Х.Барбароссы 84
- Кара Хусейн, итальянский ренегат в Йемене 102
- Кара Шахин Мустафа-паша, бейлербей Йемена 120, 121
- Карим ад-Дин аль-Барамунни, триполитанский историк 201
- Карл Австрийский (Хамида), сын хафсидского султана 237
- Карл V, император Священной Римской империи, король Испании 7, 79, 81, 82, 84, 91—95, 173—176, 178—181, 184, 186, 188, 189, 191, 192, 198, 202, 206, 224
- Касим-паша, бейлербей Египта 56
- Катран «аль-Маджнун», зейдитский военачальник 126
- Кемаль Реис (Кемаль Али-паша), османский адмирал 33, 72, 77
- Клавдий (Гэлаудеос), эфиопский негус 144—148, 150
- де Комарес, маркиз, генерал-капитан Орана 80—82
- Копыстенский Захарий, украинский писатель 25
- Коркуд, османский принц 73, 74
- Короленко В.Г., русский писатель 256
- Кортес Эрнандо, завоеватель Мексики 93, 241
- Кочубей Гёмюрджинский, османский писатель XVII в. 254
- Кроуфут, английский исследователь 133
- Крымский А.Е., украинский историк 22, 24, 25, 246
- Кутб ад-Дин аль-Макки, средневековый историк 19, 121
- Кылыч Али см. Ульдж Али
- Кятыби Руми см. Сиди Али
- Ла Валетт Жан Паризо де, великий магистр Мальтийского ордена 216
- Ламанский В.И., русский историк 209, 255
- Лев Африканский см. Хасан аль-Ваззан аз-Зайяти
- Лонгригг Ст., современный английский историк 60
- Лукницкий К.Н., отечественный историк 130, 144
- Людовик Святой, французский король 174
- Лютер Мартин, деятель Реформации в Германии 24
- аль-Маверди, средневековый ученый 13
- Макиавелли Никколо, итальянский писатель XVI в. 165
- Максим Грек, русский публицист XVI в. 25
- Мания ибн Рашид, сын правителя Басры 67
- аль-Мансур, аббасидский халиф 108
- Мантель-Нечко И., современный польский историк 142, 144, 150
- Мануэл, португальский король 7
- Мария, донна, дочь хафсидского султана 237
- Мармоль-Карвахаль, испанский историк XVI в. 185
- Марсэ Жорж, французский историк 15
- Матвей (Матеос), армянский путешественник, посол Эфиопии 129
- Махди альмохадский 5
- Махмуд аль-Араки, проповедник ислама в Судане XVI в. 143
- Махмуд-паша, бейлербей Йемена 120, 121
- Махфуз (Маффуди), эмир Адала 140, 142
- Медина-Сели см. Хуан де ла Серда, дон, герцог Медина-Сели, вице-король Сицилии

- Медичи, герцоги, правители Флоренции 165
- Медичи Джан Джакомо 227
- Менас, эфиопский негус 154
- де Мендоса, дон Бернардино, маркиз де Мондехар, граф де Тендилья, генерал-капитан Ла-Гулетты 174, 179, 180, 182—185, 187
- Мерван, омейядский халиф 141
- Мерсье Э., французский историк 181, 183, 186, 187, 189, 224
- Мехмед-бек Быйыклу, курдский князь 61
- Мехмед II, османский султан 6, 24, 30, 243, 244, 248, 252
- Мехмед ибн Фира-мурза (Мулла Хюсрев), османский богослов XV в. 243
- Мехмед-паша Соколу (Соколович), великий везир 27, 108, 215, 217—220, 222, 224, 234
- Микас (Июсиф Наси), шеф османской разведки 218, 220, 223
- Мимай-бей, османский военачальник 125, 126
- Минорский В.Ф., русский историк 256
- де Миранда Антонио, португальский адмирал 105
- аль-Мокни, тунисский нотабль 187, 211
- де Монкада Уго, вице-король Сицилии 82, 83
- Монлау Ж., современный французский историк 190, 216
- Моншикур Ш., современный французский историк 182, 238
- Мулай Абд аль-Малек, хафсидский султан 188
- Мулай Абу Абдаллах, властитель Тенеса 74, 80
- Мулай Ахмед, хафсидский эмир 238
- Мулай Мухаммед, саадийский султан 231
- Мулай Мухаммед, хафсидский лагулеттский султан 188—190, 208, 210, 213, 228, 229, 237
- Мулай Рашид, хафсидский эмир 165, 167—169
- Мулай Хамида (Абу-ль-Аббас II Ахмед; Ахмед Султан), хафсидский султан 187—191, 193, 210, 215, 217, 221, 222, 227, 228, 237
- Мулай Хасан, хафсидский султан 165—173, 175, 178—180, 183—189, 196, 199
- Мурад Ага, османский гази, бейлербей Западного Триполи 200—205
- Мурад-паша, бейлербей Йемена в 1565—1567 гг. 66, 122
- Мурад-паша, хейдитский имам в 1577—80 гг. 128
- Мурад-паша, османский адмирал, бейлербей аль-Хасы 148
- Мурад I, правитель раннеосманского государства 14
- Муса аль-Казым, шиитский имам 59, 66
- Мустафа ибн Байрам, вассальный правитель Йемена 102
- Мустафа-бей Быйыклу-оглу, османский военачальник 111, 112
- Мустафа-паша, великий везир, бейлербей Египта 55, 56
- Мустафа-паша, бейлербей Западного Триполи 230, 233
- Мустафа-паша, османский полководец, сераскир 216, 218
- Мустафа-паша Кара Шахин см. Кара Шахин Мустафа
- Мустафа-паша ан-Надджар, бейлербей Йемена 112, 120, 121
- аль-Мутаххар, зейдитский имам 101, 116, 117, 119, 120, 122, 123, 125—128
- Мутеваккиль, аббасидский халиф 39, 40, 56
- Мухаммед, пророк 4, 5, 13, 20, 29, 126, 243
- Мухаммед, султан Адала 140
- Мухаммед аль-Гариани, тунисский марабут 211

- Мухаммед аш-Шабби, тунисский марабут 182
- Мухаммед бен Абу-т-Тайеб аш-Шабби, тунисский марабут 190, 192, 193, 210, 211, 213, 215, 221
- Мухаммед бен Исмаил, глава исмаилитов в Йемене 116
- Мухаммед бен Тиллис, владетель Туггурта 59
- Мухаммед бен Шамс ад-Дин, зейдитский военачальник 126, 127
- Мухаммед-хан, сефевидский наместник Ирака 64, 65
- Мушриф Хусейн, мамлюкский адмирал 9
- Навуходоносор, царь древней Вавилонии 49
- Найиль, фунгский султан 151
- Налдер, английский исследователь Судана 133
- ан-Насир, аббасидский халиф 15
- Наумкин В.В., современный отечественный историк-арабист 113
- ан-Нахуда Ахмед, мамлюкский эмир Йемена, наследник Искандера Муза 103, 111
- де Норонья Антонио, португальский адмирал 68, 71
- де Норонья Диего, португальский адмирал 69
- де Норонья Пайо, португальский мореплаватель 118
- Нур ад-Дин ибн Муджахид, адалский военачальник 150
- Нуши А., современный французский историк 254
- Овейс-паша, бейлербей Йемена 117
- Оздемир-паша, бейлербей Йемена, завоеватель Хабеша 118, 120, 124, 149—154
- Омар, халиф 40
- д'Омедес Хуан, великий магистр Мальтийского ордена 202
- Орудж Барбаросса см. Барбаросса Орудж
- Осман, халифский султан 23—25, 30, 37, 49, 156, 157, 159, 166
- Осман I, основатель османского государства 243
- Осман аль-Амуди, южноаравийский мансаб 104, 115—117, 119, 120, 123
- Осман-паша Оздемир-оглу, бейлербей Йемена 124, 125, 154
- д'Оссон Мураджа, историк XVIII в. 246
- Палеаццо Джакомо, итальянский инженер XVI в. 217, 234
- Педро де Наварро, дон, граф, испанский адмирал 7, 159, 160, 195
- Педру ди Ковильяу, португальский путешественник 129
- Пенелла Хуан, современный испанский историк 90
- Пересветов И.С., русский публицист XVI в. 24
- Петрарка Франческо, итальянский поэт 102
- Пехлеван Хасан, османский военачальник 117, 118
- Печев Ибрахим, османский историк 27, 176, 178
- Пий V, папа римский 223, 225
- Пиньон Ж., современный французский историк 190, 211, 215, 217
- Пири Рейс, османский адмирал, картограф 69, 77, 108, 118, 148
- Писарро, испанский конкистадор 241
- Пияле-паша, османский адмирал 210, 214, 216, 218, 223
- де Планоль Ксавье, современный французский историк 194
- Пол А., современный английский историк 152
- Прич Э., историк 15
- Прошин Н.И., отечественный историк 196, 197, 200
- Пуэрто Каррера Педро, испанский военачальник 227, 233

- Разин Степан, руководитель крестьянского восстания XVII в. 256
- Рамдан-бей, османский каид в Тунисе 222, 236
- Рашид ибн Мутамис, правитель Басры 67, 68, 70
- Реджеб ат-Турки, османский военачальник 103
- Родриго де Лима, глава португальского посольства 129, 130
- Розенплют Г., германский писатель XV в. 23
- Росси Этторе, современный итальянский историк 206, 207
- ар-Руми см. Джалаль ад-Дин ар-Руми
- Румузи, турецкий поэт XVI в. 231
- Рустем-паша, великий везир 192, 203
- Руффино Бартоломео, итальянский автор XVI в. 228—232, 234
- Рыдван-паша, бейлербей Йемена 121, 122
- Саид бен Аффар, вождь повстанцев Махры 117—119
- Салах ад-Дин, султан 5, 13, 15, 39
- Салах Реис, османский адмирал, санджак-бей Родоса, бейлербей Алжира 95, 203
- Салем ат-Туми, бедуинский правитель г. Алжира 75, 79
- Салерно, князь, испанский военачальник 174
- Сальман, османский адмирал 9
- ас-Самарканди, средневековый составитель генеалогий 141
- Сампьеро Корсо, руководитель восстания на Корсике 215, 218
- Сандоваль, испанский историк XVI в. 82, 168
- Сафар-хан, глава гуджаратского посольства 109
- Сафи ад-Дин, ардебильский шейх 10
- Себаг Поль, современный тунисский историк 227
- Сейид Насир, зейдитский шейх 127
- Селим I Явуз (Грозный), османский султан 26, 27, 34—53, 56, 59—61, 74, 77, 83, 97, 100, 109, 141, 196, 201, 241, 244
- Селим II, османский султан 23, 124, 218, 220, 222, 231, 232
- ас-Семумни Абу Закария Яхья, шейх Джербы 160
- ас-Семумни Масуд, шейх Джербы 212
- Сербеллони Габрио, граф, испанский военачальник 227—231
- де Сервантес Сааведра Мигель, испанский писатель XVI в. 187, 212, 223, 225, 233, 234
- Сервет Мигель, испанский врач и религиозный деятель 251
- Сиди Али (Кятиби Руми), османский адмирал 69, 70, 108, 148
- Сиди Али аль-Махджуб, тунисский марабут 158
- Сиди Арфа аш-Шабби, тунисский марабут 182, 184, 185, 187, 190
- Сиди Ахмед бен Махлуф аш-Шабби, тунисский марабут 158
- Сиди Махрез, св. покровитель г. Туниса 23, 232
- Синан-паша, османский полководец, бейлербей Египта, сераскир 124—128, 231—234, 236
- Синан-паша см. Юсуф Синан-паша
- Синан Реис, османский военачальник (в войсках Барбароссы) 174
- Синан Юсеф-паша, османский полководец 44, 45
- Сифро-ага, итальянский ренегат в Йемене 102
- Смирнов С.Р., отечественный историк 133
- Соколу см. Мехмед-паша Соколу
- Сполдинг Дж., современный английский историк 133, 136, 137, 152
- Стрыйковский, польский автор XVI в. 235
- Суареш Лопо, португальский адмирал 99, 105, 141

- Сулейман-паша аль-Хадим, бейлербей Египта, завоеватель Йемена 110, 111, 113, 145
- Сулейман I Великолепный, османский султан 26, 53, 54, 56, 57, 62–67, 70, 83, 86, 88, 104, 107–109, 115, 121, 148, 149, 167, 168, 171, 181, 193, 197, 203, 210, 216–218, 241, 243, 244, 246
- Сулейман-хан, сефевидский наместник в Джазире 61
- ас-Суюти, средневековый египетский историк 18
- Сципион Африканский, древнеримский полководец 178
- Тагрибирди, мамлюкский посол 11
- Тальби М., современный тунисский историк 157
- ат-Таулаки Али бен Сулейман, бедуинский шейх Южной Аравии 117, 118
- Тахмасп, сефевидский шах 62, 64
- Тимур (Тамерлан), среднеазиатский правитель 13, 14, 16, 17
- де Товара дон Франсиско, генерал-капитан Ла-Гулетты 182
- Тойнби Арнольд, английский историк 19
- де Торрес Г., испанский автор XVI в. 234
- Траймингам Дж., современный английский историк 133, 136
- Трапезунтис Георгий, греческий панегирист XV в. 30
- Туманбай, мамлюкский султан 43–46
- Тургут см. Доргут Реис
- Уайтвэй Р.С., американский историк 105, 106, 130
- Узун Хасан, правитель Ирана из династии Ак-Коюнлу 16, 62
- Улайян, предводитель шиитского восстания 1549 г. в Ираке 70
- Улайян-оглу, организатор шиитского восстания 1567 г. в Ираке 122
- Ульдж Али (Кылыч Али-паша), османский адмирал, бейлербей Западного Триполи, Алжира 108, 205, 207, 209, 211, 212, 219–224, 231, 233, 234
- Умар ад-Дин, султан Адала 140
- Умара II Абу Сакаикин, фунгский султан 151
- Умара Дункас, фунгский султан 134, 135, 137, 140, 141
- Успенский П., русский историк 142, 144
- Фархад-паша, бейлербей Йемена 118
- Фархад Шумай, глава османского посольства в Хадрамауте 113
- Фердинанд V, король Испании 7, 76, 79
- де Фигероа Лопе, испанский военачальник 225
- Фиалпп II, король Испании 213, 217–221, 223–226, 228, 235
- Фра Мауро, глава мамлюкского посольства 11
- аль-Хади, сын зейдитского имама 125
- Хаджадж, руководитель антиосманского восстания в Триполитании 207
- Хаджи Хусейн, османский гази, соратник Х.Барбароссы 83
- Хайдар, османский военачальник в Йемене 118
- Хайдар-паша, бейлербей Туниса 220, 225, 229–231
- Хайрадин Барбаросса см. Барбаросса Хайрадин
- Хайрадин Караман см. Караман
- Хайр-бек, наместник Халеба 38, 39
- Хайр-бек Сайф ад-Дин, мамлюкский полководец, король Египта 52, 54, 55
- Хаммер Й., австрийский историк 65, 103, 110, 112, 122, 123, 125, 175, 177, 178, 220, 224
- Хасан-ага, кахья Х. Барбароссы, бейлербей Алжира 85, 92, 94

- Хасан аль-Ваззан аз-Зайяти (Лев Африканский), автор XVI в. 19, 20, 77, 78, 157
- Хасан бен Али аль-Муайяди, зейдитский имам 128
- Хасан ибн Мури, бедуинский шейх 46
- Хасан-паша, бейлербей Йемена в 1567, 1569—1570 гг. 122, 123, 125
- Хасан-паша, бейлербей Йемена в 1580—1605 гг. 128
- Хасан Челеби, османский военачальник 191
- Хименес де Сиснерос, кардинал 7, 75
- Хисар Реис, османский военачальник 192, 193
- Холт П.М., современный английский историк 56, 136—138
- Хуан Австрийский, дон, испанский полководец 157, 219—221, 223—228, 230, 233, 235, 237
- Хуан, начальник испанской гвардии Хафсидов 189
- Хуан де ла Серда, дон, герцог Медина-Сели, вице-король Сицилии 206, 212—215
- Хусейн аль-Курди, мамлюкский адмирал 98—100
- Хусейн-бек ад-Дасини, глава езидской общины 66
- Хусейн Ходжа, тунисский историк XVII в. 162, 234
- аль-Хусри Сати, современный сирийский историк 244
- Хызыр Барбаросса см. Барбаросса Хайрадин
- Цукколо Лодовико, итальянский утопист XVI в. 24, 251
- Чиколини Л.С., отечественный историк 250
- Чихачев П.А., русский путешественник 178
- Чэйтавэй, английский исследователь Судана 133
- аш-Шаарани Абд аль-Ваххаб, египетский суфий XVI в. 20, 249
- аш-Шабби см. Сиди Ахмед бен Махлуф
- Шади-бек, мамлюкский эмир 46
- Шамс ад-Дин Али, зейдитский имам 101, 116, 117, 119, 120, 122, 126, 127
- Шах Кулу, предводитель антиосманского восстания в Анатолии 10
- Шахрух, среднеазиатский правитель, сын Тимура 14, 16, 17
- Шейбани-хан, узбекский правитель 10, 14
- Шериф М.Х., современный тунисский историк 162
- Шмидт А.Э., русский историк 250
- Шоу Ст., современный американский историк 87
- Эсин Эмель, современный турецкий историк 253
- Юсуф Синан, османский адмирал 203, 204, 206
- Якуб, отец братьев Барбаросса 73
- Яхья, альморавидский «халиф» XVI в. в Тунисе 183
- Яхья Шараф ад-Дин, зейдитский имам 99, 101, 104, 116, 119, 120, 122

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абу-Ариш, г. в Асире (Аравия) 119
Абьян, обл. в Южной Аравии 100, 117
Австрия 220
Агадир (Санта Крус де Агер), г. в Марокко 7
Агуз, г. в Марокко 7
Адал, султанат 140, 141, 143, 144, 150, 151
Аден, г. в Южной Аравии 8, 9, 97, 99, 100, 105, 107, 108, 110, 111, 113, 115, 117, 118, 123, 125, 146, 148
Аденский залив 140, 141, 145, 150
Адриатическое море (Адриатика), 181
Аземмур, г. в Марокко 7
Азербайджан 10, 70
Айас, крепость в Киликии 8
Айнтаб, г. в Сирии 39
Айн-Темушент, населенный пункт в Алжире 81
Аксум, г. в Эфиопии 144
Албания 217
Александрия 45, 109, 154, 194
Алжир, г. 7, 75, 78–82, 84, 86, 92–94, 159, 162, 177, 188, 199, 202
Алжир, страна 7, 8, 27, 72–76, 78, 80–83, 86–92, 94–96, 165, 171, 175, 191, 196, 201, 206, 207, 209, 211, 215–217, 219–221, 223, 224, 230, 240, 246, 254
Альбистан (Каппадокия), обл. в Малой Азии 31, 32, 36, 37
Альмерия, г. и обл. в Испании 219
Амадия, курдское княжество 60
Амасия, г. в Малой Азии 71, 122
Амид (Кара-Амид, впоследствии Диярбакыр), г. в Джазире 60–62
Амхара, ист. обл. в Эфиопии 144
Ана, г. в Ираке 60, 61
Анаса, г. в Эфиопии 146, 147
Анатолия см. также Надолия 10, 53, 114, 181, 242, 250
Англия 198
Аннаба (Бон), г. в Алжире 73, 84, 158, 170, 177–180, 187, 222, 231
Анфа (Касабланка), г. в Марокко 7
Апеннинский полуостров 191
Аравийское море 91, 99, 103, 104, 149
Аравия 9, 49, 62, 104, 105, 111, 118, 148, 153, 240
Аравия Восточная 59, 62, 63, 66, 68, 71
Аравия Южная 4, 97–101, 103–105, 109, 112–115, 120, 129, 144
Арагон, обл. в Испании 90, 198
Арбаджи, место сражения в Судане 137
Ардалан, курдское княжество 60
Аркико, г. в Эритрее, санджак 150, 155
Арку, о-в на Ниле 152
Армения 70
Арсилла, г. в Марокко 7
Асир, обл. в Аравии 98
Ассирия см. также Джазира 60
Астрахань 220

- Асуан, г. в Египте 149
 Атра, крепость в Йемене 120
 Атлантический океан 95
 Аугсбург, г. в Германии 189
 Африка 49, 115, 129, 130, 138, 141, 142, 145, 146, 149, 150, 153, 155, 168, 178, 191, 195, 206, 210, 220, 225, 235, 238
 Африка Восточная 8, 9, 115, 129, 132, 255
 Африка Северная 7, 11, 72, 84, 86, 91, 98, 156, 159, 161, 164, 168, 178, 179, 194, 199, 202, 209, 215, 216, 220, 223—225, 235, 236
 Африканский Рог 104, 140, 149
 Аффар, крепость в Йемене 127
 Баальбек, г. в Сирии 52
 Баб-эль-Мандебский пролив 105, 143, 147, 149
 Багдад 10, 11, 40, 59, 62—67
 Бадис (Велес), г. в Марокко 7
 Байюда, обл. в Судане 135
 Балеарские о-ва 80, 94, 95
 Балканы 22, 36, 235
 Барка см. Киренаика
 Барселона 174
 Басра, г. в Ираке 8, 62, 63, 66—71, 147
 Бассейн, г. в Индии 109
 Батн-эль-Гарн, место сражения в Тунисе 185
 Бахрейн 9, 62, 67, 70
 Беджа, г. в Тунисе 170, 183, 222
 Беджайя (Бужа) 4, 7, 73—75, 77, 81, 87, 94, 95, 158—161, 164, 216
 Бейда, г. в Южной Аравии 98, 104, 116, 119
 Бейрут 41, 53
 Бейсан, г. в Палестине 44
 Бекаа, долина в Сирии 52
 Бенгази, г. в Ливии 194, 196, 200
 Бени-Улид, г. в Ливии 207
 Берберга, г. в Сомали 105, 141
 Берберистан см. также Нубия Нижняя 131
 Бехнесавия, пров. в Египте 55
 Бизерта 168, 178—180, 183, 210, 226, 231
 Биляд аль-Джерид см. Джерид 170, 171
 Бильбейс, г. в Египте 44
 Бискра, г. в Алжире 231
 Битлис, г. в Малой Азии 60, 64
 Блида, г. в Алжире 80
 Бомбей 9
 Бон см. Аннаба
 Бордж-эль-Кебир, крепость в Тунисе 212, 214
 Борну, обл. в Центральной Сахаре 207
 Босфор, прол. 88, 95, 231
 Браву, г. в Сомали 141
 Бужа см. Беджайя
 Бур, г. в Южной Аравии 117
 Бухейра, пров. в Египте 46
 Вавилония см. также Ирак Арабский 60
 Валенсия, г. и обл. в Испании 90
 Ван, оз. 64
 Венгрия 22, 35, 64, 186, 255
 Венеция 8, 11, 32, 73, 209, 218, 220, 221, 223, 224, 241, 252, 253
 Византия 248
 Волга 256
 Волго-Донской канал (проект) 108
 Высокий Телль, горный хребет 238
 Габес, г. в Тунисе 193
 Газа, г. в Палестине 41
 Гарбия, пров. в Египте 55
 Гарьян, г. в Ливии 195, 197, 202, 205, 207
 Гафса, г. в Тунисе 193, 201
 Гезира, обл. в Судане 133—135, 137, 151
 Генуэзский залив 215
 Генуя 252
 Германия 6, 64, 92, 198, 206, 255
 Гоа, г. в Индии 107, 118, 119
 Голета ла Нуэва, крепость в Тунисе 217

- Голландия см. также Нидерланды 154
 Гоццо, о-в в Средиземном море 191, 198, 203
 Гренада, г. и обл. в Испании 4, 7, 11, 32, 75, 90, 218, 219
 Греция 91, 217
 Грузия 11
 Гуджарат, обл. в Индии 11, 109, 110
- Дабикское поле см. Мердж-Дабик 23, 27, 38, 41, 44, 61, 99
 Далмация, обл. на Балканах 255
 Дамар, г. в Южной Аравии 117, 125
 Дамаск 11, 39, 41—44, 51, 53, 247, 255
 Дарфур, обл. в Судане 133
 Дауаро, обл. в Эфиопии 144
 Дахра, горная обл. в Алжире 80
 Деллис, г. в Алжире 7, 93
 Дерна, г. в Ливии 194, 200
 Джазира см. также Месопотамия Верхняя, Ассирия 60, 61
 Джазират ибн Умр, курдское княжество 60
 Джебель (Горный Йемен) 98, 101, 116, 117, 119—121, 127
 Джебель-Амур, горная область в Алжире 75
 Джебель-Ахмар, высоты в Египте 45
 Джебель-Мойя, местность в Судане 135
 Джебель-Наблус, горный район в Палестине 53
 Джебель-Нефуса, горная область в Ливии 197, 199, 205, 207
 Джебель-ар-Равиан, местность в Судане 135
 Джебель-Ресас, горная местность в Тунисе 177, 225
 Джебель-Хараз, горный район в Йемене 98
 Джеммаль, населенный пункт в Тунисе 185, 188
 Джерба, о-в в Средиземном море 7, 73, 74, 84, 158—162, 164, 181, 187, 192, 193, 196, 202, 204, 206, 207, 209—215, 231
- Джерид (Бияд аль-Джерид), обл. в Тунисе 158, 180, 210, 238
 Джибути, город и государство 150
 Джидда, г. в Хиджазе (Аравия) 8, 9, 50, 51, 99, 100, 102, 106, 110, 111, 142, 148, 151, 154
 Джиджелли см. Жижель
 Джизан, г. в Асире (Аравия) 98, 99, 111, 117, 119, 128
 Диу, г. в Индии 9, 33, 106, 109—111
 Диярбакыр см. Амид
 Диярбакыр, османский эйалет 66
 Доброй Надежды, мыс 8
 Дон 256
 Донгола, г. в Судане 152
 Донгола Старая, г. в Судане 130, 136, 143
 Дофар, обл. в Южной Аравии 9, 98, 103, 105, 113
 Дуккала, обл. в Марокко 7
 Дунай 256
 Дыбароа, г. в Эфиопии 146, 150, 154
 Дэбра-Дамо, монастырь в Эфиопии 144
- Европа 15, 23—25, 32, 33, 109, 154, 167, 173, 189, 206, 212, 213, 218, 220, 235, 241, 246, 251, 257
 Европа Западная 17, 22, 81, 153, 176, 215, 218, 239, 240, 246, 253, 255
 Евфрат, р. 4, 10, 60, 67, 70, 251, 256
 Египет 4, 5, 8—11, 13, 15, 16, 18, 20, 22, 24, 26, 27, 30—32, 34—40, 43, 44, 47—50, 52, 54—58, 64, 69, 89, 99, 100, 102, 109, 110, 112, 121, 124, 139, 141—143, 149—151, 153, 194, 207, 216, 217, 239, 240, 247, 248, 255
 Египет Верхний см. также Саид 45—47
 Египет Нижний 45—47
 Египет Средний 45, 46
 Енидже Вардар, г. в Македонии 73
- Жижель (Джиджели), г. в Алжире 77, 84

- Заб, обл. в Алжире 75
 Забид, г. в Йемене 97, 99, 100, 102, 111, 117, 118, 121—123, 148
 Завия, г. в Ливии 195, 199
 Загрос, горный хребет 64
 Загуан, местность в Тунисе 178
 Закавказье 70
 Занзибар, о-в в Индийском океане 8
 Занзур, населенный пункт в Ливии 195, 199, 203
 Зауила, населенный пункт в Ливии 194
 Зейла, г. в Сомали 105, 115, 140—142, 145, 149, 150
 Зуага (Старый Триполи), населенный пункт в Ливии 199
 Зуара, населенный пункт в Ливии 204—206
 Энтера, место сражения в Эфиопии 147
- Ибб, г. в Йемене 128
 Иберийский п-ов 7, 88, 219
 Ибрим, г. в Судане 149, 150, 153
 Иерусалим 42
 Индийский океан 9, 69, 105, 108—110, 129, 147, 148, 154, 155
 Индия 8, 9, 70, 98, 100, 102, 106, 109—111, 115, 118, 129, 145—147, 255
 Индостан, п-ов 109
 Ирак 4, 5, 10, 18, 59—68, 70, 71, 122, 240, 254
 Ирак Арабский см. также Месопотамия Нижняя
 Иран 10, 17, 33, 35, 59, 62, 65, 70, 114, 235, 240
 Искендерун, залив 8
 Испания 6, 7, 11, 25, 33, 72, 75, 79—85, 88, 90—92, 95, 153, 156, 159, 167, 168, 173, 179, 189, 195, 198, 206, 211, 213, 215, 218—220, 223, 224, 227, 228, 230, 233, 235, 236, 240, 252
 Италия 6, 33, 76, 92, 188, 189, 191, 195, 198, 199, 209, 211, 214, 226, 228, 231, 235, 237, 252
- Ифрикийя 5, 157, 164
 Йемен 4, 5, 11, 97—103, 111, 112, 114—125, 127—129, 145—147, 149, 153, 220, 231, 240, 255
 Йемен Горный 123
- Кабилия, обл. в Алжире 78, 85, 164, 166, 222
 Кабилия Большая 74, 84
 Кабилия Малая 74, 77
 Кавказ 32
 Казань 220
 Каир 4, 8, 9, 11, 15, 20, 23, 25, 29—33, 35—37, 40, 43—46, 50, 51, 54, 56, 57, 99, 102, 109, 120, 125, 141, 143, 159, 240, 247
 Кайдун, г. в Южной Аравии 116
 Кайруан, г. в Тунисе 158, 170, 172, 173, 183, 185—187, 192, 193, 210—214, 230, 231, 238
 Калаа Бени Рашид, крепость в Алжире 81
 Калабрия, обл. в Италии 173, 211, 252
 Каликут, г. в Индии 8, 11, 109
 Кальхат, г. в Омане (Аравия) 9, 62
 Камаран, о-в в Красном море 9, 98, 101, 105, 110
 Камбей, г. в Индии 11, 110, 153
 Караман, обл. в Малой Азии 31
 Картахена, г. в Испании 94
 Карфаген, г. в Тунисе 157, 174, 179, 231, 232
 Каср-Махмуд, замок в Судане 143
 Кастелламаре, г. в Италии 190
 Кастилия, обл. в Испании 90, 198
 Каукабан, крепость в Йемене 126, 127
 Келибия, г. в Тунисе 180, 187
 Кербела, г. в Ираке 59, 66
 Керкенна, о-ва в Средиземном море 162, 214
 Керкеннский пролив 214
 Керри, г. в Судане 135, 136, 139, 152
 Килва, г. в Восточной Африке 8
 Киликия (Малая Армения) 4, 31, 32, 109

- Кипр, о-в в Средиземном море 220, 222, 223
- Киренаика (Барка), ист. обл. в Северной Африке 4, 194, 196, 207
- Кирьят, г. в Омане (Аравия) 9
- Киши, г. в Южной Аравии 105, 118, 119
- Колло, г. в Алжире 84
- Конья, г. в Малой Азии 31
- Константина, г. в Алжире 4, 74, 84, 85, 158, 160, 166, 182, 221, 222, 231
- Константинополь см. также Стамбул 6, 23, 29, 30, 243
- Кордова, г. в Испании 81
- Коромандельский берег, обл. в Индии 115
- Корсика, о-в 186, 215, 252
- Коч-Хисар, населенный пункт в Джазире 61
- Красное море 9, 50, 69, 99, 101, 104, 108, 115, 131, 141, 145, 147, 149, 150, 153
- Красноморские холмы, горная область в Судане 132
- Крым 32
- Ксур эс-Саф, населенный пункт в Тунисе 158
- Кубань, р. 256
- Кувейт, г. в Восточной Аравии 68
- Курдистан 60
- Курна, г. в Ираке 70
- Кусейр, г. в Египте 146
- Кырли-Или см. Лепанто
- Ла-Гулетта (Хальк эль-Уэд), г. в Тунисе 73, 74, 169, 174, 175, 178, 179, 182, 188, 191–193, 209, 215, 217, 221, 222, 225, 227, 228, 232–235
- Ла-Марса, населенный пункт в Тунисе 184
- Лахдж, г. в Южной Аравии 100, 117
- Левант 8, 199, 231
- Леон, обл. в Испании 184, 198
- Лепанто (Кырли-Или), место сражения, османский санджак 193, 203, 223–225, 234, 236
- Лесбос (Митилена), о-в в Эгейском море 73, 85
- Ливан 41
- Ливия 192, 194, 196, 197, 199–201, 207
- Лиссабон 129
- Лурестан, ист. обл. в Иране 67
- Мадина, повстанческий центр в Ираке 70
- Магриб 18, 19, 22, 72–74, 77, 78, 84, 86, 90, 159, 161, 173, 177, 189, 194, 202, 209, 210, 230
- Магриб Средний см. также Алжир 4, 75, 82, 83
- Мадрид 215, 219, 233, 235
- Мазаган, г. в Марокко 7
- Мазагран, г. в Алжире 95, 219
- Македония 73
- Малабарский берег, обл. в Индии 109
- Малакка, г. в Малайе 106, 153
- Малая Азия 44
- Мальта, о-в в Средиземном море 33, 156, 167, 191, 192, 198, 203, 204, 206, 209, 216
- Мараш, г. в Малой Азии 168
- Мардин, г. в Джазире 60–62
- Марет, населенный пункт в Тунисе 215
- Марокко 4, 6, 7, 95, 168, 231, 240
- Марракеш, г. в Марокко 7
- Маскат, г. в Омане 9, 62, 69, 70, 155
- Массауа, г. в Эритрее 105, 139, 142, 145–147, 149, 150, 154
- Мастаба, место сражения в Сирии 53
- Матарийя, населенный пункт в Египте 45
- Матифу, мыс на побережье Алжира 93
- Махдия (Африка), г. в Тунисе 162, 170, 179–181, 184, 189, 191–193, 203, 210, 215

- Махра, обл. в Южной Аравии 98, 103, 105, 106, 117—119
- Медеа, г. в Алжире 74, 80
- Меджерда, р. в Тунисе 170, 222
- Медина, г. на о-ве Мальта 198
- Медина, г. в Хиджазе (Аравия) 14, 16, 32, 40
- Мекка, г. в Хиджазе (Аравия) 9—11, 14, 17, 25, 32, 40, 50, 51, 111, 143, 214, 247
- Мексика 93
- Мелилья, г. в Марокко 7
- Ментеше, обл. в Малой Азии 181
- Мерв, г. в Средней Азии 11
- Мердж-Дабик (Дабикское поле), место сражения в Сирии, см. Дабикское поле
- Мерс-эль Кебир, г. в Алжире 7, 75
- Месопотамия 62, 65
- Месопотамия Верхняя см. также Джазира 60—62, 255
- Месопотамия Нижняя см. также Ирак Арабский 60
- Мессина, г. в Италии 198
- Мессинский пролив 168
- Милан 32, 227
- Милиана, г. в Алжире 74, 80
- Мисурата (Мисрата), г. в Ливии 195, 196, 200, 205
- Митиджа, равнина в Алжире 75, 79, 90
- Митилена см. Лесбос
- Могадшо, г. в Сомали 141, 142
- Моза, г. в Йемене 123
- аль-Мокаттам, гора близ Каира 45
- Момбаса, г. в Восточной Африке 155
- Монако, княжество 206
- Монастир, г. в Тунисе 170, 180, 185—187, 192, 193, 210
- Москва 25
- Мостаганем, г. в Алжире 7, 75, 87, 95, 219
- Мосул, г. в Джазире 61, 66
- Моха, г. в Йемене 27, 99, 111, 123—125
- Мусандам, мыс в Ормузском проливе 68, 69
- Набёль, г. в Тунисе 229
- Надолия (см. Анатолия) 181
- Неаполитанское королевство 76, 168, 186, 192, 206
- Неаполь 32, 173, 188, 189, 202, 210, 225, 226, 233, 237
- Неджд, обл. в Аравии 67, 68
- Неджеф, г. в Ираке 59, 66
- Неджран, обл. в Аравии 98, 128
- Нидерланды см. также Голландия 218, 235
- Нил, р. 9, 44, 49, 55, 58, 109, 130—133, 136, 149, 152
- Нил Белый 130, 132—135, 139, 143
- Нил Голубой 130, 132, 133—135, 139
- Нубийская пустыня 132, 149
- Нубия 4, 132, 138
- Нубия Верхняя 135, 151
- Нубия Нижняя (Берберистан) 131, 149, 150, 152
- Нубия Северная 130
- Нубия Южная (древнее Мероэ) см. также Фунгистан 130, 132, 134, 135, 139, 143, 151, 153, 154
- Овернь, ист. обл. во Франции 198
- Оман, обл. в Южной Аравии 9, 62, 63, 68, 69, 98
- Оран, г. в Алжире 7, 75, 80, 81, 87, 95
- Орес, горный массив в Алжире 182
- Ормуз, г. 8, 9, 62, 63, 69, 106, 118
- Ормузский пролив 68, 69
- Отранто, г. в Италии 32, 173
- Падуя, г. в Италии 232
- Палермо, г. в Италии 195, 202, 228, 237
- Палестина 4, 27, 35, 41, 44
- Папская область 192, 206
- Париж 20
- Парма, г. в Италии 184
- Пегу, г. в Бирме 153
- Пеньон д'Архель, крепость в Алжире 7, 79, 80, 86, 87, 90
- Пеньон де Велес, крепость в Марокко 7

- Персидский залив 9, 62, 63, 67—70, 122
- Персия см. также Иран 9, 18
- Польша см. также Речь Посполита 255
- Порто-Фарина, г. в Тунисе 73, 226, 231
- Португалия 6—9, 11, 59, 67, 68, 70, 104—110, 112, 129, 140, 145, 147, 148, 153, 155, 198, 235, 240
- Превеза, место сражения 91, 181, 186, 201
- Прованс, обл. во Франции 6, 198
- Радес, населенный пункт в Тунисе 184
- Рейн, р. 25
- Речь Посполита 24
- Риданийя, место сражения в Египте 44, 45
- Рим 30, 168, 189
- Рио-Саладо, р. в Алжире 81
- Родос, о-в в Средиземном море 8, 53, 197, 203
- Россия 22
- Руб-эль-Хали, пустыня в Аравии 103
- Рум (Турция) 18, 31, 37
- Румелия, обл. в Юго-Восточной Европе 121, 149
- Русь (Московская) 26, 255
- Саада, г. в Йемене 101, 119, 127, 128
- Саид см. также Египет Верхний 56, 239
- Сай, г. в Судане 149
- Сайда, г. в Сирии 41
- Сакейн, крепость в Йемене 120
- Самарра, г. в Ираке 59
- Сана, г. в Йемене 97, 100, 101, 117, 118, 121—123, 125, 126
- Сант-Яго, замок в Тунисе 227, 234
- Сардиния, о-в в Средиземном море 85, 191, 222, 252
- Сафед, г. в Палестине 41
- Сафи, г. в Марокко 7
- Сахара 95, 159, 171, 182
- Сахара Западная 95
- Сахара Северная 85, 95
- Сахель, обл. в Тунисе 158, 162, 164, 180—182, 184, 186, 187, 190, 192, 207, 210, 211
- Себха, г. в Ливии 194
- Себха Мутта 68
- Сейхут, г. в Южной Аравии 103, 105
- Сейюн, г. в Южной Аравии 123
- Сеннар, г. в Судане 134, 135, 140, 152
- Сент-Эльм, форт на о-ве Мальта 216
- Сеута, г. в Марокко 6
- Сиди-Абд-эль-Ваххаб, место сражения в Тунисе 222
- Сиди-Али-эль-Хаттаб, место сражения в Тунисе 222
- Сиди-Бель-Аббес, г. в Алжире 80
- Сиди-Муса, завия в Алжире 81
- Синай, Синайский полуостров 44, 146
- Сирия 4, 5, 7, 11, 20, 25—27, 35, 37, 41, 42, 51—53, 59, 60, 62, 217, 240, 254
- Сирт, залив в Средиземном море 191, 203, 204, 238
- Сиртика, обл. в Северной Африке 207
- Сицилия, о-в в Средиземном море 173, 186, 191, 192, 195, 202, 206, 212, 237, 239, 252
- Соба, средневековый город в Судане 131, 135, 137—139
- Сокотра, о-в в Индийском океане 9
- Сомали 4, 141
- Средиземное море (Средиземноморье) 7, 8, 24, 32, 33, 72, 73, 76, 156, 167, 177, 181, 190, 199, 212, 214, 216, 217, 222—224, 235
- Сталинград 216
- Стамбул (Константинополь) 25, 30—34, 36, 40, 54—56, 58, 60, 63, 64, 67, 69, 70, 72, 73, 77, 83, 87—89, 94, 104, 109, 111, 147, 167, 168, 172, 192, 196, 197, 204, 206, 210, 215, 223, 235—237, 240, 245—247
- Суакин, г. в Судане 9, 105, 131, 132, 138, 141, 142, 145, 147, 149, 150, 152—154

- Судан 4, 129–133, 135, 137–139, 141–143, 149, 150, 152, 153, 155
- Суля, замок в Йемене 125, 127
- Сус, г. в Тунисе 157, 170, 180, 186, 187, 192, 193, 210, 211, 213
- Сухар, г. в Омане 9, 62
- Суэц, г. в Египте 8, 68–70, 109, 111, 145, 146, 149
- Суэцкий канал (проект) 108
- Суэцкий перешеек 8, 110
- Сфакс, г. в Тунисе 170, 180, 186, 187, 210, 211, 213, 214
- Тавр Армянский (или Восточный), горный хребет 60
- Таджура, г. в Ливии 195–197, 199, 201, 202, 204, 206, 207
- Таизз, г. в Йемене 97, 99, 101, 111, 117, 121, 124, 125
- Тана, оз. в Эфиопии 147
- Танжер, г. в Марокко 6, 7
- Таорга, населенный пункт в Ливии 207
- Тарим, г. в Южной Аравии 98, 103, 117
- Тахо, река в Испании 6
- Тебриз, г. в Иране 10, 35, 64, 70
- Тенес, г. в Алжире 7, 74, 75, 80, 84
- Тигр, р. 60, 256
- Тигре, обл. в Эфиопии 132, 140, 144, 150, 154
- Тикрит, г. в Ираке 60, 66
- Тирренское море 168, 215
- Титтери, обл. в Алжире 80
- Тихама, обл. в Йемене 99, 101, 102, 121, 123
- Тлемсен, г. в Алжире 4, 7, 74, 80–82, 95, 164, 231
- Тозёр (Таузар), г. в Тунисе 193
- Трабзон (Трапезунд), г. в Малой Азии 8, 153
- Триполи, г. в Магрибе 4, 7, 156, 159–161, 191, 194–207, 209, 211, 212, 214, 216, 221, 224, 230
- Триполи, г. в Сирии 41, 42, 53, 247
- Триполитания, обл. в Северной Африке 159, 167, 194–197, 199–201, 203–206, 213, 231, 240
- Туат, обл. в Сахаре 95
- Туггурт, г. в Сахаре 85, 95, 159
- Тунис, г. 159, 162, 167, 169–171, 173, 175–178, 180, 182–186, 190, 193, 200, 215, 222, 225, 227–234, 236, 238
- Тунис, страна 4, 7, 11, 23, 27, 32, 72–74, 78, 81, 83, 156, 157, 160, 161, 164–174, 178–181, 183, 184, 186–193, 199, 202, 203, 205–211, 213, 215, 217, 221, 222, 224–228, 230, 231, 233–238, 240
- Турин, г. в Италии 232
- Турция 25, 33, 60, 140, 256
- Уаддан, г. в Ливии 194
- Уаргла, г. в Северной Сахаре 85, 95
- Уардан, населенный пункт в Египте 46
- Украина 24, 25
- Умм-эль-Лиль, населенный пункт в Алжире 164
- Урфа, г. в Джазире 62
- Уэд-Габес, р. в Тунисе 193
- Уэд-Джер, место сражения в Алжире 80
- Уэд-эль-Кебир (Уэд-Суммам), р. в Алжире 74
- Уэд-эль-Харраш, р. в Алжире 80, 94
- Файюм, провинция в Египте 55
- Феззан, обл. в Северной Африке 194, 207
- Фес, г. в Марокко 7, 11, 95, 231
- Фландрия, обл. в Западной Европе 25, 218, 220
- Флоренция, г. 192, 206
- Франция 25, 32, 153, 181, 198, 235
- Фунгистан см. также Нубия Южная
- Хабаш, крепость в Йемене 120
- Хабеш (Абиссиния), османский эйалет 4, 149–151, 154

Хадариб, обл. в Судане 131, 132
Хадджа, г. в Йемене 127
Хадрамаут, ист. обл. в Южной Аравии 97, 98, 101, 103—107, 111—120, 123, 124, 131, 240
Хайнин, г. в Южной Аравии 103, 117
Халеб (Алеппо), г. в Сирии 8, 11, 35, 37—40, 42, 53, 88, 99, 153, 247
Хама, г. в Сирии 41, 53
Хамадан, г. в Иране 64
Хаммамет, г. в Тунисе 186, 187, 211, 229
Ханник, место сражения в Судане 152
Ханфар, крепость в Йемене 120
Хартум, г. в Судане 134, 136
Харэр, г. в Эфиопии 140, 141, 150
Хаулан, крепость в Йемене 120, 126
Хауран, географ. обл. в Сирии 52
Хауса, обл. в Марокко 7
Хербет-эль-Клах, место сражения в Тунисе 175, 188
Хиджаз, обл. в Аравии 4, 9, 43, 50, 51, 151
Хисн Ди-Мармар, замок в Йемене 127
Ходна, обл. в Алжире 75, 85
Хомс, г. в Сирии 41
Хорватия 255
Хорфакан, г. в Омане 9
Хузестан, обл. в Иране 67
Хумт-Сук, г. в Тунисе 212
Хунейн, г. в Алжире 91
Хутайш, место сражения в Йемене 125

Цейлон 106

Чалдыранское поле, место сражения 35, 60
Чаул, г. в Индии 9
Черкесия 32
Черное море 233

Шабва, г. в Южной Аравии 103, 117, 119
Шаркия, пров. в Египте 46, 55, 56
Шатт-эль-Араб, р. 63
Шахризор, османский эйалет 66
Шелифф, р. в Алжире 74, 80
Шершель, г. в Алжире 7, 73, 75, 79, 84, 91, 93
Шибам, г. в Южной Аравии 103, 117, 119, 126
Шибам, крепость в Йемене 104
Шикли, о-в в тунисской лагуне 227
Шоа, обл. в Эфиопии 144

Эдирне (Адрианополь), г. в Турции 247
Эль-Авалик, обл. в Южной Аравии 103
Эль-Гарб, обл. в Марокко 7
Эль-Голеа, обл. в Сахаре 95
Эль-Кантара, населенный пункт в Тунисе 213, 215
Эль-Катиф, г. в Восточной Аравии 9, 62, 67—69, 71
Эль-Ксар эс-Сегир, г. в Марокко 6
Эль-Лухайя, г. в Южной Аравии 98, 99
Эль-Мая, населенный пункт в Ливии 199, 203
Эль-Хаса, обл. в Аравии 9, 67, 68
Эрбиль, г. в Джазире 66
Эрзурум, г. в Малой Азии 64
Эритрея 4, 150
Эт-Тин, г. в Египте 8
Эт-Тур, г. в Египте 146
Эфиопия 9, 10, 129, 130, 132, 138—141, 143, 144, 146—151, 153, 154
Эфиопское нагорье 150
Эш-Шихр, г. в Южной Аравии 98, 103—105, 107, 111, 113, 118

Янбо, г. в Хиджазе (Аравия) 125
Яфи, обл. в Южной Аравии 114

THE OSMAN CONQUEST OF ARABIC COUNTRIES. 1516—1574

by IVANOV NICOLAY ALEKSEYEVITCH

The book by the outstanding Russian historian of Oriental countries IVANOV N.A. is a monumental research work of one of the most important and interesting periods in Turkish history when the mighty Osman empire was being created. That period laid grounds for a whole historical epoch in the life of the peoples on three continents.

The monograph studies such questions as the political history of the Arabic countries during Renaissance, internal and external prerequisites for the creation of the Osman empire, the extension of the Turkish influence in the Arabic world and the role of the Osman empire as a leader of the Arab peoples in their fight against foreign enslavement. On the basis of the wide data material he tells about the fall of the Mameluke empire and post-Al Mohad states in the North of Africa, their step-by-step joining the Osman empire.

The book considers in detail the process of the empire formation and it stresses that it was not a conquest in its traditional meaning. Rather, it was a change of power connected with the Arab peoples' aspirations for a social renewal when they considered the Osman empire as guarantor of their liberation. The author explains this cause of events by ill-famous myth of the "peasants' truth" which opened the door first to military, then to political, social and cultural conquest of the Arab peoples. The monograph encompasses everything: precise historical landscape of the epoch, inevitable and too often dramatic cause of political changes, wars, revolts and coup-d'etats; brilliant and psychologically correct profiles of statesmen; thorough analysis of the Mediterranean corsair phenomenon with the behaviour of all its participants; roots-deep social processes and political, moral and psychologi-

cal dramas that reflected them. Much more could be said about this book, for it is an epitome of Mr. Ivanov's mastery as a historian.

The book contains a rich bibliographical part including Russian, Arabic, English, French, Italian and other sources. It's no exaggeration to state that this is a unique historical research work reputed for depth and courage of scientific analysis and evaluation of that epoch events. Thanks to a beautiful literary language the book is read as a historical thriller remaining at the same time a strictly scientific research.

Since its first print in 1984, the book by Ivanov N.A. has long become a rarity which is not available for reading public. Its second edition, no doubt, will join the list of best sellers in scientific literature.

In 1988 the book was translated into the Arabic language and published in Beirut. A French version is also available but has not yet been published.

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе.....	3
Предисловие.....	4
Экспансия западноевропейских держав	6
Утрата гегемонии в мусульманском мире.....	13
Моральный распад общества	18
Османофильство.....	22
Истоки османо-мамлюкского конфликта.....	29
Поход Селима I. Присоединение Сирии и Палестины	35
Переход Египта под сюзеренитет Османов. Хиджаз.....	43
Упразднение автономии Сирии и Египта.....	52
Включение Ирака и Восточной Аравии в состав Османской империи.....	59
Установление османской власти в Алжире	72
Завоевание Йемена. Хадрамаут	97
Присоединение Судана и Красноморского побережья Африки	129
Испания и османские гази в Тунисе	156
Освобождение Ливии из-под власти Мальтийского ордена.....	194
Взятие Туниса турками (1574 г.).....	208
Заключение	239
Хронология османских завоеваний.....	259
Библиография.....	261
Указатель имен	267
Указатель географических названий.....	277
Summary.....	286

Научное издание

Иванов Николай Алексеевич

ОСМАНСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ АРАБСКИХ СТРАН
1516–1574

2-е издание, дополненное

Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН

Редактор *М.Д.Панасьянц*. Художник *Э.Л.Эрман*. Технический редактор *О.В.Волкова*
Корректор *М.К.Киселева*. Компьютерная верстка *Е.А.Пронина*

ЛР № 020297 от 23.06.97. Подписано к печати 11.03.2001. Формат 60×90^{1/16}

Печать офсетная. Усл. п. л. 18,0. Усл. кр.-отт. 18,0. Уч.-изд. л. 17,7.

Тираж 800 экз. Изд. № 7947. Зак. 44

Издательская фирма «Восточная литература» РАН
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ООО «Пандора-1» 107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В XVI—XVII вв.

- Территория Османской империи к 1481 г.
- Завоевания при Баязиде II (1481–1512) и Селиме I (1512–1520)
- Завоевания при Сулеймане Кануни (1520–1566)
- Завоевания с 1566 по 1683 г.
- 1559 Места и даты важнейших битв

